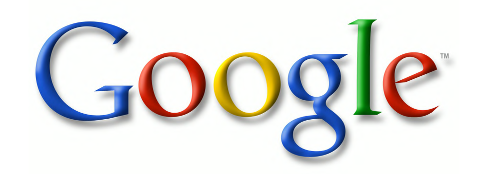

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

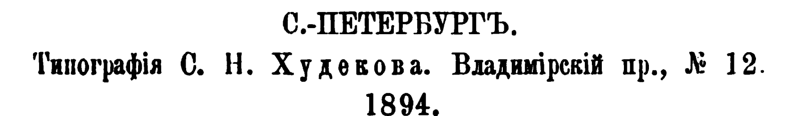
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III и IV

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Олекминскіе скопцы.

Историко-бытовой очеркъ.

(Окончаніе).

II.

Скопческое селеніе производитъ на человѣка «міра» черезвычайно своеобразное и тяжелое впечатлѣніе. Многіе видятъ въ скопчествѣ крайнее развитіе монашеской идеи. Логически это пожалуй вѣрно; но скопческое селеніе не только своимъ внѣшнимъ видомъ не походитъ на монастырь, въ которомъ жизнь, за каменной оградой и подъ мрачными сводами, должна быть сосредоточена исключительно на спасеніи души—оно разнится отъ него также своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Взглядъ на монашество, въ смыслѣ его соціальной полезности, можетъ быть отрицательный, [1]) но оцѣнка лицъ искренно и безкорыстно монашествующихъ не можетъ отъ этого пострадать; можно только пожалѣть потерю ихъ для себя и для общества. Монахъ человѣкъ нормальный и на извѣстной ступени общественнаго развитія онъ олицетворяетъ собой побѣду духа въ борьбѣ съ грубо матерьяльными стремленіями человѣческой природы. Онъ не лишенъ страстей и желаній, но долженъ находиться въ постоянной борьбѣ съ ними, чтобы потребности духа, такъ или иначе понятыя, мнимыя или истинныя, не были снесены ихъ бурей. Хотя и про-

---

[1]) Конечно можетъ быть отрицательный, но едвали справедливый: ни одинъ разумный историкъ не станетъ же отрицать великихъ заслугъ монашества на Востокѣ и Западѣ въ области просвѣщенія и гражданственности, но тотъ же историкъ не будетъ конечно скрывать и дурнаго вліянія, какое оказывало монашество при крайнемъ своемъ развитіи благодаря внѣшнему покровительству и богатствамъ монастырей *Ред.*

явленія человѣческаго духа возможны только на почвѣ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, которыя, правда, можно довести до извѣстнаго минимума, тѣмъ не менѣе, кажущаяся нерѣдко абсолютной, побѣда духа въ человѣкѣ надъ плотью не лишена своего рода величія. Подобные моменты скопецъ переживаетъ только разъ въ своей жизни—въ минуту, предшествующую оскопленію, но это можно сказать только относительно очень немногихъ скопцовъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ приносится въ жертву богинѣ Цибеллѣ [1]) изувѣрными родителями или опекунами въ дѣтскомъ возрастѣ. слѣдовательно безъ всякой внутренней борьбы въ самихъ жертвахъ, и неменьшая часть взрослыхъ скопитъ себя по глубокому невѣжеству—безъ яснаго понятія о великихъ послѣдствіяхъ и важнаго значенія оскопленія, какъ для себя, такъ и для общества; наконецъ есть выродки, давшіе себя оскопить изъ-за матеріальныхъ интересовъ.

Скопческое селеніе въ Якутской области обыкновенно состоитъ изъ одной длинной улицы, образуемой проѣзжей дорогой. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. въ Спасскомъ селеніи, еще имѣется и боковая улица паралельная первой. Въ этомъ самомъ большомъ селеніи въ Олекминскомъ округѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ фасадъ улицы образуется непрерывной цѣпью плетней и заборовъ, за которыми тянутся огородныя гряды, парники съ посаженной то тамъ, то сямъ березкой или рябиной. Калитки въ эти огороды постоянно заперты изнутри. За огородами высятся дома съ отдѣльными дворами и запертыми воротами. Большая часть скопческихъ домовъ принадлежитъ къ лучшимъ постройкамъ въ округѣ. Въ то время какъ въ городѣ масса живетъ въ жалкихъ срубахъ изъ тонкаго лѣса, плохой постройки, почти безъ пазовъ, безъ внутренней и внѣшней обшивки бревенъ, съ маленькими окнами со слюдой, пузыремъ или со склеенными кусочками стекла (вмѣсто домовъ не мало также якутскихъ юртъ)—скопческіе дома за рѣдкими исключеніями построены изъ толстаго лѣсу, на хорошихъ пазахъ, они обшиты досками, снабжены большими окнами съ крашенными ставнями и рѣзными украшеніями, а нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ также 2 этажа, каковыхъ построекъ въ городѣ совсѣмъ нѣтъ. Дома эти съ высящимися надъ ними высокими шестами съ флюгерами, съ перекинутыми черезъ канавы передъ фасадами домовъ мостиками напоминаютъ собой рядъ укрѣпленныхъ замковъ. А въ каждомъ домѣ «божьихъ» воиновъ вы найдете оружіе для защиты своихъ особъ и собственности отъ нападеній

---

[1]) Сирійская богиня, жрецы которой скопились, и культъ которой перешелъ потомъ въ Грецію и Римъ.

тателей и злодѣевъ. Проходишь иной разъ ночью съ самыми мирными намѣреніями по скопческой улицѣ—вдругъ изъ какого нибудь дома, въ трубу или во дворѣ раздается предупредительный выстрѣлъ.—За воротами и засовами, на внутреннемъ дворѣ, выстроены конюшни, амбары и сараи, стерегомые большими собаками на цѣпяхъ. По другую сторону дворовъ тянутся пашни или выгоны.

На улицѣ днемъ такое же безмолвіе какъ ночью. Она не оглашается звонкими голосами дѣтей; она не видитъ ихъ веселыхъ игръ и проказъ и не слышитъ ихъ горькаго плача; она не видитъ счастливыхъ матерей и заботливыхъ отцовъ, и неизвѣстны ей ни семейныя радости, ни семейное горе. Веселье и слезы сведены къ одному знаменателю—безстрастному равнодушію—въ этомъ царствѣ тѣней, облеченныхъ въ плоть и покрытыхъ толстымъ слоемъ желтаго трупнаго жира. Статистика о скопцахъ лишена самой важной статьи этой науки—цифры о рожденіяхъ и вмѣсто рубрики о движеніи населенія мы имѣемъ здѣсь только «передвиженіе» его изъ одного селенія въ другое или изъ Россіи въ Якутскую область. Даже прыгающій по деревнѣ теленокъ или визжащій щенокъ являются свѣтлыми пятнами на темномъ и скучномъ скопческомъ фонѣ...

Съ этими тяжелыми мыслями вступаете въ скопческое селеніе—онѣ давятъ васъ какъ кошмаръ. Смотришь—издали двигается съ развалистой не твердой походкой, точно боковой качкой неодушевленнаго корабля, желтая безбородая фигура съ мутными безжизненными глазами и прямыми жидкими волосами въ пиджакѣ или другомъ городскомъ одѣяніи. (Надо замѣтить, что скопецъ въ ссылкѣ одѣвается по городски и нѣкоторые даже франтовато), издали еще нѣкоторымъ образомъ мужская фигура отвѣшиваетъ низкій поклонъ, снимаетъ картузъ и съ благочестивой миной и дѣтскимъ сопрано говоритъ: «Мое почтеніе, №№». Видъ смиреннаго и страдальческаго лица скопца вызываетъ въ воображеніи пройденныя имъ страданія: тюрьму, крѣпостныя работы, кандалы, туруханскія тундры, страшный этапный путь, а затѣмъ борьбу съ суровой природой, наконецъ его глубокое несчастіе... Невольно тогда является состраданіе къ нему, но въ то же время, взявши протянутую желтую, холодную и влажную руку, изъ глубины души у васъ поднимается протестъ противъ всего его существа.

Живутъ скопцы обыкновенно по 3—4 и больше людей въ одномъ домѣ, который составляетъ или общую собственность, что обыкновенно бываетъ при родственныхъ связяхъ сожителей, или собственность одного или 2-хъ лицъ, а остальные живутъ на правахъ работниковъ, стряпокъ или просто жильцовъ. Каждый домъ состоитъ, за исключеніемъ домиковъ одиночекъ, не меньше чѣмъ

изъ 3-хъ отдѣльныхъ комнатъ: передней, горницы для «братцевъ» и отдѣленія для «сестрицъ». Первые и послѣднія никогда (скажемъ мы) не сходятся вмѣстѣ, особенно при постороннихъ, отдѣльно ѣдятъ и работаютъ. «Братецъ» занимается ремесломъ, сношеніемъ съ людьми, торговлей. «Сестрица» стряпаетъ, смотритъ за домашнимъ хозяйствомъ, скотомъ и никогда не отлучается изъ селенія. Особенно не отпускаютъ братцы молодыхъ сестрицъ, между которыми встрѣчаются недурныя, румяныя лица съ огненнымъ взоромъ пылающихъ страстью глазъ, стыдливо скрываемыхъ опущенными рѣсницами. Но по большей части это пожилыя, ожирѣвшія, вялыя женщины съ одутловатыми лицами, синими кругами подъ тусклыми глазами и мужской гладкой грудью. Одѣваются онѣ тоже по мѣщански. При входѣ посторонняго мужчины въ скопческій домъ сестрица удаляется къ себѣ; когда, поздоровавшись, протянете ей руку, она закинетъ свою назадъ и скажетъ: «Извините, намъ нельзя... здравствуйте». Внутри дома все чисто. стѣны по большей части оклеены обоями, на столахъ скатерти, на окнахъ горшки съ цвѣтами, а у богатыхъ скопцовъ вы найдете залу съ мягкой мебелью, коврами, зеркалами, гардинами и разными украшеніями. При всемъ томъ во всѣхъ ихъ домахъ ощущается непріятный специфическій запахъ — можетъ быть запахъ пота, обильно льющагося во время радѣній [1]). Во всѣхъ домахъ вы найдете православныя иконы въ богатыхъ оправахъ и ризахъ, которымъ оказывается притворное почтеніе. Скрытность и лицемѣріе скопцовъ доходитъ до того, что при первомъ знакомствѣ съ вами они признаютъ себя вѣрными сынами православной церкви, «но, говорятъ они, молиться можно вездѣ». Чтобы были у нихъ особыя молитвенныя собранія, они рѣшительно отрицаютъ, но разсказы скопцовъ, перешедшихъ въ православіе, опровергаютъ вполнѣ это отрицаніе, вызванное вѣковымъ преслѣдованіемъ. Только познакомившись поближе съ кѣмъ нибудь изъ болѣе развитыхъ скопцовъ можно начать религіозные споры. Мы не намѣрены тутъ вдаваться въ описаніе обрядовъ и др. сторонъ ученія скопцовъ, которое можно найти въ изслѣдованіяхъ Реутскаго, Кутепова и др. Скажемъ только, что масса скопцовъ до того невѣжественна и тупа, что рѣдко кто изъ нихъ можетъ толково объяснить и знаетъ свое «ученіе» (только молчать и хранить «тайну» умѣютъ всѣ), хотя грамотныхъ между ними не мало [2]) и нѣсколько человѣкъ, начитанныхъ не только по части

[1]) По свидѣтельству Пеликана (Судебно-медицинскія изслѣдованія скопчества) потъ скопца становится кислымъ.

[2]) О степени распространенія грамотности между ссыльными скопцами можно судить по слѣдующимъ даннымъ, собраннымъ нами въ Спасскомъ селеніи: изъ 204 человѣкъ, безграмотныхъ приходилось 54%, полуграмотныхъ 28%, а вполнѣ грамотныхъ 18%. При чемъ изъ грамотныхъ 9 человѣкъ знало только по чухонски.

мистическихъ и религіозныхъ книгъ, но и по части свѣтскихъ изданій, какъ популярныя руководства къ прикладнымъ знаніямъ, а главнымъ образомъ по газетной литературѣ, которая читается по складамъ даже малограмотными скопцами. Они получаютъ всевозможныя газеты ежедневныя и еженедѣльныя; изъ послѣднихъ по большей части иллюстрированныя изданія (какъ «Ниву») съ преміями, съ соблазнительными и грѣховными, въ скопческомъ смыслѣ, картинками, въ пристрастіи къ которымъ можно видѣть все людское противорѣчіе. Привычка къ чтенію и изощреніе въ немъ пріобрѣтены грамотными скопцами въ тюрьмахъ и этапахъ, гдѣ они держатся отдѣльно, презираемые и осмѣиваемые другими арестантами. Оторванность отъ родины съ другой стороны возбуждаетъ любознательность, заключающуюся въ желаніи знать, что дѣлается на родной сторонѣ. Кромѣ того, нами замѣчено, что политика крайне интересуетъ скопческихъ грамотѣевъ. Они знаютъ про царей и президентовъ, про Бисмарка и Гладстона—вѣдь сами они живутъ въ чаяніи міровой политической роли скопчества по пришествіи въ міръ ихъ учителя Селиванова—по плоти царь Петръ III [1]), а по духу второе воплощеніе Сына Божія,—живущаго еще до сихъ поръ въ строгомъ заточеніи въ суздальскомъ монастырѣ. Между прочимъ надо сказать, что значительная часть ссыльныхъ скопцовъ уже скептически теперь относится къ этимъ бреднямъ, но въ виду безповоротной отрѣзанности отъ общества и матерьяльной зависимости отъ духовныхъ братьевъ, они высказываютъ лицемѣрную преданность фанатиковъ. Передъ мірянами же и послѣдніе хранятъ въ тайнѣ свои широкія надежды, не любя себя выставлять въ качествѣ страдальцевъ. «Мы вѣдь никого не убивали, не грабили тоже за «дею страдаемъ», сказалъ намъ разъ одинъ изъ ихъ начетчиковъ. Когда начинаете разбивать ихъ, что разумѣется не трудно, на религіозной почвѣ, т. е. оспоривать извѣстныя ссылки скопцовъ на евангеліе и пророковъ, они часто прекращаютъ споръ утвержденіемъ, что не всѣмъ дано постигнуть скопчество: «сія вмѣститъ кто можетъ» и что великая «тайна» скопчества открывается только послѣ операціи. Любятъ они также выставлять свою правоту на юридической почвѣ и, по любви сектантовъ къ виршамъ, они выражаютъ эту

---

[1]) Интересно слышанное нами преданіе скопцовъ, какъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ очутился Селивановымъ. Когда Петръ III оскопился, Екатерина II пришла въ ярость, арестовала его и посадила въ Петропавловскую крѣпость. Тамъ Петръ III обратился къ часовому: «желаешь-ли сослужить службу своему государю»? Солдатъ отвѣтилъ: «за царя—батюшку готовъ сложить голову». Тогда Петръ III переодѣлся въ платье часоваго, а часоваго одѣлъ въ свое. Фамилія часоваго была Селивановъ, онъ и умеръ въ крѣпости, а Петръ III подъ его именемъ началъ распространять вѣру Искупленія. Дальнѣйшая настоящая исторія Селиванова извѣстна.

мысль слѣдующими словами: «Кому какое дѣло до нашего тѣла». Это значитъ, что своимъ оскопленіемъ они не нарушили ничьихъ правъ. Хотя скопческіе грамотѣи пользуются практическими свѣдѣніями, добытыми чтеніемъ и въ разговорѣ любятъ вставлять иностранныя словечки, но по духу своего ученія они знаніе ни во что ставятъ, ибо—пребывающій въ нихъ духъ божій выше всякаго человѣческаго знанія. За то они хватаются за всякую печатную мысль мистическаго характера, подыскиваютъ доказательства божественнаго происхожденія человѣческой души, ея переселеній и способности нѣкоторыхъ душъ къ непосредственному общенію съ божествомъ и къ пророчеству. Къ тѣлу же, какъ источнику всякой скверны, они относятся презрительно даже послѣ смерти и не признаютъ воскресенія мертвыхъ, въ смыслѣ возстанія предковъ, какъ вѣруютъ евреи и христіане.

Настоящее человѣчество служитъ соединяюшимъ звѣномъ между прошедшимъ и грядущимъ. У скопцовъ нѣтъ подрастающихъ поколѣній и нѣтъ связи съ прошедшимъ. Мало того—у нихъ нѣтъ связи съ настоящимъ живущимъ человѣчествомъ. Поэтому внутренняя жизнь скопцовъ должна была бы отличаться отъ жизни «міра» особеннымъ братствомъ. А между тѣмъ стремленіе къ исключительно духовной жизни неизбѣжно разбивается о дуализмъ человѣческой природы и ведетъ къ самому грубому матеріализму. Даже представленіе скопцовъ о жизни по пришествіи въ міръ ихъ спасителя и царя отличается земнымъ характеромъ, т. е. они сдѣлаются безсмертными, и на землѣ наступитъ божье царство съ радѣніями и пророчествами. Касаясь ихъ теперешней жизни, которую они ставятъ въ примѣръ будущему, прежде всего бросается въ глаза крайнее развитіе индивидуализма, страсть къ наживѣ, любовь къ деньгамъ и непомѣрная жадность. Богатые и вліятельные скопцы обдѣляютъ бѣдныхъ, даже при распредѣленіи помощи отъ россійскихъ и румынскихъ братцевъ; скопцы, живущіе въ работникахъ, эксплуатируются какъ чужіе. Не лучше дѣло обстоитъ съ чревоугодіемъ, такъ порицаемымъ въ скопческомъ ученіи. Скопцы, какъ извѣстно, не употребляютъ мяса, но страсть ко всему вкусному, а главное сладкому, по части печеній рыбки, молочныхъ и растительныхъ продуктовъ, вареньица и конфектъ развита у нихъ гораздо больше, чѣмъ у мірянъ. Намъ также извѣстны были случаи тайнаго отъ товарищей употребленія нѣкоторыми скопцами мяса, табаку и спиртныхъ напитковъ.

Что же касается центра тяжести скопческаго ученія о грѣховности сношенія половъ, то и въ этомъ отношеніи скопцы въ ссылкѣ не безупречны. По расказамъ намъ скопцовъ, имъ не чуждо половое влеченіе. Оно и физіологически объяснимо. Изъ 2-хъ главныхъ видовъ оскопленія мужчинъ: лишеніе testiculum съ оставленіемъ самаго membrum и отнятіе того и другого служатъ причиной безплодія, не уничтожая половаго влеченія, такъ какъ оно

имѣетъ своимъ источникомъ нервную систему, а не органъ, выработывающій сѣмя, но уничтоженіе послѣдняго отнимаетъ энергію и извращаетъ характеръ самаго влеченія. Въ случаяхъ только перваго рода оскопленія, называемаго «малою печатью» и coitus возможно. Скопцамъ въ извѣстной мѣрѣ доступны привлекательность женской красоты, привязанность, любовь и ревность по отношенію къ «сестрицѣ»; но страсть скопца страсть не здоровая и неполная, не та страсть, которая въ періодъ возмужалости служитъ импульсомъ для высокихъ стремленій души къ благородной дѣятельности и къ совершенію подвиговъ; не та страсть, во время которой является сознаніе долга и обязанностей по отношенію къ обществу, гордое мужество и высшая фантазія, а чисто животная похоть [1]). Тѣмъ не менѣе, по расказамъ намъ нѣкоторыхъ скопцовъ, отрекшихся отъ скопчества, въ душѣ скопца въ періодъ его возмужалости (особенно у лицъ не оскопленныхъ въ раннемъ дѣтствѣ), въ тотъ періодъ, когда у нормальнаго человѣка возбуждается цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, благородныхъ чувствъ и инстинктивное сознаніе своей связи съ будущимъ поколѣніемъ, происходитъ трудно передаваемая драма—драма, достойная кисти художника-психолога.

Тяжелое томленіе и чувство одиночества, безполезности и отрѣзанности отъ общества борется съ тайнымъ влеченіемъ къ другому полу, влеченіемъ плохо сознаннымъ и ненормально возбуждаемымъ разстроенной фантазіей. Результатомъ этой драмы является равнодушіе ко всему остальному міру, а половой зудъ вырождается въ «грѣхи блуднаго мечтанія» и ведетъ къ ненормальнымъ и часто противоестественнымъ общеніямъ «братцевъ» съ «сестрицами».

Явленіе это среди ссыльныхъ-скопцовъ очень частое, потому что у большинства изъ нихъ, какъ мы замѣтили, вѣра пошатнулась, только несчастье остается при нихъ безвозвратно. Одинъ администраторъ намъ расказывалъ случай, когда скопецъ, разошедшись со своей «стряпкой», обратился къ нему за рѣшеніемъ ихъ имущественнаго спора. При чемъ скопчиха право своего иска основывала на томъ, что «онъ» десять лѣтъ ее мучилъ...

Положеніе женщины - скопчихи съ одной стороны еще болѣе тяжелое, съ другой же не такое безнадежное, какъ положеніе скопца. Извѣстно, что

---

[1]) Извѣстный физіологъ Броунъ-Секаръ, говоритъ, что кастрація влечетъ за собой глубокія измѣненія въ физическомъ и нравственномъ существѣ человѣка и служитъ причиной слабости физической и умственной дѣятельности его, потому что testicules доставляютъ крови, или путемъ всасыванія извѣстныхъ частей сѣмени, или же инымъ путемъ вещества, придающія энергію нервной системѣ, вѣроятно также и мускуламъ.

операція надъ женщинами, совершаемая скопцами, бываетъ одного или нѣсколькихъ видовъ заразъ и заключается въ отрѣзываніи грудей и обезображеніи, срѣзываніи и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, искусственномъ срощеніи, съ оставленіемъ небольшого отверстія, наружныхъ частей половыхъ органовъ, что, какъ говоритъ Пеликанъ, не только не производитъ измѣненія въ духовной сферѣ женщины, но и не уничтожаетъ способности къ брачному сожительству и дѣторожденію. Намъ дѣйствительно извѣстны не мало случаевъ выхода замужъ скопчихъ за православныхъ, но браки эти большей частью безплодны и, какъ намъ говорили, безплодными оказываются женщины съ отрѣзанными грудями или съ вырѣзанными молочными железами. Мы не компетентны въ объясненіи этого вопроса чисто физіологическаго характера, но, можно думать, что органы питанія ребенка находятся въ симпатической связи съ органами его зарожденія [1]). Наконецъ изъ скопческихъ дѣлъ видно, что въ 1862 году въ самомъ скопческомъ селеніи (Спасскомъ) одна скопчиха разрѣшилась отъ бремени сыномъ, къ великому огорченію и сраму ни въ чемъ неповинныхъ скопцовъ, и къ неудовольствію мѣстныхъ властей, возбудившихъ сначала вопросъ объ отобраніи у скопчихи ребенка во избѣжаніе его оскопленія, но по рѣшенію дѣла Генералъ-Губернаторомъ ребенокъ былъ оставленъ у матери подъ строгимъ надзоромъ исправника. Но надзоръ этотъ не помѣшалъ ребенку черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія перейти изъ царства живыхъ мертвецовъ къ настоящимъ.

Обращаясь теперь къ отношенію скопцовъ къ «міру» надо сказать, что оно скорѣе злобно, чѣмъ индиферентно. Это обстоятельство, какъ и вообще мелочность и эгоистичность скопца вытекаютъ прямо изъ его безпочвенной общественной организаціи, не оживляемой семейнымъ началомъ—базисомъ всякаго соціальнаго строя, служащихъ, какъ говоритъ Контъ, лучшей школой для развитія соціальныхъ и альтруистическихъ чувствъ. Если принципъ самосохраненія и кружковая дисциплина заставляетъ ихъ отказаться—и то не всегда, отъ конкуренціи между собой, то интересы міра для нихъ не доступны. Наоборотъ, противъ послѣдняго у нихъ составлена формальная стачка. Мы не будемъ тутъ повторять, что говорили раньше о вліяніи скопцовъ на рынокъ. Крестьяне и якуты находятся у скопцовъ въ долгу, а съ послѣдними скопцы ведутъ не безвыгодную мѣновую торговлю и не брезгаютъ тайнымъ

---

[1]) Объ одномъ только случаѣ изъ Якутскаго округа намъ разсказывали, когда безгрудая скопчиха, по выходѣ замужъ за поселенца, родила мальчика, котораго принуждена была кормить искусственнымъ образомъ. Несчастная мать была въ отчаяніи, нѣжность и любовь, которыя она оказывала ребенку, были постоянно бурны и чрезвычайно трогательны.

корчемствомъ. Наемнымъ рабочимъ скопцы, правда, даютъ болѣе высокую, чѣмъ горожане или крестьяне, плату и лучшую пищу, но за то выжимаютъ изъ нихъ всѣ соки. Намъ скопческіе работники изъ поселенцевъ и крестьянъ жаловались, что они никогда не высыпаются, скопецъ будитъ ихъ въ 2 часа утра и отпускаетъ лѣтомъ съ закатомъ, такъ что на сонъ остается меньше 5 часовъ. А на самой работѣ хозяинъ все время понукаетъ: «то то, братикъ, то другое», такъ что въ работу къ скопцамъ идутъ работники самые крѣпкіе физически.

Вліяніе же скопцовъ на населеніе въ смыслѣ распространенія скопчества ничѣмъ необнаруживается. За все время поселенія скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ открытъ былъ одинъ случай оскопленія мальчика въ 1872 г. въ Иллюнскомъ селеніи. Якуты и объякученные приленскіе крестьяне слишкомъ преданы матеріальнымъ интересамъ и о духовныхъ потребностяхъ мнимыхъ или настоящихъ не имѣютъ представленія, даже монашество якутамъ не понятно, а многимъ изъ нихъ и неизвѣстно [1]). Высшее счастье якута—плотно и жирно поѣсть. На скопцовъ же они смотрятъ съ недоумѣніемъ и насмѣшкой. Хотя съ другой стороны якутскіе шаманскіе обряды и пляски по своимъ дѣйствіямъ и характеру очень близко подходятъ къ скопческимъ радѣніямъ. Шаманъ подъ вліяніемъ воздѣйствія различныхъ усиленныхъ и быстрыхъ тѣлодвиженій на нервную систему приводитъ себя въ состояніе экстаза и припадковъ, когда умъ теряетъ свое значеніе контролёра надъ ощущеніями и наступаетъ періодъ галлюцинацій; тоже самое бываетъ со скопческими пророками. Шаманъ, въ опьяненіи чувствъ, бесѣдуетъ съ духами, скопецъ вступаетъ въ общеніе со святымъ духомъ и со всей святой троицей.

Но если скопчество, какъ религіозное ученіе не оказываетъ своего вліянія на Приленское населеніе, то оно вноситъ нѣкоторую почву въ семейную жизнь, далеко тамъ не прочную. Эти громадные скиты, въ видѣ селеній со своимъ явнымъ благочестіемъ и тайными пороками и открытыя сожительства скопцовъ-отступниковъ внѣ селеній отнимаютъ у брака значенія естественнаго и благороднаго закона о продленіи человѣческаго рода, обращаютъ его въ акты всевозможныхъ «скверныхъ осязаній». Скопцы и скопчихи, отказывающіяся отъ своихъ заблужденій и присоединяющіяся къ православію, выходятъ изъ скопческихъ и приписываются къ крестьянскому обществу. Насъ не удивило, что такія скопчихи выходятъ замужъ за нескопцовъ, бракъ которыхъ, разумѣется, освящается церковью, но что находятся православныя жен-

[1]) По дорогѣ изъ Верхоянска въ Якутскъ мы разъ спросили на ночлегѣ массу якутовъ, что такое монахъ? «монахъ—это монахъ». Мы объяснили имъ, что это не есть отвѣтъ. Тогда мы получили другой отвѣтъ: «Тутъ одинъ попъ проѣзжалъ—монахомъ назывался».

щины, вступающія въ сожительство съ такими скопцами, насъ поразило. Намъ извѣстенъ не одинъ случай такого сожительства. Въ одномъ изъ нихъ у сожительницы скопца были дѣти не имъ конечно прижитые, и объ одномъ ребенкѣ—горбатой дѣвочкѣ—онъ насъ увѣрялъ, что это его дѣвочка, что «это возможно». Этотъ несчастный былъ оскопленъ такъ называемый малой печатью въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, испытавъ уже всѣ прелести любви [1]) и этой сознательной, но близорукой ложью онъ думалъ заглушить у себя свой стыдъ и отчаяніе. Мы дѣлали видъ что вѣримъ ему.—Въ другомъ случаѣ сожительница скопца была молодая и не дурная собой крестьянка, а онъ высокій молодой человѣкъ съ довольно симпатичнымъ безкровнымъ лицомъ. По голосу или лицу онъ представлялъ нѣчто среднее между мужчиной и женщиной, будучи еще въ дѣтствѣ оскопленъ изувѣрнымъ отцомъ, котораго проклиналъ. Не смотря на всю неестественность, намъ казалось трогательнымъ, какъ онъ, не стѣсняясь другихъ, ее постоянно ласкалъ, обнималъ—и она, казалось, была къ нему привязана. Онъ, какъ бы законный мужъ, вошелъ въ интересы семьи своей сожительницы, выдалъ замужъ ея сестру, и крестьянъ, насколько мы замѣтили, не смущало это сожительство, хотя въ тихомолку и посмѣивались.

III.

Скопчество, возникнувъ у насъ въ то время, когда кастрація во всемъ цивилизованномъ мірѣ съ какой бы то ни было цѣлью уже была прекращена, до сихъ поръ, въ концѣ 19-го столѣтія, продолжаетъ существовать. Явленіе это, характерное для нашей культуры, должно быть, по нашему мнѣнію, изучено независимо отъ изслѣдованій о распространеніи раскола вообще. Скопчество есть по преимуществу явленіе эпидемическаго характера, каковыми фактами такъ богаты средніе вѣка европейской исторіи. Оно есть продуктъ извѣстнаго фазиса развитія духовной жизни народа, благопріятствующаго мистическому настроенію. Скопчество составляетъ теперь отвратительное пятно на нашемъ народномъ организмѣ, но, къ счастью, оно не представляетъ большой опасности въ смыслѣ широкаго распространенія, ограничиваясь жертвами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ на сто-милліонное русское населеніе.

---

[1]) Изъ расказа о своемъ оскопленіи интересенъ одинъ психическій моментъ. Онъ городской житель, мастеровой, и согласился на оскопленіе подъ вліяніемъ религіознаго экстаза, но передъ самымъ приходомъ на мѣсто, назначенное для совершенія операціи, онъ въ послѣдній разъ побывалъ въ извѣстномъ мѣстѣ.

Число скопцовъ, по Надеждину, въ 40-хъ годахъ было въ Россіи отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ. Юзовъ («въ Русскихъ диссидентахъ») считаетъ скопцовъ вмѣстѣ съ хлыстами въ 1881 г. въ 65 тысячъ челов., а Пеликанъ считаетъ ихъ въ 1875 г. не больше 2—3 тысячъ. Послѣдняя цифра гораздо ниже дѣйствительной. Намъ неизвѣстно, сколько теперь всего скопцовъ въ Россіи, но въ одной Якутской области по даннымъ 1889 года ихъ было 1233 [1]) челов., образующихъ 10 отдѣльныхъ селеній, изъ которыхъ въ Олекминскомъ округѣ 4 съ населеніемъ въ 344 чел. Женщины составляютъ около $^1/_3$ всего количества скопцовъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько интересныхъ цифровыхъ данныхъ, добытыхъ нами изъ оффиціальныхъ бумагъ объ олекминскихъ скопцахъ.

По сословіямъ, къ которымъ они принадлежали до суда, они такъ распредѣлены: крестьянъ—258 чел., мѣщанъ—28 чел., солдатъ—28 ч. [2]), казачьяго званія—19 ч., бродягъ—6, поселенцевъ—3 ч. и купцовъ—2 ч. Изъ имѣющихся теперь на лицо скопцовъ Олекминскаго округа судилось до 1862 г.—135 челов.; отъ 1862 до 1872 г.—98 чел.; отъ 1872 г. до 1882 г.—87 челов.; отъ 1882 до 1889 г.—44 челов. Вообще въ Якутскую область до сихъ поръ ежегодно приходило 15—20 скопцовъ. Можно ли по этимъ даннымъ судить объ уменьшеніи распространенія скопчества—мы не отваживаемся утверждать, но весьма возможно, что много случаевъ подвергаемыхъ теперь суду суть старыя оскопленія, но недавно открытыя. На эту мысль можетъ навести приложенная въ примѣчаніи таблица олекминскихъ скопцовъ по возрастамъ [3]), изъ которой мы видимъ, что въ 1862 году наибольшій % падалъ на возрастъ въ 30—39 лѣтъ, а въ 1889 году

---

[1]) Въ это число не входятъ отступники и такъ называемые «духовные скопцы», т. е. сосланные за скопческія заблужденія, не будучи подвергнуты операціи. Они живутъ не въ скопческихъ селеніяхъ.

[2]) Такъ какъ теперь при всеобщей воинской повинности нѣтъ отдѣльнаго солдатскаго сословія, то эти 28 чел. надо вѣроятно прибавить къ крестьянамъ.

[3])

	На 263 чел. въ 1862 г.	*На 344 чел. въ 1889 г.*
Отъ 16—19 лѣтъ	»	1.5%
» 20—29 »	7.6%	2.90%
» 30—39 »	30.4%	10.3%
» 40—49 »	25%	16%
» 50—59 »	14.4%	32%
» 60—69 »	11%	22.3%
» 70—79 »	5.6%	11.5%
» 80—89 »	1.9%	—
» 101 года	0.7%	—
» 102 лѣтъ	—	0.3%

онѣ перешелъ на 50—59 лѣтній возрастъ, несмотря на значительную смертность тутъ скопцовъ. По мѣсту происхожденія олекминскіе скопцы падаютъ на губерніи: Бессарабскую, Кіевскую, Ковенскую [1]) и Костромскую по 0.3%; Каменецъ - Подольскую, Смоленскую и Тверскую по 0.6%; Саратовскую и Херсонскую по 0.8%; Оренбургскую, Пензенскую и Тамбовскую по 1.2%. Воронежскую—1.5%; Вятскую—1.8%; Московскую и Тульскую по 2.3%; Калужскую—3.2%; Самарскую—3.8%; Курскую—4.1%; Пермскую и Уфимскую—4.4%; Семирѣченскую область—5%; Рязанскую—8%; Орловскую—9.4%; Таврическую—12.3%; Петербургскую—14%; на Финляндію—0.8%; на Кавказскія губерніи—3.9%; на Сибирскія губ.—9.4%.

Что касается національностей и прежде исповѣдываемыхъ религій скопцами, то между ними мы находимъ не мало финновъ-лютеранъ Петербургской губерніи, распространеніе скопчества между которыми особенно замѣтно было въ 70 годахъ и причины котораго еще не выяснены, и бывшихъ молоканъ. Переходъ послѣдователей секты раціональной и общественной въ секту мистическую, антиобщественную—явленіе очень интересное для характеристики крайнихъ блужданій человѣческаго духа [2]).

При описаніи поземельныхъ, имущественныхъ отношеній скопцовъ и установившихся нѣкоторыхъ юридическихъ обычаевъ внутри селеній, типомъ для послѣднихъ мы возьмемъ Спасское селеніе, самое большое и богатое въ округѣ и раскинувшееся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ города.

Мы раньше уже замѣтили, говоря объ отношеніяхъ скопцовъ между собой, что владѣніе ихъ имуществомъ, богатствомъ и накопленіями носятъ узко-индивидуальный характеръ. Не имѣя кровныхъ наслѣдниковъ, презирая плотское родство, какъ результатъ первороднаго грѣха (въ этомъ смыслѣ они и понимаютъ библейское грѣхопаденіе) и проповѣдуя братство по духу и равенство во Христѣ, духовные «братцы» и «сестрицы» должны были бы въ своихъ селеніяхъ образовать нѣчто въ родѣ большихъ семей съ уничтоженіемъ терминовъ «мое» и «твое», съ общими работами и равномѣрнымъ распредѣленіемъ яко бы презираемыхъ ими матеріальныхъ благъ. Между тѣмъ капиталъ, въ вульгарномъ ли смыслѣ—денегъ или научномъ—средствъ производ-

---

[1]) На Польшу и сѣверо-западныя губ. скопчество не распространилось. Это единственный католикъ изъ Ковенской губерніи, приставшій къ сектѣ не на родинѣ, а будучи солдатомъ въ Архангельскѣ.

[2]) Для дѣленія скопцовъ по національностямъ и религіямъ у насъ нѣтъ данныхъ для всего округа, а только для Спасскаго селенія. Изъ *210 чел.* было русскихъ—193, поляковъ—1, шведъ—1 и 15 финновъ. По прежнимъ религіямъ: 185 православныхъ, 16 лютеранъ, 9 молоканъ и 1 католикъ.

ства, даетъ силу значеніе и земныя блага, насколько онѣ доступны несчастнымъ скопческимъ богачамъ, только немногимъ лицамъ. Какую антипатію внушаютъ къ себѣ старики-скопцы, одной ногой стоящіе въ могилѣ и готовые исчезнуть съ лица земли, не обезсмертивъ себя въ потомствѣ, своей жаждой къ пріобрѣтеніямъ, жадностью и скаредностью!

Мы видѣли, что больше $^{2}/_{3}$ всего количества скопцовъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію и происходятъ они главнымъ образомъ изъ губерній, въ которыхъ господствуетъ общинное землевладѣніе, каковая тенденція должна бы сохраниться у большинства крестьянъ-скопцовъ въ ссылкѣ. Между тѣмъ у нихъ не только не было стремленія къ общественной обработкѣ земли и запашкамъ, а съ самаго начала ихъ поселенія видно было стремленіе къ личной поземельной собственности съ ея неравномѣрнымъ распредѣленіемъ и отсутствіемъ передѣловъ. Такому положенію вещей благопріятствовало, кромѣ индивидуализма скопца, и неопредѣленность положенія скопческихъ селеній. Но полному обезземеленію бѣдныхъ скопцовъ и концентраціи всей земли въ рукахъ немногихъ мѣшала неотчуждаемость участка скопца, какъ поселенца, хотя, какъ увидимъ дальше, неотчуждаемость эта, въ силу установленнаго скопцами обычая, не распространялась на весь скопческій участокъ.

Такимъ образомъ право скопца на надѣлъ вытекало не изъ возрѣнія русскаго народа на землю и не изъ принципа общиннаго землевладѣнія, по которому каждый членъ общины имѣетъ право на временное пользованіе извѣстнымъ участкомъ, а изъ права поселенца на надѣлъ отъ инородческихъ обществъ въ пожизненное владѣніе.

Въ началѣ своего основанія скопческія селенія въ Олекминскомъ округѣ находились подъ вѣдѣніемъ крестьянской волости и сношенія ихъ съ властями происходили черезъ крестьянскихъ выборныхъ. Въ 1863 г. на представленіе Якутскаго Областнаго Правленія о составленіи изъ скопцовъ, «для удобнѣйшаго за ними надзора», двухъ обществъ (Якутскаго и Олекминскаго) со старостами, Совѣтъ главнаго Управленія Восточной Сибири далъ заключеніе (отъ 28 авг. того же года) о неудобствѣ удовлетворенія этого ходатайства «ибо, сказано въ заключеніи, общества составляются изъ семействъ, а скопцы семействъ не имѣютъ, и потому можно только дозволять скопцамъ выбирать изъ своей среды старшинъ въ селеніяхъ». Съ тѣхъ поръ полицейское управленіе стало обращаться со своими предписаніями не въ крестьянскую волость, а прямо къ скопческому старшинѣ; но это все таки было еще селеніемъ поселенцевъ. До 1883 года на скопцовъ, какъ мы уже говорили, не распространяли милостей Высочайшихъ манифестовъ. Коронаціонный же манифестъ 1883 г., по разъясненію Сената, сталъ примѣняться, съ нѣкоторыми особенностями, и къ скоп-

цамъ. На этомъ основаніи отъ 1883 г. до 1889 г. очень много скопцовъ перешло изъ поселенческаго званія въ крестьянское, а самыя селенія въ 1889 году изъ скопческихъ переименованы просто въ крестьянскія, къ которымъ скопцы, не прожившіе еще законный срокъ, необходимый для приписки въ крестьяне, причислены какъ поселенцы. Такимъ образомъ землевладѣніе бывшихъ поселенческихъ селеній, ставшихъ теперь по закону крестьянскими деревнями, должно привлечь къ себѣ вниманіе администраціи, которая до сихъ поръ не интересовалась его формой, ограничиваясь только надѣленіемъ общества землею. Положеніе дѣлъ юридически теперь нѣсколько измѣнилось. Съ одной стороны селеніе, какъ крестьянская община, получаетъ въ полную собственность всѣ приписанныя къ ней земли, съ другой же стороны крестьянинъ — не поселенецъ, имущество котораго за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ переходитъ въ казну, а гражданинъ, имѣющій право завѣщанія. Поэтому теперь чрезвычайно важно установить принципъ землевладѣнія скопческихъ селеній—общиннаго-ли землевладѣнія съ передѣлами или частной собственности, къ которой скопцы болѣе склонны. Изъ свѣдѣній за 1862 г. мы видимъ, что уступленная скопцамъ Спасскаго селенія расчищенная земля (которой было очень немного), оказалась распредѣленной слѣд. образомъ: 3 артели по 3 челов. имѣли по 1 десятинѣ на артель, у одной артели въ 2 челов. было $1/2$ десятины, остальные же имѣли отъ 100 до 300 кв. сажень. У небольшаго числа скопцовъ ничего не было. На чемъ основывалось подобное распредѣленіе—нѣтъ указаній, равно нѣтъ указаній на распредѣленіе нерасчищенныхъ земель, и вообще дѣйствительность этихъ данныхъ очень сомнительна. Огородной земли почти у всѣхъ было отъ 100 кв. сажень до $1/2$ десятины.

Въ пересмотрѣнныхъ нами скопческихъ дѣлахъ до 1889 года нѣсколько разъ упоминается о новыхъ нарѣзкахъ къ Спасскому селенію различныхъ земель [1]), но нигдѣ не говорится, чѣмъ руководствовалась община при дѣленіи ихъ, и наблюдала ли за этимъ администрація. Обратившись за разъясненіемъ поземельныхъ отношеній къ старостѣ Спасскаго селенія, мы получили слѣдующія свѣдѣнія: чищенныя земли подѣлены ровными участками по $1/4$ десятины на податную душу въ пожизненное владѣніе, съ обратнымъ поступле-

[1]) Въ 1889 году въ Спасскомъ селеніи было земли: 20 дес. усадебной, 24—огородной, 18—выгонной, 44—сѣнокосной, 380—пахатной и 191—еще нерасчищенной. Всего 677 десят. Кромѣ того въ томъ же году богатыми скопцами было арендовано земли у крестьянъ, казаковъ и якутовъ: 150 дес. пахатной и 170 дес. сѣнокосной. Вмѣстѣ это составитъ 977 десятинъ.

ніемъ въ общество этихъ участковъ послѣ смерти временныхъ владѣльцевъ. Этими выморочными землями надѣляются вновь приписываемые къ селеніямъ скопцы. Нечищенныя земли тоже дѣлятся по ровну на податныхъ скопцовъ, но, по очисткѣ ихъ, онѣ поступаютъ въ полную собственность расчистившихъ [1]). Если участокъ расчищенъ совмѣстно двумя или тремя лицами, то по смерти одного изъ нихъ весь участокъ поступаетъ въ собственность переживающаго. За отсутствіемъ же послѣдняго, и если такой участокъ не былъ проданъ владѣльцемъ до смерти, то послѣ нея онъ опять-таки поступаетъ въ общество, которое можетъ его продать или отдать его въ надѣлъ безземельному скопцу. На весь этотъ порядокъ надо смотрѣть, какъ на установившіеся среди скопцовъ юридическіе обычаи, не основанные на какихъ либо законоположеніяхъ или распоряженіяхъ администраціи, хотя допускаемы и признаваемы послѣдней. Правда характеръ корчеванія таежныхъ мѣстъ или осушки болотъ таковъ, что главнымъ образомъ вложенные въ землю трудъ и капиталъ обусловливаютъ ея цѣнность, а не земля сама по себѣ, такъ что участки расчищенные можно было бы сравнить съ такими участками въ великороссійскихъ деревняхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, которое въ силу особой интенсивности своей культуры (какъ сады, огороды и т. д.) или совсѣмъ передѣлу не подвергаются или черезъ очень долгіе сроки, или передѣлъ совершается съ вознагражденіемъ новаго хозяина старому за улучшенія. Но въ общемъ, какъ видитъ читатель, скопческое землевладѣніе не заключаетъ въ себѣ ни одного изъ признаковъ общинности. Неотчуждаемость же расчищенныхъ участковъ вытекаетъ тутъ не изъ правъ общины на землю, а безправія лица, какъ поселенца. Такимъ образомъ изъ описаннаго порядка и неодинаковости средствъ скопцовъ получилось неравномѣрное землевладѣніе. Одни продавали свои участки, другіе покупали. Тоже самое было съ землями, оставшимися послѣ смерти скопцовъ, и не всегда продажные участки были дѣйствительно изъ тѣхъ, которые въ силу обычая могли быть продаваемы. Кромѣ того всѣ почти новыя нарѣзки за послѣдніе годы, были совершаемы казной не для общества, а по просьбѣ отдѣльныхъ лицъ, получившихъ землю, за ея расчистку, въ 40-лѣтнее владѣніе, т. е. для полнаго истощенія. Такимъ образомъ казна сама содѣйствуетъ образованію крупной поземельной собственности среди скопцовъ. Въ настоящее время въ Спасскомъ селеніи очень много безземельныхъ скопцовъ; есть владѣющіе $1/2$ десятины и владѣющіе 30 и больше десятинъ одной пахатной земли, кромѣ арендныхъ земель. Что же касается до обращенія тайги и болотъ въ пашню— это, разумѣется, дѣло хорошее, но ложно было бы думать, что все это было

[1]) Но такъ какъ за время существованія селенія скопцами расчищено болѣе 400 десятинъ, то собственно общинныхъ земель очень мало.

сдѣлано скопческими руками. При всей своей выносливости и терпѣливости, скопцы слабосильны—у нихъ не хватаетъ здоровой энергіи, они умѣютъ копаться и выжидать, но какъ только скопецъ станетъ на ноги (не говоря уже о богачахъ), онъ уже обращается къ наемному труду своихъ и чужихъ [1]).

Обращаясь затѣмъ къ другимъ имущественнымъ отношеніямъ скопцовъ, не касаясь капиталовъ богачей съ ихъ торговыми оборотами, для которыхъ, разумѣется, нельзя было получить точныхъ данныхъ; мы тоже видимъ бѣдность рядомъ съ зажиточностью. На 211 челов. (152 мужчинъ и 59 женщ.) было въ селеніи въ 1889 г. 91 домъ. Изъ нихъ отдѣльно владѣло домами 49 челов.; 35 домами владѣло по двое—70 челов., 7 домами по трое—21 челов., а 71 челов. не имѣло домовъ. Интересно, что изъ 60 женщинъ только 10 были домовладѣлицами. Изъ нихъ 4 попарно владѣли 2 домами, а 6 скопчихъ имѣли отдѣльные домишки и жили продажею овощей въ городѣ, молочныхъ продуктовъ и т. д. 50 же скопчихъ не имѣли ни дома, ни доли въ немъ. Максимумъ землевладѣнія женщины въ селеніи не превышаетъ $^1/_2$ десятины земли. Вообщэ положеніе женщины въ этомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, безполомъ обществѣ, очень не завидное. Законъ все таки смотритъ на работника, мужчину, представителя семьи, его облагаютъ налогами и надѣляютъ землями, а между тѣмъ у него нѣтъ юридическихъ обязанностей по отношенію къ скопчихѣ, какъ къ матери, женѣ или дочери. Поэтому экономически «сестрица» вполнѣ зависитъ отъ братца, у котораго или съ которымъ живетъ [2]).

IV.

Положеніе скопцовъ въ ссылкѣ, положеніе исключительное среди лицъ, сосланныхъ въ Сибирь по суду за другія преступленія, невольно обращаетъ

---

[1]) Изъ 152 скопцовъ Спасскаго селенія 36 челов. въ 1888 г. не имѣли земли. Изъ нихъ одни совсѣмъ не занимались земледѣліемъ, другіе жили въ качествѣ работниковъ у богатыхъ скопцовъ. Если изъ упомянутыхъ выше 997 десятинъ вычесть усадебную, огородную и выгонную земли (не расчищенныя считаемъ, т. к. расчистка каждый годъ продолжается), то получимъ 935 дес. на 116 чел.—Годовыхъ работниковъ было въ томъ же году—11 (изъ нихъ только 5 чел. не скопцы), работницъ—14, мѣсячныхъ работниковъ—40 и больше, поденщицъ—50 ч, а во время посѣва и жатвы—150 изъ поселенцевъ и Якутовъ.

[2]) Скота въ селеніи было въ томъ же году 86 штукъ рогатаго и 112 лошадей (для работъ еще нанимаютъ коней вмѣстѣ съ работниками) и распредѣленіе ихъ далеко не равномѣрно. Мельницъ въ селеніи было 12 (9 конныхъ, 2 вѣтрянныхъ и 1 водяная), 2 кирпичныхъ завода и бондарное и колесное производство. Много въ селеніи мастеровъ различныхъ ремеслъ, но не всѣ имѣютъ постоянные заказы за малочисленностью городскаго населенія. Надо замѣтить, что скопцы свой трудъ очень дорого цѣнятъ. За помолъ съ пуда берутъ 30 коп. За 1000 кирпичей 20 рублей. Изъ бумагъ видно, что скопцовъ-плотниковъ часто отпускали въ разныя мѣста округа для постройки церквей и часовенъ, а въ 1872 году, по ходатайству Якутскаго городскаго головы, олекминскіе скопцы-плотники были отправлены въ Якутскъ для городскихъ построекъ.

наше вниманіе на нынѣшнее законодательство о скопцахъ. Если вообще наше законодательство о расколѣ, преслѣдуя предметы вѣрованія и убѣжденія, является въ настоящее время анахронизмомъ, то постановленія о скопчествѣ, какъ сектѣ наиболѣе вредной, страдаетъ отсутствіемъ ясности и нѣкоторымъ противорѣчіемъ. Наказанія, которымъ теперь скопцы подвергаются, суть слѣдующія: оскопители идутъ на 6 л. каторги, а оскопленные, если не доказано насиліе, и самооскопители—на поселеніе, при чемъ самооскопителями признаются всѣ скопцы, не указавшіе своихъ оскопителей. Что, спрашивается, служитъ въ данныхъ случаяхъ признакомъ преступленія? Извѣстныя физическія повреждения, а между тѣмъ, какъ видно изъ 6-го примѣчанія къ 201 ст. Ул. о Нак.—статья эта «преслѣдуетъ не фактъ отнятія дѣтородныхъ частей, который, отдѣльно взятый, представляется дѣяніемъ вовсе не наказуемымъ, а оскопленіе вслѣдствіе религіознаго фанатизма, возбужденнаго скопческимъ ученіемъ». Изъ этого видно, что законъ нашъ въ данномъ случаѣ наказываетъ не за самое оскопленіе, а за еретическія мнѣнія, присутствіе которыхъ оскопленіе выдаетъ; законъ преслѣдуетъ не вредъ обществу и государству, причиняемый оскопленіемъ, а еретическое разногласіе съ ученіемъ господствующей церкви. Если-же мы затѣмъ возьмемъ 5-е примѣчаніе къ той-же статьѣ, то увидимъ, что оно находится въ противорѣчіи съ предъидущимъ. По этому примѣчанію «оскопленіе такъ называемой большой печатью (послѣ малой), разсматривается какъ новый актъ оскопленія», а между тѣмъ одна ужъ малая печать достаточно свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ религіозномъ возрѣніи оскопленнаго. Съ другой стороны, среди скопцовъ есть не мало лицъ, оскопившихся вовсе не вслѣдствіе религіознаго фанатизма, а по причинамъ экономическимъ, стало быть они должны быть свободны отъ наказанія. Все это логическое противорѣчіе, по нашему мнѣнію, проистекаетъ изъ исключительно церковнаго взгляда законодателя на скопчество. Не желая здѣсь коснуться различныхъ взглядовъ о предѣлахъ свободы совѣсти, мы хотимъ только указать, что въ то время, когда всѣ другія ученія крайнихъ сектъ раскола могутъ быть отнесены къ преступленіямъ противъ вѣры (разъ такія преступленія предусматриваются закономъ), скопчество должно быть разсматриваемо, какъ ученіе главнымъ образомъ вредное для благоустроеннаго общества и въ этомъ смыслѣ преслѣдуемо, подобно запрещенію Англичанъ сожженія женъ на могилѣ мужей въ Индіи или принужденію Ашантіевъ прекратить человѣческія жертвы, освященныя ихъ религіей. Дѣянія эти преслѣдуются Англичанами не какъ результаты религіозныхъ воззрѣній и наказываются не самыя воззрѣнія, а убійство человѣка. Правда скопецъ строго юридически не совершаетъ преступленія, потому что отношеніе человѣка къ самому себѣ не юридическое, а

нравственное, но это только такъ кажется съ перваго взгляда. Подобно тому какъ членовредительство съ цѣлью уклоненія отъ воинской повинности разсматривается какъ преступленіе, потому что страдательнымъ лицомъ его является государство, точно также и скопецъ, будучи субъектомъ преступленія, въ одно и то-же время является и его объектомъ, но по отношенію къ послѣдствіямъ преступленія, добавочнымъ объектомъ его оказывается общество. Общество лишается нѣкотораго прироста народонаселенія, въ семейную жизнь общества скопцами вносится деморализація, скопчество затрогиваетъ нравственное чувство общества и нарушаетъ его благоустройство. Поэтому, оставляя въ сторонѣ оскопителей, которыхъ всякое гражданское законодательство признаетъ преступниками, и для огражденій себя отъ самооскопителей, общество имѣетъ право принимать мѣры. Но примѣненіе ко всѣмъ скопцамъ безъ исключенія однихъ и тѣхъ же наказаній и ограниченій не вполнѣ согласно со справедливостью, потому что во многихъ случаяхъ, особенно въ ссылкѣ, скопцы безвредны въ смыслѣ распространенія своей рѣзни, и тогда наказаніе обращается уже въ месть. Въ 1801 году послѣдовало распоряженіе императора Александра I (по дѣлу о Калужскихъ скопцахъ) [1]), коимъ велѣно было «оставить ихъ отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ сами себя уже довольно наказали». Не во всѣхъ разумѣется случаяхъ можно желать подобной свободы скопцамъ, но по скольку дѣло касается лицъ безврѣдныхъ въ смыслѣ распространенія физическаго уродства, не мѣшало бы и теперь вернуться къ приведеннымъ монаршимъ словамъ. Въ Якутской области есть масса скопцовъ, разувѣрившихся въ бредни своей секты, не говоря уже о значительномъ количествѣ перешедшихъ оффиціально въ православіе, между тѣмъ къ нимъ примѣняются тѣ же ограниченія, какъ къ закоренѣлымъ фанатикамъ. Мы уже говорили, что до 1883 года къ скопцамъ не примѣнялись Высочайшіе манифесты, такъ что у нихъ не было надежды выйти когда либо изъ положенія безправныхъ поселенцевъ. Съ начала поселенія скопцовъ въ Якутской области имъ запрещено было отлучаться изъ селеній, наниматься въ услуженіе не къ скопцамъ, запрещено было имѣть свидѣтельства на мелочной или иной торгъ въ самыхъ даже селеніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ ограниченій не были изъяты въ началѣ и скопцы, обратившіеся въ православіе, «такъ какъ, по объясненію Совѣта Главн. Упр. Восточной Сибири, изъ бывшихъ примѣровъ видно, что раскаяніе этихъ сектантовъ не можетъ быть полное». Въ 1863 году Олекминскіе скопцы обратились на Высочайшее имя со всеподданнѣйшей просьбой о разрѣшеніи имъ отлучекъ по округу и въ концѣ этого года Совѣтъ Главн.

---

[1]) Кутеповъ, Секты хлыстовъ и скопцовъ.

Упр. Вост. Сибири разрѣшилъ имъ отлучаться изъ селеній въ городъ «на необходимо нужный срокъ». Эта неопредѣленная резолюція была только на руку своеволію и корыстолюбію мѣстной администраціи добраго стараго времени. Только въ 1881 году разрѣшили скопцамъ, принимающимъ православіе, выйти изъ скопческихъ и приписываться къ крестьянскимъ селеніямъ въ округѣ съ предварительнымъ проживаніемъ отъ 1-го до 2-хъ мѣсяцевъ въ городѣ для присоединенія къ православію и безъ права затѣмъ отлучекъ съ мѣстъ приписки. (Отзывъ Мин. Внут. Дѣлъ отъ 13 дек. 1879 г.). Послѣ коронаціоннаго манифеста 1883 г. было всѣмъ скопцамъ, отбывшимъ извѣстный срокъ поселенія, предоставлено право переписываться въ крестьяне, но не выходя изъ скопческихъ селеній и безъ права отлучекъ. Вскорѣ послѣ этого имъ разрѣшили внутри своихъ селеній брать свидѣтельства на мелочной торгъ.

Мы привели здѣсь исторію скопческихъ ограниченій, чтобы яснѣе было, что не во всѣхъ случаяхъ эти ограниченія были необходимы и можетъ во многихъ изъ нихъ переходъ въ православіе не состоялся, потому что онъ долженъ былъ вредно отозваться на матеріальномъ положеніи отступника. Отказавшись отъ заблужденій скопчества, скопецъ долженъ былъ оставаться въ средѣ косо смотрящихъ на него сектантовъ, безъ надежды на полученіе матеріальной помощи или быть привязаннымъ къ крестьянскому обществу, чуждому и ему не сочувственному. Ремесленникъ не могъ найти въ глухой деревнѣ заработка и, насколько мы убѣдились, матеріальное положеніе отступавшихъ отъ скопчества довольно печальное, да и нравственное не лучше. Отставши отъ людей, съ которыми раньше были связаны фанатизмомъ, а потомъ общимъ несчастьемъ, они не могутъ уже завязать узелъ, который соединилъ-бы ихъ съ остальнымъ міромъ, артерія перерѣзана, и нельзя уже возстановить общее кровообращеніе; сердце скопца бьется отдѣльно отъ міроваго сердца. Сколько разъ намъ такіе скопцы плакались, что люди относятся къ нимъ холодно, съ пренебреженіемъ, что поговорить не съ кѣмъ. Тѣмъ болѣе нужно было-бы имъ облегчить внѣшнія условія жизни. Всѣ худшія стороны скопческихъ вліяній и экономическаго давленія выступаютъ главнымъ образомъ въ массѣ, и явнымъ отступникомъ никогда не является богатый скопецъ, потому что онъ человѣкъ съ вѣсомъ въ селеніи, положеніе его во многихъ отношеніяхъ удовлетворяетъ его мелкое тщеславіе, начальникъ подаетъ ему руку и пьетъ у него чай, онъ пророчествуетъ на радѣніяхъ, у него самая красивая скопчиха. Свободное передвиженіе, ограниченное извѣстнымъ раіономъ (округомъ и областію) облегчило-бы жизнь скопца-отступника въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Недовѣріе правительства къ искренности раскаянія скопца имѣетъ свое основаніе. Были случаи лицемѣр-

наго присоединенія къ православію по разсчету или въ видахъ даже распространенія секты, но этимъ случаямъ въ Россіи при до-реформенномъ судѣ содѣйствовала сама администрація. Въ большей части случаевъ полиція и слѣдователи бывали подкуплены скопческими капиталистами, и наиболѣе виновные избѣгали всякаго наказанія. Теперь, по нашему мнѣнію, нечего опасаться, что скопцы-отступники будутъ тутъ заниматься пропагандой своего ученія, какъ по отсутствію вѣры въ себѣ, почвы въ окружающемъ и возможности бдительнаго надзора. Законъ наказываетъ скопца только за религіозныя воззрѣнія, даже юридическая давность начинаетъ считаться не со дня совершенія оскопленія, а со дня отреченія отъ религіозныхъ заблужденій, а между тѣмъ какъ бы отреченіе это искренне ни было, оно не избавляетъ скопца отъ общихъ ограниченій, которыя сопровождаютъ его до гроба только въ силу особой физической примѣты, пріобрѣтеніе которой не считается преступленіемъ само по себѣ.

Что-же касается до женщинъ, то, по нашему мнѣнію, непремѣнное поселеніе ихъ въ скопческихъ селеніяхъ препятствуетъ во многихъ случаяхъ выходу ихъ замужъ за нескопцовъ. Разъ попавъ въ скопческое селеніе, женщина становится жертвой матеріальной зависимости и авторитета заправилъ, и ей труднѣе вырваться оттуда, чѣмъ скопцу.

Законъ въ наше время не смотритъ уже на наказаніе, какъ на месть, и поэтому оно должно обрушиться главнымъ образомъ на оскопителей и способныхъ въ будущемъ къ ихъ роли. Теперешній судъ, особенно судъ присяжныхъ, не долженъ уже руководствоваться формальными доказательствами, убѣжденіе его о виновности составляется также на основаніи другихъ данныхъ. Поэтому судъ теперь скорѣе можетъ опредѣлить настоящихъ виновниковъ, несмотря на всю изворотливость, лицемѣріе и притворство послѣднихъ, а скопцамъ неопаснымъ для общества должны быть предоставлены нѣкоторыя льготы.

Изслѣдователи скопчества возлагаютъ особенную отвѣтственность за его развитіе на снисходительное къ скопцамъ отношеніе въ царствованіи Александра I. По нашему мнѣнію, это несправедливо. Распространеніе скопчества въ своемъ основаніи имѣетъ болѣе глубокія и сложныя причины, главная изъ которыхъ есть народное невѣжество. Въ царствованіи Николая I скопчество еще болѣе распространяется, не смотря на суровое преслѣдованіе. Если что могло способствовать распространенію скопчества въ царствованіе Александра I, такъ это не отсутствіе жестокихъ каръ, а мистическое настроеніе высшихъ и образованныхъ классовъ. Александръ I относился сочувственно къ извѣстному духовному союзу Татариновой, который многіе изслѣдователи относятъ къ хлыстовщинѣ. Самъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ одно время участвовалъ въ бесѣдахъ и радѣніяхъ этого общества.

Книга надворнаго совѣтника Пилецкаго «о скопцахъ», написанная по порученію императора для опроверженія скопческаго ученія, заключала въ себѣ настолько сочувствія къ скопческимъ обрядамъ, что митрополитъ Филаретъ отказался ее распространять, такъ какъ «она заключаетъ въ себѣ много не христіанскаго» [1]). Наконецъ извѣстно, что къ скопческому богу и царю Селиванову относились тогда въ Петербургѣ съ уваженіемъ не только высокопоставленныя лица, но и самъ императоръ. По неопровержимому свидѣтельству, Александръ I удостоилъ Селиванова своимъ посѣщеніемъ, чтобы получить предвѣщаніе объ исходѣ войны съ Наполеономъ. Подобнымъ заблужденіямъ въ высшихъ классахъ теперь уже нѣтъ мѣста, съ развитіемъ здравыхъ идей въ народѣ, скопчество и въ немъ потеряетъ почву. Поэтому въ мѣстахъ, гдѣ скопчество свило себѣ гнѣздо, надо приложить особенное стараніе о правильной постановкѣ вопроса о народномъ образованіи и главное вниманіе обратить на общественный вредъ скопчества. Религіозныя мнѣнія скопцовъ должны быть больше дѣломъ представителей церкви, чѣмъ администраціи. Вѣдь законъ не смотритъ на скопцовъ какъ на политическихъ преступниковъ, не смотря на ихъ тайное отрицаніе «явнаго царя» и революціонныя надежды на пришествіе настоящаго царя Петра III въ лицѣ Селиванова; поэтому нелѣпыя религіозныя представленія скопцовъ, пока они не перешли въ акты вредныя для общества, должны быть предметомъ опроверженія миссіонеровъ. Въ ссылкѣ, насколько мы замѣтили, отступленіе отъ секты является дѣломъ собственнаго почина отдѣльныхъ скопцовъ, а не слѣдствіемъ миссіонерской дѣятельности православнаго духовенства.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь выдержку, характеризующую отношеніе церкви къ скопцамъ, изъ донесенія архіепископа [2]) Камчатскаго отъ 27-го іюля 1862 года въ Святѣйшій Правит. Синодъ: «Одинъ изъ сектаторовъ скопецъ Кокоревъ въ минувшій постъ явился къ своему духовнику на исповѣдь; но такъ какъ Кокоревъ, также и другіе скопцы вѣруютъ во 2-го Христа, въ котораго будто-бы перешелъ духъ истиннаго Христа и въ богородицу Акулину Ивановну, чистѣйшую херувимъ, какъ отъ этихъ заблужденій, и при убѣжденіяхъ Его Высокопреосвященства, не отказался, то въ исповѣди ему отказано, находя, что скопцовъ съ такими вѣрованіями не слѣдуетъ не только допускать къ какимъ-либо таинствамъ, но даже и впускать въ церковь и что равнымъ образомъ не слѣдуетъ принимать отъ нихъ никакихъ приношеній на церковь». На это заключеніе Высокопреосвященный

---

1) Кутеповъ. Секта хлыстовъ и скопцовъ.

2) Въ настоящее время Якутскій епископъ управляетъ самостоятельно епархіей, не будучи подчиненъ Камчатскому архіепископу.

испрашивалъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, который не замедлилъ его дать въ указѣ своемъ отъ 27-го сентября 1862 г. на основаніи 6-го правила Лаодикійскаго собора и по правилу 9 Тимофея Еписк. Александрійскаго. Указъ этотъ былъ съ подпиской объявленъ всѣмъ скопцамъ Якутской области. — Интересно также, что пріѣзжающій ежегодно изъ Иркутска въ Якутскую область пасторъ не отказываетъ въ религіозныхъ бесѣдахъ скопцамъ изъ бывшихъ лютеранъ.

Считаемъ не лишнимъ еще привести въ примѣчаніи 2 пропагаторскихъ письма скопца-фанатика, адресованныхъ лицу интелегентному и образованному, но увлекавшемуся раціонализмомъ нашихъ духоборцевъ и интересовавшемуся также ученіемъ скопцовъ. Послѣдніе возымѣли къ нему такое довѣріе, что одинъ изъ нихъ, по своей наивной близорукости, вздумалъ склонять его въ скопчество. Приложенныя 2 письма, какъ продуктъ скопческой пропаганды (хотя не блестящаго пропагандиста), должны, по нашему мнѣнію, представить глубокій интересъ для изслѣдователей скопчества, которымъ обыкновенно въ качествѣ матеріаловъ служатъ или завѣдомо ложныя показанія скопцовъ подъ слѣдствіемъ или не всегда правдивые, разсказы ренегатовъ, а въ этихъ письмахъ, при всей ихъ безсмысленности, искренно раскрываются нелѣпыя воззрѣнія скопца на человѣка, міръ и божество. Мы оставляемъ въ нихъ орфографію и знаки препинанія оригинала.

I.

[1]) Вы знаитѣ что мы падшіе духи за самою за свою гордость, и за своеволіе, то мы мучаймся извѣковъ въ вѣка, и это когда мы помирайимъ то нашъ духъ пироходитъ во мрачную плоть какъ всонмѣ—либо всобаку или въ коня—въ какуй-бо то небыло плоть, и такъ мучится во веки вековъ, Самъ господь сказалъ во всякои кровѣ есть моя душа, а какъ достигнуть царства вѣчнаго опять въ своё прежніе бытьё т. е. въ прежній свой домъ, избегнуть этихъ мытарствъ поганыхъ,—то нада вотканъ, чтобы въ тибѣ воскресъ Христосъ навсегда, вы думаите онъ воскреснитъ тамъ, нетъ онъ всибѣ имино, и тогда увидишъ самъ все, какъ сказалъ господь вы Боги и внутри васъ царство, нужно его узнать воплотѣ, какъ у почелы есть матка такъ и улидеи есть наземле спаситиль вечной славы тоже чиловѣкъ, вотъ больши всего что вечной жизни, у насъ адамъ согрешилъ природою, то и мы патомки изгнаны тоже, а вотъ мы искоренияимъ природу плотевную, и не хатимъ шить рубашки для мучимыхъ душъ, которой пербегаютъ изъ плоти въ плоть. нужна оброзаться и жить душевно и держать постъ двѣ седмицы или дажы три ни пить и не есть нисколько, тогда самъ увидишъ, что делаится здесь; это будитъ 21 день, гос. сказ. можно получить чистатой и постомъ и молитвои, у насъ есть духовной песни какъ славитъ творца и пророчиства, и мы спасаймъ только сами сибѣ имѣймъ горячію сирдечную любовь которой желаютъ служить господу вѣрой и правдой, мясо мы искушаймъ потому что оно есть плоть отприхотій блуда дрянь, пошаницу сеишъ, и ишъ хлѣбъ, а плоть сеишъ ишъ плоть чиловекъ должинъ быть разумни и созданъ по образу господню, крестимся мы обоими руками молимся усердно даже допоту и непримино со слезами, если будишъ поступать такъ, то увидишъ какъ твой духъ будитъ гдѣ обитать вечно, закрытаво нетъ ничего это достиги ть этого тогда не будитъ иметь невчемъ недостатка а все будитъ вдостаткѣ и любви и радости вечной, чиловекъ ангилъ и можитъ навсегда быть лукавой и внуки

Въ заключеніи нашей статьи не безполезно будетъ провести паралель между послѣднимъ походомъ противъ плотской любви графа Л. Толстого и скопческими представленіями по этому предмету. Въ то время какъ представленія скопцовъ вытекаютъ изъ ихъ глубокаго невѣжества и духовной дикости, проповѣдь Толстаго вытекаетъ изъ желанія выдать частные уродливые случаи за общее положеніе въ вопросѣ о физической любви. Изъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ основаніе для сношенія половъ, графъ Толстой выбралъ одинъ, наиболѣе низменный и дѣлающійся таковымъ по обособленіи его отъ всѣхъ другихъ элементовъ, возвышающихъ и облагораживающихъ физическую любовь. Н. К. Михайловскій въ одномъ мѣстѣ сравниваетъ любовь со стеблемъ, имѣющимъ физіологическіе корни и способнымъ распускать самые пышные

быть вечной, много еще писать да надо мишокъ латать, чтобы куда сипать было можно, а мы задушевныхъ братьевъ полагаймъ свои души, если весь миръ приобресть, а своей душе зделать пагубу, то какая польза будитъ намъ, если люди живутъ хорошо, а мы плохо надо и намъ такъ жить и нечего не бояться не стыда не совисти, а поступать только имѣно для себя тогда и услышишь Божей глаголъ свышы и ты будишь сынъ Божей, мы пошли головушку сложить а делъ Божьихъ не отлажить.

Дорокой нашъ единомысленный и единосирдечной Воисуси Христѣ NN покорнейши мы Васъ просимъ напишитѣ намъ записку, въ точности имѣнно на чемъ вы основайтись и хчему ваше стримленіе, мы желаимъ отвасъ знать сирдечно и верно какъ можно не оставте нашей просьбы квамъ. Мы вамъ кланеймся сердечно на всегда, любящій васъ NN.

II.

Наша основаніе въ духи и въ благодати а благодать находится въ любви, не въ такой любви какъ имѣнно только въ слови, а точно въ дѣли и какъ принялъ спаситель отъ отца сотворшего всю вселенную, т. е. слово, отсотворшего силу, для таво вѣрной души просвѣтить ихъ на землѣ въ этикъ мучимыхъ плотяхъ и эти души дожны сойдинится, и познать сына Божьиво, и придти въ то самое прежніе бытье, затемъ и посланъ духъ сотворшего въ чиловечиской плоти, чтобы провесть насъ къ отцу къ нибесному творцу, которой увѣровали въ нѣго, и находются въ одномъ съ нимъ духи и даже не раздѣляющій мыслію, чистое совѣстью и плотью, и мы поклонямся не нагору и не надеривѣ, а въ духи и святому духу хотя у насъ и есть скопцы таковые нивсе понимаютъ такъ, какъ спасителя роспинали не на кристѣ, а на адамовой головѣ, тойсть на самой на этой чистотѣ т. е. на природи и ноне ровно также роспинаютъ и растлеваютъ природою, мы въ тройцу по познанью вѣры истиной, отца и сына и святаго духа, какъ нѣжно сильней всего познать чей я сынъ и знаитли мѣня творѣцъ и по познаній истины прибывайтли во мнѣ святой духъ, а не иначе какъ прибываеъ святой духъ, черезъ отца, потом усамъ сабой никто не можитъ достигнуть не какого мастерства, такъ и духъ святой придти черезъ отца, хто будетъ искать тотъ смѣло найдетъ а хто имеитъ отца, какъ въ томъ будитъ прибывать святой духъ.

Противъ твоѣй вѣры и убижденія твоево, пишимъ свое убижденіе и понятье, какъ мы понимаймъ, такъ и говоритъ писаніе, а еще мы свами будимъ биседовать о тайныхъ дарахъ послѣ дорогой мой NN откуда приходитъ человѣкъ и куды уходитъ, то *ничто*, тайну передадимъ вамъ лично а не на бумаги, за твою вѣру и любовь благодаримъ мы васъ, и вы дорогой не далеко отцарств· какъ сказалъ спаситель воизраиле не находилъ такой истиной вѣры, такъ и мы NN, васъ Ваша понятіе исправедливо и верно, а быть можитъ что нибудь нужно вамъ то еще спроситѣ, и прошу я еще написать окончательно ваше убижденіе или сойдинится дошой и сѣрцами.

психологическіе цвѣты. Это красивое образное сравненіе заключаетъ въ себѣ въ одно и тоже время всю истину по данному предмету. Очень немного людей найдется, людей развращенныхъ съ рожденія и дѣтства, которые не могли бы вспомнить какъ въ своей юности, такъ затѣмъ въ періодъ возмужалости, рядомъ съ раскрытіемъ, развитіемъ и расцвѣтомъ полового чувство, возникали умственныя и душевныя движенія высшаго порядка и обнаруживались чувства симпатіи, нѣжныя и возвышенныя эмоціи. Недаромъ поэзія нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ аллегорически изображаетъ самый высшій типъ любви, любви къ Божеству и истинѣ въ формѣ отношеній жениха къ невѣстѣ:—поэзія, заходящая въ изображеніи прелестей молодой до грубо-наивныхъ откровенностей древняго востока, подъ видомъ видимыхъ чувственныхъ образовъ, понимаетъ невидимыя отвлеченныя потребности духа. Это творчество человѣчества, въ періодѣ его юности лучше всего доказываетъ инстинктивное пониманіе его общности и нераздѣльности всѣхъ человѣческихъ потребностей, чувствъ и ощущеній. Еслибы графъ Толстой пожилъ среди скопцовъ, онъ-бы убѣдился, что нельзя безнаказанно извращать одну человѣческую потребность безъ нарушенія гармоніи всѣхъ остальныхъ, что именно тогда мы менѣе всего способны къ истинно духовной жизни и къ любви къ ближнему. Скопецъ послужилъ бы ему живымъ воплощеннымъ укоромъ за его послѣднюю проповѣдь. Онъ бы увидѣлъ, какъ голый, сухой и безплодный, стебель полярной древесной флоры лишенъ вѣтвей, листьевъ, цвѣтовъ и не можетъ углубить своихъ корней въ морозную почву, а уродливо распространяетъ ихъ по ея поверхности, такъ и скопецъ, подъ вліяніемъ душевнаго холода не въ состояніи раскрыть почекъ психологическихъ и цвѣтовъ человѣческой натуры, противоестественно извращая и искривляя ея физіологическіе корни.

Если, при современномъ состояніи человѣческихъ знаній, намъ не дано постигнуть конечной цѣли нашего существованія и смысла жизни, то тѣмъ болѣе должны быть для насъ священны всѣ временныя цѣли и преходящія стремленія, вытекающія изъ условій нашей физической и духовной организаціи [1]).

В. I—нъ.

---

[1]) Съ этимъ положеніемъ безъ извѣстныхъ ограниченій нельзя согласиться, такъ какъ не немногія «временныя цѣли и преходящія стремленія, вытекающія» и пр. и злы и грубы и низки. Въ человѣческой природѣ или въ нашей физической и духовной организаціи «есть мало скотскаго и звѣрскаго, и потому многія» временныя цѣли и преходящія стремленія человѣческія не только въ давно прошедшемъ. но и въ настоящемъ и въ будущемъ не могутъ быть не только священны, но и милы и дороги человѣку. Лучшая сторона человѣческой природы вызываетъ людей на постоянную борьбу со многими изъ такихъ цѣлей и стремленій, приводитъ къ сознанію необходимости самовоздержанья и самообузданья. Скопчество вытекаетъ изъ слишкомъ радикальнаго воззрѣнія на эту борьбу и потому оно тупо и вредно: крыловскій медвѣдь былъ большой радикалъ, въ борьбѣ со зломъ внѣшнимъ. *Ред.*

О народныхъ пѣсняхъ Татаръ, Башкиръ и Тептярей.

I. Народныя пѣсни и книжное творчество уральскихъ мусульманъ.

Лѣтомъ 1893 г. я имѣлъ случай побывать съ этнографическими цѣлями въ Уфимской и Оренбургской губ. и собрать извѣстное количество этнографическаго матеріала, съ частью котораго я намѣренъ познакомить читателя въ предлагаемомъ очеркѣ.

Ближайшимъ мѣстомъ моей поѣздки и этнографическихъ наблюденій были г. Уфа и Верхнеуральскій уѣздъ Оренбургской губ., центръ коренной горной Башкиріи.

Наблюденія свои я сосредоточилъ преимущественно на инородческихъ племенахъ и изъ числа ихъ главнымъ образомъ на мусульманскихъ народностяхъ: Татарахъ, Тептяряхъ и Башкирахъ, о бытѣ, обычаяхъ и поэтическомъ творчествѣ которыхъ я и буду исключительно распространяться. Въ составъ собраннаго мною этнографическаго матеріала среди мусульманскихъ народностей Урала входятъ:

1) Образцы книжнаго мусульманскаго творчества.

2) Народныя лирическія пѣсни числомъ болѣе 100 и мелодіи къ нимъ.

3) Образцы инструментальной музыки инородцевъ.

4) Нѣсколько сказаній и легендъ.

5) Образцы пословицъ, поговорокъ, причитаній, заговоровъ, ворожбы и т. д.

6) Образцы повѣрій и описаніе нѣкоторыхъ инородческихъ обычаевъ и празднествъ.

Записываніе пѣсенъ и мелодій я производилъ одинъ; въ собираніи другаго этнографическаго матеріала мнѣ оказали содѣйствіе: народные учителя, инспекторъ народныхъ училищъ Оренбургской губ. Г. С. Рыбаковъ; директоръ народныхъ училищъ Уфимской губ. И. И. Троицкій; владѣльцы золотыхъ пріисковъ и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей.

Татарскія пѣсни я записывалъ преимущественно въ гг. Уфѣ и Верхне-Уральскѣ; тептярскія — на золотомъ пріискѣ Э. И. Гана на восточномъ склонѣ Урала; башкирскія—въ самыхъ кочевьяхъ Башкиръ въ Уральскихъ горахъ.

Для собиранія башкирскихъ пѣсенъ я переѣзжалъ изъ кочевки въ кочевку, пользуясь, гдѣ можно было, почтовыми лошадьми, а нерѣдко, за неимѣніемъ другихъ экипажей, довольствуясь просто башкирскими дрогами, которыя оказывались болѣе пригодными для передвиженія по узкимъ горнымъ дорогамъ. Я вращался и ѣздилъ съ Башкирами одинъ безъ всякаго вооруженія: случалось путешествовать даже темными ночами среди пустынныхъ горъ одинъ на одинъ съ возницею Башкиромъ, и все обходилось безъ приключеній: настолько народъ этотъ замиренъ и спокоенъ.

Записывать пѣсни приходилось при различныхъ условіяхъ и обстановкѣ: въ полѣ, лѣсу въ перемежку между работами, въ деревняхъ—въ избахъ, въ кочевкахъ — вечеромъ (самое удобное время для записыванія), на открытомъ воздухѣ—за чаепитіемъ или за питьемъ кумыса, у костровъ, которые Башкиры разводятъ по горамъ близь кочевокъ, ложась спать иногда подъ открытымъ небомъ; вечеромъ Башкиры съ большой охотой распѣвали пѣсни и играли на своихъ инструментахъ, особенно если имъ предлагалось угощеніе въ видѣ чая, кумыса, закусокъ или вознагражденіе; иногда они вступали въ музыкальныя состязанія, стараясь блеснуть своими голосами или искусной игрой. Инородцы близь золотыхъ пріисковъ требовали менѣе невиннаго вознагражденія въ видѣ водки, папиросъ и т. п., помимо денегъ.

Произведенія поэтическаго творчества народностей Урала, говорящихъ на татарскомъ языкѣ, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ.

1-й разрядъ—стихотворенія книжнаго искусственнаго творчества, нѣчто въ родѣ поэмъ или одъ на историческіе и героическіе сюжеты или на злобу дня, иногда съ оттѣнкомъ поучительности, большею частью степеннаго содержанія, носящія названіе: м н а ж ѫ т ъ (обращеніе къ Богу) - религіознаго содержанія, въ которыя входятъ изреченія на арабскомъ языкѣ, и б ѫ и т ъ—стихотворенія свѣтскаго характера.

Темами для этихъ произведеній книжнаго сочинительства служатъ, напр., тоска по родинѣ, тяжесть солдатчины и военной дисциплины, просьбы къ божеству объ избавленіи отъ неправедныхъ правителей, судей, лукавыхъ людей, бѣдствій, о ниспосланіи всякихъ благъ, разсужденія на явленія повседневной жизни, напр., о чаѣ, по поводу котораго въ моемъ собраніи имѣются 2 баита противуположнаго другъ другу содержанія: въ одномъ, оче-

видно, болѣе древнемъ, замѣчается настроеніе, враждебное распространенію чая; видимо, хранители старины среди Башкиръ противились распространенію новаго напитка. Вотъ его содержаніе въ русскомъ переводѣ:

«Нынѣ для бѣдствія народа
Появилась трава подъ именемъ чай,
Люди, покупая его въ долгъ,
Расплачиваются и раззоряются.
Сказавъ одинъ другому: «пойдемъ на базаръ»,
Ѣдутъ Башкиры съ лѣсомъ потихоньку.
«Боже мой, прости насъ,
Какъ люди съ ума сходятъ!» } Изреченіе изъ духовныхъ книгъ.
Однимъ словомъ запрягъ Башкиръ тощую лошадь,
Самъ бьетъ, а лошадь скачетъ во весь махъ,
Ѣдетъ за чаемъ въ (верхнеуральскій) магазинъ
И хоть у него нѣтъ достатка,
Требуетъ 1/4 чаю и 1/8 сахару.
Накажетъ жена-анаѳема мужа,
Если чаю не привезетъ.
«Боже мой, прости насъ,
Какъ люди съ ума сходятъ».
Если чай весь выйдетъ,
Жена закричитъ мужу: «давай чаю!»
Онъ, бѣдняга, задыхаясь,
Во всѣ стороны побѣжитъ (искать)
. . . .
Если есть одна жена,
Есть у Башкира и самоваръ;
А если зайдешь въ хлѣвъ,
Ни одной головы скота нѣтъ;
Если разъ въ день Башкиръ напьется чаю,
То у него уже и нужды (горя) нѣтъ.
«Боже мой, прости насъ,
Какъ люди съ ума сходятъ».

Въ другомъ баитѣ, вѣроятно, болѣе поздняго происхожденія, напротивъ, восхваляются благотворныя качества чая: Башкиры успѣли уже привыкнуть къ новой травѣ и пристраститься даже къ ней. Вотъ содержаніе этого баита.

«Скажу я вамъ сказку,
Если не сочтете за глупость,
Скажу я вамъ эту сказку
Про хорошій и дурной чай.
Если пить чай утромъ,
То прибудетъ въ головѣ ума или оживленія;
Если же въ другой разъ пить этотъ чай въ полдень,
То годенъ будешь на многія дѣла;
Если пить чай вечеромъ,
Не останется никакой работы въ умѣ.
Въ этой бумагѣ завернутъ чай;
Напившись чаю, отдохнемъ» и т. д.

Подобныя произведенія принадлежатъ перу опредѣленныхъ грамотныхъ личностей, главнымъ образомъ муллъ изъ Татаръ, а также изъ Башкиръ; они назначаются къ исполненію въ солидныхъ собраніяхъ, религіозныхъ и т. п. и имѣютъ успѣхъ среди класса степенныхъ, пожилыхъ правовѣрныхъ, считаю-

щихъ неприличнымъ для себя и за грѣхъ пѣть чисто народныя лирическія пѣсни, особенно скорыя, обыкновенно игриваго содержанія, къ которымъ они относятся пренебрежительно, называя ихъ «шалтай-балтай»; стихотворенія книжнаго происхожденія отличаются своей длиною и имѣютъ каждое свою мелодію.

2-й разрядъ—пѣсни непосредственно народнаго творчества, называемыя «джерларъ». Обыкновенно кратки—въ одну строфу (въ 4 строчки), причемъ первая полустрофа большею частью не имѣетъ внутренней связи съ послѣдующей второй, и соблюдается лишь внѣшняя связь—рифма во 2-й и 4-й строчкахъ. Въ большинствѣ случаевъ пѣсни поются съ припѣвомъ. Въ первой половинѣ строфы очень часто заключается какой нибудь поэтическій образъ или картина природы; изрѣдка такой образъ или картина вопреки обыкновенію имѣетъ органическую, подъ часъ тонкую связь съ содержаніемъ второй половины строфы, какъ аналогія, сравненіе или параллель.

Примѣръ пѣсни безъ внутренней связи между полустрофами:

1-я полустр. «Я зажегъ траву на высокой горѣ;
Огонь распространился по вершинѣ горы;
2-я полустр. Я поцѣловалъ тебя въ правую щеку,
А лѣвая осталась сиротой».

Примѣръ пѣсни, части которой связаны между собою по смыслу:

1-я полустр. «Я купилъ разныхъ цвѣтовъ,
Чтобы посадить ихъ въ саду;
2-я полустр. Но не купишь счастья за деньги,
Если Богъ не дастъ его».

Или:

1-я полустр. «Вставши рано, я посмотрѣлъ:
Жаворонокъ весело поетъ;
2-я полустр. Я также попѣлъ бы и посмѣялся бы,
Но бѣдность рѣжетъ мою шею».

Изрѣдка народныя пѣсни попадаются въ 2, 3 и болѣе строфы, представляя довольно большое стихотвореніе.
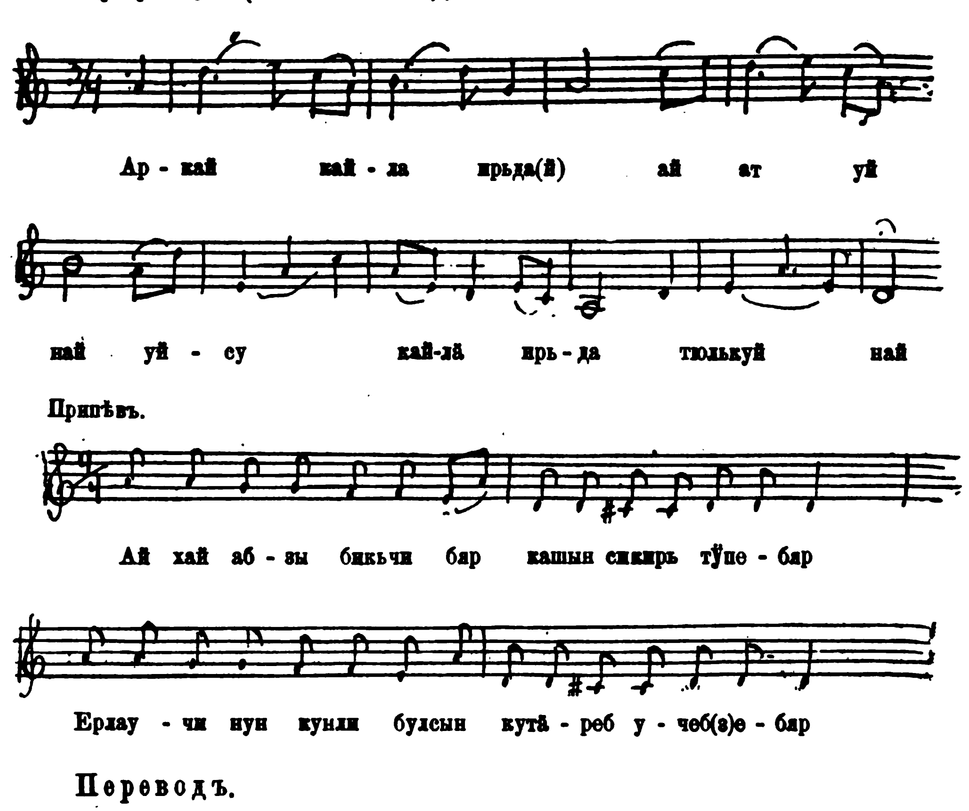
Пѣсня въ 2 строфы:

1-я стр. «Я держалъ въ рукахъ домбру
И проходилъ по улицѣ;
Бросилъ я домбру,
Ввелъ дѣвокъ въ избенку,

2-я стр. Сталъ я ихъ цѣловать,
Но меня поймали;
Вырвался я изъ бѣды,
Заплатилъ по монеткѣ».

Пѣсенныя мелодіи дѣлятся по характеру своему на 2 класса:

1-й классъ—протяжныя, проголосныя мелодіи, и по нимъ пѣсни называются узункуй (длинная пѣсня), напримѣръ:

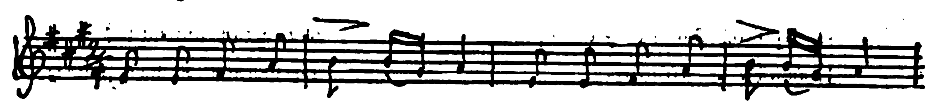
Переводъ.

«На возвышенномъ мѣстѣ рѣзвится лошадь,
А въ долинѣ играетъ лисица.

Припѣвъ: Ай, братецъ, какой ты красавецъ,
Поводи бровями.
Чтобы исполнить желаніе (развеселить) пѣвцовъ,
Выпей, поднявъ чашку».

2-й классъ—скорыя и короткія мелодіи плясоваго характера и пѣсни, распѣваемыя на нихъ, называются такмакъ, напримѣръ:

Ай хай аб-зы бикь чи бяр кашин сикирь тӱп(з)е-бяр

Припѣвъ.
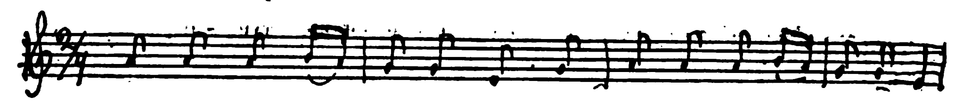

Ай яный вай яный, кашин сикирь тӱп(з)ебяр.

Переводъ текста:

1. Ахъ, братецъ, какой ты красавецъ.
   Поводи бровями,
Припѣвъ: Ахъ, душенька, раздушенька,
   Поводи бровями.

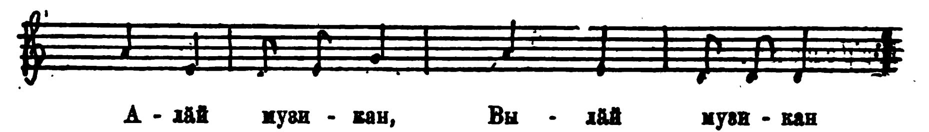
2. Чтобы удовлетворить желанію (развеселить) пѣвцовъ,
   Выпей, поднявъ чашку,
   Ахъ, душенька, раздушенька,
   Выпей, поднявъ чашку.

Или довольно скоро:

У - рамбуй - хäп жикыт ки - лä кула - рында музикан

Припѣвъ:

А - лäй музи - кан, Вы - лäй музи - кан

Переводъ текста:

1. Вдоль улицы идетъ холостой молодецъ,
   Въ рукахъ музыка (гармоника).
Припѣвъ: И такъ музыка, и этакъ музыка.

2. Когда на этой музыкѣ играютъ,
   Сердце отчего-то ноетъ...
   И такъ музыка, и этакъ музыка.

Что касается отношенія между текстомъ и мелодіей въ инородческихъ пѣсняхъ, то существуетъ слѣдующая особенность. Текстъ и мелодія не связаны между собою настолько, чтобы неизмѣнно сопровождать другъ друга: данный текстъ можетъ распѣваться на данную мелодію, но также на всякія другія однородныя мелодіи при соблюденіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь того, чтобы протяжная, напр., мелодія — узункўй не замѣнялась скорою— такмакъ, а такой же протяжной, и наоборотъ. Эта особенность находится въ полной противоположности съ особенностью русскихъ народныхъ пѣсенъ, въ которыхъ данный текстъ и данная мелодія въ огромномъ большинствѣ случаевъ неуклонно сопровождаютъ другъ друга.

Впрочемъ такая особенность преимущественно проявляется въ татарскихъ пѣсняхъ; что касается Башкиръ и Тептярей, то у нихъ есть много пѣсенъ, распѣваемыхъ на одну и ту же мелодію. Циклъ мелодій, на который распѣваются пѣсни, опредѣляется у Татаръ модой, благодаря которой въ одно время входятъ въ употребленіе однѣ мелодіи, а въ другое другія.

Кромѣ того, у Башкиръ и Тептярей существуетъ, насколько мнѣ удалось убѣдиться, замѣчательное явленіе смѣны поэтическаго творчества съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Однажды я ѣхалъ съ Башкиромъ пожилыхъ лѣтъ и разговаривалъ съ нимъ о баитахъ и народныхъ пѣсняхъ. Онъ между разговоромъ пѣлъ баитъ, а затѣмъ перешелъ къ пѣснѣ народнаго характера; я спросилъ его, что это за пѣсня; онъ отвѣтилъ мнѣ, что это старинная пѣсня, которой теперь уже не поютъ, а которую пѣли въ его молодости: «нашихъ старинныхъ пѣсенъ молодые парни отъ насъ не перенимаютъ, а теперь отъ насъ ребята не перенимаютъ, а выдумываютъ свои»,—продолжалъ онъ; «отчего же?»—спросилъ я;—«да это такъ всегда бываетъ: мы отъ своихъ стариковъ не перенимали, а теперь отъ насъ ребята не перенимаютъ пѣсенъ и сами для себя сочиняютъ; теперь нѣтъ уже нашихъ старыхъ пѣсенъ, а пошли все новыя». Въ параллель съ тѣмъ, что старики чуждаются современныхъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, особенно скорыхъ, и называютъ ихъ «шалтай-балтай», молодежь игнорируетъ стариковскія пѣсни или пѣсни предыдущаго поколѣнія и усваиваетъ новыя. Такимъ образомъ существуетъ любопытный фактъ появленія и исчезновенія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ цѣлыхъ цикловъ пѣсенъ, которые, продержавшись свое время, безслѣдно исчезаютъ, чтобы замѣниться новыми. Этотъ фактъ указываетъ на значительную интенсивность творчества среди разсматриваемыхъ инородцевъ, которые не затрудняются съ каждымъ поколѣніемъ создавать новые и новые циклы пѣсенъ, а вмѣстѣ на отсутствіе той преемственности, которая сохраняетъ народную пѣсню отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Конечно, господство отмѣчае-

маго факта небезусловное: извѣстная часть пѣсенъ, особенно легендарнаго, повѣствовательнаго характера, переходитъ въ новыя поколѣнія, а что касается лирическихъ, то онѣ, кажется, смѣняются съ каждымъ поколѣніемъ.

Пѣть пѣсни у инородцевъ позволительно только въ опредѣленное время: преимущественно вечерами на сборищахъ, гулянкахъ, свадьбахъ или праздествахъ, а въ другое считается неприличнымъ. При записываніи, напр., татарскихъ пѣсенъ въ гор. Верхнеуральскѣ я познакомился, между прочимъ, съ семейнымъ татариномъ Ахмадеемъ Алеевымъ, занимающимся маклерствомъ въ городѣ, обладающимъ большимъ запасомъ пѣсенъ. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ для записыванія пѣсенъ, онъ сказалъ, что надо бы де намъ уйти куда нибудь пѣть пѣсни, а то здѣсь нельзя: баба дома, да и сосѣди услышатъ и скажутъ, что Ахмадей де закутилъ, гулянка у него. И мы отправились искать нейтральнаго мѣста; такимъ въ этой сплошь татарской части города оказалась портерная, гдѣ пѣть пѣсни считаютъ позволительнымъ сами Татары.

Въ башкирскихъ кочевкахъ считается неприличнымъ пѣть пѣсни въ теченіе дня, вечерами же предоставляется полная свобода. Когда я записывалъ пѣсни днемъ, то Башкиры-пѣвцы увлекали меня куда нибудь въ уединенное мѣсто: на поляну подальше или въ лѣсъ, гдѣ насъ никто не могъ ни видѣть, ни слышать. Когда я спрашивалъ, отчего надобно такъ уединяться, то получалъ отвѣтъ: «нельзя, а то скажутъ: что за дуракъ, пѣсни поетъ безъ пути». Особенно стыдились пѣть молодые парни (малаи) въ присутствіи пожилыхъ Башкиръ.

Женщины въ этомъ отношеніи еще болѣе стѣснены и только въ интимной средѣ подругъ онѣ обнаруживаютъ, что имъ не чуждо искусство пѣнія. Мнѣ не случалось почти слышать женскаго пѣнія среди инородцевъ, и только однажды слышалъ пѣніе дѣвочекъ, одновременно и плясавшихъ: даже дѣвочки должны были уединиться въ одинъ свободный кошъ и, запершись тамъ, довольно робко предавались пѣнію. Болѣе позволительны для женщинъ пляски, по крайней мѣрѣ я раза 2—3 былъ свидѣтелемъ ихъ плясокъ на виду у всѣхъ. Однажды Башкиры деревни Кабагушевой устроили родъ пикника на такъ называемый «камень» по близости въ горахъ. Среди горъ надъ глубокой лощиной обрывомъ одиноко возвышалась высокая скала довольно правильной цилиндрической формы на подобіе колонны, основаніемъ которой служила гора; вокругъ этой скалы на значительной высотѣ надъ лощиною точно преднамѣренно кѣмъ сдѣланъ достаточно широкій каменный ходъ въ видѣ круговой площадки, и по ней можно было ходить кругомъ скалы и стоять надъ пропастью, отъ которой зрителя ничто не отдѣляло, какъ только ширина пло-

щадки, съуживавшаяся иногда до 3 — 4 четвертей. Башкиры и Башкирки ловко и смѣло бѣгали кругомъ этой естественной колонны надъ пропастью; дудочникъ игралъ пѣсни, Башкирки иногда въ своемъ кружкѣ подтягивали, а потомъ, выбравъ довольно ровное и широкое мѣстечко по уклону горы, пустились въ пляску подъ свои пѣсни; спустя немного имъ сталъ подыгрывать дудочникъ и присоединились Башкиры въ качествѣ зрителей. Башкирки плясали въ одиночку, притаптывая ногами, прищелкивая руками и вертясь тѣломъ. Здѣсь созерцали пляску женщинъ и мужчины, но обыкновенно для мужчинъ считается непринятымъ смотрѣть на увеселенія женщинъ, особенно среди Татаръ.

Танцы инородцевъ не отличаются особенной подвижностью: танцующій обыкновенно на одномъ мѣстѣ или на небольшомъ пространствѣ перебираетъ ногами, рѣдко дѣлая болѣе сильныя движенія или скачки въ сторону и жестикулируя руками или подбоченясь. Мило пляшутъ малайки и апайки (парни и дѣвочки) башкирскіе. Пляски происходятъ подъ игру свирѣли (курая) или подъ пѣніе съ ритмическимъ аккомпаниментомъ на какомъ нибудь предметѣ, напр., на деревяшкахъ, ведрѣ и т. п.; у Татаръ обыкновенно подъ игру скрипки.

Среди пѣвцовъ—инородцевъ преобладаютъ высокіе голоса—баритоны и особенно тенора, которые безъ затрудненія и естественно берутъ чрезвычайно высокія ноты, приближаясь по тэмбру къ дѣтскимъ голосамъ (альтамъ). Пѣвцы—басы встрѣчаются рѣдко. Одной изъ особенностей исполненія пѣсенъ является продолжительное протягиваніе послѣдней ноты пѣсни съ вибраціей въ голосѣ и сосредоточеннымъ взглядомъ. Эта особенность замѣчается главнымъ образомъ при исполненіи протяжныхъ, проголосныхъ пѣсенъ (узункўй).

Въ мелодіяхъ разсматриваемыхъ инородцевъ мало сказываются сложные изгибы развитаго и глубокаго чувства, нѣтъ того захватывающаго лиризма, какой присущъ русскимъ пѣснямъ; отъ нихъ вѣетъ больше внѣшнимъ настроеніемъ, объективностью, точно онѣ отражаютъ внѣшнія явленія природы (что̀ надобно сказать особенно о башкирскихъ пѣсняхъ); настоящихъ же, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ смыслѣ, звуковъ человѣческой души онѣ пока не отразили, или, можетъ быть, онѣ отражаютъ особый строй чувствованій, который мы мало понимаемъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не уменьшаетъ интереса къ той значительной мелодичности и оригинальности, какою отличаются напѣвы разсматриваемыхъ инородцевъ.

Переходя спеціально къ татарскимъ пѣснямъ и имѣя въ виду, что преимущественно среди нихъ господствуетъ фактъ независимости между текстомъ и мелодіей, я долженъ нѣсколько обстоятельнѣе коснуться этого явленія.
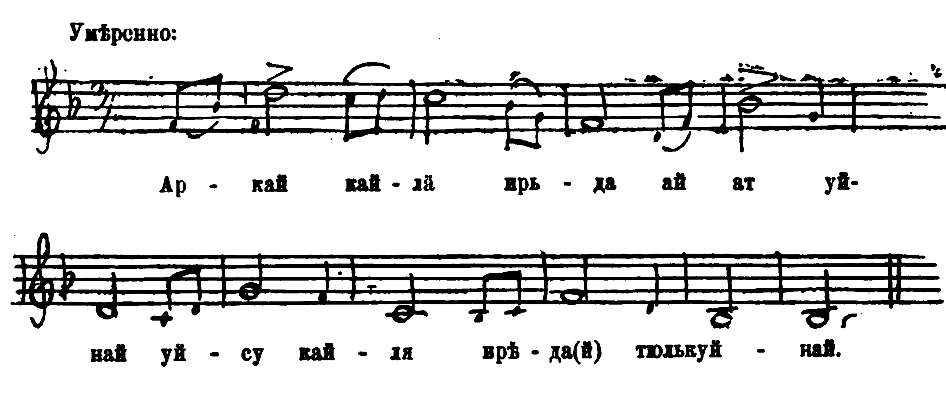
Но прежде надобно упомянуть, что главный источникъ пѣсеннаго творчества у Татаръ—Казань и Казанскій край. Очень значительная часть записанныхъ мною татарскихъ пѣсенъ сообщалась мнѣ подъ названіемъ казанскихъ, и среди оренбургскихъ татаръ мнѣ не удавалось, на сколько помнится, встрѣчать мѣстныхъ творцовъ пѣсенъ въ противоположность Башкирамъ и Тептярамъ, у которыхъ почти въ каждой деревнѣ имѣется свой сочинитель пѣсенъ. Это обстоятельство надобно считать, повидимому, за доказательство меньшей силы поэтическаго творчества у Татаръ, слишкомъ занятыхъ узкими, сухими меркантильными интересами, отчего рѣдко появляются среди нихъ лица съ поэтическими способностями. Татары довольствуются тѣмъ, что перенимаютъ тотъ или другой циклъ пѣсенъ согласно модѣ, при чемъ считается почти неприличнымъ пѣть въ данное время какой нибудь немодный мотивъ.

Пѣсни ихъ, дѣлясь по характеру мелодій на два главные класса: 1) протяжныя—у з у н к ў й и 2) скорыя, плясовыя—т а к м а к ъ, по строенію своему раздѣляются на два вида:

1) на п р о с т ы я, не имѣющія никакихъ добавленій ни въ видѣ запѣвовъ, припѣвовъ и т. п., представляющія или частый узункўй или только токмакъ; и 2) на с л о ж н ы я, состоящія изъ соединенія протяжныхъ пѣсенъ со скорыми, дѣлящіяся обыкновенно на 2 части: 1-я часть—собственно пѣсня, обыкновенно узункўй, и 2-я часть—припѣвъ, для котораго служатъ скорыя пѣсни—токмаки, наряду съ самостоятельнымъ значеніемъ играющія громадную служебную роль. Такимъ образомъ 1-я часть сложной пѣсни поется на одинъ мотивъ и 2-я на другой.

Примѣръ простой пѣсни изъ класса узункўй:

Т а ф т е л ь с к а я, не имѣющая припѣва:

Переводъ текста:
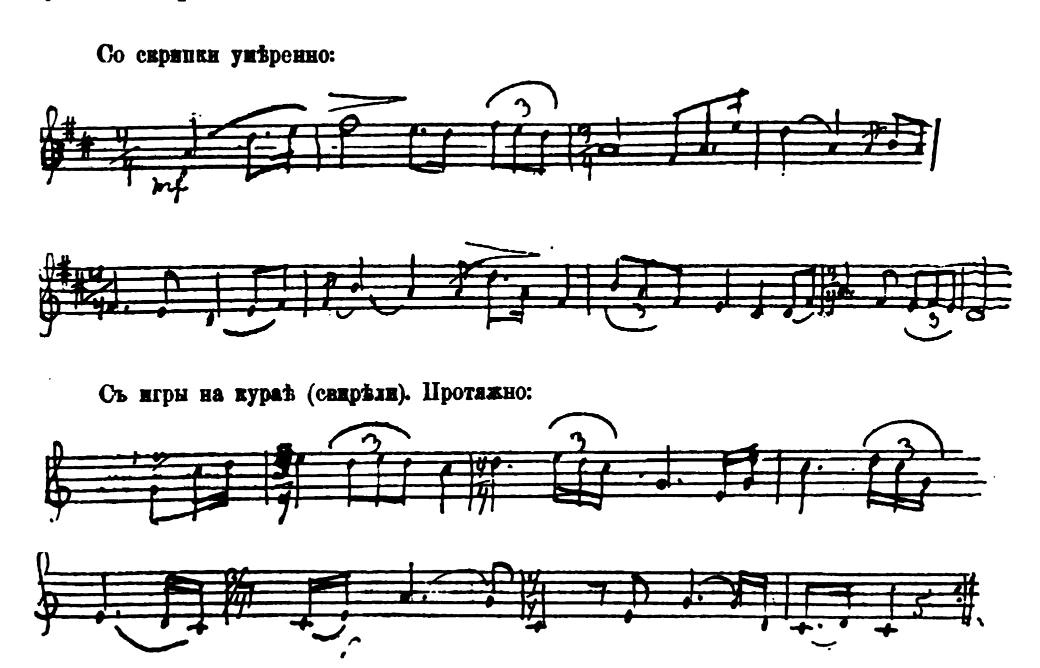
1. На возвышенномъ мѣстѣ рѣзвится лошадь,
А въ долинѣ играетъ лисица.

2. Юноша, если останется послѣ отца въ раннихъ лѣтахъ,
Заботится о каждомъ днѣ.

У Башкиръ я записалъ ее на другой текстъ:

«Передъ моею дверью широкая степь:
Отъ бѣлаго зайца и слѣда нѣтъ.
Со мной смѣялись и играли мои друзья,
А теперь ни одного нѣтъ».

Эта пѣсня одна изъ самыхъ распространенныхъ какъ среди Татаръ, такъ и среди Башкиръ и Тептярей, и будетъ кстати сравнить варіанты мелодіи этой пѣсни, какіе встрѣчаются у Башкиръ, чтобы показать, насколько фантазія Башкиръ изысканнѣе сравнительно съ татарской, а именно два слѣдующихъ варіанта:

Послѣдній варіантъ записанъ мною въ Башкирской кочевкѣ Узунгуловой въ исполненіи на кураѣ, башкирскомъ музыкальномъ инструментѣ.

Что касается происхожденія этой пѣсни, то я встрѣчалъ различныя объясненія. Башкиры въ своихъ кочевкахъ среди Урала утверждали, что пѣсня сочинена дочерью уфимскаго муфтія Тевкелева, оплакивавшею въ ней свою несчастную любовь, въ которой она была обманута.
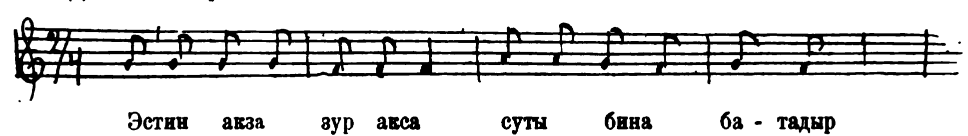
Но по объясненію, слышанному мною въ Уфѣ отъ народнаго учителя татарина Зиновія Салимъ Гиреевича Кудашева, пѣсня возникла на свадьбѣ Кутлукáя Тевкелева, племянника уфимскаго муфтія, женившагося на двоюродной сестрѣ: Башкиры на свадьбѣ пѣли эту пѣсню; во всякомъ случаѣ названіе свое пѣсня получила въ память свадьбы Тевкелева.
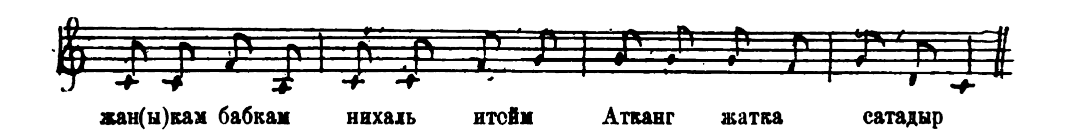
Судя по характору мелодіи, ей скорѣе можно приписать башкирское происхожденіе.

Эта пѣсня поется и среди Русскихъ на текстъ Лермонтова «Гасбулатъ удалой, бѣдна сакля твоя».

Примѣръ простой пѣсни изъ класса токмаковъ.

Переводъ текста:

«Копѣйка денегъ—большія деньги—
Упали въ воду.
Душенька, цыпленочекъ, что намъ дѣлать?
Отецъ насъ продаетъ чужимъ.

Въ трактиръ я зашелъ заложить (выпить),
Молодую дѣвку взять,
На грудь позументъ наложить,
Красный билетъ взять.

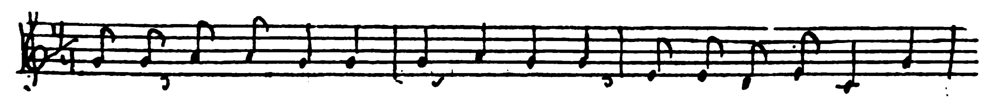
Возьмемъ шапку изъ камчатскаго бобра,
Обложимъ по краямъ позументомъ;
Если предопредѣлено на сторону не уйдемъ и пр.
. . . .

Шумитъ, шумитъ,
Дождь идетъ за избой.
Если любишь ласки утромъ,
Вечеромъ поцѣлую жарко.

Куплеты другъ съ другомъ никакой связи не имѣютъ, такъ что могутъ быть замѣнены какими угодно другими или сокращены и т. п.

Въ видѣ примѣра сложной пѣсни изъ класса узункўй можетъ служить слѣдующая пѣсня.

Аркай кай-ла ирьда ай ат уй - на Уй - су кай-лӓ ирь - да(й)

Припѣвъ (немного скорѣе):

тюлькуй - най. Ат да - га - сыс эре - мяс судай кумеш эре-мяс

ян ем ды - сн суруп ӳпкячь никичь янун эре-мяс.

Пѣсня состоитъ изъ главной части и припѣва, для котораго послужилъ такмакъ. Припѣвъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и здѣсь выступаетъ новая особенность пѣсенъ разсматриваемыхъ инородцевъ: именно пѣсня съ припѣвомъ не связана обязательно, а можетъ быть соединяема съ различными припѣвами изъ области такмаковъ.
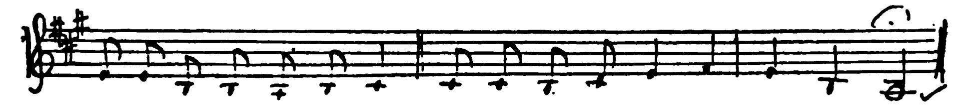
Однако въ видѣ исключенія есть пѣсни, соединяемыя только съ опредѣленнымъ припѣвомъ, при чемъ надо имѣть въ виду мелодическую сторону, т. е. съ данной мелодіей соединяется постоянно одна и та же мелодія припѣва, текстъ же можетъ быть замѣняемъ, напримѣръ:

Ар - кай кай - лӓ ирь-да ай ат уй-най. Ай зю-ляли, вай зюляли

бюрки казан тюбя - ли, Уй су кай-лӓ ирь-да тюлькуй най.
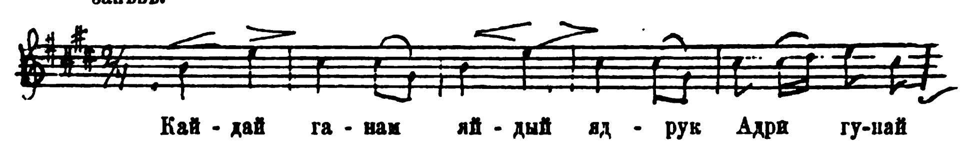
Припѣвъ (переводъ):

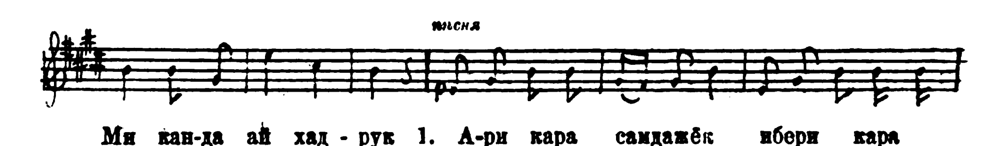
«Ай, зюляли, вай зюляли,
Шапка котелкомъ».

Мелодія его принадлежитъ только этой пѣснѣ. Онъ помѣщенъ не въ концѣ, а въ серединѣ пѣсни и раздѣляетъ ее на двѣ части.

Примѣръ сложной пѣсни изъ разряда токмаковъ.

Умѣренно, съ выраженіемъ:
запѣвъ:

Переводъ текста. Запѣвъ

Кайдай ганам яйдый ядрук
Адри гунай ми канда ай хадрук

состоитъ изъ набора словъ безъ смысла и исполняется передъ каждымъ изъ слѣдующихъ такмаковъ. У инородцевъ есть обыкновеніе начинать пѣніе куплетами безъ смысла, чтобы распѣться или имѣть время припомнить текстъ.

1. Гляжу вдаль, гляжу около,
Ничего не вижу.
Возлюбленная дала мнѣ серебряное кольцо,
А его нѣтъ на пальцѣ.

2. Я выбѣжалъ на большую мощеную улицу
И увидѣлъ торговца съ яблоками:
Тебѣ хорошо торговать яблоками,
А мнѣ спать не съ кѣмъ.

3. Вода бѣжитъ изъ желоба,
А дѣвка глядитъ въ щель:
Я побѣжалъ бы, поцѣловалъ бы ее,
Да стыдно народа.

4. Въ водѣ находится бѣлая рыба,
Поймать бы одну да посолить.
Мой возлюбленный если не весною,
то осенью прибудетъ непремѣнно:
Надобно кисетъ приготовить.

5. Въ водѣ плыветъ піявка:
Какъ бы ее поймать и посмотрѣть.
Если хочешь посмотрѣть,
Заплати полтора рубля.

6. У птицъ крылья—свои,
У людей крылья—лошади.
Если случится бѣда,
То и родныхъ не жалѣютъ.

7. Я ходилъ по всѣмъ горамъ
И насладился всякими ароматами.
Если желаешь ко мнѣ прійти,
То приходи въ пятницу вечеромъ.

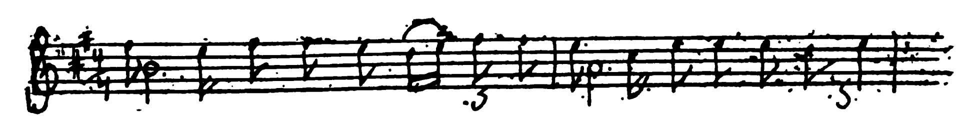
8. У шелковаго пояса кисти съ обо-
ихъ концовъ:
Чтобы ему не износиться.
Но пусть его износится,
Лишь бы мнѣ не износиться.

9. Вдвоемъ или втроемъ выѣхавъ,
Мы ночуемъ въ дорогѣ;
Если наши странствія будутъ сча-
стливы,
То мы не раздѣлимся, будемъ
первыми друзьями.
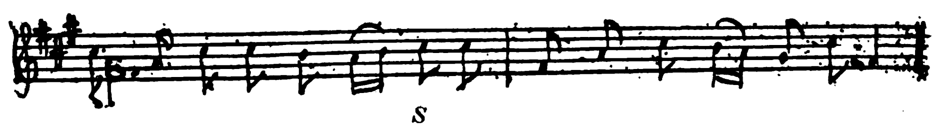
10. Красныхъ башмаковъ и бѣлыхъ
чулковъ
Что ты, дѣвка, не носишь?
Ты хороша и я хорошъ,
Что же ты меня не любишь?

На сюжетъ послѣдняго такмака Русскіе, желая потрунить надъ Татарами, распѣваютъ на ломаномъ русскомъ языкѣ (какъ говорятъ по-русски Татары) слѣдующую пѣсню:

Довольно скоро:

1. Бѣлы чулки, красна башмак Зачѣм нога не носишь

Молоденька русска дѣвка Зачѣмъ мене не любишь.

Далѣе идетъ текстъ вродѣ фабричныхъ или городскихъ пѣсенъ позднѣйшей формаціи весьма невысокаго достоинства:

2. Ахъ ты, милый, работай,
На помаду денегъ дай;
—«Денегъ нѣту ни гроша,
Безъ помады хороша».

3. Я вареньице варила,
Себѣ фартучекъ спалила.
Никому я не скажу,
Что я съ дѣвочкой хожу.

4. Пойду выйду на рѣку,
Гдѣ поближе къ кабаку:
Не моя ли пьяница
Въ кабакѣ валяется.

5. Мнѣ мальчишкѣ бѣдному
Пріютиться не къ кому:
Пріютился я къ одной,—
Отбиваетъ братъ родной.

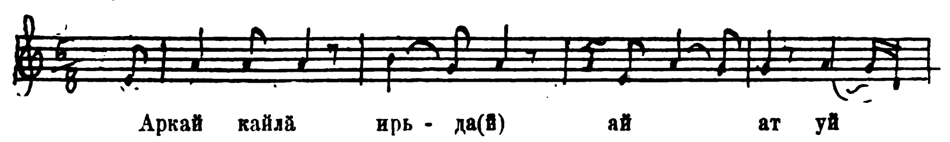
Мелодія записана мною съ голоса и съ игры на гармоніи (русскаго), при чемъ игравшій непремѣнно бралъ три параллельныхъ квинты въ трехъ сосѣднихъ тактахъ (обозначены двойными нотами въ 1, 2 и 3 тактахъ.
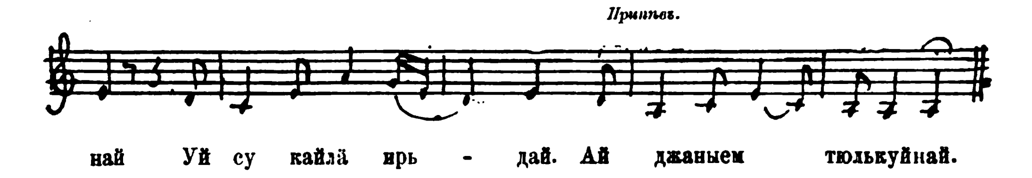
По характеру мелодія похожа на инородческія.

Выше было установлено какъ общее правило, что текстъ и мелодія въ татарскихъ пѣсняхъ независимы другъ отъ друга.

Выше приведены примѣры, какъ одинъ и тотъ же текстъ исполняется на различныя мелодіи; въ добавленіе приведу на тотъ же текстъ еще одну мелодію.
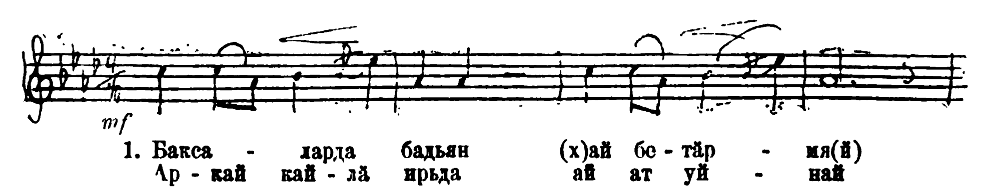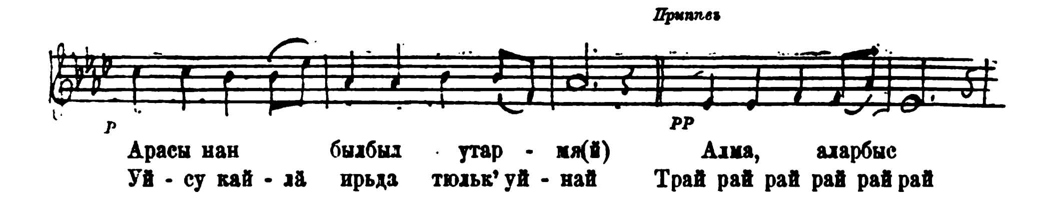

Припѣвъ: Ай, душечка, лисица,
или: Ахматъ султанъ, лисица
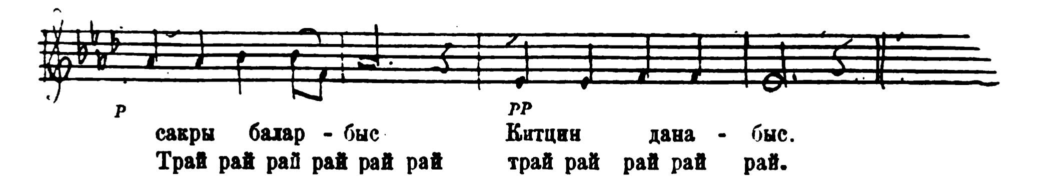
раздѣляетъ вторую половину строфы на 2 части. Пѣсня называется Ахматъ Султанъ; поется спеціально для выраженія грусти, во время одиночества и т. п.

Наоборотъ, одна и та же мелодія можетъ исполняться на различный текстъ, напр., см. вышеприведенную тафтельскую пѣснь или

Умѣренно; съ выраженіемъ:

Припѣвъ (его мелодія) принадлежитъ только этой пѣсни. Второй текстъ—одинъ изъ приведенныхъ выше. Первый текстъ—новый. Вотъ его переводъ:

1. Среди густорастущей гвоздики
   Пролетаетъ ли птица?
Припѣвъ: Пусть распространится
   Слава о насъ лично.
   Если я съ тобой не могу говорить,
   То письму не могу довѣряться.
Припѣвъ: Пусть распространится...

2. Соловей, зачѣмъ ты сталъ соловьемъ?
   Если не поешь, такъ зачѣмъ спишь въ тальникѣ?
   Пусть распространится...
   Жизнь наша такъ не долга:
   Зачѣмъ же ты такъ красивъ?
   Пусть распространится...

3. И утромъ туманъ и вечеромъ туманъ,
   Какъ будто выпавшій тонкій снѣгъ.
   Пусть распространится...
   Когда я ушелъ, она заплакала,
   Точно табуна отдаленный шумъ.
   Пусть распространится...

4. Уходя, пою я пѣсни:
   Какую пѣсню тебѣ надо?
   Пусть распространится...

Отъ нихъ не родится хорошій, а если родится,
не будетъ жить.
Такіе молодцы, какъ вы, рѣдки.
Пусть распространится...

5. Побѣжалъ я въ цвѣточный (фруктовый) садъ:
Покраснѣло, поспѣло одно яблоко.
Пусть распространится...
Тебя со мной, меня съ тобой,
Не соединитъ ли насъ Богъ?
Пусть распространится...

Но приведенное правило не безъ исключеній: нѣкоторыя пѣсни или припѣвы распѣваются только на свою мелодію или на мелодію узункўй или токмакъ, напр., слѣдующее 4-хстишіе распѣвается на мелодіи только узункўй.

Переводъ:
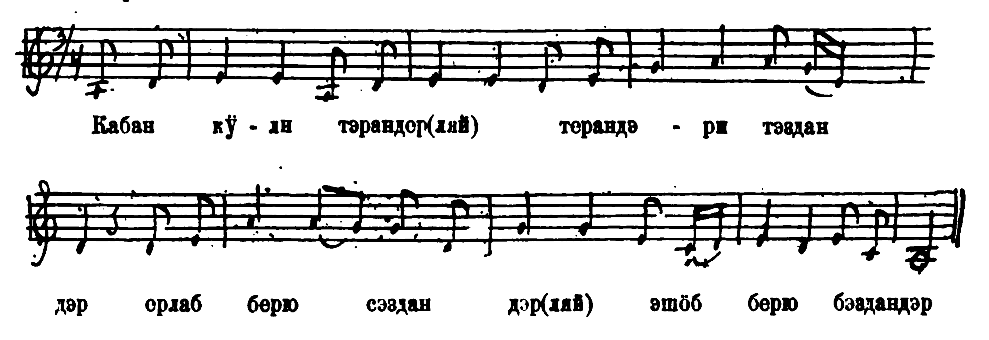
Красивыя лошади бываютъ большею частью сивы.
Гдѣ народъ трудолюбивъ, тамъ есть ремесла.
Не попадайся врагу въ руки:
Цѣнная голова твоя будетъ безцѣнна (лишится цѣны).

а 4-хстишіе:

Желтый жаворонокъ садится на болото,
Чтобы пить прохладную воду.
Красивый молодецъ ходитъ по ночамъ,
Чтобы цѣловать красивыхъ дѣвушекъ.

поется на мелодіи только т а к м а к ъ.

Встрѣчаются пѣсни, представляющія нѣчто среднее между токмакомъ и узункўемъ, напр.:

Переводъ:

Озеро Кабанъ очень глубоко:
Самое глубокое мѣсто по колѣно.
Мы споемъ,
Вы выпьете.

Мелодія сочинена въ Казани въ 1891 г. по случаю смерти одного купеческаго сына лѣтъ 13—14 отцомъ умершаго. Общеупотребительна для выраженія сильныхъ и противуположныхъ чувствъ: печали, веселости и пр., и сообразно съ этимъ поется въ умѣренномъ и болѣе скоромъ темпѣ.

Приведенныя исключенія не уничтожаютъ однако общаго правила, что татарскія пѣсни могутъ быть исполняемы на различныя мелодіи, только смотря по надобности измѣняются ударенія.

Содержаніе татарскихъ пѣсенъ довольно разнообразно, касаясь различныхъ сторонъ повседневной жизни; самая многочисленная часть пѣсенъ посвящена любовнымъ сюжетамъ, при чемъ дѣло доходитъ часто до неудобныхъ откровенностей и реализма. Такъ называемые такмаки преимущественно любовнаго содержанія и сочиняются они главнымъ образомъ среди Татаръ: башкирскихъ и тептярскихъ токмаковъ встрѣчается мало.

Что касается протяжныхъ пѣсенъ—узункӯй, то наряду съ любовными темами въ нихъ замѣчаются и такія, какъ: краткость жизни, здоровье и цѣнность его, сиротство, тоска по родинѣ и тяжелая жизнь на чужбинѣ въ солдатскихъ пѣсняхъ, гнетущее вліяніе раздумья, горя, жалкое состояніе бѣдняка, важность друзей, тяжесть разлуки, скоротечность времени, нелюбовь къ снохѣ и т. п.
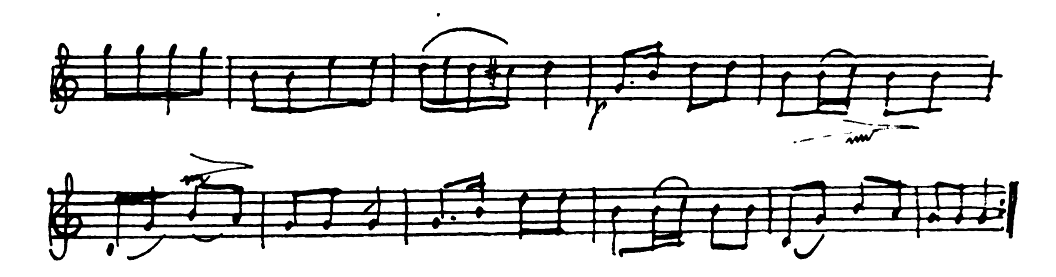
Инструментальныя мелодіи у Татаръ представляютъ не столь многочисленный классъ, какъ пѣсенныя. Сюда входятъ плясовыя мелодіи и мелодіи, представляющія варіанты къ пѣсеннымъ.

Татары исполняютъ ихъ на скрипкѣ или гармоніи, заимствованныхъ отъ Русскихъ, такъ какъ собственныхъ инструментовъ у нихъ нѣтъ или они не встрѣтились мнѣ въ Оренбургской губ. Изъ плясовыхъ мелодій обращаютъ на себя вниманіе:

Казанская плясовая пѣсня:

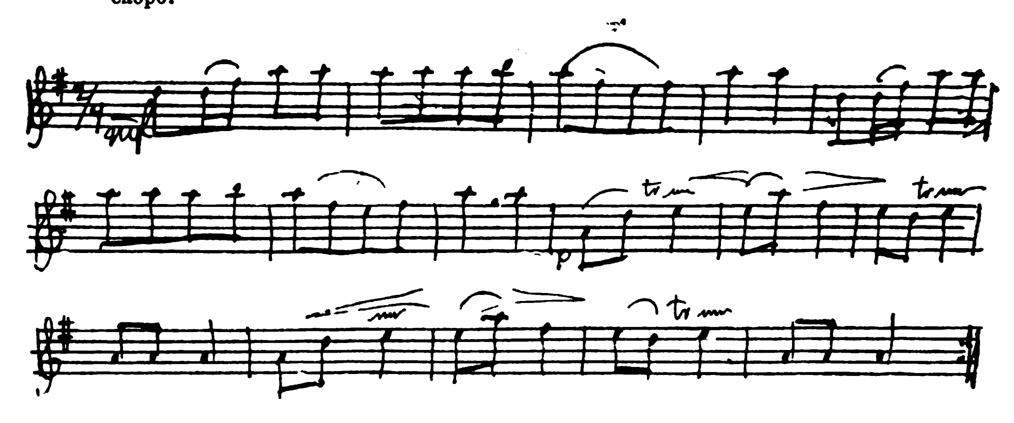
скоро.

Касимовская пляска:
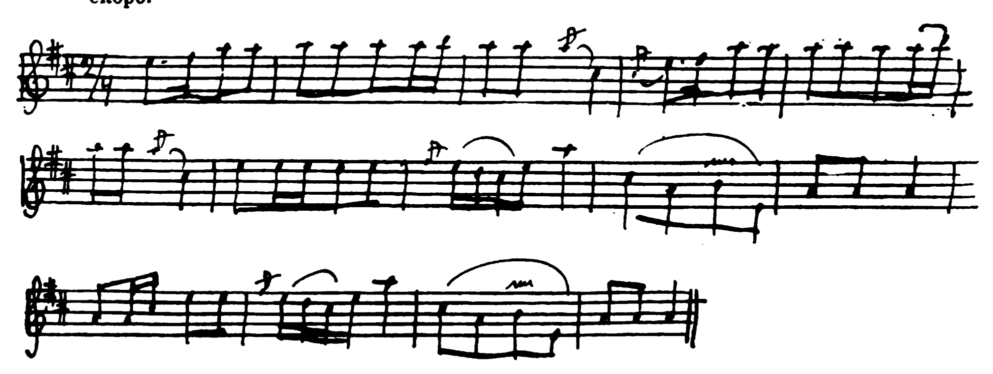
скоро.

Изъ мелодій, представляющихъ варіантъ пѣсенныхъ, характерны, напр., слѣдующія:

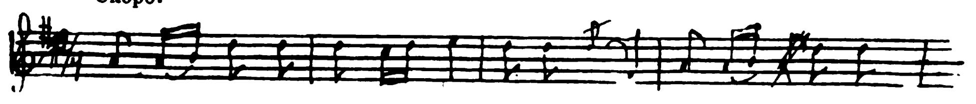
Гизнакӓй (зять, гулявшій со свояченицей), со скрипки:

скоро.
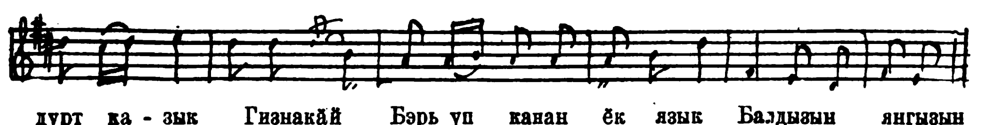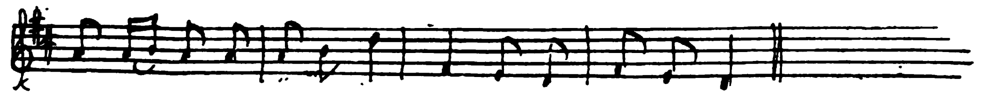

Параллельная ей пѣсенная мелодія слѣдующая:

Скоро.

1. Тау башинда дурт казык. Гизна - кӓй, Тау башинда

Переводъ текста:

1. На вершинѣ горы 4 кола, зятекъ.
Отъ одного поцѣлуя нѣтъ грѣха.
Припѣвъ. Своячена одинехонька.

2. Эта спинка отчего тонка, зятекъ?
Оттого, что ласкала татарка.
Своячена одинехонька.

3. Эти ноги отчего кривы, зятекъ?
Отъ кривыхъ калошъ.
Своячена...

4. На большой улицѣ, зятекъ,
Находится Даушева контора.
Своячена...

5. По большой улицѣ прямо пойдешь, зятекъ:
Тамъ находятся красивыя дѣвицы.
Своячена...

6. Этотъ палецъ отчего тонокъ у тебя, зятекъ?
Оттого, что надѣвалъ золотое кольцо.
Своячена...

7. По срединѣ улицы, зятекъ,
Съ шумомъ ѣдутъ сани.
Своячена...

8. Когда мы проѣзжаемъ по улицѣ, зятекъ,
Съ плачемъ остаются бѣдняки!
Своячена...

9. Богачи находятся вверху, мы— внизу, зятекъ.
Богачи пусть внизъ лицомъ провалятся.
Своячена...

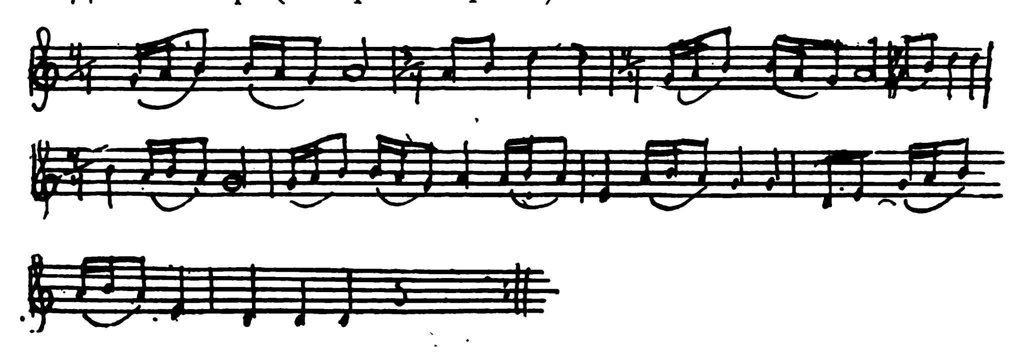
10. Богачи ходятъ въ саду, зятекъ,
Бѣдные ходятъ по степи.
Своячена...

11. На улицѣ ямщикъ остановился, зятекъ,
Шлея у его лошади съ кистями.
Своячена...

12. Наши души разсердились, зятекъ,
Не знаю, оттого ли, что одни спали.
Своячена одинехонька.

Акчарлакъ (мартышка).
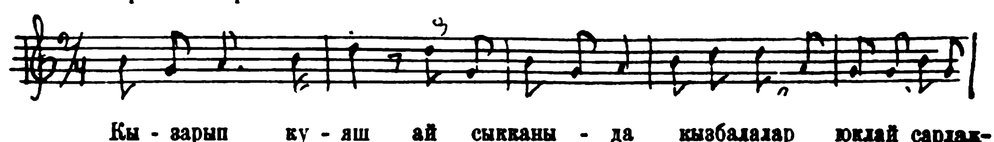
Довольно скоро (съ игры на гармоніи).
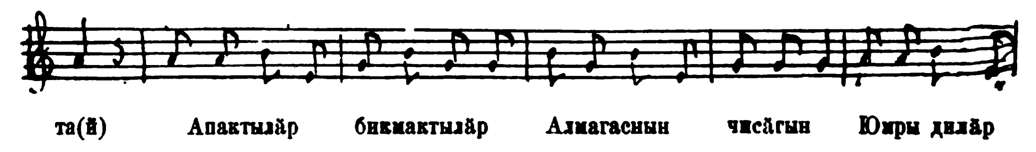

Мелодія любопытна по своему ритму, носящему характеръ большой древности, архаичности и разнящемуся отъ ритма соотвѣтственной пѣсенной мелодіи:

Акчарлакъ (мартышка).

Умѣренно скоро.

Припѣвъ скорѣе.

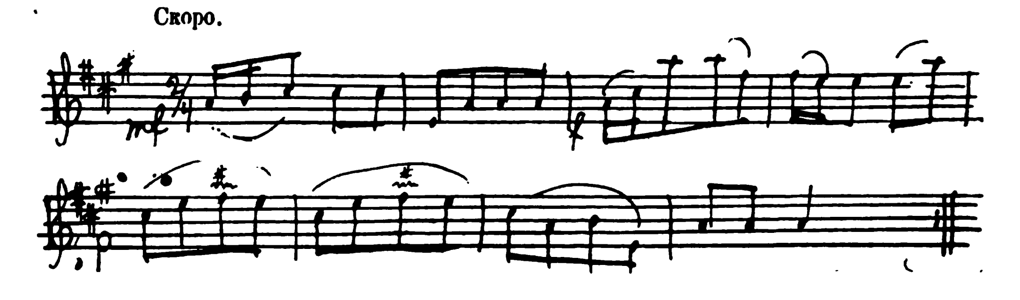

юмшак - тилӓр кызбаланын имсӓ - гын.

Айдэ агай аманат (женихъ увезъ тайкомъ невѣсту)

Скоро.

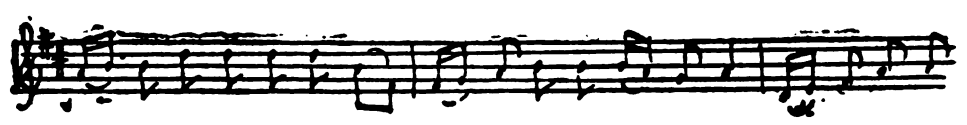

Отличается нѣкоторой размашистостью, что рѣдко свойственно татарскимъ мелодіямъ.

Соотвѣтственная пѣсенная мелодія.

Довольно скоро.

Переводъ:

1. Хайритдинъ, дядя посыльный,
Подкуй карюю лошадь.
Хайритдинъ, не выпускай дѣвицы
(дочери):
Выйдетъ — украдутъ. Яманатъ
(имя мущины).

2. Хайритдинъ рубилъ срубъ
Не на избу, а на клѣть.
У Хайритдина дяди Хамида—
Не жена, а блядь.

3. У единственнаго окна избы
Висятъ занавѣски,
Гдѣ цѣлуются и ласкаются,—
Все Божіе твореніе.
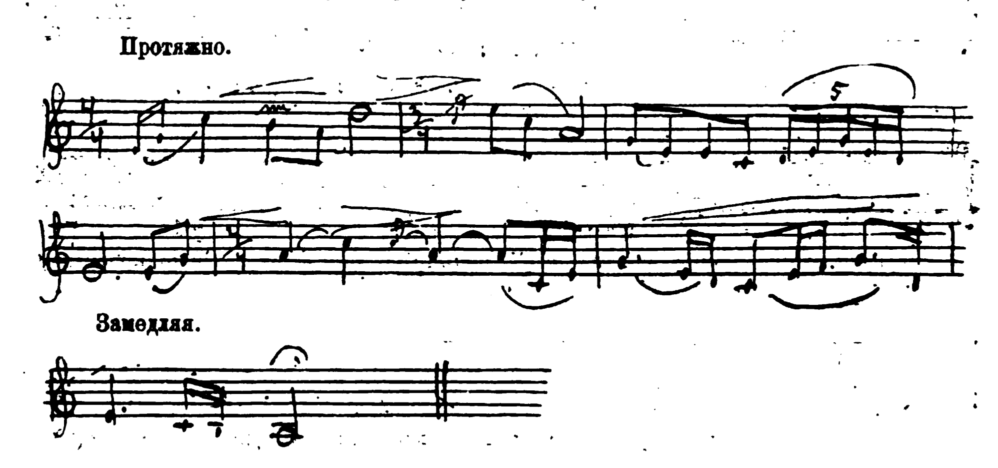
4. На горѣ червякъ
Не можетъ найти воды;
Если воды найдетъ, то дороги не
найдетъ.
Одинокая голова не найдетъ утѣхи.

5. Въ астраханскомъ саду (бакчѣ)
Выросла густая пшеница.
Если будемъ жить какъ пшеница,
То у насъ обоихъ одинъ Богъ.

6. Въ водѣ много рыбы,
А рыба щука—одна.
На свѣтѣ много красавицъ,
Но любимая одна.

7. Заплети косу, изъ пяти прядей.
Мы поѣдемъ. . . . . .
На дорогу вмѣсто хлѣба
Поцѣлуй въ правую щеку.

Казанская пѣсня (со скрипки).

не лишенная выразительности и чувства.

Въ текстѣ татарскихъ пѣсенъ замѣчаются различные слѣды русскаго вліянія. Такъ въ припѣвахъ употребляются восклицанія въ родѣ: «ахъ люль люлялей», «ай зюляли, вай зюляли», родственныя русскому «ай люли, ай люли»; или встрѣчаются цѣлые припѣвы на русскомъ ломаномъ языкѣ, напр.:

«Алялей, вилялей
Красна дѣвка удалой,
На Казани была ли?

Инородцы, образовавъ ломаный русскій языкъ, заставляютъ и Русскихъ усваивать его въ сношеніяхъ съ ними, при чемъ формы и обороты такого жаргона довольно выработаны и устойчивы.

Русскіе пользуются этимъ ломанымъ языкомъ и съ цѣлью поиронизировать надъ инородцами, сочиняя пѣсни на такомъ языкѣ и мелодіи въ родѣ инородческихъ. Выше приведена одна изъ подобныхъ пѣсенъ:

Бѣлы чулки, красна башмакъ,
Зачѣмъ нога не носишь?
Молоденька русска дѣвка,
Зачѣмъ мѣне не любишь? и пр.

Попадаются въ текстахъ отдѣльныя русскія слова и пр.

Русское вліяніе сказывается и въ томъ, что Татары поютъ нѣкоторыя русскія пѣсни: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Вдоль да по рѣчкѣ», и пр.

Кромѣ скрипки Татары исполняютъ свои характерныя мелодіи и на гармоніи, заимствованной, конечно, отъ русскихъ.

Переходя къ характеристикѣ татарскихъ мелодій, я долженъ сказать, что онѣ кажутся мнѣ въ общемъ лишенными шири и полета сравнительно, напр., съ башкирскими мелодіями; въ нихъ отсутствуетъ выдающаяся внѣшняя мелодичность; зато имъ присущи извѣстная глубина чувства и выразительность, проявляющіяся въ своеобразныхъ звукахъ.

Отсутствіе непосредственной, не задумывающейся, такъ сказать, поэтичности обусловливается, мнѣ кажется, прозаичностью характера торговаго народа, далекаго отъ природы по настроенію и обстоятельствамъ, но умнаго и достаточно глубокочувствующаго.

На ряду съ этимъ, татарскимъ мелодіямъ присущъ характеръ древности; если всмотрѣться въ составъ ихъ звукорядовъ, то въ послѣднихъ можно открыть присутствіе древнегреческихъ или такъ назыв. церковныхъ ладовъ, пятитонной, такъ наз. китайской гаммы, слѣды, если угодно, эпохъ кварты и квинты, какія устанавливаетъ для древне-народныхъ пѣсенъ Сокальскій въ соч. «Русская народная музыка» и т. п. Татарскія мелодіи вообще мало подходятъ подъ общеевропейскую гармонизацію. Съ ритмической стороны онѣ также небезъинтересны: наряду съ ровнымъ ритмомъ, который свойственъ преимущественно скорымъ плясовымъ пѣснямъ—токмакамъ, не рѣдко употребляются тріоли и фіоритуры или фигуры въ родѣ: ♬♬♩ ♪♫♩ ; различныя украшенія: форшлаги, трели и пр.

Тептярскія пѣсни.

Тептяри, населяющіе 12 деревень въ Тептяро-Учалинской Волости верхнеуральскаго уѣзда Оренб. губ., пользующіеся дурной нравственной репутаціей какъ воры, хищники, ничего своего неимѣющіе за душой, не лишены однако поэтическаго творчества и обладаютъ опредѣленнымъ цикломъ собственныхъ пѣсенъ, сказаній и пр.

Тептярскія пѣсни имѣютъ ту особенность, что въ отличіе отъ татарскихъ имѣютъ каждая свою мелодію.

Онѣ по характеру мелодіи такъ-же, какъ татарскія, дѣлятся на:

1) протяжныя—узункуй, къ которымъ принадлежатъ также пѣсни мункуй, (мункуэ)—печальныя, горемычныя;

2) скорыя—токмакъ, по тептарски кыскакъ.

Наличность пѣсеннаго творчества доказывается присутствіемъ среди Тептарей пѣсельниковъ-авторовъ. Въ дер. Рысаевой (иначе Акбулатовой) я встрѣтилъ одного изъ такихъ авторовъ—Магафура Башарова, который по болѣзни глазъ не занимался работой, а обезпечивалъ себѣ существованіе своимъ искусствомъ. Онъ сочиняетъ, по его словамъ, въ силу слѣдующихъ, побужденій: отъ нужды подъ вліяніемъ бѣдствій, чтобы облегчить ихъ, а также когда бываетъ весело; въ послѣднемъ случаѣ сочиняетъ еще лучше.

Пѣсни его сочинительства пользуются успѣхомъ среди соплеменниковъ, и мнѣ не разъ указывали на Башарова какъ на автора той или другой пѣсни съ прибавленіемъ, что нѣтъ пѣсельника, искуснѣе его слагающаго пѣсни.

Башарову 55 лѣтъ, и у него, кажется, есть порядочный запасъ своихъ пѣсенъ, изъ которыхъ иныя онъ сочинялъ, по его словамъ, лѣтъ 25 назадъ, а иныя 20, 10 и 5 и даже годъ назадъ. Часть пѣсенъ онъ посвятилъ своему семейному горю: у него одинъ за другимъ умерли дѣти, да при томъ на чужбинѣ при отбываніи воинской повинности. Когда онъ передавалъ мнѣ эти послѣднія пѣсни, то изобильно проливалъ слезы.

Несмотря на то, что пѣсни его прививались среди мѣстнаго населенія, онѣ не казались мнѣ особенно интересными съ мелодической стороны.

Башаровъ не только пѣвецъ, но также и игрокъ на скрипкѣ, на которой онъ исполнялъ помимо своихъ татарскія, башкирскія и русскія пѣсни и даже кадрили изъ послѣднихъ, такъ какъ Тептяри, оказывается, умѣютъ танцовать кадриль, которую усвоили отъ Русскихъ въ публичныхъ домахъ.

Пляска называется біну, плясунъ—біусы. Башаровъ является непремѣннымъ участникомъ свадебъ, гулянокъ и пр. и представляетъ изъ себя типъ профессіональнаго музыканта, рѣдко встрѣчающійся среди описываемыхъ инородцевъ, особенно среди Башкиръ.

Своихъ музыкальныхъ инструментовъ у Тептярей нѣтъ, а есть заимствованные. Отъ Башкиръ они переняли свирѣль — курай, игрокъ на которой, дудочникъ, наз. курайсы, въ параллель съ чѣмъ пѣсельникъ наз. ираусы. Отъ Русскихъ заимствовали скрипку, балалайку и гармонію.

Пѣсни распѣваются на свадьбахъ, гулянкахъ, въ вечернюю пору; на свадьбахъ поются обыкновенныя,—спеціально свадебныхъ пѣсенъ не существуетъ; тептярскіе пѣсельники имѣютъ практику также на окрестныхъ золотыхъ пріискахъ, куда приглашаютъ ихъ съ цѣлью увеселенія Русскіе.

Пѣсни среди Тептарей, какъ среди Башкиръ, живутъ, по словамъ Башарова, не болѣе человѣческаго вѣка, замѣняясь съ новымъ поколѣніемъ но-

вымъ пѣсеннымъ цикломъ. Но господство этого явленія ограничено исключеніями.

При сочинительствѣ текста авторы руководятся, по словамъ упомянутаго Башарова, слѣдующимъ.
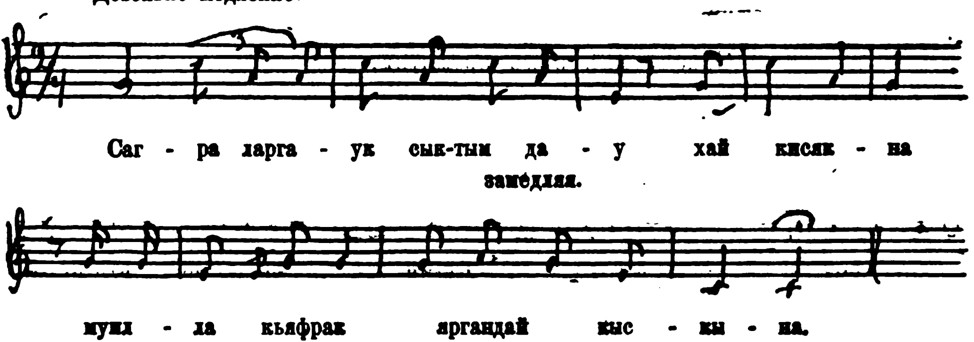
При составленіи строфы они подбираютъ по двѣ пары стиховъ такъ, чтобы между обѣими парами стиховъ было соотвѣтствіе въ риѳмѣ, которая приходится на 2 и 4 строчки; такія двѣ пары стиховъ, иначе 2 полустрофы съ риѳмой, называются кушъ (пара).

При записываніи Тептяри, какъ и другіе инородцы, воспроизводили и повторяли для меня мелодіи обыкновенно отчетливо, безъ измѣненій при повтореніяхъ.

Приведу нѣсколько образцовъ тептярскихъ пѣсенъ.

Мункўй (жалобная пѣсня).

Текстъ и мелодію сложилъ упомянутый выше Магафуръ Башаровъ на смерть своего сына, 21 года, умершаго при отбываніи воинской повинности.

Переводъ текста:

1. Я вышелъ на открытую степь:
Черемуха расцвѣла цвѣтами.
Что, Боже мой, случилось со мною?
Нужда (горе) не отходитъ отъ меня.

2. Я гулялъ темной ночью по межѣ:
По ней не заблудишься;
А уйдешь изъ-за нужды на другую сторону,
И заблудишься.

3. Полевой звѣрь идетъ по горѣ,
Казарки (гуси) летятъ вдоль озера.
Отъ большаго горя
Мое сердце наполнилось желчью.

4. Я шелъ вдоль рѣки,
Гдѣ играютъ чебаки.
«Прости теперь, батюшка», сказалъ онъ (умирающій сынъ)
И положилъ руку на шею (обнялъ).
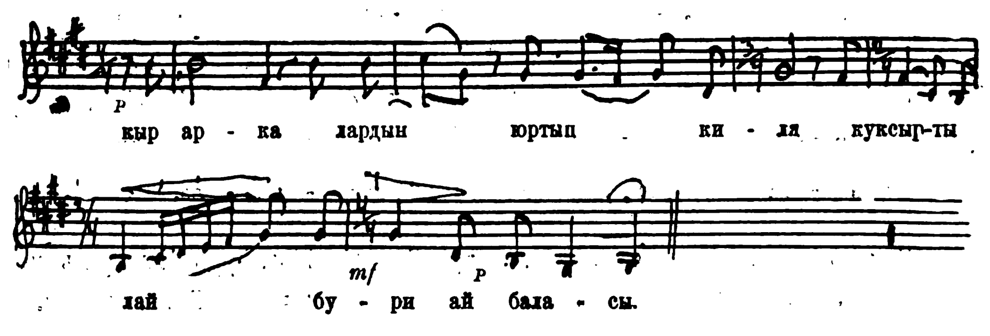
5. Богатые люди любятъ богатство:
Мнѣ богатства не нужно, дай Богъ
мнѣ лишь здоровья:
Здоровье мнѣ дороже богатства;
Прости меня, Господи!

6. Отчего у меня болитъ голова,
Изъ праваго и лѣваго глаза течетъ слеза?
Много будешь думать о каждомъ
горѣ,
Съ ума сойдешь.

7. Хуже, чѣмъ свою душу отдавать,
Оставлять на чужой сторонѣ (близкаго).
По улицѣ кто-то идетъ:
Походка точно у Абдылгафура (сына
автора).

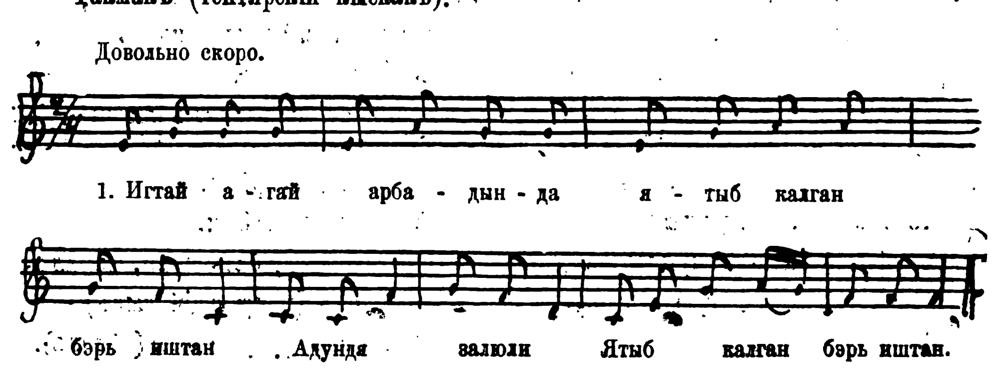
8. Теперь точно безумный я сижу:
Что со мной случилось, какое горе
послалъ мнѣ Богъ?
—«Не плачь, мой батюшка,
Богъ велѣлъ мнѣ на этой землѣ
лечь»,

9. —«Кто тебѣ сказалъ, родной батюшка,
Чтобы скорѣе пріѣхалъ?»
(Отецъ)—«Господь судилъ
Одному мнѣ вѣкъ прожить».

Пѣсня сложена по поводу похищенія шкатулки съ золотыми деньгами у партіи русскихъ переселенцевъ тремя тептярями, которые были пойманы.

Такмакъ (тептярскій кыскакъ).

Переводъ.

1. У дяди Игтая
Остались одни штаны,
Адундя залюли,
Остались одни штаны.
Фахарница о штанахъ не думаетъ,
Очень ужъ хорошая любовница,
Адундя залюли
Очень...

—

2. Игтай рубитъ лѣсъ
Не на избу, а на амбаръ,
Адундя залюли,
Не на избу...

Молодуха дяди Игтая
Фахарница—блядь,
Адундя залюли
Фахарница...

—

3. Идутъ гуртомъ бараны,
Все бѣлые, черныхъ нѣтъ.
Адундя залюли...
Какъ же быть Фахарницѣ?
Живетъ она какъ Богъ велитъ,
Своей воли нѣтъ.
Адундя залюли...

Приведу примѣръ бакалинскихъ пѣсенъ.

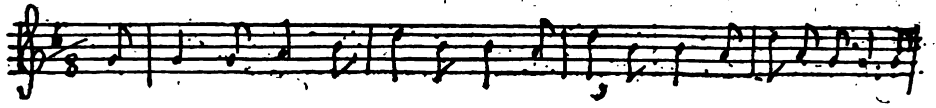
Бакалинцы (по сообщенію пѣвшаго мнѣ пѣсни бакалинца Павла Ивановича Шурупова)—Татары, крещеные при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ во время взятія Казани: часть Татаръ скрылась, а другая была крещена. Названіе свое Бакалинцы получили отъ селенія Бакалы, гдѣ они жили, на р. Камѣ недалеко отъ впаденія рѣки Бѣлой; а теперь они обитаютъ въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губ.

Музыкальные инструменты, распространенные среди нихъ, русскаго происхожденія: балалайка, гармонія, гусли, скрипка, а также сыбузга (чибузга), татарскій инструментъ, на которомъ играютъ молодые парни на святкахъ.

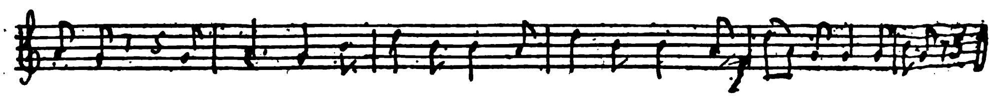
Бакалинцы усвоили многіе русскіе обычаи и обряды: такъ на святкахъ парни и дѣвки, откупивъ вечеръ (т. е. помѣщеніе для вечера), въ полночь приносятъ воды съ рѣчки, опускаютъ кольца и гадаютъ.

Крещеные Татары имѣютъ и другое названіе: Нагайбаки отъ селенія Нагайбакъ, въ которомъ они жили (Уфимск. губ.).

Умѣренно.

Агы - дыль кай ларнын яры бник ябн - шип менарларта та-

лыёк Мыскингна джигит слы китты бирып кы - ты - лырга малыёк.

Переводъ:

1. На рѣкѣ Бѣлой высокій берегъ, держаться за листья нельзя: нѣтъ тальника.
Бѣдный молодецъ заплакалъ и ушелъ: дать ему нечего.
2. Когда зайдешь въ лѣсъ свисти, чтобы осиновые листья тряслись.
Тамъ, гдѣ ходишь, ходи хорошо, чтобы весь народъ дивился (любовался).
3. На бѣлой березкѣ сѣрая бѣлка: «не поддамся на выстрѣлъ», говоритъ и прыгаетъ.
Бѣлую рученьку положу на шею и разстанусь съ тобою.

Башкирскія пѣсни.

Больше поэтичности, полета и внѣшней мелодичности обнаруживаютъ башкирскія пѣсни.

Среди Башкиръ въ большомъ количествѣ распространены, между прочимъ, татарскія пѣсни, только онѣ часто поются на башкирскія мелодіи. Поэтому то, что сказано объ особенностяхъ татарскихъ пѣсенъ, имѣетъ отношеніе и къ Башкирамъ. По мнѣнію Татаръ, разница между башкирскими и татарскими пѣснями болѣе въ мелодіяхъ, чѣмъ въ текстѣ, который большею частію общій. Но это не совсѣмъ такъ: у Башкиръ существуетъ огромная область собственнаго творчества, весьма разнообразнаго, отъ котораго вѣетъ вполнѣ своеобразной, отличной отъ татарской, поэтичностью.

Башкиры дѣлятъ пѣсни на проголосныя—кӱйляп и скорыя—дженгыль-кӱй; если попросишь Башкира спѣть токмакъ, то онъ обыкновенно поетъ татарскую пѣсню.

Башкирамъ присущи поэтическое и музыкальное творчество повидимому въ большей степени, чѣмъ Татарамъ. Ихъ поэтическое настроеніе питается близостью съ чудной природой, какая существуетъ на Уралѣ; ихъ наивная мечтательность поддерживается тѣмъ, что они до извѣстной степени еще дѣти природы, нравственно почти цѣльныя, не знавшія большихъ сношеній съ другими народами, чуждые борьбы личныхъ эгоизмовъ среди той привольной обстановки, которою они располагаютъ еще.

Наличность и сила творческихъ способностей Башкиръ доказываются тѣмъ, что среди нихъ до послѣдняго времени встрѣчаются нерѣдко пѣсельники, соединяющіе въ себѣ и даръ поэтовъ и даръ композиторовъ, т. е. сочиняющихъ свои пѣсни на собственныя мелодіи; затѣмъ та же творческая способность подтверждается любопытнымъ, упомянутымъ уже выше, фактомъ смѣны пѣсеннаго творчества съ каждымъ поколѣніемъ: это легко допустимо,

если среди народа въ изобиліи появляются творцы—пѣсельники. Въ кочевкѣ Узункуловой Верхнеуральскаго уѣзда я встрѣтилъ, напр., дудочника (курайсы) Лукманова, который въ окрестномъ населеніи считался лучшимъ игрокомъ на свирѣли, а также искуснымъ стихотворцемъ, который былъ мастеръ сочинять эпиграммы на своихъ соплеменниковъ и на разные случаи.

Наряду съ пѣснями у Башкиръ развита инструментальная музыка, въ связи съ которой они имѣютъ свои собственные инструменты, главнымъ изъ которыхъ является свирѣль, такъ называемый к у р а й, устраиваемый изъ стебля полеваго растенія, обрѣзаннаго и открытаго съ обоихъ концовъ,—на которомъ прорѣзаны 4 отверстія съ одной стороны и одно съ другой. Звуки этого инструмента, тихіе, меланхолическіе и задушевные, достаточно хорошо воспроизводятъ мечтательность башкирскихъ мелодій. Игрокъ на кураѣ называется курайсы (дудочникъ).

Есть еще другой инструментъ—домбра, который по увѣреніямъ однихъ представляетъ видоизмѣненную балалайку въ 3 струны, а по другимъ заимствованъ отъ Киргизъ. Послѣднее вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ башкирская музыкальность шире татарской, и музыка Башкиръ явственнѣе дѣлится на 2 отдѣла: 1) на музыку инструментальную и 2) музыку вокальную.

Первая чуть ли не преобладаетъ надъ послѣднею: по крайней мѣрѣ мнѣ удалось записать болѣе инструментальныхъ мелодій, чѣмъ вокальныхъ, или во всякомъ случаѣ въ параллель съ почти каждой пѣсенной мелодіей имѣется инструментальная, какъ свободная ея варіація.

Музыкальное исполненіе у Башкиръ имѣетъ нѣкоторыя характерныя особенности. Въ виду преобладанія среди нихъ высокихъ голосовъ, они поютъ пѣсни въ высокихъ регистрахъ; въ связи съ особенностями пѣсенъ: ихъ размашистостью и пріятной мелодичностью, слушатель какъ бы уносится этимъ въ какую-то далекую высь, тогда какъ татарскія пѣсни лишены широты и точно привязаны къ одному мѣсту.

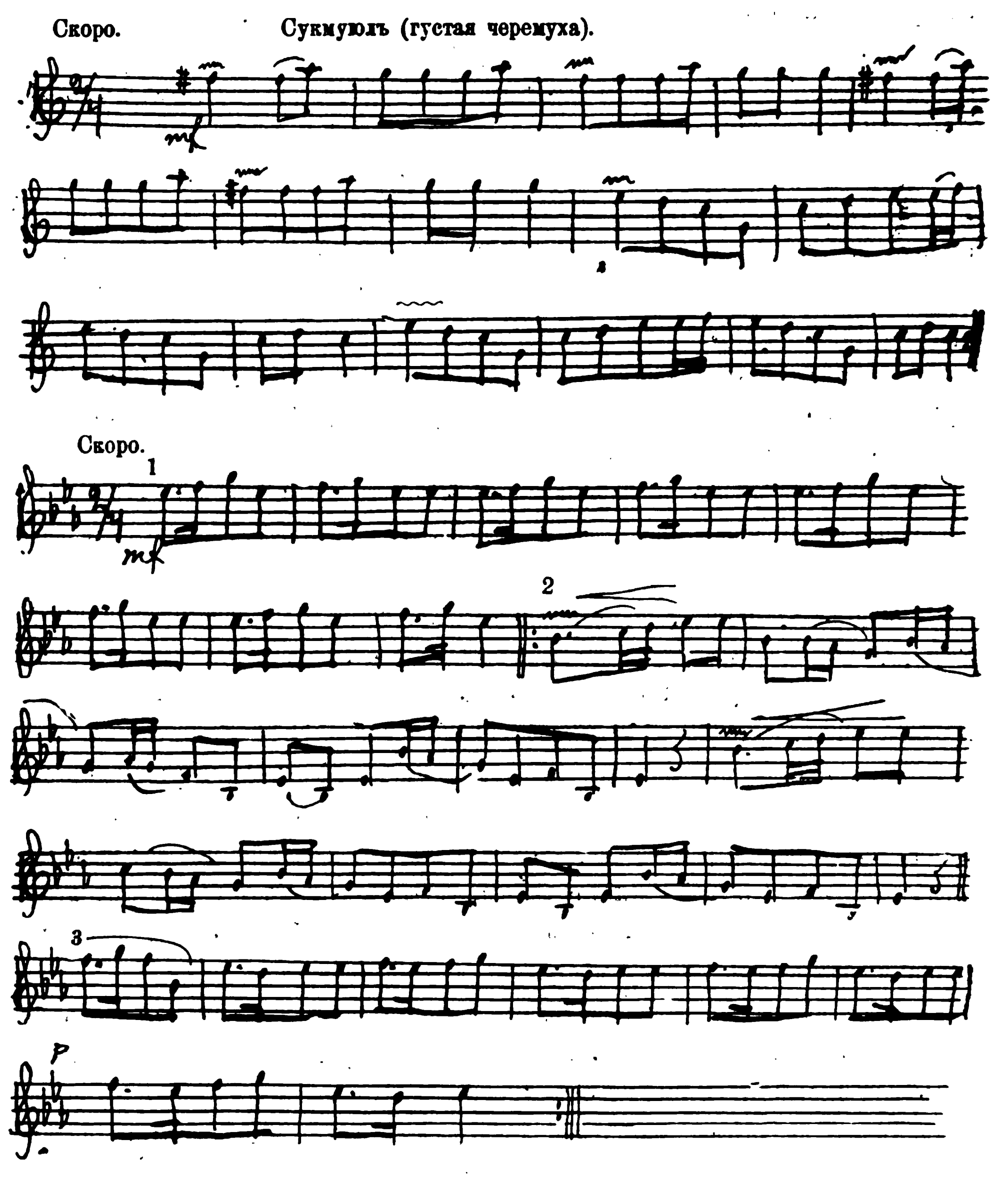
Игру на свирѣли—кураѣ Башкиры почти постоянно сопровождаютъ неизмѣннымъ горловымъ звукомъ гнусящаго характера, точно органнымъ пунктомъ или педалью.

Такое добавленіе кажется для европейскаго уха непріятнымъ, совсѣмъ лишнимъ, нарушающимъ обаяніе мелодичности мотивовъ. Но Башкирамъ это обыкновеніе, вѣроятно, нравится, если судить по общераспространенности его.

Относительное богатство фантазіи Башкиръ подтверждается еще тѣмъ, что по поводу почти каждой инструментальной мелодіи, по крайней мѣрѣ въ моей практикѣ, они сообщали какое нибудь сказаніе или легенду, такъ что

у нихъ по всѣмъ вѣроятіямъ можно было бы найти большой циклъ всевозможныхъ сказаній и миѳовъ. Среди инструментальныхъ мелодій встрѣчаются плясовыя и пріуроченныя къ поэтическимъ сюжетамъ.
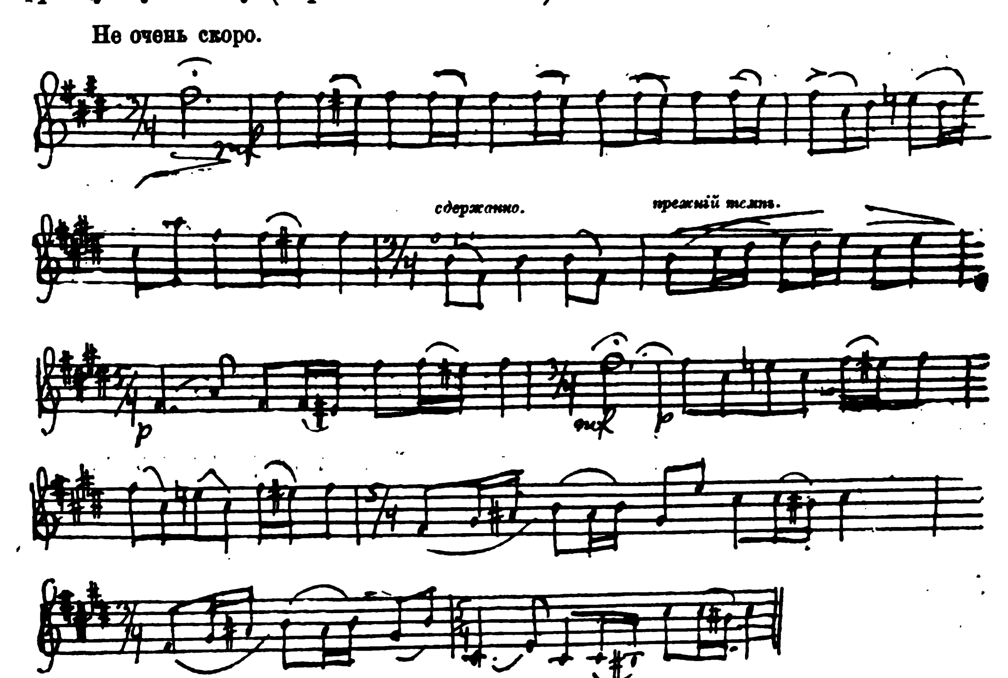
Образцы плясовыхъ мелодій:

Первое колѣно исполняется одинъ разъ, а второе и третье повторяются въ продолженіе всей пляски. Среднее колѣно по характеру напоминаетъ русскія народныя пѣсни, а послѣднее напрашивается на сближеніе съ персидскимъ хоромъ изъ «Руслана». Второе колѣно исполняется октавой выше.

Другія инструментальныя мелодіи пріурочиваются къ различнымъ поэтическимъ сюжетамъ и сказаніямъ. Напр., одна изъ нихъ называется **Калматай** — по имени храбраго воина, дворянина башкирскаго, отличившагося во французскую войну (вѣр. 1812—13 г.г.).

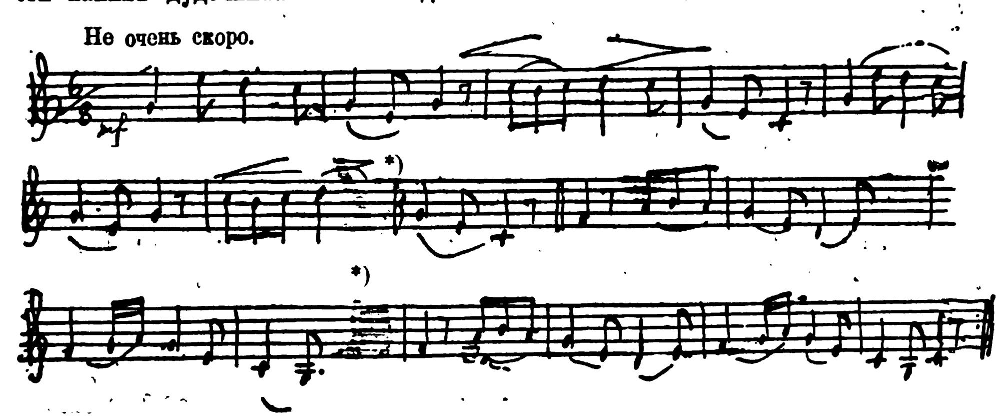
Не очень скоро.

Мелодія любопытна въ ритмическомъ отношеніи, легко дѣлится на такты въ 3 и 5 четвертей, кончается на доминантѣ, чтобы перейти къ началу.

Другая мелодія называется **Киньжавай** — по имени богатаго Башкира въ дер. Кабагушевой Верхнеуральскаго уѣзда, который обѣднѣлъ и въ горести нанялъ дудочника сочинить для него пѣсню.

Не очень скоро.

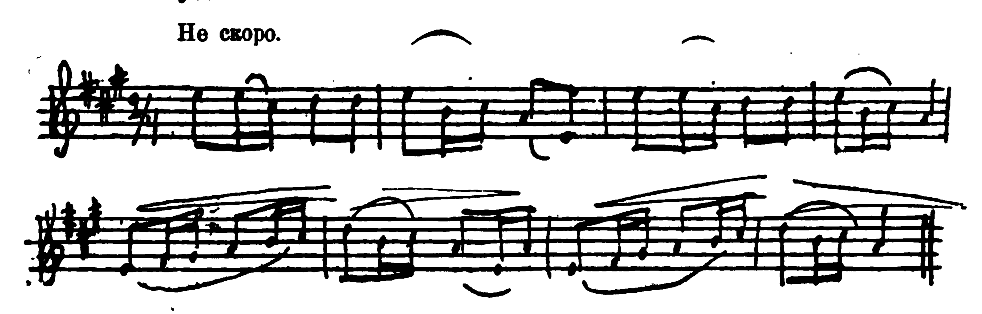

*) Въ седьмомъ тактѣ послѣ ноты *ре* не достаетъ ноты *до* (осьмушки), а въ 12-мъ послѣ *до-соль* слѣдуетъ опять *до*.

Мелодія по характеру похожа на европейскія.
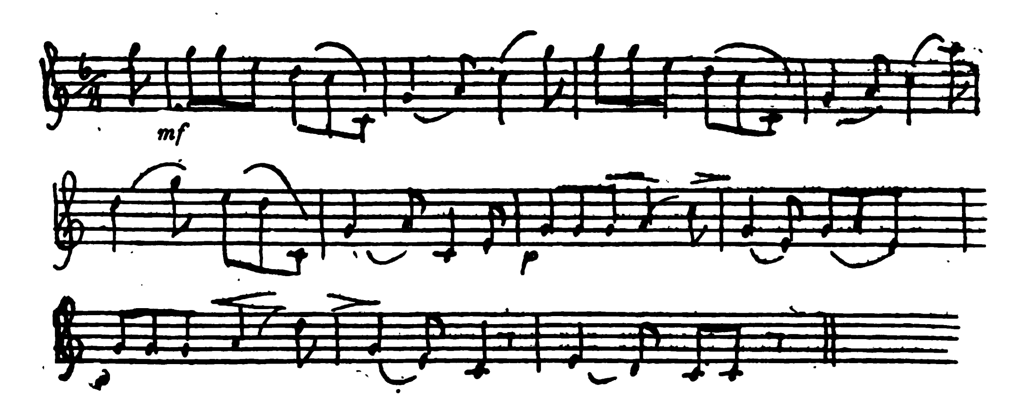
Далѣе

Будимганъ.

Есть мелодіи, воспѣвающія красоты природы, напр., рѣки, горы. Такъ мелодія

Артылышъ составлена въ честь крутой горы на уфимскомъ трактѣ — Артылышъ:
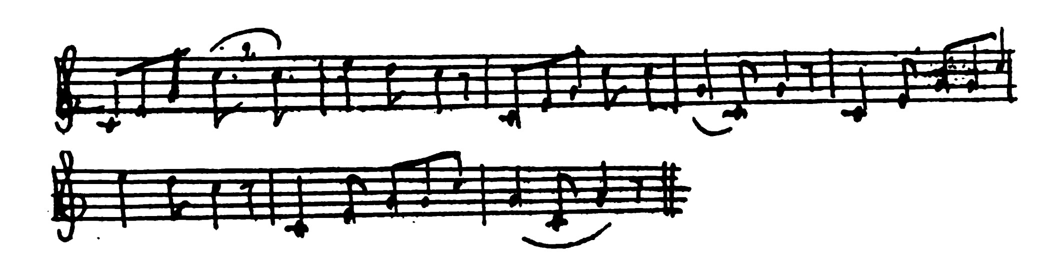

отличается своеобразностью и шириной интерваловъ, черезъ рядъ немногихъ нотъ двигаясь въ области цѣлой дуодецимы.

Или мелодія

Курташъ—прославляетъ другую гору, довольно высокую, въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, Оренбургской губ. близь дер. Казаккуловой.

Умѣренно скоро.
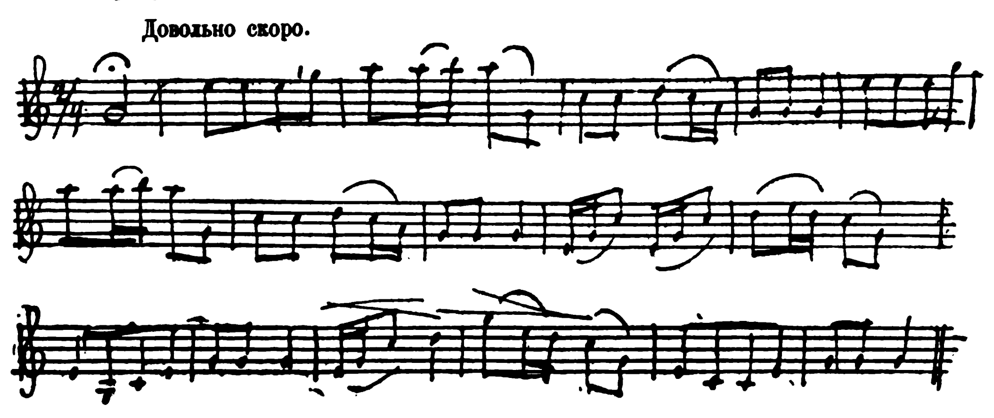

Эта же самая мелодія поется на слѣдующій текстъ:

Ирьта ля бардым курташка
Кистӑ ля бардым курташка
Ябышиб менэрь талы ёк
Сысаимъ курташ башина.
Индэм барымам кӑшина
Индэм барымам кӑшина.

Широкіе, размашистые интервалы: ноны, децимы, дуодецимы и пр. вообще свойственны башкирскимъ мелодіямъ, какъ видно на слѣдующихъ мелодіяхъ.

Сухумская

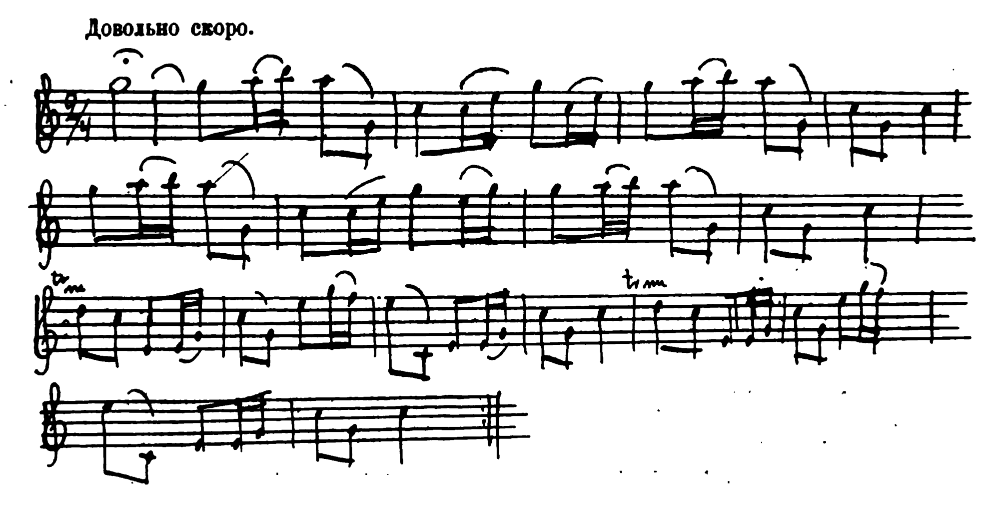
Довольно скоро.

Эту мелодію выдавали мнѣ за татарскую, но она имѣетъ явные характерные признаки башкирскихъ мелодій: подвижность, огромные интервалы, какъ бы нашъ вводный тонъ, не разрѣшающійся вверхъ, разбитыя трезвучія въ частяхъ мелодій, что очень свойственно башкирскимъ пѣснямъ; поэтому мнѣ кажется, что это башкирская мелодія. Примѣръ подобной же размашистости даетъ мелодія, съ которой связано имя

Баёк — это былъ нѣкогда плутъ, дважды бѣжавшій изъ тюрьмы и приговоренный къ повѣшенію. Передъ повѣшеніемъ онъ попросилъ позволенія сыграть эту мелодію.

Довольно скоро.
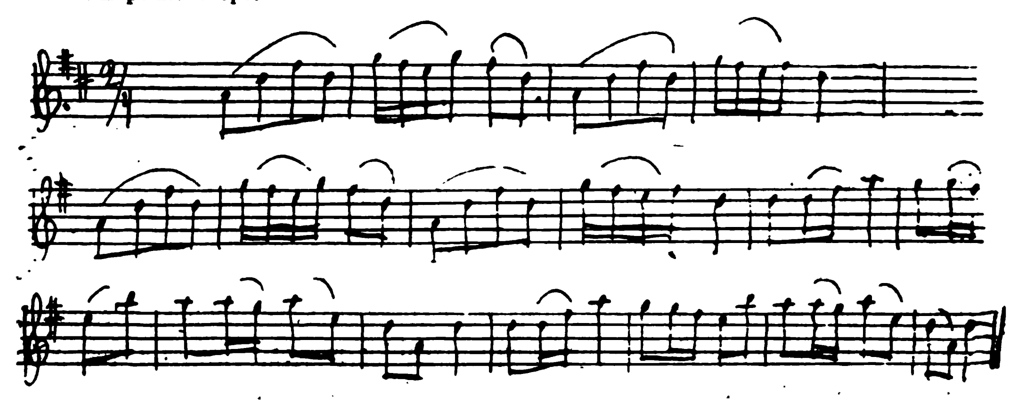

Особенностью инструментальныхъ мелодій Башкиръ является то, что въ началѣ мелодіи выдерживается довольно продолжительно опредѣленная нота какъ бы подъ фермато, къ которой игрокъ подыскиваетъ голосомъ квинту и этимъ какъ бы устанавливаетъ строй мелодіи. Въ вокальныхъ же выдерживается послѣдняя нота съ своеобразной вибраціей въ голосѣ.

Подъ вліяніемъ военной службы, наслышавшись военныхъ маршей, Башкиры сочиняютъ собственные марши.

Слѣдующая мелодія называется Перовскій маршъ (иначе «Какъ брали Казань»).

Умѣренно скоро.

По словамъ Башкиръ, этимъ маршемъ они встрѣчали на своихъ народныхъ инструментахъ оренбургскаго генералъ-губернатора Перовскаго въ Уральскихъ горахъ. По другимъ свѣдѣніямъ этотъ маршъ относится къ эпохѣ 1812—13 г.г., когда Башкиры принимали участіе въ кампаніи противъ Наполеона, и очень можетъ быть, русскаго происхожденія.
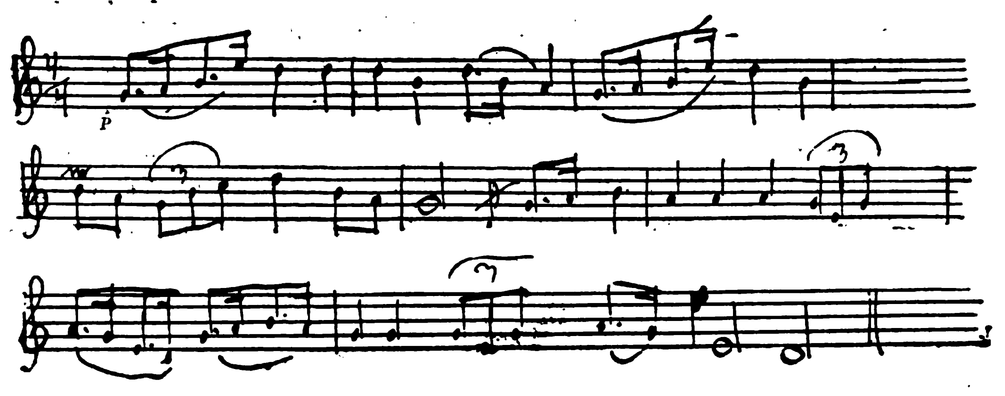
Помимо своихъ народныхъ мелодій Башкиры играютъ на кураяхъ и русскія пѣсни, напр., «чижикъ», «якъ за гаемъ гаемъ», «вдоль да по рѣчкѣ» и др., что указываетъ на проникновеніе русскаго вліянія и въ среду горныхъ Башкиръ, но въ меньшей степени, чѣмъ степныхъ Башкиръ въ Уфимской губ.

Для бо̀льшей полноты впечатлѣнія приведу еще нѣсколько мелодій.

Ганьемалъ (имя дѣвицы).
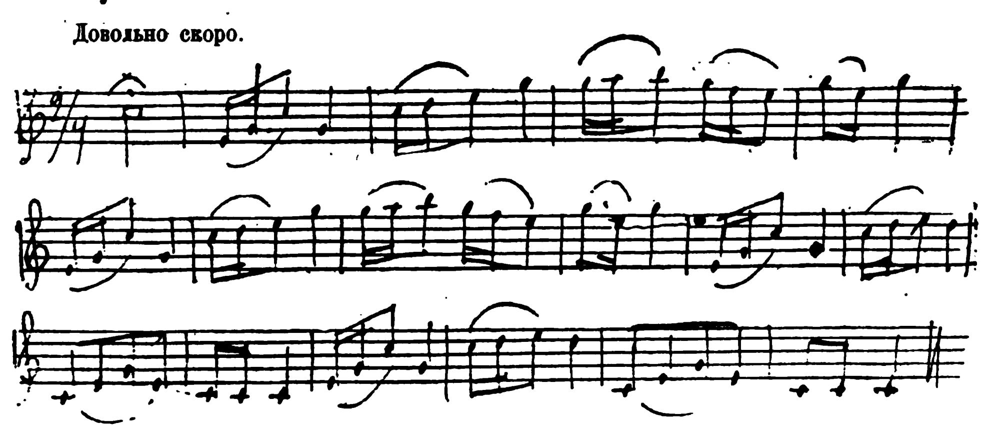

Умѣренно.

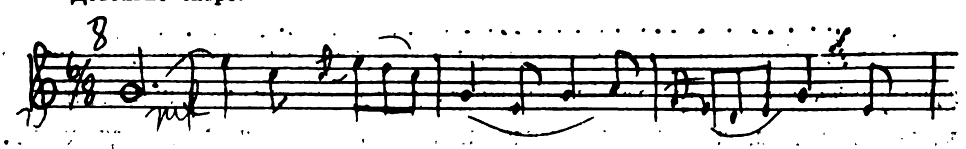
Куватовъ.
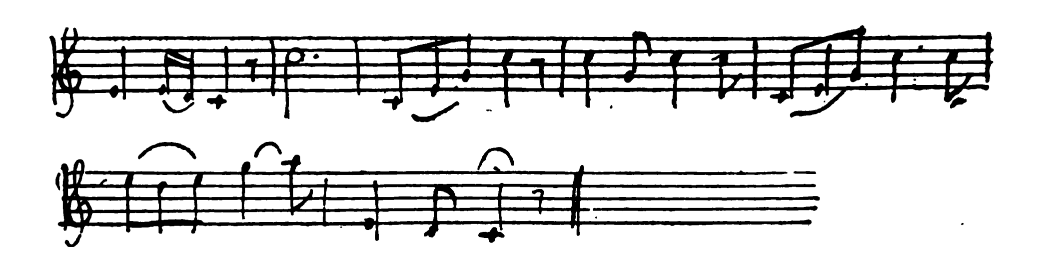
Довольно скоро.

Юлты-каракъ.

Довольно скоро.

Въ области вокальной музыки, т. е. пѣсенъ, Башкиры даютъ не менѣе любопытные образцы. Башкирскимъ пѣснямъ свойственно, какъ я уже упомянулъ, дѣленіе на проголосныя—кўйляп и скорыя—дженгыль-куй.

Съ мелодической стороны башкирскія пѣсни длиннѣе татарскихъ и часто бываютъ безъ припѣва.

Башкиры такъ же, какъ и Татары, имѣютъ обыкновеніе начинать пѣніе запѣвомъ на куплеты, лишенные смысла. На подобный текстъ записана мною слѣдующая мелодія, представляющая образецъ проголосныхъ башкирскихъ пѣсенъ, не имѣющая припѣва:

Умѣренно.

Гали - ляу гна ми - кан дук Галиляу гнай ни-

дук, вай хай ляй, хай Галилей гна ни-

дук ай хадрай ганам, хадырай ганам

ай вай хай - дук.

Пѣть Башкиры любятъ особенно по вечерамъ, въ лунныя ночи, но не затягиваютъ этого удовольствія слишкомъ долго, отходя ко сну значительно раньше полуночи, и только въ исключительныхъ случаяхъ на праздествахъ,

свадьбахъ и т. п. ихъ бодрствованіе и пѣніе продолжается за полночь, и изъ кошей далеко по горамъ разносятся полные мечтательности, стремленія къ чему то далекому звуки башкирскихъ пѣсенъ, прерываемыхъ инструментальной музыкой на кураяхъ.

Иногда Башкиры соединяютъ пѣніе съ игрой на инструментахъ. Башкиры, какъ и другіе инородцы, поютъ больше въ одиночку: хоровое пѣніе, говорятъ, бываетъ у нихъ чаще зимою на вечеринкахъ, свадьбахъ и т. п.

Что касается содержанія башкирскихъ пѣсенъ, то въ нихъ встрѣчаются приблизительно слѣдующія темы: случаи изъ жизни—смерть или убійство; дѣвицы—отрѣзанный ломоть, смотрятъ на сторону; сердце горячо въ свое время, а какъ пройдетъ время,—никуда не годится; счастье отъ Бога, а не отъ денегъ и не отъ ума; значеніе судьбы: предопредѣленія ея отвратить нельзя, раньше времени не умрешь; мытарства человѣка при жизни; гнетъ бѣдности, которая уничтожаетъ радости и веселье; любовь къ родинѣ и тоска по ней на чужбинѣ; хорошая жизнь богачей и т. п.

Есть много пѣсенъ и на любовные сюжеты, но онѣ отличаются бо́льшей сдержанностью, чѣмъ татарскія любовныя. Въ общемъ въ содержаніи башкирскихъ пѣсенъ замѣтенъ элементъ житейской философіи, склонность къ философскимъ взглядамъ на вещи.

Характеръ башкирскихъ мелодій, какъ я уже имѣлъ случай упоминать, значительно отличается отъ характера татарскихъ.

Прежде всего онѣ внѣшне болѣе мелодичны и эффектны и дышать какой-то особенной ширью и размашистостью, которая зависитъ не единственно отъ употребленія широкихъ интерваловъ; иногда вѣетъ отъ нихъ своеобразной прелестью, чувствуется стремленіе къ чему-то неопредѣленному, мечтательному, хотя имъ не достаетъ пожалуй глубины настроенія.

Характерная особенность этихъ мелодій, преимущественно инструментальныхъ, состоитъ въ употребленіи необычныхъ широкихъ интерваловъ: секстъ, септимъ, нонъ; звукоряды ихъ обыкновенно очень большіе, переходя за предѣлы дуодецимъ.

Повидимому, башкирскимъ мелодіямъ менѣе свойственны, насколько я могу судить по своему сборнику, украшенія въ восточномъ вкусѣ; ихъ ритмъ отличается бо́льшею ровностью, чѣмъ въ извѣстной части татарскихъ пѣсенъ, и не очень отличается отъ ритма европейскихъ мелодій.

Отъ нихъ остается впечатлѣніе вообще бо́льшей новизны, чѣмъ отъ татарскихъ, и онѣ легче допускаютъ обычную гармонизацію. Я не хочу этимъ сказать, что представленные образцы башкирскихъ пѣсенъ—продуктъ новѣйшихъ европейскихъ вліяній. Но такъ или иначе, характеръ новизны въ из-

вѣстной степени присущъ башкирскимъ мелодіямъ, хотя это не исключаетъ многихъ свойственныхъ имъ оригинальныхъ чертъ.

Сравнивая житейскіе шаги этого народа съ его поэтическою дѣятельностью, приходится признать, что въ первомъ отношеніи онъ ушелъ весьма недалеко и, наоборотъ, даетъ сравнительно прекрасныя доказательствв успѣховъ во второмъ, если принять къ тому же во вниманіе большой циклъ сказокъ, басенъ, легендъ, пословицъ, поговорокъ и т. п., который имѣется у него и образцы котораго я представлю въ слѣдующихъ книжкахъ Ж. Ст. Общій выводъ относительно разсматриваемаго нами народа тотъ, что это—народъ болѣе художникъ, чѣмъ жизненный практикъ, въ извѣстной степени чувствующій и думающій, чуткій къ поэзіи окружающей его природы Урала, но не дѣлающій жизненныхъ успѣховъ и не способный отстаивать собственное благополучіе.

С. Рыбаковъ.

Якутская свадьба.

Въ якутской свадьбѣ всего болѣе поражаетъ наблюдателя ничтожное участье въ ея обрядахъ жениха и невѣсты. Онъ съ кнутомъ въ рукахъ, въ дорожномъ платьи, низко нахлобучивъ мѣховую шапку на глаза, сидитъ за спинами сородичей на право отъ входа, въ углу, гдѣ обыкновенно привязываютъ телятъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, молчаливый и приниженный. Она, на лѣво отъ входа, въ такомъ-же мало почётномъ мѣстѣ, за камелькомъ, на лавкѣ, гдѣ въ старину спали рабыни, а теперь спятъ слуги, спрятана за ровдужной занавѣской, куда заглядывать смѣютъ только знакомыя дѣвушки и женщины. Невѣста также одѣта въ дорожное, мѣховое платье, въ шапку и рукавицы,—На нихъ обоихъ стараются обращать возможно мало вниманія, они не участвуютъ въ общей трапезѣ, — имъ даютъ ѣсть отдѣльно и ихъ далеко не всѣ изъ пирующихъ видятъ.

Собственно героемъ на якутской свадьбѣ является родъ. А такъ какъ вступающіе въ бракъ по обычаю принадлежатъ къ различнымъ родамъ, то и свадьба распадается на два одинаковые празднества, раздѣленные иногда промежуткомъ въ нѣсколько лѣтъ; на первомъ, когда женихъ пріѣзжаетъ впервые съ частью калыма въ домъ невѣсты, хозяиномъ является родъ невѣсты, на второмъ, когда невѣсту приводятъ въ домъ жениха,—родъ послѣдняго.

Обѣ эти церемоніи, за исключеніемъ небольшихъ деталей, тожественны. Онѣ состоятъ главнымъ образомъ въ обмѣнѣ подарками и угощеніи. Обмѣнъ подарками—обычное выраженіе дружбы у Якутовъ. У нихъ есть слово «догоръ» для обозначенія вообще пріятельскихъ, доброжелательныхъ отношеній, но кромѣ того есть и спеціальное слово «атасъ» равно-значущее—«побратимъ», употреблявшееся въ старину, въ личныхъ обращеніяхъ, воинами одного отряда, и служащее для обозначенія особенно близкихъ и нѣжныхъ отношеній у людей одного пола и приблизительно одного положенія. Слово «атасъ» происходитъ отъ того-же корня, что «атаста» — обмѣнъ. Обмѣняться въ знакъ дружбы можно чѣмъ угодно, но свадебные подарки, главнымъ образомъ, сводятся къ обмѣну пищей, мясомъ и живымъ скотомъ.

Въ этомъ отношеніи якутская свадьба черезвычайно близко подходитъ къ древней якутской мировой, которой нерѣдко кончались ихъ кровавыя распри и родовая месть. И тутъ и тамъ центромъ обряда является обѣдъ,

во время котораго двѣ различныя группы обмѣниваются подарками, состоящими изъ мяса и жиру. Сходство усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что и тутъ и тамъ въ обмѣнъ входятъ, какъ неизбѣжный аксессуаръ, неразрубленныя голени животныхъ.

«Какъ вы водкой, такъ мы скотскимъ мясомъ и цѣлыми костьми дѣлимся въ знакъ дружбы и родства», объясняли мнѣ Якуты

Кромѣ того есть еще много другихъ, второстепенныхъ подробностей, сближающихъ якутскую свадьбу съ враждебнымъ нашествіемъ и вслѣдъ затѣмъ заключеніемъ мировой. Отношенія обоихъ встрѣчающихся на ней родовъ полны вначалѣ какъ-бы недовѣрія и соревнованія. Нѣкогда впереди поѣзжанъ высылались три отборные «батыря» (воина), называемые «сватами высмотрщиками» (тюнгюръ корёччи). Они являлись въ домъ невѣсты въ походномъ платьи и полномъ вооруженіи. Спрошенные, что имъ нужно, отвѣчали: «неугасимый огонь зажечь, мѣдный столбъ ставить, новую юрту строить». Тогда подавали имъ три большіе кубка съ кумысомъ, и такіе-же сосуды брали три отборные воина изъ рода невѣсты. Ставъ на колѣни одинъ за другимъ и другъ противъ друга, пили одновременно напитокъ; кто поперхнулся или не въ состояніи былъ выпить, тотъ терялъ «счастіе». Соревнованіе по преданіямъ, доходило до того, что въ кумысъ пріѣзжимъ подмѣшивали мелко рубленный конскій волосъ.

Болѣе или менѣе мирныя состязанія продолжаются во всѣ три свадебныхъ дня.

Еще недавно былъ обычай, что во время дѣлежа мяса мѣстный родъ выставлялъ борца, который, ухвативши по серединѣ скотскую голень, скользкую и очищенную отъ мяса, подымалъ ее вверхъ и выскакивалъ на ровную площадку двора съ крикомъ «кюресь!»—Молодежь пріѣхавшаго рода бросалась на него, стараясь отнять кость. Родъ заполучившій ее бралъ «счастіе». Подниманіе тяжестей, проба силы, скачки, стрѣльба изъ лука до сихъ поръ въ большомъ ходу на якутскихъ свадьбахъ, и всюду родъ мѣстный и роды пріѣзжіе выступаютъ соперниками.

Приближеніе поѣзжанъ до сихъ поръ стерегутъ особые, поставленные на крышахъ, караульные. Они рѣзкимъ крикомъ даютъ знать, и тогда изъ дому мчится на встрѣчу ѣдущимъ верховой. Поѣзжане тоже летятъ къ дому въ скачь; поровнявшись съ ними верховой поворачиваетъ назадъ; тогда кто нибудь изъ ѣдущихъ, старается опередить его. Кто опередитъ, тотъ беретъ «счастіе».—Словомъ «джолъ»—счастіе, Якуты обозначаютъ всякую добычу, всякую удачу, будь это даже «удача въ кражѣ».

Многіе изъ этихъ обычаевъ уже исчезаютъ; якутская свадьба русѣетъ.

«Появились столы да вилки, водка да рюмки»—жаловались мнѣ правовѣрные Якуты. Я имѣлъ возможность наблюдать въ Колымскѣ старинную свадьбу и вкратцѣ ее опишу.

Вызвали насъ на эту свадьбу за сто верстъ особымъ нарочнымъ: моего хозяина, какъ вліятельнаго и богатаго родовича невѣсты, меня въ качествѣ почетнаго гостя. Когда поѣзжане, послѣ того какъ продѣлали церемонію съ высланнымъ противъ нихъ всадникомъ, въѣхали уже шагомъ во дворъ юрты, ихъ встрѣтили родовичи невѣсты у дверей, выстроившись въ двѣ шеренги: на право мужчины, на лѣво женщины. Коня и стремя у каждаго изъ поѣзжанъ попридержалъ соотвѣтственной почетности родовичъ невѣсты; затѣмъ всѣ, исключая жениха, вошли въ юрту. Здѣсь они усѣлись на скамьяхъ вдоль стѣнъ на право отъ входа. Напротивъ входа, примыкая къ нимъ подъ угломъ, усѣлись отецъ невѣсты, шаманъ, мой хозяинъ и такъ дальше другіе почетные сородичи дома. Всѣмъ сейчасъ же подали бокалы съ кумысомъ; подержавъ ихъ немного, они возвратили прислужнику, для изліяній на огонь. Затѣмъ, отпивали немного, передавали въ кругъ и получали бокалы взамѣнъ отъ сосѣдей. Когда кумысъ былъ выпитъ и подарки, состоящіе изъ стегнъ мяса, внесены въ домъ, самый младшій изъ поѣзжанъ пошелъ за женихомъ, который одинъ одинёшенекъ стоялъ въ полѣ и глядя на востокъ усердно крестился. Дѣло было зимою въ ноябрѣ. Посланный, взявши его за плётку, повелъ въ юрту. Здѣсь молодой сталъ на колѣни у мѣшка, гдѣ завязана была вареная кобылья голова, отколупалъ ножемъ у нея изъ подъ глазъ три кусочка жиру и бросилъ въ три пріема на огонь.

Затѣмъ голову положили на красномъ мѣстѣ среди поѣзжанъ, а жениха повели въ уголъ; невѣста давно уже была спрятана за каминомъ. Больше молодые не участвовали въ свадебныхъ обрядахъ; на первое мѣсто выдвинулись родители и сородичи. Обряды впрочемъ были очень несложные, хотя и длились три дня. Въ старину, говорятъ, пѣлись пѣсни, дѣлались заклинанія и совершались церемоніи, изъ которыхъ замѣчательны, напримѣръ, символическое разведеніе невѣстой огня въ домѣ мужа (уотъ сардахъ), затѣмъ пріобщеніе приведеннаго скота къ стадамъ (харамни юрюляхъ), съ явными слѣдами культа огня, какъ опекуна дома. Въ настоящее время все это исчезаетъ, остается только самое существенное: угощеніе рода и обмѣнъ подарками.

Сейчасъ же послѣ входа въ домъ жениха бьютъ скотъ, обыкновенно кобылу и корову, варятъ ихъ мясо и внутренности тутъ-же на глазахъ пирующихъ въ огромныхъ котлахъ; затѣмъ на полу разстилаютъ шкуру свѣжеубитыхъ животныхъ, мездрой вверхъ и на ней раскладываютъ передъ каждымъ изъ гостей кучки предназначеннаго ему мяса. «Таковъ столъ древнихъ

якутовъ», объясняли мнѣ замѣну деревянныхъ столовъ кожей. Тутъ-то начиналась сцена совершенно похожая на обряды якутской мировой. Съѣвъ немного, подымался съ своего мѣста «старшій сватъ», обыкноненно старшій дядя, пріѣхавшій во главѣ свадебнаго поѣзда и занимающій первое въ немъ мѣсто, бралъ лучшій кусокъ изъ выдѣленной ему порціи и съ приличной рѣчью подносилъ его отцу или опекуну невѣсты. За нимъ тоже продѣлывали остальные поѣзжане. Въ свою очередь одаренные отвѣчали тѣмъ-же; подъ конецъ торжественность церимоніи нарушалась, начиналась суета, рѣчи прекращались, только мелькали въ воздухѣ дымящіеся куски мяса и раздавались отдѣльные окрики: «сватъ такой-то возьми! сватья такая-то бери»!.. Причемъ сватъ, сватья, кумъ, деверь, свекровъ, невѣстка... всѣ эти названія родства, возникающія вмѣстѣ съ бракомъ, произносились особенно отчетливо и часто, какъ-бы для закрѣпленія ихъ въ памяти присутствующихъ. Въ рѣчахъ звучали все тѣ же фразы: «вотъ мы теперь породнились, будемъ жить въ мирѣ и согласіи!» Такіе обѣды повторялись ежедневно два раза утромъ и вечеромъ. Все время поѣзжане и ближайшіе родные невѣсты сидѣли неотлучно на своихъ мѣстахъ, все время, не смотря на жару и духоту, не снимали шапокъ, рукавицъ и походнаго костюма. Разъ только на второй день уѣхали инородные гости въ сосѣднюю юрту на нѣсколько часовъ; въ это время вскрыли привезенные ими тюки съ подарками и раздѣлили ихъ между всѣми присутствующими. Болѣе почетнымъ давали больше, менѣе почетнымъ—меньше, но давали всѣмъ безъ исключенія. Подарки состояли изъ варенаго и сыраго мяса. На третій день, свадебный поѣздъ верхами троекратно обвели по солнцу кругомъ столбовъ коновязи, и затѣмъ тѣ вскачь удалились. Во главѣ поѣзда, какъ и раньше, ѣхалъ «старшій сватъ», въ концѣ—женихъ.

Первая половина свадьбы считалась законченной. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ болѣе или менѣе продолжительный, отъ года до пяти лѣтъ, во время котораго выплачивается калымъ и когда мужъ можетъ видѣть жену только приведши часть скота и проживя по этому случаю нѣсколько дней въ домѣ ея родителей. Въ заключеніе мужъ увозилъ жену домой; ей неизбѣжно сопутствуютъ сородичи, дяди, тетки, братья, почетныя избранныя лица рода; они везутъ приданое невѣсты (энне). Въ домѣ жениха опять три дня они сидятъ чинно по мѣстамъ, пируютъ и обмѣниваются подарками. Бракъ вслѣдъ за тѣмъ считается завершеннымъ и жизнь вступаетъ въ обычную колею.

Конечно этотъ блѣдный абрисъ якутской свадьбы слабое только о ней даетъ представленіе. Она бѣдна обрядами, но богата мелкими событьями, ничего незначущими фразами, пересудами, оскорбленіями и вынужденною вѣжливостью и сдержанностью, которыя никогда не забываются, всѣми подмѣчаются и создаютъ

извѣстныя отношенія. Нужно близко сжиться съ якутской родовой жизнью, чтобы понять, на сколько якутская свадьба полна еще родовыхъ традицій, родоваго духа и какая близкая между ними существуетъ связь. Нужно повидать свадьбы въ различныхъ мѣстностяхъ, съ различной интенсивностью родовыхъ инстинктовъ, чтобы подмѣтить, какъ семейные интересы стремятся оттѣснить родовые на второй планъ и какимъ путемъ они этого достигаютъ.

У родовыхъ традицій въ настоящее время только одинъ защитникъ — общественное мнѣніе. Законъ признаетъ только права семьи. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ «курумъ» — та часть калыма, которая идетъ исключительно на угощеніе и подарки присутствующимъ родичамъ, составляетъ крупную часть платы за невѣсту. У бѣдняковъ, ради нея убивающихъ единственную скотину, она составляетъ все, у болѣе богатыхъ она составляетъ 1/2, 1/3, уменьшаясь пропорціонально, но не абсолютно. На свадьбахъ богачей, гдѣ собирается по нѣскольку сотъ человѣкъ, она достигаетъ двухъ десятковъ штукъ крупнаго скота. «Въ старину было на свадьбѣ десять обѣдовъ, и на каждый убивали двѣ или одну штуку скота. Кромѣ того много уходило на подарки. «Курумъ», говоритъ преданіе, и есть собственно плата за невѣсту, а его до сихъ поръ получаетъ родъ. Принимать въ соображеніе тѣ незначительные куски мяса, которые поступаютъ у него въ собственность членовъ семьи, наврядъ ли можно въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ количествомъ, которое поѣдаютъ и разбираютъ сородичи. Замѣчательно также, что угощеніе на обоихъ празднествахъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и невѣсты, идетъ за счетъ виновника жениха. «Курумъ» есть та часть «колыма», которая не возвращается, даже въ случаѣ неожиданной смерти жениха, тяжбы и проч., только побѣгъ и несогласіе невѣсты дѣлаетъ вопросъ спорнымъ, но имъ обязанъ воспрепятствовать родъ и родовая власть. Другія части колыма, какъ «сулу», «харамни» возвращаются со временемъ жениху, видъ приданаго невѣсты; подарки ея роднымъ, въ видѣ спеціальныхъ отдарковъ—т ё р к ю т ъ, даже плата «за поцѣлуй» (уось асаръ) подлежитъ возврату въ исключительныхъ случаяхъ и только «курумъ» возврату не подлежитъ. Это плата роду за обиду, за посягательство на его права, за утрату члена. «Курумъ» всецѣло ложится на семью жениха, но такъ какъ семья невѣсты тоже небольшую изъ него извлекаетъ пользу, то естественно обѣ онѣ стремятся уменьшить его долю. Народъ защищаетъ «курумъ», и скупая свадьба богача вызываетъ нареканія, даже публичную ругань. Тамъ, гдѣ родовыя отношенія еще сильно отражаются на хозяйственныхъ дѣлахъ, рѣдкіе осмѣливаются не считаться съ этимъ недовольствомъ. На пиру, во время раздачи мяса родичи ведутъ себя совсѣмъ свободно и зорко смотрятъ, чтобы ихъ не обдѣлили. На сѣверѣ «курумъ» составляетъ болѣе

крупную часть калыма, чѣмъ на югѣ. «Курумъ» былъ несомнѣнно первичною, самой древнею частью калыма, другія зародились и разрослись въ послѣдствіи. Жалобы на калымъ, насколько я замѣтилъ, имѣютъ въ виду теперь только эту часть его; вообще же калымъ среди якутовъ находитъ ярыхъ защитниковъ. «Кто же станетъ отдавать даромъ человѣка!..» возмущались они, когда я настойчиво распрашивалъ ихъ, за что берутъ плату, желая уяснить себѣ основы обычая. Наврядъ ли возможно объяснять происхожденіе калыма вознагражденіемъ за воспитаніе, за уходъ, и т. д., какъ это объясняютъ сами якуты. Часто калымъ получаютъ люди, совершенно не принимавшіе участья въ воспитаніи невѣсты: братья, опекуны, дядья, наконецъ хозяева за своихъ работницъ, если у нихъ нѣтъ никого. Понятіе о калымѣ, какъ о неизбѣжномъ атрибутѣ брака, до того сильно внѣдрено въ сознаніе народа, что якутская дѣвушка была-бы глубоко огорчена, если бы не нашлось человѣка, который согласился бы потребовать за неё хоть рубль. Онѣ съ глубокимъ презрѣніемъ отзывались о русскихъ женщинахъ, которыя «сами платятъ, чтобы ихъ только взяли».—Калымъ въ общей сложности достигаетъ иногда 2000 руб. Самый меньшій, какой я записалъ, былъ рублей въ 10.

Если якутская свадьба напоминаетъ отчасти нападеніе, отчасти «мировую», а калымъ въ основѣ своей скрываетъ виру, то якутское сватовство (кельтеганъ) совершенно похоже на военную развѣдку. Три бравыхъ сородича молодаго, иногда безъ него, иногда вмѣстѣ съ нимъ, отправляются гостить по сосѣдямъ. Тамъ, гдѣ имъ дѣвушка приглянулась, остаются дольше, до трехъ дней. Ничего не дѣлая, молча, сидятъ они подъ образами и зорко присматриваются къ домашнему обиходу, къ дѣвушкѣ, которая всё это время прячется старательно за перегородкой, и является только, подавая пищу. Смотрятъ, какъ вымазанъ комелекъ, какъ содержится посуда, какъ сшита и подвязана обувь молодой. Уходя на третій день, оставляютъ на столѣ лисицъ, деньги или водку, смотря по мѣстности. Они совершенно готовы къ отъѣзду: кони ихъ осѣдланы, постели уторочены, сами они одѣты и вооружены. Они дожидаются отвѣта на дворѣ. Въ это время въ юртѣ семья совѣтуется. Иногда спрашиваютъ и дѣвушку. Если позванные сваты увидятъ подарокъ свой на столѣ не тронутымъ, то молча забираютъ его и уходятъ; въ противномъ случаѣ начинаются переговоры о времени свадьбы, калымѣ, при чемъ старательно опредѣляются размѣры его разныхъ частей и порядокъ уплаты Въ большинствѣ случаевъ женятъ молодыхъ родственники и родители за глаза; въ старину женили даже маленькихъ дѣтей, а женитьба въ 8—10 лѣтъ до недавна была дѣло обычное... Впрочемъ сватовству предворяетъ иногда и «высмотръ». Собирающійся жениться молодой якутъ, ѣдетъ уже совершенно таин-

ственно, прикрывая свое посѣщеніе розысками потеряннаго стада или промысломъ. Такого высмотрщика мѣстные парни встрѣчаютъ обыкновенно не особенно дружелюбно, а дѣвушки кокетливо; я же вспомнилъ видѣнныхъ мною высмотрщиковъ, когда записывалъ впослѣдствіи слѣдующее преданіе:

«Ходя, блуждая по лѣсу, если увидѣли гдѣ красивую женщину, высматривали, гдѣ ея братья, гдѣ мужъ ходятъ, промышляютъ. Тамъ нападали на нихъ и убивали, а женщину уводили. Если нельзя было заполучить её силой, брали обманомъ. Переодѣнутся въ платье убитаго и, подойдя къ юртѣ ночью, чтобы ихъ не могли видѣть, говорятъ: «эхъ! добычи не въ силахъ принести. Выйди, женщина, помоги!» Когда та за нимъ уходила въ лѣсъ, схватывали. Если сопротивлялась, прокалывали руку повыше кисти и, продѣвши ремень, уводили насильно!»

Отмѣчу, что такимъ же образомъ по преданію, записанному въ другомъ мѣстѣ, извѣстный якутскій разбойникъ начала текущаго столѣтія «Маньчары», увелъ въ лѣсъ свою любовницу, жену извѣстнаго князя. Въ сказкахъ часто разсказывается о похищеніи женщинъ ради женитьбы, а большинство былинъ основано на поискахъ на чужбинѣ невѣсты или защиты родной сестры передъ подобной напастью.

Не можетъ быть сомнѣнія, что началомъ современнаго якутскаго экзогамическаго брака было похищеніе. Языкъ сохранилъ интересную въ этомъ отношеніи потребность; именно: приданое называется по якутски «энне», но «энне» въ старину собственно значило: «пощада жизни». Это слово произносилъ воинъ побѣжденный, но пожелавшій сохранить жизнь; послѣ чего онъ превращался въ раба и назывался «энне кулутъ». Войнъ въ предѣлахъ одного и того-же рода не бывало; жениться въ предѣлахъ одного и того-же рода строго воспрещаетъ обычай; даже въ чужомъ родѣ, но на живущихъ вблизи, жениться считается предосудительнымъ. «Дѣвушка, выходящая замужъ на родинѣ не бываетъ счастлива»; «хорошо, если вода близко, а родня жены (уру) далеко», говорятъ поговорки. — Богатые якуты обыкновенно берутъ женъ изъ дали, изъ за нѣсколькихъ сотъ верстъ. Всё это понятно, если пріимемъ во вниманіе, что сородичи кочевали вмѣстѣ вблизи.

Подробное изученіе якутскаго брака обѣщаетъ дать богатый матеріалъ для теоріи происхожденія экзогаміи. Краткость сообщенія не позволяетъ мнѣ ближе разсмотрѣть многія частности. Позволю себѣ только добавить, что якуты до недавна были полигамисты, и что въ «Сборникѣ обычнаго права», составленномъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія самими инородцами по порученію правительства, они максимумъ своихъ женъ опредѣляютъ такъ: «больше пяти въ одно время не имѣемъ».

Затѣмъ укажу на тѣ слѣды еще болѣе древняго уже эндогамическаго брака, на которые наткнулся я, собирая другія общія свѣдѣнія.

«Когда Онохой прибылъ съ юга», говорится въ преданіи о южномъ происхожденіи якутовъ, «якуты брали въ жёны собственныхъ сестёръ, такъ какъ постороннихъ женщинъ не было». «Нѣкогда въ старину еще до Тигина якуты женились такъ: если изъ двухъ братьевъ одинъ имѣлъ сына, а другой дочь, то дѣти ихъ вступали въ бракъ». «Въ старину, когда юноша—могъ натянуть лукъ, бралъ въ жены одну изъ младшихъ сестеръ и уходилъ!..» Всѣ эти показанія и многія другія изъ записанныхъ мною указываютъ какъ-бы на сводный бракъ, между братьями и сестрами. Тоже самое подтверждаетъ общераспространенное среди якутовъ преданіе о первомъ человѣкѣ, у котораго было 7 дочерей и 8 сыновей. Онѣ вступили между собой въ бракъ, исключая одного. Тѣмъ не мѣнѣе я воздержусь до болѣе точныхъ свѣдѣній отъ какихъ-либо заключеній о формахъ этого прастараго якутскаго брака. Если родственныя названія суть тотъ оттискъ, который намъ въ наслѣдіе оставили формы исчезнувшаго брака, то изученіе якутскихъ родственныхъ названій прежде всего укажетъ на отсутствіе у нихъ въ этомъ прошломъ точнаго понятія братъ и сестра. У нихъ есть названія для старшаго брата, старшей сестры, младшаго брата, младшей сестры, но названія просто братъ и сестра у нихъ нѣтъ. Къ тому же имя «убей», «бій» значитъ не только старшій братъ, но старшій дядя, старшій двоюродный братъ, старшій племянникъ; вообще всякій въ родѣ, родившійся раньше, какъ это въ обыденной рѣчи до сихъ поръ принято говорить, хотя бы въ Колымскѣ. Такъ зовутъ только родовичей; неродовичей зовутъ «догоръ»—пріятель. Относительно «эджій»—старшая сестра, «ини»—младшій братъ, «балысъ»—младшая сестра можно сказать тоже самое; прежде всего якуты какъ будто оттѣняютъ разницу въ возрастѣ, а затѣмъ уже стремятся путемъ всякихъ оговорокъ обозначить кровную близость. Это не результатъ бѣдности языка; онъ въ иныхъ случаяхъ проявляетъ даже излишнее богатство; такъ напр.: младшаго брата мущина зоветъ «ини» или «ого», а женщина—зоветъ «сурджя»; иначе зоветъ женщина невѣсту брата а нича—мущина; есть у якутовъ названіе для самыхъ отдаленныхъ степеней родства, и пр.: сы, которое стоитъ уже на предѣлахъ рода, и которое невозможно перевести по русски; есть у нихъ, наконецъ, богатая и совершенно отличная система для обозначенія родства, пріобрѣтеннаго путемъ нынѣ существующаго брака.

Такую же неясность, какъ братъ и сестра, встрѣчаемъ въ названіяхъ «сынъ», «дочь», «дитя». Ихъ нѣтъ, а есть только: вообще мальчикъ—«уолъ» и вообще — дѣвочка «кысъ», наконецъ вообще ребенокъ «ого».—Словомъ мальчики, парни—во множественномъ числѣ «уолларъ» назывались въ

старину всѣ молодые люди рода; его военный отрядъ; словомъ дѣвочки «кыргыттеръ»—всѣ дѣвушки племени—они же прислужницы; словомъ «ого» ребенокъ принято было называть всѣхъ родившихся послѣ, всѣхъ младшихъ рода.—Все это сильно затрудняетъ пониманіе преданій и былинъ, поскольку они касаются родственныхъ связей. Когда тамъ сказано «женился на младшей сестрѣ», то это можетъ значить также на женщинѣ «родившейся послѣ». Одно несомнѣнно—бракъ происходилъ въ старину внутри рода.

Относительно различенія дѣтей отмѣчу, что только понятіе мать обозначено у якутовъ спеціальнымъ словомъ «іэ», имѣющимъ такой же физіологическій корень, какъ и у насъ; слово же отецъ «ага», которое теперь употребляется ими, значило въ старину «старшій» и теперь еще употребляется въ томъ смыслѣ въ спеціальныхъ оборотахъ. Когда при составленіи таблицъ родства я спрашивалъ — названія, мнѣ всегда ставили вопросъ, старшій или младшій «ага ду балысь ду»?» даже безъ различія къ полу. Все это заставляетъ насъ полагать, что эндогамическій якутскій бракъ имѣлъ крайне неопредѣленныя формы, что былъ моментъ, когда дѣти принадлежали всему племени, и что счисленіе родства велось въ началѣ по всей вѣроятности въ материнской линіи. Изслѣдованія якутской семьи и рода подтверждаютъ это. Подтвержаетъ это также отсутствіе спеціальнаго названія для мужа, который зовется просто «эрэ»—мущина, между тѣмъ, какъ для понятія—жена есть спеціальное слово «ојохъ»: подтверждаетъ также названіе семьи, соотвѣтствующей римской «фамилія», именно: она зовется «іэ - уса» материнскій родъ въ отличіе отъ настоящаго рода отчаго—«ага уса».

Очеркъ будетъ не полнымъ, если я, хоть слегка, не коснусь роли, какую играетъ въ якутскомъ бракѣ его перво-источникъ—любовь. Я упомянулъ уже, что вступающіе въ бракъ часто не знаютъ другъ друга и не видѣлись до момента, когда стали мужемъ и женою и говорилъ, что якуты нерѣдко женили маленькихъ дѣтей, что все дѣло сводилось къ договору старшихъ, къ волѣ родителей. Наблюдатели, подмѣтившіе только это, выражали не разъ даже печатно мнѣніе, что якуты не знаютъ любви, что они живутъ и женятся и обходятся безъ нея. Это не вѣрно. Правда, экзогамія и порабощеніе женщины на долго устранили возможность выбора; матеріальная сторона брака, необходимость выкупа, зависимость вслѣдствіе этого отъ родителей, лишили въ значительной мѣрѣ этого—даже мущину; но любовь не умерла. Она принуждена была только принять незаконныя формы.

У якутовъ, какъ и у насъ, встрѣчаются въ изобиліи семейныя драмы: измѣна, ревность, побѣги, сумасшествіе, самоубійства, имѣющіе въ основѣ вражду мужа и жены и порабощеніе чувства. Въ старину было тоже; преданія

нерѣдко описывають, какъ жены въ трудныя минуты принимали сторону враговъ, какъ перерѣзывали тетивы луковъ, чтобы братьямъ доставить побѣду надъ мужьями. Тамъ-же указывается на любовь, на свободу выбора, какъ на исходъ.

Путемъ жестокой борьбы и страданій элементъ чувства опять отвоевываетъ себѣ въ якутскомъ бракѣ все возрастающее вліяніе; обычай спрашивать молодыхъ распространяется все больше, даже закоренѣлые старики якуты признаютъ его пользу. Борьба придала только особый блескъ и остроту этому на время подавленному чувству.

Чтобы дать понятіе о характерѣ его, позволю себѣ, въ заключеніе моего доклада, прочесть импровизацію якутской дѣвушки, записанную Худяковымъ. Я читалъ ее въ тюркскомъ текстѣ: она дѣйствительно прекрасна, это—стихами сложенная пѣсня; русскій переводъ прозаическій, но очень точный и мѣткій.

Импровизація дѣвушки-якутки

Ахъ, ребята! голову-мысли мои вскружили ловкіе (верткіе) мужчины, стоя-кружась, свѣтя своимъ блескомъ, покрывая свой внутренній обманъ, околдовывая удачностью своихъ выраженій (словъ), заставляя завидовать на свое добро (богатства и добрыя качества), проникая взоромъ мое сердце и печень....

Ахъ, ребята! Еслибъ полюбивши этого человѣка, обнявши его на два или на нѣсколько часовъ, поцѣловавши-понюхавши, приблизивши къ своему сердцу, хотя и рассталась-бы я (съ нимъ), то я, худая собою, послѣ, когда тѣло мое жидко, какъ вода, когда стану я старухой хрупкой, какъ гнилое дерево, постарѣю, развѣ скажу я, что въ молодости я не была счастлива? Эгяй, 2.

Ахъ! Русскій молодецъ! сидишь ты, слушая — думая, чего хорошаго скажетъ, что можетъ сказать женщина-дѣвушка съ такою недальнею (короткою) мыслью, съ такою узкою памятью, съ жесткимъ (грубымъ, невыдѣланнымъ) платьемъ? Эгяй, 2.

Мужчины-люди, вы думаете, что лучшія изъ женщинъ, дѣвицы, не имѣютъ сердца, способнаго любить! Еслибъ знала я, что языкъ мой, рѣчь, голосъ моего горла, можетъ расшевелить ваше сердце, заставить его разрываться отъ жалости, можетъ заставить васъ хорошо думать обо мнѣ — пѣла-бы я, ребята, безостановочно; воспѣвала-бы я ребята. Обратившись отголоскомъ голоса, украшеніемъ выраженій, я разжалобила-бы ваши сердца, размягчила-бы каменную вашу мысль, развязавъ, растопивъ вашу ледяную память, сдѣлала-бы я васъ столь безсильными, какъ маленькое дитя, только что начинающее сидѣть; запѣла-бы васъ такъ, чтобы вы не могли ни встать, ни пошевелиться.

Ахъ! Имѣющіе голосъ пѣвчей птички (канарейки), платье подобное наружной сторонѣ крыльевъ чирка, поясъ подобный радугѣ, туда-сюда разъѣдетесь вы далеко, свѣтя, какъ падающая звѣзда, расчеркивая небо, блестя какъ молнія, заставивъ зариться [1]), полюбить себя. Только, ребята, я, ходя взадъ и впередъ, видя во снѣ, удерживая въ памяти, нѣжа сердце-печень, думая (о васъ), считаясь за счастливую, одна на землѣ, буду ходить несчастною. Эй! Ахъ, парни! ахъ, хорошіе люди! Вы подумаете, рассердитесь, осуждая (меня): «Эдакая страшная осмѣлилась посмотрѣть на насъ! Чѣмъ я спасусь отъ этого, ребята? Развѣ обвиню ваше доброе? Развѣ обвиню вашу хорошую сторону? Ахъ, досада моя! Быть-бы мнѣ лучшей-почетной и вскружить ваши мысли. Ахъ, досада моя! Значитъ вы уйдете, оскорбившись и осердившись. И хорошіе и худые смотрятъ глазами на (мое) ласковое блестящее солнце, (развѣ оно) оскорбляется этимъ, что-ли?

Ахъ, ребята! Говорятъ на томъ свѣтѣ есть господинъ, списывающій хорошее и худое, грѣхъ и черное (темныя дѣла). Тотъ господинъ, поставитъ-ли мнѣ въ вину эти сказанныя мною слова, за то, что я осмѣлилась любящими глазами посмотрѣть на лучшихъ себя, думая, что всѣ должны быть равны мнѣ? и внесетъ (ли) онъ ребята (эти слова) въ черное письмо?

Ахъ, досадные! Улыбнувшись, какъ тѣни, вы уѣзжаете такъ, какъ огонь заходящаго солнца уменьшается, выйдетъ на гору, удаляется-удаляется и исчезаетъ! Но все-таки, какъ отъ солнца остается по горамъ солнечный отблескъ, такъ въ памяти и мысли я буду носить (о васъ воспоминаніе). Эгяй, 2.

В. Сѣрошевскій.

---

[1]) Зариться—завидовать; сибирскій провинціализмъ.

Объ обычаяхъ и обрядахъ при родахъ инородческихъ женщинъ въ Сибири и Средней Азіи.

Актъ, имѣющій для каждой женщины серьезное значеніе, и нерѣдко составляющій для жизни ея критическій моментъ, актъ, непосредственно предшествующій и сопровождающій появленіе новой особи, новаго человѣка,—актъ этотъ, роды, при всемъ различіи обстановки, обрядности и положенія роженицы, при которыхъ они происходятъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ, все-таки отличаются одной общей для нихъ всѣхъ особенностью—а именно легкостью. Эта особенность родоваго акта у сибирскихъ инородческихъ женщинъ отмѣчена всѣми наблюдателями, — путешественниками и врачами. Въ то время какъ по казачьимъ станицамъ въ Сибири значительная смертность отъ родовъ, по словамъ Усова, явленіе весьма обыкновенное [1]), у инородцевъ, наоборотъ, смертность отъ родовъ незначительна. То, что у насъ составляетъ большую рѣдкость, и о чемъ всѣ говорятъ, какъ о курьезѣ, тамъ составляетъ обычное явленіе. Напр., чтобы женщина тотчасъ послѣ родовъ сѣла верхомъ на лошадь съ новорожденнымъ и продолжала свой начатый путь,—этого у насъ, вообще у цивилизованныхъ народовъ, почти не слыхать.

У инородческихъ же женщинъ въ Сибири это не рѣдкость. Только что съ вами сидѣла въ юртѣ Киргизка, или въ чумѣ Остячка, или Гилячка, вдругъ ее не стало: она ушла, исчезла, и уже черезъ какихъ-нибудь 15 минутъ вы узнаете, что она подарила свое племя новымъ «вѣнцомъ созданія», съ которымъ она продолжаетъ путь далѣе, какъ ни въ чемъ не бывало. Такую поразительную легкость, такую по истинѣ завидную и счастливую особенность родоваго акта нѣкоторые авторы объясняютъ различно.

Такъ Meyerson объясняетъ легкіе роды у Калмычекъ открытымъ и подвижнымъ тазомъ, который получается, во-первыхъ, отъ того, что дѣтей, слѣдовательно и дѣвочекъ, носятъ на спинѣ, при чемъ ребята обыкновенно растопыриваютъ ноги по обѣ стороны материнской спины; во-вторыхъ, отъ

---

[1]) Статист. описаніе Сибир. войска. Сост. Усовъ. Спб. 1879 г. Стр. 166.

ранней ѣзды верхомъ, и въ-третьихъ, отъ того, что инородцы эти съ дѣтства имѣютъ обыкновеніе сидѣть по-азіатски, съ подобранными ногами, при чемъ тазовыя кости, отъ тяжести тѣла расходятся (Ploss). Д-ръ Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ также тѣмъ, что киргизскія дѣти (и дѣвочки) начинаютъ съ ранняго дѣтства ѣзду верхомъ, а верховая ѣзда, вѣроятно, измѣняетъ конфигурацію таза, и послѣдній становится особенно выгоднымъ для родоваго акта [1]). Кромѣ измѣненій конфигурацій и выгодныхъ размѣровъ таза, Колбасенко объясняетъ легкость родовъ у Киргизокъ еще и нѣкоторыми другими условіями: дѣторожденіемъ въ молодомъ возрастѣ (съ 17 до 30 лѣтъ) въ слѣдствіе ранняго замужества, и хорошими гигіеническими условіями жизни (главнымъ образомъ постоянными движеніями на воздухѣ и, въ большинствѣ случаевъ, питательной пищей, молокомъ, мясомъ и жирами [2]).

Д-ръ Колбасенко, какъ и до него еще Мейерсонъ совершенно правы въ своихъ объясненіяхъ. Тазовые размѣры у Киргизокъ дѣйствительно нѣсколько увеличены, чего ужъ никакъ нельзя объяснить одними общими гигіеническими условіями. Но кромѣ благопріятныхъ условій, представляющихся со стороны таза, со стороны нѣсколько увеличенныхъ размѣровъ костныхъ родовыхъ путей, на легкость и благопріятный исходъ родовъ вліяютъ еще нѣкоторыя физіологическія особенности организма, свойственныя не только инородцамъ Сибири, но и всѣмъ вообще не цивилизованнымъ народамъ. На эти особенности организма, какъ на моменты, благопріятствующіе родамъ, указалъ въ томъ же засѣданіи акушерскаго гинекологическаго общества въ Кіевѣ [3]) проф. Рейнъ, который во время преній о причинахъ легкости родовъ у Киргизокъ справедливо замѣтилъ, что «сопротивляемость тканей организма вреднымъ вліяніямъ вообще и дѣйствію микробовъ въ частности бываетъ различно, чѣмъ и объясняются тѣ, почти невѣроятные, случаи благопріятнаго теченія болѣзней и родовъ и исходовъ операцій, о которыхъ порой встрѣчаются сообщенія...» Но еще раньше Зеландъ объяснялъ легкость, благополучное теченіе и исходъ родовъ у инородцевъ «замѣчательной жизненностью тканей», которая между прочимъ сказывается при раненіяхъ: «значительныя раны, говоритъ онъ, даже черепныя, часто протекаютъ у Киргизовъ безъ лихорадки». А еще раньше указывалъ на эти условія Топинаръ. Онъ говоритъ: «легкость родовъ, не смотря на отсутствіе самаго элементарнаго ухода, наблюдаемая у дикихъ наро-

---

[1]) Прот. Зас. Ак.-Гинек. Общ. въ Кіевѣ. Семирѣченская Киргизка въ акушерскомъ отношеніи; плодовитость ея и дѣтская смертность. П. С. Колбасенко. Стр. 121. Кіевъ. 1891 г.

[2]) l. c., стр. 125.

[3]) Прот. Стр. 45. Кіевъ. 1891 г.

довъ, зависитъ какъ отъ анатомическихъ и физіологическихъ особенностей организма, такъ и отъ степени выносливости боли [1]). На высшую жизненность тканей, о которой говоритъ Зеландъ, какъ на моментъ, играющій такую важную роль при томъ или другомъ кризисѣ, переживаемомъ организмомъ нецивилизованныхъ народовъ, указываютъ и другіе ученые. Такъ Вейсъ приводитъ много примѣровъ, доказывающихъ, что «цѣлебная сила природы у народовъ нецивилизованныхъ значительнѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ» [2]). Такимъ образомъ мы видимъ, что при объясненіи легкости родовъ у женщинъ Сибирскихъ инородцевъ должны приниматься во вниманіе не только анатомическія особенности, не только выгодные размѣры таза, но еще и физіологическія особенности всего организма: сопротивляемость и жизненность тканей, выносливость боли и т. д. До чего легко рожаютъ Камчадалки, видно изъ словъ графа F. de Gramont, которыя передаетъ Витковскій [3]). На Камчаткѣ, повѣствуетъ Gramont, женщина работаетъ себѣ по хозяйству, вы ничего не замѣчаете, и глядь, черезъ 15 минутъ она уже появляется съ новорожденнымъ на рукахъ. При такихъ родахъ присутствовалъ Штеллеръ: женщина удалилась изъ хижины и черезъ четверть часа явилась съ новорожденнымъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Родятъ же Камчадалки на колѣняхъ въ присутствіи всѣхъ обитателей, безъ различія пола и возраста [4]). Для облегченія ихъ родовъ имъ даютъ какихъ-то насѣкомыхъ и паучковъ [5]).

Часто приходится инородческой женщинѣ разрѣшаться отъ бремени при ужаснѣйшей обстановкѣ, либо одиноко въ тайгѣ, либо на трескучемъ морозѣ, либо прямо на ходу. При такихъ условіяхъ, понятно, иногда гибнутъ и несчастныя матери, и безмолвные младенцы. Женщины васюганскихъ инородцевъ часто разрѣшаются отъ беременности на морозѣ у костра. Несчастная мать должна согрѣвать новорожденнаго на своей холодной груди и кормить его на открытомъ воздухѣ, имѣющемъ градусовъ 45 мороза [6]). У Гиляковъ, говоритъ Зеландъ, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ инородцевъ, существуетъ обычай выводить женщину, готовящуюся родить, изъ избы въ отдѣльно-стоящій ша-

---

[1]) Топинаръ, l. c., стр. 358.

[2]) Теодоръ Вейсъ. Антропологія первоб. народовъ. Москва. 1867, стр. 119. Д-ру Зачеку приходилось накладывать щипцы въ хлѣву на навозѣ, вообще приходилось наблюдать и самому испытывать въ своей многолѣтней практикѣ ужаснѣйшую обстановку, между тѣмъ роженицы Финки всегда быстро поправлялись безъ всякой реакціи (личное сообщеніе д-ра Зачека).

[3]) Witkovski. Histoire des accouchements chez tous les peuples. Стр. 561.

[4]) Witkovski, l. c. стр. 384. Финки также рожаютъ, стоя на колѣняхъ и упираясь руками о какой либо предметъ.

[5]) Witkovski, l. c., стр. 207.

[6]) Н. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы. Спб. 1891 г., стр. 77.

лашѣ, гдѣ она живетъ дней 10. Такъ какъ время года при этомъ отнюдь не принимается въ разсчетъ, то мать и новорожденный принуждены проходить эти мытарства даже въ трескучій морозъ и пургу. Единственнымъ средствомъ согрѣванія служитъ горящій въ берестяномъ шалашѣ небольшой костеръ да одежда матери. Бываютъ случаи, присовокупляетъ Зеландъ, что дитя замерзаетъ. То-же самое разсказываетъ о Гилякахъ и Деникеръ [1]). А Угрюмовъ въ «Тобольскихъ Губ. Вѣд.», описывая племя Гиляковъ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: Племя Гиляковъ быстро вымираетъ, чему способствуетъ вмѣстѣ съ пьянствомъ и сифилисомъ варварскій обычай при дѣторожденіяхъ. Какъ только женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, ей дѣлаютъ наскоро особый сарай, увозятъ туда и тамъ до разрѣшенія оставляютъ рѣшительно одну. Лѣтомъ рожденія совершаются еще благополучно; не то бываетъ зимой, въ палящіе морозы. При зимнихъ родахъ или мать умираетъ, или ребенокъ, а то и оба вмѣстѣ. Тунгузка, рожающая обыкновенно очень легко и уже на второй день послѣ родовъ ѣздящая верхомъ на оленѣ, чувствуя приближеніе родовъ, также удаляется изъ юрты и разрѣшается безъ всякой посторонней помощи въ лѣсу [2]). Впрочемъ, это относится только къ лѣснымъ Тунгузкамъ; у степныхъ же Тунгузокъ (Тунгузы, раздѣляются на лѣсныхъ и степныхъ) имѣются бабки, какъ равно и у Бурятокъ.

Самоѣдки переносятъ роды молча и терпѣливо, почти безъ болей [3]). Имъ приходится часто рожать въ пути, во время перекочевокъ и переходовъ съ мѣста на мѣсто. Хотя Самоѣды возятъ съ собою и чумы и разбиваютъ ихъ на каждомъ привалѣ и ночлегѣ, но женщины никогда въ нихъ не рожаютъ. Обыкновенно онѣ выходятъ въ это время изъ чума и зимою рожаютъ на снѣгу, который въ первыя минуты существованія новорожденнаго служитъ ему постелью и банею. Дѣти эти, если остаются живы, выростаютъ на томъ-же снѣгу, подъ вьюгою и морозомъ [4]), и начинаютъ свою жизнь точно такъ же, какъ полярныя лисицы и песцы. Если-жъ роды не застигаютъ Самоѣдку въ пути, то она отправляется въ особенную, употребляемую только для этой цѣли, маленькую палатку, наз. **Самайма** или **Мадико**. Помогаетъ во время родовъ старая женщина.

Если роды трудные, то у Самоѣдовъ, какъ и у Остяковъ, существуетъ оригинальный обычай, исполненіе котораго имѣетъ цѣлью облегчить роды.

---

[1]) Ploss II. Стр. 42.

[2]) Mordwinov, «St.-Petersburg Zeitung». 1851. № 203 и 204. Также D-r G. I. Engelmann

[3]) Witkovski, l. c., стр. 559.

[4]) «Тобол. Губ. Вѣд.» 1861 г. № 29.

Обычай этотъ слѣдующій. Какъ только приближается время родовъ, роженица съ бабкою, — бабка по-остяцки «Тупангъ-агны»,—роль которой исполняетъ старуха, удаляется въ отдѣльную юрту, исключительно для этой цѣли предназначенную и считающуюся не чистой. Юрта эта стоитъ неподалеку отъ чума и строится изъ бересты или изъ оленьихъ шкуръ. Въ этомъ-то шалашѣ происходятъ роды, даже и зимою при 40° морозѣ. Бабка собираетъ вокругъ этого шалаша всѣхъ осѣдлыхъ остячекъ, не исключая и дѣвочекъ. Затѣмъ бабка начинаетъ допрашивать роженицу, не нарушала-ли она съ кѣмъ либо супружеской вѣрности и если та сознается въ винѣ своей, то ее спрашиваютъ, съ кѣмъ именно она имѣла связь. Будучи съ малолѣтства увѣрена, что при утайкѣ роды будутъ весьма трудны, жена разсказываетъ всю правду. Палласъ говоритъ, что «однако отъ этого жены не должны опасаться никакихъ дурныхъ послѣдствій, ибо мужъ принудитъ только того, на кого указала жена, къ небольшому вознагражденію. Если-жъ это былъ какой-нибудь ближайшій сродникъ, то роженица умалчиваетъ одно только имя, и мужъ потому знаетъ уже, съ кѣмъ надобно вѣдаться». Послѣ того какъ роженица выдала бабкѣ имя обольстителя, бабка призываетъ и на сторонѣ допрашиваетъ виновника въ преступленіи (разумѣется, если онъ въ тѣхъ же юртахъ) и требуетъ, чтобы онъ сознался. Въ случаѣ сознанія виновный долженъ самъ идти къ роженицѣ, или же снять съ себя поясъ и послать его ей. Если роженица невинна, но все-таки не можетъ разрѣшиться, то спрашиваютъ ея мужа, не нарушалъ-ли онъ супружеской вѣрности; получивши сознаніе, спрашиваютъ соучастницу его преступленія, если она находится тутъ-же. Затѣмъ спрашиваютъ виновниковъ, сколько разъ они согрѣшили. Если они въ этомъ не хотятъ сознаться на словахъ, то дѣлаютъ на поясѣ такое число узловъ, сколько разъ согрѣшили.

Этотъ методъ акушерской помощи, дѣйствительность котораго не испытала еще ни одна акушерская школа (вѣроятно, по причинамъ деликатности), считается у Остяковъ и у Самоѣдовъ необходимымъ при трудныхъ родахъ; они отъ души вѣрятъ, что только та женщина можетъ родить легко, которая сама невинна, и мужъ которой соблюдаетъ супружескую вѣрность. Собираютъ-же всѣхъ Остячекъ къ роженицѣ для того, чтобы, видя страданія последней, женщины опасались нарушенія супружеской вѣрности [1]).

[1]) Невѣроятнымъ всѣмъ покажется слѣдующій эпизодъ. Въ Петропавловскѣ въ мое время проживала одна русская семья изъ Москвы. Представитель этой семьи былъ довѣренный отъ одной крупной московской фирмы. Во время родовъ жены его, очень красивой, но обездоленной женщины, къ ней всегда ходила свекровь и допытывалась, съ кѣмъ она имѣетъ грѣхъ. «Сознайся, съ кѣмъ грѣшила, легче родишь; кайся во грѣхѣ своемъ». Но практикуется-ли этотъ обычай гдѣ-либо еще въ Великороссіи?

У Алтайцевъ рожденіе дѣтей происходитъ при стеченіи народа, женщинъ въ юртѣ, а мужчинъ за юртой. Въ случаѣ трудныхъ родовъ, толпа начинаетъ шумѣть, кричать и насвистывать. Мужчины производятъ ружейную пальбу. Роженицу начинаютъ давить по животу, зажимаютъ ей ротъ и носъ, душатъ подушками, все для того, чтобъ она, употребляя и напрягая всѣ свои послѣднія силы, скорѣе разрѣшилась отъ бремени [1]). У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса, по словамъ Павла Небольсина [2]), роды происходятъ такъ: Женщина, почувствовавшая, что она готовится сдѣлаться матерью, объявляетъ о своей радости мужу; съ этой минуты супруги не раздѣляютъ ложа вмѣстѣ.

При исходѣ беременности супруги, если они зажиточны, на всякій случай, приглашаютъ къ себѣ бабку и медика—гелюнга.

Въ минуту, когда настаютъ первые потуги, мужъ уѣзжаетъ въ табунъ въ гости, или куда случится, такъ какъ во время родовъ онъ дома не бываетъ.

Если роды очень трудны, то бабка и гелюнгъ призываютъ постороннихъ мужчинъ, соглашающихся подать родильницѣ помощь. Помощь эта заключается въ томъ, что роженицу, сидящую на коврѣ, приглашенные мужчины, обхватываютъ сзади ниже пояса и сжимаютъ ее руками, сколько силъ хватитъ. У Калмыковъ, говоритъ Небольсинъ, славящихся атлетическимъ сложеніемъ и тѣлесную силу считающихъ за особенный талантъ, ходитъ повѣрье, что помощь роженицѣ совершенно и навсегда истощаетъ силы мужчины и что Калмыкъ, какой-бы онъ силы ни былъ, теряетъ эту способность на всегда. Вслѣдствіи такого предразсудка, Калмыки съ чрезвычайнымъ уваженіемъ смотрятъ на людей, вызывающихся помочь женщинѣ при родахъ и почитаютъ ихъ, какъ истинныхъ спасителей человѣческой жизни.

Отнятіе пуповины у младенца совершается особо-приготовленнымъ для этого случая и весьма тщательно-наточеннымъ простымъ калмыцкимъ пояснымъ ножемъ; мать бережетъ послѣ этотъ ножъ въ завѣтномъ своемъ сундукѣ, какъ святыню. Для каждыхъ родовъ приготовляютъ особый ножикъ.

Ребенка сейчасъ-же обмываютъ теплой водой и обвертываютъ его, лѣтомъ въ холстину, а зимой—въ саксѣкъ, т. е. въ молодую овчину съ нѣжною и длинною шерстью, кладутъ на лубокъ и, въ ожиданіи появленія у матери молока, даютъ ему кусочекъ полусваренная бараньяго курдюка отрѣзаннаго въ такомъ видѣ, чтобъ ребенку легко было его сосать.

Въ другихъ улусахъ Калмычки рожаютъ, стоя на колѣняхъ, при чемъ

---

[1]) Radloff. Вербицкій, l. c. стр. 172.

[2]) Очерки быта Калмыковъ Хошоутовскаго улуса, составлены Павломъ Небольсинымъ. Спб. 1852 г., стр. 84.

повитуха энергично поглаживаетъ животъ сверху внизъ. Если-жъ роды трудны, то мужъ разстилаетъ вокругъ юрты сѣть, бѣгаетъ кругомъ и хлещетъ нагайкой по воздуху направо и налѣво, воображая, что лупитъ злого духа, котораго гонитъ крикомъ: гартъ чаткыръ! (вонъ, дьяволъ!). У зажиточныхъ Калмыковъ приглашаются всѣ живущія вблизи духовныя лица, которыя уже однимъ своимъ присутствіемъ отгоняютъ нечистую силу. А то еще поступаютъ такъ, какъ это описано у Небольсина, т. е. здоровый мужчина беретъ роженицу къ себѣ на колѣни и сдавливаетъ ей животъ [1]).

У Сартянокъ, отличающихся особенной плодовитостью (отъ одной жены Сарты имѣютъ иногда по 15 человѣкъ живыхъ дѣтей, такъ что у тѣхъ, которые женаты на нѣсколькихъ женахъ, образуется огромное семейство, состоящее иногда изъ 30 душъ), младенцевъ принимаютъ бабки (мама).

В. Наливкинъ говоритъ, что у Сартянокъ случаи смерти во время родовъ не рѣдкость; причину этого онъ видитъ не въ природной узкости таза, который напротивъ какъ у полныхъ, такъ равно и сухощавыхъ субъектовъ—широкій, а въ неудовлетворительныхъ гигіеническихъ условіяхъ, какъ беременной, такъ и роженицы. Думаетъ онъ это потому что, во первыхъ, очень не рѣдки случаи, когда смерть наступаетъ не во время родовъ, а вслѣдъ за ихъ окончаніемъ, и во вторыхъ, о случаяхъ этого рода приходится слышать главнымъ образомъ, зимою. (В. Наливкинъ и М. Наливкина. Очеркъ быта женщины туземнаго населенія Ферганы. Казань, 1886., стр. 89).

По обычаю, въ первое время младенца скрываютъ отъ родильницы для того, чтобы не взволновать чувства матери, въ особенности, если родится сынъ. Бабка, обманувъ родильницу, что родилась дочь, идетъ къ отцу съ поздравленіемъ и получаетъ подарки. Давъ укрѣпиться здоровью матери, къ ней приносятъ младенца. Отецъ читаетъ молитву и даетъ имя, и затѣмъ уже мать свободно отдается своей радости. Узнавъ о рожденіи младенца—мальчика, сосѣди спѣшатъ съ поздравленьями, богатые даже съ музыкой и пляской [2]).

Разрѣшившись первымъ ребенкомъ, Сартянка изъ пяти косъ (бишъ-кавуль) заплетаетъ уже только двѣ (джуонъ) [3]).

Въ Туркестанѣ туземная женщина родитъ всегда или у себя дома, или у своей матери, къ которой она переселяется въ этомъ случаѣ заблаговременно. При родахъ присутствуютъ мать, старшія замужнія сестры или другія

---

[1]) Говорятъ, что у Калмыковъ при трудныхъ родахъ женщинъ дѣлали ужъ давно поворотъ, а что у Сангаровъ врачи (Емчи) дѣлали эмбріотомію (Krebel).

[2]) Сборникъ статей, касающихся Туркестанскаго края: А. П. Хорошхинъ СПБ. 1876 стр. 119.

[3]) А. П. Хорошхинъ l. c. В. Наливкинъ. l. c. стр. 170.

какъ ея, такъ и мужнины родственницы; мужъ, по желанію, можетъ присутствовать при родахъ, но дѣти, въ особенности подростки, всегда удаляются изъ дому на время родовъ. Повитухи, этимъ спеціально занимающіяся, имѣются по большей части только въ городахъ. Родятъ сартянки всегда или стоя на колѣняхъ, или сидя на корточкахъ; такое положеніе роженицы предпочитается всѣмъ другимъ, такъ какъ, по мнѣнію туземныхъ женщинъ, оно способствуетъ наиболѣе быстрому окончанію родовъ. (Есть примѣта, что у женщинъ дурнаго, тяжелаго характера роды всегда бываютъ относительно трудные).

Во все время потугъ родильница держится за одну изъ присутствующихъ руками и въ тоже время спиной упирается въ грудь другой изъ находящихся при ней женщинъ; послѣдняя обнимаетъ родильницу обѣими руками выше живота и прижимаетъ ее къ себѣ каждый разъ, какъ только замѣтитъ начало потугъ. Если роды затягиваются, то обыкновенно перемѣняютъ нѣсколько повитухъ, при чемъ кромѣ того прибѣгаютъ еще и къ другимъ средствамъ болѣе или менѣе кабалистическаго характера. Такъ напр. въ той-же комнатѣ, гдѣ происходятъ роды, сжигаютъ кусочекъ конскаго копыта или даютъ роженицѣ пить изъ чашки, на внутреннихъ стѣнкахъ которой тушью пишется какая нибудь молитва.

Появившагося на свѣтъ ребенка беретъ, моетъ и обертываетъ въ мягкія старыя и далеко не всегда чистыя тряпки или повитуха, или одна изъ присутствующихъ родственницъ родильницы.

Пуповина перерѣзывается или ножницами или бритвой; перевязывается (ниткой) только тотъ ея конецъ, который остается при ребенкѣ; послѣдній конецъ не перевязывается, но за то всегда почти привязывается къ ногѣ родильницы, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ назадъ. Въ случаѣ слишкомъ долгаго задержанія послѣда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, есть обычай стрѣлять около той комнаты, въ которой лежитъ роженица. Вслѣдъ за рожденіемъ ребенка религія предписываетъ прочесть надъ нимъ нѣкоторыя молитвы, но правило это не вездѣ или, вѣрнѣе, не всѣми соблюдается. По окончаніи родовъ, вслѣдъ за выходомъ послѣда, родильница обмывается и всегда сама, такъ какъ религія воспрещаетъ видѣть чужой а в р э т ъ, и тогда только, омывшись уже, ложится въ постель; около нея-же, съ правой ея стороны, кладутъ и новорожденнаго. Лежитъ роженица обыкновенно 6—7 дней, рѣже она ограничивается трехдневнымъ срокомъ. Въ это-же время пища родильницы состоитъ по преимуществу изъ разнаго рода болтушекъ безъ мяса, по возможности съ катыкомъ (холодная пища), а ухаживаетъ за ней одна изъ ближайшихъ родственницъ. Не только въ первые дни родовъ, но и въ теченіи цѣлыхъ шести недѣль родильницу стараются отнюдь не оставлять одну

изъ боязни, чтобы надъ ней и надъ ребенкомъ не учинила какого либо зла нечистая сила, желтоволосая а д ж и н а. Не рѣдко случается, что, не желая огорчать отца извѣстіемъ о рожденіи дочери, ему сообщаютъ сначала, что родился сынъ и потомъ уже, черезъ два три дня, постепенно подготовивъ, совѣтуютъ помириться на дочери. Разъ въ Наманганѣ былъ такой курьезный случай. У одного состоятельнаго человѣка родился ребенокъ. Присутствовавшія при родахъ женщины, не желая огорчить отца, объявили ему, что родился сынъ. Этотъ воображаемый сынъ долженъ-бы былъ быть первымъ, такъ какъ старшимъ ребенкомъ была дочь. По всѣмъ знакомымъ полетѣли гонцы съ радостнымъ извѣстіемъ и съ приглашеніемъ пожаловать на другой день на торжество. По частнымъ слухамъ извѣстно было, что кромѣ п а л à у и другихъ угощеній, гостямъ будутъ раздаваться и халаты. Собравшіеся на другой день на наружномъ дворѣ гости мужчины застали очень скромное угощеніе и очень огорченнаго хозяина отца, объявившаго имъ, что произошла ошибка, что вмѣсто сына, какъ его увѣрили, у него родилась дочь, а потому никакихъ особенныхъ торжествъ не будетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ тотъ-же день было рѣшено, что надо взять вторую жену, которая родила-бы сына.

По благополучномъ окончаніи родовъ кто либо изъ родственниковъ или родственницъ родильницы идетъ по родственникамъ-же и наиболѣе близкимъ знакомымъ съ с у и н ч и̂ (радостной вѣстью) о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени, за что отъ каждаго изъ поздравляемыхъ получаетъ вознагражденіе въ размѣрѣ нѣсколькихъ копѣекъ. На другой-же день послѣ родовъ приходятъ родные и знакомые поздравить съ новорожденнымъ родильницу и ея мужа. Иногда посѣщенія эти продолжаются въ теченіи нѣсколькихъ дней. Каждая приходящая женщина приноситъ п а л à у, лепешки или пирожки. Всѣ эти гости приходятъ по большей части цѣлыми компаніями, и всегда почти съ дѣтьми, шумятъ и тараторятъ, при чемъ никогда не имѣется въ виду того, что все это не только можетъ утомить больную, но даже быть ей и прямо-таки вреднымъ.

Рожденіе дочери празднуется гораздо скромнѣе. Самое большее, что рѣжется баранъ и на п а л à у приглашается нѣсколько родственниковъ, родственницъ и знакомыхъ. Иногда угощеніе это дѣлается не на дому, а на ближайшемъ м а з à р ѣ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ нерѣдко издержки по такому угощенію беретъ на себя не отецъ, а одинъ изъ его младшихъ братьевъ, съ которымъ онъ наиболѣе друженъ.

У Башкировъ помогаютъ роженицѣ старыя повитухи, которыхъ башкирки, какъ и наши простолюдинки, предпочитаютъ врачамъ. Къ врачу баш-

киры врядъ ли обратятся. Въ Петропавловскѣ умерла дочь башкира отъ родовъ. Не смотря на всѣ настоятельныя требованія родственниковъ татаръ, пригласить врача, башкиръ отказалъ на отрѣзъ. Ploss приводитъ по этому поводу слова одного французскаго автора: «Une femme enceinte préfère mourir en couches plutôt que de recourir à un médecin, lors-même que celui-ci lui donnerait gratuitement ses soins».

У Киргизовъ роды (по киргизски: туганъ даръ, или правильнѣе туганъ-ларъ, туганъ значитъ родила, а ларъ, леръ приставка для обозначенія множественнаго числа) обыкновенно происходятъ такъ: женщина принимаетъ такое же положеніе, какъ калмычка, т. е. на колѣняхъ съ наклоненнымъ туловищемъ впередъ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ мнѣ приходилось присутствовать при родахъ, роженица садилась на корточкахъ въ громадный мѣдный тазъ, въ которомъ помѣщалось немного теплой воды. Руками роженица держится либо за повитуху,—по киргизски: «кэмпыръ» также: «кучинамъ»—и другихъ присутствующихъ женщинъ, либо за какой-нибудь неподвижный предметъ, большею частью за протянутую черезъ юрту веревку.

Въ классическомъ сочиненіи Радлова (Proben der Volkslitteratur der nördlichen Türkischen Stämme) [1]) въ описаніи родовъ у княжеской дочери Каникэи поется: Проходили дни за днями, у княжны, у Каникэи ужъ беременность достигала десять лунныхъ мѣсяцевъ, мѣдный шестъ съ златою вилой водрузивши, Каникэи начала рожать въ боляхъ.

Этотъ мѣдный шестъ съ златою вилой (переведено мою со словъ: stellt den Kupfer-Pfahl mit gold'ner Gabel) есть подобіе тѣхъ желѣзныхъ вилообразно развѣтвляющихся и серебромъ отдѣланныхъ шестовъ, которые употребляются у богатыхъ киргизовъ какъ вѣшалки. При этомъ Радловъ въ примѣчаніи поясняетъ, что по обычаю киргизовъ, женщины рожаютъ, стоя на колѣняхъ и держась поднятыми руками за поперечную жердь. Судя же по вышеприведеннымъ словамъ княжна Каникэи, какъ вѣроятно и другія киргизки въ старину, рожала, держась за металлическій шестъ, воткнутый нижнимъ концомъ въ землю, а вилообразной верхушкой подпирающій кошомный сводъ юрты.

При трудныхъ родахъ киргизки большей частью рожаютъ, стоя, при-

---

[1]) У Айсаровъ на Кавказѣ роженица тоже хватается за веревку, привязанную къ потолку. (Сборникъ Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 4, Тифлисъ 1884, стр. 318 и дальше.

[2]) Proben der Volkslitteratur der nördlichen Türkichen Stämme. W. Radloff. V Theil. S.-Petersburg. 1885 s. 100.

чемъ повитуха уговариваетъ роженицу, грозитъ, кричитъ на нее, руководитъ всѣмъ ходомъ родовъ. А присутствующіе или сидятъ кругомъ, подобравши подъ себя ноги, вздыхаютъ и восклицаютъ: Алла!—или же шумятъ и суетятся: кто готовитъ теплую воду для младенца, кто выбѣгаетъ изъ юрты и что-то кричитъ толпѣ; изъ толпы выдѣляется сильный джигитъ, снимаетъ съ себя верхній бишметъ и становится близъ юрты въ какомъ-то ожиданіи. Кэмпыръ, повитуха, еще разъ тщательно моетъ свои руки и вводитъ пальцы въ родовой каналъ; она, повидимому, убѣждается, что роды трудные,—это видно по ея лицу, по качанію головой, это понятно изъ звучныхъ щелчковъ языкомъ, выражающихъ недоумѣнье и ужасъ. Кэмпыръ что-то долго шаритъ пальцами. Мужчины за юртой въ безпокойствѣ. Постеливши на землю бишметы или коврики, они становятся на колѣни и начинаютъ молиться. Мужъ, богатый киргизъ, даритъ одному бѣдняку барана, другому худую лошадь. Бѣдняки эти начинаютъ громче всѣхъ молиться.

Одна киргизка погружаетъ въ воду т у м а р ъ (амулетъ) и даетъ роженицѣ испить этой воды (въ Малороссіи баба снимаетъ икону, обмываетъ ее и этой воды даетъ пить больной) [1]). Затѣмъ повитуха занимаетъ мѣсто позади роженицы, упирается въ ея поясницу колѣномъ, а самое ее обхватываетъ руками и начинаетъ надавливать животъ сверху внизъ, уговаривая роженицу имѣть терпѣніе, не бояться, не кричать: «тимэ, джалашай»—молчи, не плачь! Но вотъ повитуха устаетъ. Она, сидя позади больной, киваетъ глазомъ одной киргизкѣ; эта незамѣтно выходитъ изъ юрты и тихонько что-то шепчетъ толпѣ. Раньше приведенный и приготовившійся высокій, здоровый и черно-смуглый киргизъ съ шумомъ врывается въ юрту, толпа мгновенно поднимаетъ неистовый крикъ, роженица вскрикиваетъ и рожаетъ,—до того сильно на нее вліяетъ внезапный гвалтъ, а главное, появленіе смуглаго, страшнаго мужчины въ то время, когда она голая сидитъ надъ мѣднымъ тазомъ. Стоны роженицы: Уай Алла, Уой Алла! крики и возгласы женщинъ, галденіе всей толпы; джигиты куда-то помчались верхомъ, какъ стрѣлы изъ лука,—вѣроятно, распространить новость по всѣмъ ауламъ,—все это производитъ на непривычнаго сильное впечатлѣніе. Меня же, даргыра, бывшаго нѣмымъ свидѣтелемъ родоваго акта, допустили бы къ активной роли, какъ мнѣ объяснили потомъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Часто же при трудныхъ родахъ поступаютъ, какъ разсказывали мнѣ и какъ описываютъ, приблизительно такъ: протягиваютъ черезъ юрту веревку

---

[1]) Труды этногр. стат. экспед. въ западно-русскій край. Юго-запад. отд. Мат., собр. П. П. Чубинскимъ. Т. IV, Спб. 1877.

и велятъ роженицѣ держаться за нее руками; затѣмъ ее подхватываютъ подъ мышки и приподнимаютъ ее за веревку подъ самый тюплюкъ (верхнее круглое отверстіе въ юртѣ). Буде это окажетъ слабое дѣйствіе, то роженицу обхватываетъ сильный киргизъ и давитъ ей животъ; этого киргиза обхватываетъ другой, другого третій и т. д., и другъ друга они тянутъ со всей силы. А несчастная роженица, болтаясь въ воздухѣ, употребляетъ послѣднія силы, чтобы удержаться руками за веревку. Приходящіе въ юрту должны ударить роженицу полою платья трижды съ крикомъ: джур! (выходи!) разумѣя нечистую силу, поселившуюся въ роженицѣ и задерживающую младенца въ утробѣ. Съ цѣлью воздѣйствовать на шайтана, начинаютъ кричать, колотить и хлопать по юртѣ, а иногда и по роженицѣ, хотя на нее только замахиваются сильно, чтобъ испугать, а бьютъ легонько. Поселеніе въ женщинѣ шайтана ставится внѣ всякаго сомнѣнія, когда у роженицы дѣлается припадокъ эклямпсіи. Тогда зовутъ баксу, который начинаетъ наигрывать на кобзѣ пріятныя для киргизовъ мелодіи, коими онъ думаетъ выманить плодъ изъ утробы на свѣтъ Божій. Когда плодъ обнаруживаетъ отсутствіе музыкальнаго вкуса и все-таки не выходитъ, то приглашаютъ еще другого баксу. Оба они становятся на колѣни близъ разведеннаго среди юрты огня, около котораго помѣщается и больная и, покачивая головами вправо и влѣво, начинаютъ тихохонько побренькивать на кобзахъ, время отъ времени потряхивая ими, при чемъ разные металлическіе привѣски на ней дребезжатъ и позваниваютъ. Затѣмъ они начинаютъ дрожащимъ голосомъ и въ носъ пѣть—импровизировать. Поютъ они обо всемъ: и о больной, и о кашгырѣ (волкъ) и объ аю (медвѣдь) и о куль (озеро), и о степи съ березовыми рощами, и о высокихъ горахъ съ вершинами въ туманѣ, и о беркутѣ подъ облаками... Баксы поютъ, и поютъ все тише да тише, наконецъ затихаютъ, но только на мгновеніе. Вдругъ они вскакиваютъ съ сверкающими глазами, съ искаженными лицами, мечутся, кружатся вокругъ больной и юрты, приходятъ въ настоящее изступленіе, кувыркаются, падаютъ, подпрыгиваютъ, хватаютъ и рвутъ зубами все, попадающееся имъ подъ руки, бросаются другъ на друга, грызутся, кусаются, кидаютъ другъ на друга головни, пока наконецъ болѣе слабый изъ нихъ въ изнеможеніи падаетъ, послѣ чего вся эта странная церемонія кончается.

Иногда же стремятся запугать шайтана беркутомъ или совой, которыхъ-де боится шайтанъ. Если и это не помогаетъ, то роженицу сажаютъ на коня, ее держитъ сидящій на томъ же конѣ крѣпкій киргизъ, и они мчатся по степи въ карьеръ. И здѣсь-то случается большей частью, что на конѣ дѣйствительно прекращаются всѣ страданія роженицы—вмѣстѣ съ ея жизнью!

Къ счастью этого степнаго народа, на сотни верстъ разсыпаннаго отъ города и отъ единственнаго на весь громадный уѣздъ уѣзднаго врача, который при огромномъ жалованьи отъ казны (1800 р. кромѣ пятилѣтнихъ прибавокъ и проч.) оставляетъ свою городскую практику и выѣзжаетъ въ уѣздъ только для вскрытія мертвыхъ, къ счастью, говорю я, этого народа, далекаго и отъ единственной на весь уѣздъ повивальной бабки, трудные роды случаются у нихъ крайне рѣдко! Мнѣ, за мою бытность въ степи, не приходилось слышать, чтобъ какая нибудь киргизка умерла отъ родовъ. По словамъ Колбасенка, полусуточная продолжительность родовъ есть нормальная продолжительность родоваго акта у Киргизокъ. Легкихъ родовъ (менѣе сутокъ) онъ вычислилъ 70.₅%, а трудныхъ (болѣе сутокъ) 17.₅%. Если бъ не легкіе роды, сколько было бы у нихъ смертныхъ случаевъ отъ встряхиваній, давленій и бѣшеной скачки верхомъ!

Тотчасъ послѣ появленія младенца на свѣтъ, бабушки управляются съ пуповиной. У Калмыковъ бабка перевязываетъ пуповину суровой ниткой и перерѣзаетъ ее на дощечкѣ ножомъ, который остается ея собственностью. Оставшаяся потомъ пуповина сохраняется матерями. У Киргизовъ, какъ только родится младенецъ, поступаютъ двояко: или ждутъ сначала выхода послѣда и потомъ перевязываютъ пуповину, или же перевязываютъ и перерѣзаютъ раньше пуповину, потомъ ждутъ послѣда. Перевязку дѣлаютъ суровой ниткой близко къ животу младенца, а перерѣзываютъ пуповину ножомъ или ножницами. Въ Семирѣченской области пуповину помѣщаютъ въ тѣсто, приготовленное изъ скобленнаго мыла, смѣшаннаго съ мелко изрубленными бараньими железами, пуповина отъ этого отпадаетъ на 3-й день. Язву, по отпаденіи пуповины, присыпаютъ золой отъ сожженнаго войлока. Если мѣсто (по киргизски: «джумдасъ») замедляетъ выходомъ, то бабушка вынимаетъ или выжимаетъ его рукой, вводя послѣднюю, въ случаѣ надобности, въ матку (по киргизски «джатыръ»). Объ описанныхъ у Ploss'а [1]) пріемахъ удаленія послѣда, которые практикуются будто бы у Семипалатинскихъ Киргизовъ, я не слыхалъ. Пріемъ этотъ основанъ на суевѣріи, будто бы послѣдъ задерживается въ утробѣ нечистой силой. Приглашается «бакса», который продѣлываетъ разные hocus-pocus'ы, оплеушитъ роженицу, тычетъ ей въ ротъ раскаленное желѣзо, за что она должна благодарить словами: «таиръ-джелгасенъ кокулдукъ» и т. д. Удаляютъ послѣдъ еще и такъ: роженица садится на корточки, а повитуха помѣщается сзади, упирается колѣномъ въ крестецъ роженицы, а руками выжимаетъ послѣдъ сверху внизъ

---

[1]) II, стр. 229.

(Колбасенко). Въ Петропавловскѣ я наблюдалъ, что киргизскія и татарскія (да и русскія женщины) для изгнанія послѣда привязываютъ къ половымъ органамъ вѣникъ, пьютъ порохъ и пр. Съ вышедшимъ послѣдомъ поступаютъ инородцы различно. Большею частью всѣ они закапываютъ его въ землю тутъ же въ юртѣ или кибиткѣ (Калмыки, Киргизы и друг.). У Якутовъ же по Gmelin'у [1]) существовалъ отвратительный обычай—тотчасъ послѣ родовъ сварить послѣдъ и съѣсть его въ кругу друзей. C. Hickisch [2]) говоритъ по этому поводу: Georgi berichtet über einen seltsameu, in höchsten Grade ekelhaften Gebrauch bei den Tungusen, nämlich die Placenta entbuudener Wöchnerin, zu essen.

Этотъ обычай поѣдать послѣдъ существуетъ якобы еще и у Ительменовъ. Middendorf же этого обычая не нашелъ нигдѣ; можетъ быть, потому, полагаетъ Hickisch, что этотъ обычай скрываютъ.

Послѣродовыя кровотеченія останавливаютъ въ Семирѣченской области у Киргизовъ слѣдующимъ образомъ: кусокъ чистой кошмы (войлока) смазываютъ обильно жиромъ и нагрѣваютъ сильно надъ огнемъ; родильницу сажаютъ на нагрѣтую кошму такъ, чтобъ наружныя половыя части подвергались вліянію сильнаго жара. Внутрь при этомъ даютъ пить растопленный горячій жиръ. Высокая температура дѣйствуетъ, вѣроятно, рефлекторно на сокращеніе матки (Колбасенко).

Послѣ родовъ женщина считается у всѣхъ инородцевъ нечистой впродолженіи большаго или меньшаго времени. У Остяковъ, Самоѣдовъ время это опредѣлено пятью недѣлями. Объ остяцкихъ женщинахъ мы по этому поводу читаемъ между прочимъ у Sommier слѣдующее: «in certe epoche vengano allontanata dalla capanna perchè si considerano comme impure, e dopo i parti devono stare separate dalla famiglie per un tempo determinato».

Но это правило, продолжаетъ онъ, мы встрѣчаемъ и въ законѣ Моисея, гдѣ сказано: «если женщина родитъ мальчика, она нечиста въ теченіи 7 дней, послѣ нихъ же очищается въ продолженіи 33 дней: если родитъ дѣвочку, она нечиста двѣ недѣли и затѣмъ очищается въ теченіи 66 дней». И далѣе сказано: во время выдѣленій женщина не чиста, и если она соединится съ мужемъ, то оба повинны понести смертное наказаніе [3]). У Мусульманъ также, по шаріату, женщина, одержимая «срочнымъ кровотеченіемъ» считается не чистой, больной. «Это у нихъ, гласитъ ст. 222 глав. 2, время

1) Vitkovski, l. c., стр. 560.
2) C. Hickisch. Die Tungusen. St. Petersburg. 1879, стр. 84.
3) Лев. гл. XII.

недуга, а потому удаляйтесь отъ женъ во время кровотеченія, и не сближайтесь съ ними, покуда онѣ не будутъ чисты. И когда онѣ очистятся, входите къ нимъ такъ, какъ повелѣлъ вамъ Богъ».

У Короляковъ, Тунгузовъ и Вогуловъ родильница считается нечистой также до 6 недѣль. Въ это время родильница остается изолированной отъ всѣхъ, за исключеніемъ одной старой бабки. У Калмыковъ родильница считается нечистой до 3 недѣль. У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса родильница, какъ только пуповина отпадетъ, а у ней появится первое молоко, является къ мужу и подноситъ ему изъ своихъ рукъ, чашку арзы: обычай этотъ называется «ю с у н ъ-а р з а»; первое молоко, «у у р у к ъ», сначала обыкновенно нѣсколько спустившееся, мать тутъ же даетъ ребенку. Ребенокъ, какъ замѣчаютъ Калмыки, съ жадностью принимаетъ эту питательную пищу, и эта примѣта послужила къ тому, что извѣстная брань, въ которой говорится объ материнскомъ молокѣ, считается у Калмыковъ самымъ обиднымъ ругательствомъ. Нѣтъ обиднѣе брани для Калмыка, какъ сказать ему: у у р ў к ъ-т а н ъ-з л ѐ ц а д ы к с ы н ъ е л ь-м ы р ъ», т. е. ты жаденъ, не насытился даже грудью матери [1]).

У Киргизовъ родильница признается чистой уже спустя 3—4 дня послѣ родовъ и можетъ готовить и подавать пищу своему мужу. Вступить же въ супружескія сношенія она, по шаріату, можетъ только по прошествіи 40 дней послѣ родовъ, иначе говоря, послѣ первой менструаціи.

Какъ Киргизки, такъ и Калмычки встаютъ обыкновенно на 3-й день. Случается, что онѣ уже на третій день скачутъ верхомъ.

Тотчасъ послѣ родовъ Коряки даютъ родильницѣ немного оленины и оленьей крови изъ оленя, заколотаго въ пологѣ, гдѣ спятъ, и принесеннаго въ жертву мужемъ во время родовъ съ цѣлью умилостивить злыхъ духовъ земли, чтобъ поберегли новорожденнаго,—«жизнь за жизнь». А у Киргизовъ родильницѣ вскорѣ послѣ родовъ даютъ выпить немного горячаго масла или сала, затѣмъ колютъ въ первый же день барана, котораго варятъ, но, конечно, не для нея одной.

Кромѣ этого ей не даютъ ничего, такъ какъ у обыкновенныхъ Киргизовъ кромѣ тамака, состоящаго изъ мяса «итъ» и супа «сарпа», рѣдко водится другое кушанье. У Татаръ родильница получаетъ чай изъ ромашки.

Очищаются женщины инородцевъ также различно. Остяцкая женщина разводитъ огонь и бросаетъ въ него древесную губку, или бобровую струю,

---

[1]) Очерки быта Калмыковъ Хошоутовскаго улуса, составленные Павломъ Небольсинымъ. Спб. 1852, стр. 85.

или же, за неимѣніемъ оной, кусочекъ бобровой шкурки, трижды перескакиваетъ черезъ огонь, окуривается и возвращается къ мужу.

Кромѣ того, отецъ или мать новорожденнаго дарятъ послѣ родовъ бабку (по-остяцки: тупангъ-анги, т. е. пупная мать); бѣдные дарятъ ее—песцомъ, богатые—лисицей, даютъ ей кусочекъ мыла, ножикъ, которымъ она рѣзала пуповину, и платокъ.

Младенецъ считается нечистымъ впродолженіи десяти дней.

Татарки послѣ родовъ тотчасъ идутъ въ баню (въ каждомъ почти дворѣ своя баня), гдѣ ихъ бабушки моютъ и правятъ.

У Киргизовъ же бань нѣтъ, за весьма рѣдкими исключеніями, и потому они ограничиваются тѣмъ, что бабушки подмываютъ родильницу, ежедневно въ теченіи трехъ дней. Какъ у Татаръ, такъ и у Киргизовъ, родильницѣ бинтуютъ животъ бинтами или полотенцами. Подъ голову родильницѣ кладутъ Коранъ, на стѣнахъ развѣшиваютъ краткія молитвы, иногда въ рамкахъ [1]). Иной разъ вы видите въ такой рамкѣ одну только громадную дугообразную черную линію съ крупной точкой на золотистомъ фонѣ; но линія эта, если ближе всмотрѣться, состоитъ изъ мельчайшихъ буквъ, составляющихъ молитву.

Какъ инородцы встрѣчаютъ новаго гражданина или гражданку, какими заботами они окружаютъ ихъ, какъ совершаютъ нареченіе имъ именъ и т. д.—объ этомъ, если позволите, я сдѣлаю сообщеніе въ слѣдующій разъ.

Докторъ А. К. Бѣлиловскій.

---

[1]) Евреи оберегаютъ роженицу и новорожденнаго отъ нечистой силы молитвами, написанными на бумагахъ, которыя развѣшиваются по стѣнамъ и на которыхъ вмѣсто заголовка имѣется шестиконечная звѣзда. У Айсаровъ на Кавказѣ ограждаются родильницы и новорожденные крестообразными линіями, которые проводятся кинжалами. Кинжалы эти вмѣстѣ съ Евангеліемъ лежатъ до 7 дней подъ подушкой родильницы. (Сборникъ мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ 4-й. Тифлисъ 1884 г., стр. 317.

Опытъ выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ большой орды и каракиргизовъ на основаніи родословныхъ сказаній и свѣдѣніи о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ и о родовыхъ тамгахъ, а также историческихъ данныхъ и начинающихся антропологическихъ изслѣдованій.

I. Этническій составъ большой орды.

1) Фаза соціологической эволюціи, въ которой находятся тюркскіе кочевники. Народныя генеалогическія представленія.

Многіе соціологи полагаютъ, что первичныя человѣческія общества не знали семьи и личной собственности и что женщины, дѣти и имущества составляли общую принадлежность всей общины, всѣхъ мужчинъ. Въ слѣдующей фазѣ соціальнаго развитія господство перешло къ женщинамъ и наступилъ вѣкъ гинекократіи. Третья (патріархальная) фаза характеризуется бракомъ, съ властью отца надъ имуществомъ и членами семьи. За нею слѣдуетъ фаза нынѣшнихъ цивилизованныхъ обществъ, въ которыхъ преобладаніе кровныхъ узъ замѣнено новыми началами права личности и права политической національности [1]).

Но нѣкоторыя обезьяны живутъ моногамно и самцы млекопитающихъ вообще обнаруживаютъ чувство ревности, стремясь къ исключительному обладанію своими самками. Поэтому приведенную характеристику первичной фазы приходится исправить въ томъ смыслѣ, что въ отношеніяхъ къ женщинамъ въ первобытныхъ обществахъ господствуетъ гетеризмъ, т. е. непрочные, легко расторгаемые моногамные союзы. Замѣчаютъ затѣмъ, что гинэкократія и патріархализмъ суть «двѣ параллельныя вѣтви, выросшія изъ одного и того же ствола, изъ первобытнаго гетеризма, слѣдовательно дальнѣйшее развитіе одной изъ этихъ системъ въ другую невозможно: онѣ исключаютъ другъ друга» [2]).

---

[1]) См. напр. Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz d'après l'étude entreprise sous les auspices du gouvernement russe par le général N. I. Grodekoff, par Victor Dingelstedt, Paris, 1891 (Extrait de la Revue générale du droit), p. p. III et IV.

[2]) Каутскій, «Возникновеніе брачныхъ союзовъ», въ «Сѣв. Вѣстникѣ», 1891 г., сентябрь и октябрь.

Можно думать, что гинекократія не составляетъ необходимой фазы развитія всѣхъ человѣческихъ расъ и племенъ, а была удѣломъ лишь нѣкоторой ихъ части, и что факты и явленія, которыя систематизируются подъ именемъ материнскаго права, суть принадлежности первичнаго общества и являются результатомъ неизвѣстности отцовъ, почему родственныя отношенія опредѣляются по женской линіи вслѣдствіе необходимости.

Тюрки выступили на историческую почву кочевниками—скотоводами съ патріархальнымъ или родовымъ бытомъ. Древнѣйшія о нихъ извѣстія встрѣчаются въ «Шы-цзи», «Историческихъ запискахъ», составленныхъ за столѣтіе до Р. Х. Описывая бытъ хяньюней и хуньюй'евъ (первымъ именемъ, по китайскимъ комментаторамъ, назывались хунны во времена императора Яо, за 2357 лѣтъ до Р. Х., и вторымъ—тѣ же хунны при династіи Чжеу, 1122—223 г.г. до Р. Х.), Сыма Цянь говоритъ: «Обитая за сѣверными предѣлами Китая, переходятъ со своимъ скотомъ съ однихъ пастбищъ на другія... Не имѣютъ ни городовъ, ни осѣдлости, ни земледѣлія, но у каждаго [1]) есть отдѣленный участокъ земли... Начиная съ владѣтелей, всѣ питаются мясомъ домашняго скота, одѣваются кожами его, прикрываются шерстянымъ и мѣховымъ одѣяніемъ. Сильные ѣдятъ жирное и лучшее; устарѣвшіе питаются остатками послѣ нихъ. Молодыхъ и крѣпкихъ уважаютъ, устарѣвшихъ и слабыхъ мало почитаютъ. По смерти отца женятся на мачехѣ; по смерти братьевъ женятся на невѣсткахъ» [2]). Почти таковъ же былъ въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., по современнымъ китайскимъ описаніямъ, бытъ тюрковъ (тукюе), которыхъ китайскіе историки считаютъ потомками хунновъ, упоминая между прочимъ слѣдующую характерную для организаціи семьи и брака черту: «По смерти отца, старшихъ братьевъ и дядей по отцѣ, женятся на мачехахъ, невѣсткахъ и теткахъ» [3]). Основы быта киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ тѣ же самыя въ главныхъ чертахъ и въ настоящее время.

У оставшихся такимъ образомъ въ родовомъ бытѣ, въ продолженіи по крайней мѣрѣ четырехъ тысячелѣтій, народовъ кровныя отношенія, принадлежность къ родамъ и ихъ дѣленія естественно должны были всегда имѣть важное значеніе. И дѣйствительно, родовыя дѣленія и имена, вмѣстѣ съ тамгами (тавро или мѣта скота) и уранами (военные клики), и народные обычаи и преданія составляютъ у неимѣвшихъ литературы кочевниковъ почти все, что они сохранили въ качествѣ памятниковъ своего прошлаго.

---

[1]) Рода конечно, а не лица или семьи.

[2]) «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена» монаха Іакинфа, Спб., 1851 г., часть 1, стр. 2 и 3.

[3]) Тамъ же, стр. 270.

Отсюда понятна важность изученія родовыхъ дѣленій для исторіи и этнографіи тюркскихъ народовъ. Между тѣмъ, по замѣчанію Вамбери, немногіе предметы въ этнографіи тюрковъ представляютъ бóльшія трудности, чѣмъ точное выясненіе главныхъ и послѣдующихъ родовыхъ дѣленій [1]). Въ самомъ дѣлѣ, будучи въ первоначальной основѣ своей результатомъ естественнаго размноженія людей въ первичныхъ общественныхъ группахъ, роды, вслѣдствіе продолжающагося естественнаго нарожденія новыхъ членовъ въ составляющихъ ихъ семьяхъ и увеличенія количества этихъ послѣднихъ, должны неминуемо дробиться на части, изъ которыхъ каждая даетъ также свои подраздѣленія и т. д. Но одновремению и не менѣе могущественно, чѣмъ естественное нарожденіе, вліяютъ на образованіе новыхъ родовыхъ частей и на иное группированіе существующихъ—экономическіе и политическіе факторы: недостатокъ пастбищъ вслѣдствіе умноженія скота, борьба за эти пастбища, происходящія отсюда и изъ другихъ причинъ внутреннія смуты и раздоры, наконецъ внѣшнія нашествія и войны,—все это также вліяетъ на группировки родовъ и ихъ частей, вызывая образованіе новыхъ родовыхъ единицъ и союзовъ. Во время происходящихъ вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ броженій и смутъ, весьма часто играютъ выдающуюся роль сильные и удачливые вожди, подъ властью которыхъ собираются не только ближайшіе ихъ родственники, но и отдаленныя по крови части родовъ, и даже иноплеменники. Возникающіе такимъ образомъ на ряду съ родовыми дѣленіями кровнаго происхожденія, а потомъ и замѣняющіе ихъ частію, родовые союзы народнымъ сознаніемъ приравниваются къ родовымъ единицамъ кровнаго происхожденія, хотя въ составъ ихъ входятъ нерѣдко части разныхъ родовъ и даже семьи и группы иноплеменниковъ. Такъ какъ процессы образованія новыхъ родовыхъ единицъ и группъ, исчезновенія ихъ и созиданія новыхъ родовыхъ союзовъ длятся все время существованія тюркскихъ кочевниковъ, т. е. тысячелѣтія, то слѣдовало бы ожидать, что киргизъ-казаки, при своемъ сборномъ составѣ изъ разныхъ подплеменъ, если не изъ разныхъ племенъ и народовъ, представляютъ собою въ настоящее время необъяснимый конгломератъ родовыхъ союзовъ и что роды у нихъ утратили всякую между собою истинную кровную связь и соотношенія. Въ дѣйствительности однако оказывается, что роды и ихъ подраздѣленія у тюрковъ-кочевниковъ находятся между собою въ опредѣленныхъ, имѣющихъ частію фиктивный, частію истинный кровно-родовой характеръ соотношеніяхъ. Произошло это безъ сомнѣнія вслѣдствіе могучаго вліянія родоваго быта, въ которомъ кочевники эти продолжаютъ пребывать. Въ немъ же коренится причина об-

[1]) Das Türkenvolk etc., 1885, s. 181.

леченія, въ народномъ сознаніи, отношеній между родами исключительно въ форму кровно-родовую, генеалогическую. Утрачивая черезъ два-три поколѣнія ясныя воспоминанія объ историческихъ событіяхъ, между прочимъ и объ обстоятельствахъ образованія родовыхъ союзовъ, ихъ видоизмѣненій и распаденій, тюрки-кочевники всегда представляли себѣ происхожденіе своихъ родовъ или общественныхъ единицъ и ихъ подраздѣленій такимъ же, какъ совершающееся вслѣдствіе естественнаго размноженія людей образованіе новыхъ родовыхъ дѣленій [1]). Таково именно содержаніе тюркскихъ родословныхъ преданій, первый сохранившійся до насъ образчикъ которыхъ записанъ китайцами въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х., а нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ изложены въ «Исторіи монголовъ» Рашидъ-эддина и повторены въ сочиненіи Абдулъ-гази-багадуръ-хана, назвавшаго свою исторію «Родословною тюрковъ», устныя же существуютъ и созидаются и понынѣ у тюрковъ, сохраняющихъ кочевой образъ жизни и родовой бытъ.

У киргизъ-казаковъ такія родословныя встрѣчаются нерѣдко даже въ письменномъ изложеніи. Разъ такая родословная попалась мнѣ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, которые ходятъ по рукамъ у грамотѣевъ, самими ими составляются и содержатъ, иногда рядомъ съ молитвами, сказанія романическаго характера о Тимурѣ и Чингизъ-ханѣ, сказки о богатыряхъ, загадки и пр. Родословныя эти отличаются большимъ разнообразіемъ въ зависимости отъ части степи и отъ рода, гдѣ онѣ встрѣчаются. Я приведу здѣсь одну такую родословную, составленную біемъ рода ботпай Дикамбай-батыремъ, умершимъ въ 1876 году; источники ея мнѣ неизвѣстны. Начинается она съ Адама и поименовываетъ 54 колѣна до Абулъ-хаира [2]). У Абулъ-хаира ю-

---

[1]) Въ родовыхъ общественныхъ группахъ связующимъ цементомъ служитъ «представленіе о происхожденіи отъ общаго родоначальника мужчины и культъ этого родоначальника» («Первобытное право» професс. М. Ковалевскаго, вып. I, Москва, 1886 года, стр. 85). У раджпутовъ «чистокровные роды сравнительно рѣдки. Большинство родовъ составилось не изъ однихъ единокровныхъ; къ древнѣйшему стволу дѣйствительныхъ родственниковъ присоединялись съ теченіемъ времени выходцы изъ другихъ родовъ. Раздоры, несогласія, гнетъ общественнаго мнѣнія сплошь и рядомъ побуждали, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя группы семействъ вступать въ составъ чуждыхъ имъ родовыхъ сообществъ... Не одно усыновленіе родовъ чужеродцевъ, но и добровольное соединеніе нѣсколькихъ чуждыхъ другъ другу по крови общественныхъ группъ подъ предводительствомъ общаго вождя, ведетъ къ возникновенію на сѣверѣ Индіи такъ называемыхъ смѣшанныхъ родовъ... По прошествіи одного или двухъ поколѣній, развивается новое, болѣе или менѣе сказочное генеалогическое древо... Проходитъ нѣсколько поколѣній, и сглаживается самая память о позднѣйшемъ восполненіи рода новыми пришельцами» (тамъ же, стр. 18 и 19).

[2]) Адамъ, Шишъ, Нушъ, Яспинъ, Магданль, Ярыкъ, Уаху, Идрисъ, Агынукъ, Матъуашакъ, Маликъ, Нухъ, Япызъ (Яфетъ), Арпакшадъ, Салыкъ, Хабыръ, Балкы, Аргынъ, Ашракъ, Тахраръ, Такракъ, Хазаръ, Ибрагимъ Халиль-улла, Исхакъ, Джакыбъ—Пайгам-

казано три сына: Байчура (родоначальникъ большой орды), Джанчура (предокъ средней орды) и Карачура (родоначальникъ меньшой орды) [1]). У Байчуры значится сынъ Джуманбай, у него Кейкибай, далѣе Тюбей. У послѣдняго четыре сына: Майкы, Когамъ, Коюлдуръ и Мекраилъ. У Майкы также четыре: Бахтіаръ, Канглы, Кырк-джузъ, Мын-джузъ. У Бахтіара сыновья Уйсунъ и Сергеле. У Уйсуна Аксакалъ (абакъ-тамга) и Джансакалъ (таракъ-тамга) [2]). У Аксакала сынъ Карача-бій, у него Байлибекъ. У Байлибека отъ старшей жены Сары-байбиче сынъ Сары-уйсунъ; отъ второй жены, по имени Зерибъ, сынъ Джолмамбетъ, у котораго отъ старшей жены Мапрашъ былъ сынъ Чапрашлы, отъ второй (стряпки) сынъ Сты и отъ третьей (сестра ея) Ушакты; отъ третьей жены Байлибека, по имени Дамалакъ, былъ сынъ Джаркычакъ, а у него сыновья Абданъ, Дулатъ, Суанъ. У Дулата четыре сына: Ботпай [3]),

---

беръ, Юсуппай, Джагуда, Дайнаръ, Азганъ, Узбекъ, Сагды-ваккаэъ, Маликъ, Абдиль-мажнунъ, Сагитъ, Керьбага, Мухаммедъ, Абдурахманъ, Абдукарымъ, Абдулъ-газисъ, Салыкъ, Сальманъ, Джумартъ, Узюбекъ, Языкень, Альмень, Керимъ, Туйгашь, Куренбай, Джалынтузъ, Баба-касымъ, Ерь-булантай, Сабазъ-батыръ, Ерь-джомартъ, Алпыспекъ, Абулъ-хаиръ· Часть начальныхъ именъ повидимому взята изъ перешедшей въ коранъ библейской родословной. Остальныя кажутся пока наборомъ арабскихъ, персидскихъ и тюркскихъ именъ. Странно совпаденіе имени Абулъ-хаира съ историческимъ Абулъ-хаиръ-ханомъ, при которомъ дѣйствительно положено начало союзу родовъ, образовавшихъ киргизъ-казачій народъ. Неужели сохранилось объ этомъ въ народѣ смутное воспоминаніе, выразившееся въ помѣщеніи въ родословную Абулъ-хаира съ тремя сыновьями—родоначальниками трехъ казачьихъ ордъ?

[1]) По сказаніямъ киргизъ-казаковъ сыръ-дарьинской области (Н. И. Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 года, стр. 2), у отца киргизъ-казаковъ Алаша были три сына: Байшура, Джаншура (родон. средней орды) и Карашура (меньшой орды). По преданіямъ въ средней ордѣ (Г. Н. Потанинъ «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 14, по бумагамъ Мусы Черманова), у предка всего киргизскаго народа Котана было три сына: Акджолъ (средняя орда), Альчинъ (меньшая) и Юсунъ. Муса Чермановъ, родившійся въ 1818 году и умершій въ 1884 г., рода суюндукъ, былъ долго старшимъ султаномъ баянъ-аульскаго округа; см. его составленную Д. Путинцевымъ біографію въ «Акмолинскихъ обл. вѣдомостяхъ» 1885 г. №№ 38 и 39.

[2]) По «родословной таблицѣ», написанной Ю. Д. Южаковымъ («Отечеств. записки», 1867 года, томъ 171), со словъ чимкентскихъ киргизъ-казаковъ, у Бахтіара были сыновья Абакъ и Таракъ и пріемышъ Канглы; по словамъ однихъ разсказчиковъ, Бахтіаръ усыновилъ безроднаго Катагана, отъ котораго и произошли канглы и чаншклы, по мнѣнію же другихъ чаншклы «чужой, неизвѣстный народъ, присоединившійся къ канглам». У Абака, по той же таблицѣ, показанъ сынъ Джалаиръ, а у Тарака Ойсулъ (опечатка вмѣсто Уйсунъ), Дулатъ, Адманъ и Суакъ (Суанъ): тутъ путаница, ибо у джалаировъ тамга таракъ, такъ что они всѣми родословными производятся отъ родоначальника съ таракъ-тамгою.

[3]) По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, родъ ботпай состоялъ изъ двухъ отдѣловъ—худайкулъ (отдѣленія бишъ-турсукъ 315 киб., алимъ-джанысъ 221 к., худайкулъ и сіирчи 207 к., всего 743 киб.) и чагатай (отдѣленія исенбай 275 к., джанъкойлыкъ 330 к., асанъ-тайлакъ 537 к., акча и коджай 385 к., бійдасъ 80 к. и куралгы 115 к., всего 1722 к.).

Чимыръ [1]), Сейкымъ [2]) и Джанысъ. Этимъ кончается составленная Дикамбай-батыремъ родословная.

Въ «Родословной таблицѣ» г. Южакова Ошакты, и Чапрашты показаны сыновьями Суака (Суана), но онъ поясняетъ, что по другимъ разсказамъ «Исты (или Сты), Чапрашты и Ошакты происходятъ отъ Юйсюня, отъ младшей жены, тогда какъ Дулатъ, Адманъ и Суанъ отъ старшей». Въ той же таблицѣ у Уйсуна значатся сыновья Сергелы (у него означены восемь сыновей: Байджигитъ, Карабатырь, Батырляръ, Учъ-тамгалы, Илибай, Джакабай, Айтъ-бузумъ, Турт-тамгалы) и Исты (съ сыновьями Тиликъ и Уюкъ [3]).

На основаніи устныхъ сообщеній разныхъ біевъ большой орды [4]) можно дополнить родословную Дикамбай-батыря слѣдующимъ:

У Сары-уйсуна было два сына: Кальча и Джакубъ.

У Чапрашлы было пять сыновей: Икей (родъ этого имени составляетъ нынѣ узунъ-агачскую волость вѣрненскаго уѣзда), Исходжа (нынѣ часть кастекской, мало-алматинской и больше-алматинской волостей), Асылъ (въ тургенской и куртинской волостяхъ), Чибылъ (два аула куртинской волости) и Айкымъ (каргалинская волость того же уѣзда) [5]).

У Джаныса были сыновья: Джарылгамысъ, Джанту, Джанташъ, Джа-

---

[1]) По г. Южакову, у Чемыра показаны сыновья Чинходжа (у него Темиръ и Чокай) и Бекбулатъ (съ сыновьями Клы, Чильмамбетомъ и Бок-кайнатомъ). По алатавскимъ спискамъ 1865 года, въ волости чимыръ означены три отдѣленія (кунту, самбетъ и кукрекъ) со многими подъотдѣленіями, всего 560 киб.

[2]) По «Род. таблицѣ» г. Южакова названы сыновьями Сейкыма Куйсерекъ, Чулдакъ, Тугатай, Бурасъ. По спискамъ алатавскаго округа 1865 г., въ родѣ сейкымъ значились отдѣленія кара-койлы (150 к.), акъ-койлы (180 к.), кусійракъ (215 к.) и чуулдакъ (625 к.).

[3]) По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, въ родѣ исты отмѣчены отдѣленія ишимъ (1?0 к.), малай (170 к.), катты-кулакъ (100 к.), алмамбетъ (60 к.), куланчи (100 к.), всего 610 к.; одно изъ подъотдѣленій названо суюндукъ (30 к.).

[4]) Варіантовъ существуетъ и вновь появляется множество. Я приведу только слышанное отъ людей толковыхъ и свѣдущихъ въ народной старинѣ.—По А. Н. Краснову («Очеркъ быта семирѣченскихъ киргизовъ» въ «Извѣстіяхъ И. р. географическаго общества», 1887 года, стр. 437 и 438) «киргизы дулатовской волости производятъ себя отъ Дулата, сына Абакъ-Терека, сына Юсуна»... По его же словамъ, казаки большой орды считаютъ себя въ близкомъ родствѣ съ казаками малой и средней орды «и потомками рыже-волосаго Уссуня, брата родоначальниковъ двухъ вышеприведенныхъ ордъ и сына Лудуза (?). По другимъ толкованіямъ, Уссунь былъ сынъ Каракозы, брата Джангоза, родоначальника кара-киргизовъ. Это второе толкованіе, разсказанное мнѣ въ долинѣ Иссыкъ-куля (замѣчаетъ авторъ), еще подлежитъ впрочемъ повѣркѣ».

[5]) По спискамъ алатавскаго округа 1865 года, двѣ волости чапрашты, въ которыхъ значились 1001 и 1014 кибитокъ, имѣли въ своемъ составѣ отдѣлы этихъ самыхъ именъ; изъ числа отдѣленій упомянемъ кочкаръ и кучукъ.

илмысъ, Баисъ, Караманъ, Капалъ, Утемисъ, Тюртъ-кара, Чегыръ [1]). У Баиса: Джолсеитъ и Джарты. У Джантая—Ирюбай. У Джарылгамыса — Каскарау, а у него: Сарымбетъ, Баба, Кулбулды, Султангельды, Букень [2]).

Адбану приписываютъ двухъ сыновей: Чибылъ и Сары. У перваго два сына—Кызылъ-буркъ и Конуръ-буркъ; у втораго (Сары)—Айтъ, Бузумъ, Сегизъ-сары, Курманъ, Альджанъ; отъ дѣвушки изъ рода Айтъ родился сынъ Кыстыкъ [3]).

У Сувана полагаютъ двухъ сыновей Байтюгей и Тогурустанъ [4]).

Джалаиру, сыну Джансакала (таракъ-тамга), даютъ двухъ сыновей: Сыр-манакъ и Чу-манакъ. Отъ Чу-манака пошло семь родовъ: андасъ, мурза, кара-чапанъ, уракты, акъ-бiюмъ, кальпе и сунатай; отъ Сыр-манака пять: арыкъ-тынымъ, байчигыръ, сiирчи, балгалы и кайчилы. Есть еще тринадцатый родъ кучукъ, который появился позже всѣхъ и присоединился къ балгалы [5]).

---

[1]) У г. Южакова названы еще Богожали, Акдай-худакъ, Джамбай, Ольджанкулъ, Утебай-туле. По алатавскимъ спискамъ значились въ родѣ джанысъ отдѣленія джолсеитъ, джарты (семь подъотдѣленій), кыбрай (пять подъотд.) и худайкулъ (семь подъотд., въ томъ числѣ капалъ и кубулъ). Всего джанысовъ числилось въ двухъ волостяхъ 1516 киб.

[2]) По спискамъ алат. округа 1865 г., кашкарау состояло изъ отдѣленій баба (подъотдѣленія байсулу 275 киб., куньсулу 225 к.), кулбулды (130 киб.), инемъ-баласы (130 к.), ирюбай (130 к.), бошъ-калмакъ, сарымбетъ (со многими подъотдѣленіями, въ томъ числѣ султангельды и букень, всего 766 киб.), всего въ двухъ волостяхъ 1689 киб.

[3]) По Мусѣ Черманову (Потанинъ, «Очерки», вып. 4, стр. 14), у Адбана, сына Абака, было пять сыновей, изъ которыхъ записаны имена Сары и Чэбиля; у Сары два сына - Альджанъ и Сегизъ-сары, у втораго же: Айтъ, Бузумъ, Кастыкъ, Кызылбуркъ, Конурбуркъ.—По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года значились адбановскіе роды: кызылбуркъ, 1016 киб. въ 9 отдѣленіяхъ, въ томъ числѣ кирей-кулъ, сакау, чокаманъ, найманбай, далѣе конурбуркъ 450 киб. въ 10 отдѣленіяхъ, сегизъ-сары 1030 киб. изъ отдѣленій чаганъ (пять подъотдѣленій), ходжа-мамбетъ (четыре подъотдѣленія) и джарты (четыре подъотдѣленія, имена которыхъ не тѣ, что у джарты въ родѣ джанысъ), потомъ айтъ въ числѣ 1070 киб. (пять отдѣленій, въ томъ числѣ суюндукъ и особый отдѣлъ кыстыкъ изъ пяти же отдѣленій), бузумъ 1240 киб. (изъ тринадцати отдѣленій, въ томъ числѣ курманъ 300 к. и баба 140 к.) и альджанъ 1200 киб. изъ отдѣленій сарымбетъ, чагыръ, аламанъ и чаджа.

[4]) По Мусѣ Черманову, Байтыйкей и Тогуруслапъ. По спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, сувановская волость состояла изъ 1025 киб. въ 16 отдѣленіяхъ, въ томъ числѣ кочкаръ 100 к., урусъ 180 к. и едигеръ 30 к.

[5]) Абрамовъ въ «Запискахъ И. р. географическаго общества», томъ I, 1867 года, стр. 271—273, и списки алатавскаго окружнаго управленія 1865 года. Изъ отдѣленій нужно упомянуть въ родѣ андасъ—кыргыздаръ, кочкаръ и танатъ, въ родѣ сунатай—акъ-марка и кара-марка, въ родѣ кучукъ—суюндукъ, въ родѣ балгалы—угузъ, чагыръ, кулумъ, въ родѣ сiирчи—баймбетъ, якимбетъ, ильтазаръ, тюленгутъ.

2) Главныя родовыя дѣленія большой орды, занимаемыя ими земли и численность ихъ.

Отмѣченныя въ приведенныхъ родословныхъ курсивомъ имена суть названія существующихъ родовыхъ дѣленій большой орды. Нынѣ она состоитъ изъ одиннадцати главныхъ подраздѣленій, колѣнъ или поколѣній: дулатъ, адбанъ, суванъ, чапрашты, исты, ушакты, сары-уйсунъ, джалаиръ, канглы, чаншклы и сергелы.—Многочисленнѣйшее и преобладающее изъ нихъ поколѣніе дулатъ слагается изъ родовъ ботпай, чимыръ, сейкымъ и джанысъ. Родъ ботпай обитаетъ въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (въ 1867 г., по Макшееву, 1100 кибитокъ) и чимкентскомъ (по Гродекову 274 киб.) уѣздахъ; родъ чимыръ—въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 3500 к.), чимкентскомъ (по Гродекову 3334 к.) и (по Смирнову) въ ташкентскомъ уѣздахъ; родъ сейкымъ — въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 1500 к.) и чимкентскомъ (по Гродекову 4570 к.) уѣздахъ; наконецъ родъ джанысъ — въ вѣрненскомъ, аульеатинскомъ (по Макшееву 700 к.), чимкентскомъ (по Гродекову 3374 к.), а также (по Смирнову) въ ташкентскомъ и перовскомъ уѣздахъ. Въ общемъ, въ поколѣніи дулатъ, распространяющемся вдоль западнаго Тяньшаня, отъ р. Или до Сыръ-Дарьи и Чирчика, можно считать приблизительно 40 т. кибитокъ. — Адбаны занимаютъ въ вѣрненскомъ и джаркентскомъ уѣздахъ, въ числѣ, въ 1889 году, 15426 киб., земли отъ р. Тургеня и прохода Санташъ до р. Или и до китайской границы.— Суваны, въ 1889 г., въ числѣ 3632 киб., помѣщаются въ джаркентскомъ уѣздѣ на правомъ берегу р. Или.—Чапрашты находятся главнымъ образомъ въ вѣрненскомъ уѣздѣ, приблизительно всего въ числѣ 7 т. киб.— Исты встрѣчаются въ вѣрненскомъ уѣздѣ, въ низовьяхъ р. Или (въ 1885 году—нижне-илійская волость—1564 киб.) и въ чимкентскомъ (по Гродекову 3521 к.). — Ушакты малочисленны и имѣются въ чимкентскомъ (по Гродекову 527 к.), а также (по Смирнову) въ аульеатинскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ. — Сары-уйсуны имѣются въ вѣрненскомъ уѣздѣ (въ 1885 г. 1187 киб.), а также (по Смирнову) въ небольшомъ количествѣ въ аульеатинскомъ, чимкентскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ. — Джалаиры занимаютъ земли между р. Караталомъ и р. Или въ копальскомъ уѣздѣ, въ числѣ, въ 1889 году, 16098 киб., и встрѣчаются (по Смирнову) въ аульеатинскомъ, чимкентскомъ и ташкентскомъ уѣздахъ.—Канглы и чаншклы имѣются въ небольшомъ количествѣ около р. Тургеня въ вѣрненскомъ уѣздѣ, въ аульеатинскомъ (по Макшееву—350 киб. кангловъ) и чимкентскомъ (по

Гродекову 478 киб.), но главнымъ образомъ въ ташкентскомъ уѣздѣ, гдѣ по Макшееву считалось кангловъ 1650 киб. и чаншклы 2000 киб.—Сергелы обитаютъ въ чимкентскомъ уѣздѣ (по Гродекову 4871 киб.) и въ ташкентскомъ (по Макшееву 1410 киб.) уѣздахъ и встрѣчаются также (по Смирнову) въ аульеатинскомъ [1]).

Въ общей сложности киргизъ-казаковъ большой орды считается:

Въ семирѣченской области (1889 г.):		Въ сыръ-дарьинской:	
въ копальскомъ уѣздѣ	16,098 киб.	въ аульеатинскомъ. .	13,640 к. [3])
» джаркентскомъ »	13,452 »	» чимкентскомъ. . .	21,686 » [4])
» вѣрненскомъ »	30,504 »	» ташкентскомъ. . .	14,000 » [5])
Итого. . . .	60,054 киб. [2])	Итого. . . .	49,326 к.

[1]) Свѣдѣнія Макшеева были основаны на современныхъ офиціальныхъ данныхъ о числѣ кибитокъ и помѣщены въ статьѣ его «Географическіе, этнографическіе и статистическіе матеріалы о Туркестанскомъ краѣ», напечатанной въ «Запискахъ И. р. географическаго общества, по отдѣленію статистики» и отдѣльно (Спб., 1867 г.); по этой же статьѣ показано было въ ташкентскомъ уѣздѣ родовъ бешъ-тамгалы 330 киб., дулатъ 380 к., конгратъ 890 к., аргынъ 359 к., найманъ 115 к., кипчакъ 100 к., рамаданъ 610 к., всего же въ уѣздѣ 7835 киб. Цифры эти были далеко ниже дѣйствительныхъ, потому что въ 1868 году, при организаціи волостей, число киргизъ въ кураминскомъ уѣздѣ опредѣлилось въ 20,710 кибитокъ и дворовъ; киргизы занимаютъ всю сѣверную часть уѣзда и долину Келеса и составляютъ большинство въ при-чирчикскихъ волостяхъ; за Чирчикъ переходитъ только родъ чаншклы; на Ангренѣ киргизъ уже нѣтъ и въ бассейнѣ его обитаютъ кураминцы (11,043 киб. и дворовъ); на Ангренѣ же встрѣчается 341 семейство рода кара-китай; сартовъ въ уѣздѣ 9948 дворовъ и таджиковъ 1662 двора—все по свѣдѣніямъ 1868 года (см. М. А. Терентьева «Статистическіе очерки средне-азіатской Россіи» въ «Запискахъ И. р. географическаго общества, по отдѣленію статистики», т. 4, 1874 года, стр. 73 и 79).— Цифры, приписываемыя Н. И. Гродекову, извлечены изъ стр. 17—20 книги его «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 года, и относятся къ 1867—1884 г.г. Свѣдѣнія, показанныя принадлежащими г. Смирнову, взяты изъ книги «Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 года, гдѣ на стр. 318—322 помѣщено перечисленіе родовъ, обитавшихъ въ области въ 1885 году, съ указаніемъ уѣздовъ, но безъ свѣдѣній о числѣ кибитокъ или душъ.

[2]) Цифры эти извлечены изъ губернаторскаго «Обзора» за 1889 годъ.

[3]) По выше указанной книгѣ г. Е. Смирнова въ аульеатинскомъ уѣздѣ всего киргизъ 116000 душъ обоего пола; вычитая 47,800 душъ кара-киргизовъ, получимъ 68,200 д. киргизъ-казаковъ или (по принятому въ сыръ-дарьинской области счету въ 5 душъ на 1 кибитку) 13640 кибитокъ киргизъ-казаковъ.

[4]) Гродековъ, «Киргизы» и пр., стр. 17—20.

[5]) По г. Смирнову, въ кураминскомъ уѣздѣ въ 1885 году считалось 186 т. душъ об. п., а за вычетомъ курамы (80 т. душъ) 107,000 душъ киргизъ-казаковъ, что соотвѣтствуетъ 21400 киб. Изъ этой цифры на роды большой орды приблизительно надо считать, по преобладанію надъ родами средней и малой орды въ этой мѣстности, не менѣе 14 т. к.

А всего 109,380 кибиток или круглымъ счетомъ около 110 т. киб., что составитъ, по 4 души на кибитку [1]), около 440 т. душъ обоего пола.

По поколѣніямъ общее число кибитокъ можетъ быть приблизительно распредѣлено такъ:

дулатъ.	40,000 киб.	ушакты	2000 киб.
адбанъ.	15,500 »	сары-уйсунъ	1500 »
суванъ.	4000 »	джалаиръ	17,000 »
чапрашты	7000 »	канглы и чанышклы .	10,000 »
шеты.	6000 »	сергелы	7000 »

3) Историческія извѣстія о главныхъ родовыхъ группахъ или поколѣніяхъ большой орды и составъ ихъ на основаніи этихъ извѣстій и именъ родовыхъ подраздѣленій.

О главномъ по численности родѣ или колѣнѣ большой орды имѣются хотя скудныя, но все же достаточныя, чтобы намѣтить его существованіе въ теченіе многихъ уже вѣковъ, историческія извѣстія.

Такъ, на основаніи данныхъ Именика болгарскихъ князей и другихъ обстоятельствъ, можно полагать, что родъ дулу вѣроятно существовалъ до Р. Х., ибо часть его во II столѣтіи послѣ христіанской эры укочевала вмѣстѣ съ хуннами отъ предѣловъ Китая, изъ нынѣшней западной Монголіи, въ киргизскую степь и затѣмъ раздѣляла судьбы гунновъ, послѣ же распаденія царства Аттилы вожди дулу стали во главѣ той части болгаръ (союза гуннскихъ и отуреченныхъ угро-финскихъ родовъ), которая основала болгарское царство за Дунаемъ. Въ V вѣкѣ оставшаяся въ западной Монголіи, между Таньшанемъ и монгольскимъ Алтаемъ, часть тѣхъ же дулу упоминается китайскими историками въ числѣ гаогюйскихъ поколѣній, подъ именемъ тулу. Такъ какъ въ VII вѣкѣ занимавшіе эту самую страну пять аймаковъ подвластныхъ западнымъ тюркскимъ ханамъ кочевниковъ именовались аймаками дулу, то надо думать, что родъ дулу первенствовалъ между мѣстными тюркскими родами и занималъ такое же положеніе и ранѣе въ тюркской странѣ Юебани. По китайскимъ извѣстіямъ, владѣніе Юебань основано было во время ухода гунновъ на западъ и имѣло сношенія съ Китаемъ до половины V вѣка. Прекращеніе извѣстій о Юебани совпадаетъ съ движеніемъ

[1]) Счетъ по 4 души обоего пола на кибитку ближе къ дѣйствительности, какъ убѣдился я при многихъ точныхъ повѣркахъ въ семирѣченской области.

гаогюйцевъ, во второй половинѣ того же столѣтія, на западъ, гдѣ они должны были подчинить юебаньцевъ, которые затѣмъ и значатся у китайскихъ историковъ подъ именемъ гаогюйскаго поколѣнія тулу. Китайцы сохранили имена родовъ, обитавшихъ между Тяньшанемъ и Алтаемъ въ VII вѣкѣ: чу-юе, чу-ми, чу-мугунь, чу-бань и пр. Вѣроятно эти роды, образовавшіе, повидимому, особую чу'йскую группу, составляли ранѣе населеніе Юебани, имѣя во главѣ дулу. Они же, во всякомъ случаѣ, входили въ составъ аймаковъ дулу, въ названіяхъ которыхъ, кромѣ чу-мугунь, встрѣчается шунини-чубань. Въ этомъ имени можно узнать нынѣшній дулатовскій родъ джанысъ, имя же чу-бань даетъ основаніе полагать, что почитаемыя киргизъ-казаками за близко родственныя дулатамъ колѣна ад-банъ и су-банъ (суванъ) были родами чу'йцевъ и быть можетъ находились въ составѣ аймаковъ дулу подъ именемъ чу-бань.

Съ прекращеніемъ съ половины VIII вѣка подробныхъ китайскихъ извѣстій о западныхъ тюркахъ пресѣкаются и свѣдѣнія о дулу. Мусульманскіе писатели даютъ въ IX—XII вѣкахъ свѣдѣнія, и то крайне скудныя, лишь о господствующемъ въ каждомъ изъ сосѣднихъ съ землями магометанъ тюркскихъ владѣній племени, но не сообщаютъ никакихъ извѣстій о подчиненныхъ родахъ. Поэтому извѣстія о дулатахъ отсутствуютъ за все время владычества карлыковъ и киданей, а потомъ и монголовъ. Только въ описаніяхъ войнъ Тимура съ джагатаидами проскальзываютъ нѣкоторыя данныя о родахъ, изъ которыхъ состояло кочевое населеніе владѣній современныхъ джагатаидовъ. Главнымъ изъ нихъ оказывается родъ дуглатъ, т. е. дулу, старѣйшины котораго наслѣдственно пользуются высшимъ въ ханствѣ званіемъ улусъ-бека и правятъ Кашгаріею, а одинъ изъ нихъ (Камер-эддинъ) даже самъ овладѣваетъ ханской властью, истребивъ почти весь родъ мѣстныхъ джагатаидовъ. Спустя столѣтіе, когда окончательно пала власть джагатаидовъ на сѣверѣ Тяньшаня, предъ стремленіемъ родовъ къ самостоятельности, дулаты должны были, въ числѣ остальныхъ родовъ Моголистана, войти въ составъ киргизъ-казачьяго союза. Надо думать, что стремленіе къ самостоятельности и раздробленію не ограничилось освобожденіемъ родовъ отъ ханской власти, но сопровождалось распаденіемъ и самыхъ родовъ на части, и что желаніе найти защиту и опору противъ сильныхъ родовъ было одною изъ главныхъ причинъ вступленія бывшихъ джагатаидскихъ родовъ въ составъ киргизъ-казачьяго союза. При крайней скудости свѣдѣній о киргизъ-казакахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ легко объяснимо отсутствіе упоминаній и о дулатахъ. Часть дулатовскихъ родовъ вѣроятно была подчинена во второй половинѣ XVII вѣка цзунгарами и значится въ числѣ зюнгарскихъ аймаковъ подъ

именами долотъ или дологотъ (4 т. кибитокъ). Около 1723 года покорены были калмаками и остальные дулаты, отхлынувшіе вмѣстѣ съ другими родами большой орды къ Ташкенту и Туркестану. Въ первыхъ обстоятельныхъ свѣдѣніяхъ о большой ордѣ, относящихся къ второй четверти XVIII столѣтія (разумѣю оренбургскія исторію и топографію Рычкова), она значится состоящею изъ дулатовскихъ родовъ джанысъ, сейкымъ и чимыръ, изъ родовъ сары-уйсунъ, канглы, чаншклы, адбанъ, суванъ и чапрашты. Около 1785 г., по капитану Андрееву, вдоль китайской границы между Алакулемъ и р. Или находились роды суванъ, адбанъ, чапрашты, джалаиръ, кашкарау, джанысъ, канглы и чаншклы, а между Таласомъ и Сыръ-дарьею роды джанысъ, чимыръ, чаншклы и сергелы; не названы имъ роды ботпай и сары-уйсунъ, которые съ частями другихъ родовъ вѣроятно занимали земли между Или и Таласомъ, объ обитателяхъ которыхъ Андреевъ умалчиваетъ [1]). Въ началѣ XIX вѣка, по Спасскому, большая орда состояла изъ кочевавшихъ по китайской границѣ и распространявшихся до Сыръ-дарьи дулатовскаго рода, въ четырехъ отдѣленіяхъ, и сары-юсунъ-джалаировскаго, изъ занимавшаго земли между Туркестаномъ, Сары-су и Акъ-мечетью рода сергамъ (конечно это сергелы) и наконецъ изъ обитавшихъ на Сыръ-дарьѣ къ Ташкенту родовъ канглы и чаншклы. По свѣдѣніямъ Левшина (до 1832 года), «большая орда въ началѣ составилась изъ поколѣній уйсюнъ или усюнъ, тулатай и саргамъ; въ послѣдствіи времени, отъ средней орды отдѣлилось къ сей послѣдней поколѣніе конкратъ или кункратъ. I. Изъ первыхъ произошли роды: ботбой, чимыръ, джанисъ или янышъ, сикъ-амъ, абдай-суванъ, сары-сулы (?), чанычъ-кылы, канклы или канлы, джалаиръ и пр. II. Конкратское поколѣніе составили слѣдующіе роды: байларъ-джанджаръ, уразъ-гельды, кульджагачъ, бочманъ, токъ-булатъ, яманъ-бай, кура-куся (кара-кисекъ?), этимляръ, куюшъ-сансызъ» [2]). По В. В. Радлову (1869 г.), восточное крыло большой орды, общее родовое имя которой есть юйсунь, образуютъ роды суанъ и абданъ съ подраздѣленіями: бозунъ, айтъ-кыстыкъ, кызылъ-

---

[1]) Источники и подробности приводимыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи историческихъ извѣстій указаны и изложены въ особомъ трудѣ моемъ, содержащемъ очерки исторіи и древней географіи Западнаго Тяньшаня со временъ усуней. Имѣю надежду, что трудъ этотъ будетъ напечатанъ, и потому не повторяю помѣщеннаго въ немъ, такъ какъ это потребовало бы здѣсь слишкомъ много мѣста.

[2]) «Описаніе киргиз-казачьихъ ордъ и степей», часть 3, стр. 9 и 10. Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 286) повторяетъ Левшина. По В. В. Радлову (Aus Sibirien, I, s. 237), колѣно конгратъ раздѣляется на 12 родовъ, изъ которыхъ шесть считаются алты-ата-кöктын-улы (шесть сыновей отца Кöк'а), а остальные шесть—алты-ата-кöктон-чу (шесть отцовъ Кöктöнчу).

пöрюкъ, конгуръ-пöрюкъ, сегизъ-сары, альджанъ и тулатъ, а западное: сихымъ около Чемкента, джамысъ, темиръ, шымыръ, ботпай около Аульеата, куръ-улусъ (народъ Идеге-бія), бешъ-тенъ-бала (пять похожихъ дѣтей), сиргели, исты, отакчи (ошакты?), джалаиръ, шаппасъ около Ташкента; султанскими крѣпостными были: кара-калпаки, тюрюкпены, канды и теленгуты [1]).

Канглы являются не менѣе древнимъ тюркскимъ племенемъ, чѣмъ дулаты. Вѣроятно именно они упоминались въ Авестѣ и Магабаратѣ подъ именемъ Канка. Китайцы за полтора вѣка до Р. Х. нашли на Сыръ-Дарьѣ обширное владѣніе Кангюй, которому подчинялись мелкія осѣдлыя владѣнія на Зеравшанѣ и въ нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Въ эпоху младшихъ Ханей (25—221 г.г.) кангюйцы или канглы покорили алановъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями. Въ 568 г. византійскій посолъ Зимархъ ѣхалъ къ тюркскому хану Дизавулу и обратно землями подвластныхъ въ это время уже тюркамъ кангловъ, именуя ихъ холіатами (канли=холи). Если сами сельджукиды, завоевавшіе въ XI вѣкѣ Мавераннагръ и Западную Азію, и не были родомъ канглы, какъ утверждаетъ Рашидъ-эддинъ ,тѣмъ не менѣе основная часть ихъ армій состояла вѣроятно изъ кангловъ. Послѣдній карлыкскій илекъ Беласагуна на р. Чу призвалъ къ себѣ кара-киданьскаго гурхана, во второй четверти XII вѣка, для защиты отъ набѣговъ кангловъ. Въ войскахъ Султанъ-Мухаммеда Хорезмъ-шаха служили десятки тысячъ кангловъ, перешедшихъ къ нему на службу съ Таласа, гдѣ кочевали ихъ родовичи. Въ 1220 году гиньскій посолъ Вукусунь упоминаетъ въ числѣ встрѣченныхъимъ на пути къ Чингизъ-хану въ Мавераннагръ племенъ кангловъ. Плано Карпини, послѣ Команіи (земли половцевъ), слѣдовалъ по странѣ кангитовъ. Рубрукъ въ 1253 г. также проѣзжалъ чрезъ земли кангловъ (cangle). Во время Тимура канглы продолжали занимать правый берегъ Сыръ-Дарьи, но численность ихъ была уже не велика. Выдѣляя изъ себя въ продолженіи вѣковъ значительныя массы на югъ и на западъ, ибо вторгавшіяся въ Европу полчища гунновъ, печенѣговъ, половцевъ и кипчаковъ увлекали съ собою части кангловъ, кангюйцы постепенно уменьшались въ численности, утрачивали преобладаніе въ исконныхъ своихъ земляхъ и вытѣснялись изъ нихъ,

---

[1]) Aus Sibirien, I, ss. 235, 236. Тулатъ попалъ въ число сувановскихъ и адбановскихъ подраздѣленій конечно вслѣдствіе опечатки. Вмѣсто куръ-улусъ обыкновенно употребляютъ имя куралась или куралашъ. По Макшееву, родъ куралась имѣлся въ 1867 г. въ аульеатинскомъ уѣздѣ въ количествѣ 1050 кибитокъ. Вмѣсто беш-тен-бала у Макшеева бешъ-тамгалы въ туркестанскомъ (2000 киб.) и ташкентскомъ (330 к.) уѣздахъ, и едва ли не правильнѣе это послѣднее имя. Темиръ по «Родословной таблицѣ» г. Южакова выходитъ подъотдѣленіемъ чемыровскаго отдѣленія чинходжа. Отакчи вѣроятно опечатка вмѣсто ошакты. Шаппасъ едва ли не джаппасъ меньшой орды.

съ востока дулатами и съ сѣвера кипчаками, къ самымъ берегамъ Сыръ-Дарьи въ среднемъ ея теченіи. Въ составъ киргизъ-казачьяго союза канглы вступили уже въ качествѣ немногочисленнаго рода, значительная часть котораго притомъ же ушла въ Мавераннагръ съ шейбанидами. Поставляя главный контингентъ состава личныхъ, придворныхъ войскъ или дружинъ (тюленгутовъ) киргизъ-казачьихъ хановъ и султановъ, канглы разсѣялись съ ними по всей киргизъ-казачьей степи и въ настоящее время, въ видѣ самостоятельныхъ родовыхъ группъ, встрѣчаются только въ ташкентскомъ уѣздѣ.

Имена кангловъ и дулатовъ кажутся алтайскаго, подобно большинству именъ главныхъ тюркскихъ племенъ и родовъ, происхожденія (отъ р. Канъ, праваго притока р. Чарыша, и отъ рѣки Тулаты, лѣваго притока той же рѣки) и свидѣтельствуютъ о первоначальномъ близкомъ ихъ родствѣ. Поэтому большеордынскія родословныя правильно считаютъ оба колѣна близко родственными. Не остаюсь также въ родословныхъ неотмѣченнымъ гораздо болѣе раннее появленіе кангловъ на земляхъ будущей большой орды. Дѣйствительно, канглы ушли изъ Алтая на западъ и заняли степи при Таласѣ и Сыръ-Дарьѣ за многіе вѣка ранѣе появленія въ степяхъ, прилегающихъ къ западному Тяньшаню, дулатовъ, которые перешли р. Или едва ли главнымъ образомъ не въ XIII столѣтіи. Въ генеалогической формѣ это выражено помѣщеніемъ Канглы въ братья Бахтіару, отъ котораго четырьмя колѣнами ниже произошли Дулатъ, Адбанъ и Суванъ.

Правильность указаній родословныхъ преданій относительно двухъ главныхъ колѣнъ даетъ основанія полагать, что справедливы указанія тѣхъ же родословныхъ и на взаимныя отношенія другихъ родовъ, въ особенности тѣхъ, относительно которыхъ нѣтъ историческихъ и иныхъ данныхъ. Можно поэтому считать вѣроятнымъ, что поколѣніе сергелы, предокъ котораго показывается родословными сыномъ Бахтіара, состоитъ въ болѣе близкомъ родствѣ съ канглами, чѣмъ съ дулатами, и пришло къ западному Тяньшаню ранѣе дулатовъ. На томъ же основаніи чанрашты, исты и ушакты, происходящіе, по родословнымъ, отъ братьевъ отца Дулата, рожденныхъ отъ младшихъ или незаконныхъ женъ [1]), вѣроятно прибыли въ земли большой орды

[1]) По средне-ордынскимъ родословнымъ сказаніямъ (Потанина «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 14), рожденные отъ незаконной жены родоначальника средней орды Акджола четыре сына Кирей, Уакъ, Тараклы и Тюленгутъ (все это на самомъ дѣлѣ колѣна средней орды, отличнаго отъ главныхъ колѣнъ этой орды происхожденія и позднѣе къ нимъ присоединившіеся) должны были прислуживать четыремъ сыновьямъ законной жены (Кипчакъ, Аргынъ, Найманъ и Конгратъ); одинъ мелъ юрту, почему у него тамгою чиликъ (лоза), второй обязанъ былъ ставить юрту, за что получилъ въ тамгу баканъ (подпорка для чарганака—верхняго круга остова юрты); третій чистилъ лошадей, почему у него тамга таракъ (гребень), четвертый же пасъ лошадей съ пикой въ рукѣ, почему у него тамгой найза (пика).

ранѣе дулатовъ и должны были имѣть отличія отъ нихъ въ происхожденіи. Ниже мы увидимъ, что тамги этихъ колѣнъ указываютъ на происхожденіе исты отъ канглов, а чапрашты и чанпклы отъ канглов и дулатовъ, тамга же колѣна ошакты особая, такъ что ошакты кажутся чуждаго и канглам, и дулатамъ происхожденія.

На родину чанпклы въ Алтаѣ намекаетъ существованіе между кумандинцами на р. Лебеди, притокѣ Біи, кости шашкылы или чачкылы [1]) и рѣчка Чанглы-булакъ, притокъ р. Кальджира, истока озера Марка [2]). Вышеприведенное сказаніе о происхожденіи канглы и чанпклы отъ Катагана, пріемыша Бахтіара, даетъ основаніе думать, что чанпклы очень давніе пришельцы съ Алтая, приставшіе къ канглам и жившіе съ ними до настоящаго времени, ибо и теперь канглы и чанпклы встрѣчаются часто вмѣстѣ. О катаганахъ упоминаетъ Абулъ-гази, который говорятъ, что во время пребыванія его у казаковъ въ Ташкентѣ, около 1632 года, казацкій Ишимъ-ханъ погубилъ владѣвшаго Ташкентомъ казацкаго же Турсунъ-хана и раззорилъ и подвергъ преслѣдованіямъ катгановъ (qatghans). Онъ же производитъ этихъ катгановъ отъ Букумъ-катгана, старшаго сына Алунъ-гоа [3]). У Рашидъэддина этотъ родъ нируновъ именуется хатакинъ и ведется отъ старшаго сына Алунъ-гоа Бугунъ-хатаки [4]). Надо полагать, въ виду этого, что катаганы появились въ Туркестанѣ лишь во время Чингизъ-хана, въ составѣ «полка» Джагатая и на службѣ у джагатаидовъ. Конечно численность ихъ была не велика и родъ катаганъ составился на Сыръ-Дарьѣ изъ мѣстныхъ канглов, чанпкловъ и пр., соединившихся подъ главенствомъ и защитою какого нибудь вліятельнаго бека изъ катагановъ, принявъ имя послѣднихъ. Съ распаденіемъ союза, вслѣдствіе гоненій Ишимъ-хана и т. п., исчезъ на правой сторонѣ Сыръ-Дарьи и родъ катаганъ, части котораго вошли въ другія группы или возвратились къ своей особности [5]).

---

[1]) Г. Н. Потанинъ, «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 4, Спб., 1883 года, стр. 939.

[2]) «Записки И. р. географическаго общества, по общей географіи», 1867 года, томъ I, стр. 399.

[3]) Histoire des Mongols et des Tatares, tr. Desmaisons, 1874, p. p 328, 79.

[4]) «Исторія монголовъ. Введеніе», Спб., 1858 года, стр. 179, и «Исторія Чингизъ-хана до восшедствія его на престолъ», 1868 г., стр. 10.

[5]) Значительная часть катагановъ должна была уйти въ Мавераннагръ съ шейбанидами, потому что есть катаганы на Зеравшанѣ и въ другихъ мѣстахъ (Гребенкинъ, «Узбеки» въ «Турк. Вѣдомостяхъ», 1871 года, № 39). Г. Смирновъ упоминаетъ родъ катаганъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ («Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 года, приложеніе № 3). Макшеевъ въ 1867 году показывалъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ 1050 киб. рода куралась, который у г. Смирнова не поминается. Это долженъ быть союзъ изъ родовъ дулатовъ и

Можно также имя чаншклы отожествлять съ именемъ монгольскаго рода **чаншиутъ** или **чаншикитъ**, упоминаемаго въ «Юань-чао-ми-ши», которое проф. Березинъ считаетъ соотвѣтствующимъ имени дженшкутъ, отрасли кыіотовъ, по Рашидъ-эддину [1]). Въ такомъ случаѣ приходится предполагать, что поколѣніе чаншклы образовалось въ джагатаидское время изъ мѣстныхъ родовъ, всего вѣроятнѣе канглов, въ видѣ союза, получившаго имя отъ главы изъ рода чаншиутъ или чаншклы, изъ джагатаидскихъ монголовъ.

О **джалаирахъ** не имѣется упоминаній до временъ монгольскихъ. Въ числѣ начальниковъ четырехъ тысячъ, данныхъ Чингизъ-ханомъ Джагатаю, упоминается Мука-нойонъ изъ рода джалаиръ, а потому можно полагать, что часть «полка» Джагатая состояла изъ джалаировъ и что съ того времени джалаиры и появились въ странахъ при-тяньшаньскихъ. Численность ихъ была конечно не велика, если и присоединялись къ нимъ искать счастія на службѣ джагатаидамъ родичи изъ Монголіи. По положенію своему въ монгольской гвардіи и при дворѣ, многіе джалаиры были беками и занимали важныя мѣста въ управленіи улусомъ джагатаевымъ, какъ въ Моголистанѣ, такъ и въ Мавераннагрѣ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается въ исторіяхъ Тимура. По смерти Беграмъ-джалаира Тимуръ отдалъ «джалаировскую орду» сыну его Адиль-шаху [2]). Вѣроятно, съ раздѣленіемъ джагатаидовъ на двѣ вѣтви, ханствовавшія одна въ Моголистанѣ, другая въ Мавераннагрѣ, подѣлилась на двѣ части и ихъ монгольская гвардія, а съ нею и джалаиры. Въ данномъ случаѣ шла рѣчь о джалаирахъ, оставшихся въ Мавераннагрѣ, гдѣ потомки ихъ теперь встрѣчаются небольшими группами, считаясь однимъ изъ родовъ узбековъ. Конечно и моголистанскіе джалаиры были немногочисленны, такъ что нынѣшнее колѣно джалаиръ въ копальскомъ уѣздѣ, численностью болѣе 16 т. кибитокъ, нельзя считать кровнымъ потомствомъ джагатаидскихъ джалаировъ. Развѣ только роды балгалы и кальчилы являются кровными

канглов, подобный катагановскому и джалаировскому, именовавшійся по главѣ изъ рода джагатаидскихъ монголовъ куралась (у Рашидъ-эддина, по чтенію Березина, «Введеніе», стр. 154, хорласъ, по д'Оссону, р. 426, курласъ). У В. В. Радлова, какъ приведено выше, родъ куралась значится, повидимому, подъ именемъ куръ-улусъ, «народъ Идеге-бія»— поясняетъ онъ. Историческій Идеге былъ современникомъ Тимура и родоначальникомъ ногайскихъ мурзъ. Такъ какъ присоединеніе къ большой ордѣ части отдаленныхъ мангытовъ сомнительно и нуждается, во всякомъ случаѣ, въ доказательствахъ, то вѣроятнѣе произношеніе куралась, куралашъ и происхожденіе отъ имени монгольскаго джагатаидскаго рода. Имя катаганъ едва-ли не саянскаго происхожденія: отъ рѣки **Хатага**, притока р. Уды.

[1]) «Исторія Чингизъ-хана до восшествія его на престолъ» («Труды восточнаго отдѣленія и. р. археологическаго общества», часть тринадцатая), Спб., 1868 года, стр. 245. 246, 249.

[2]) Histoire de Timur-bec, trad. par Pétis de la Croix. Paris, 1722, t. I, p. 252.

джалаирами, потому что на эти же роды дѣлятся джалаиры, обитающіе въ долинѣ Зеравшана вь катты-курганскомъ уѣздѣ [1]). Изъ остальныхъ родовъ кучукъ и арыкъ-тынымъ повидимому кара-киргизскаго происхожденія, потому что кости кучукъ и арыкъ принадлежатъ, какъ увидимъ, къ древнимъ кара-киргизскимъ родамъ. Далѣе, въ джалаировскихъ родахъ встрѣчаются и частъ дулатовскихъ (сравн. сіирчи въ родѣ ботпай и отд. чигыръ въ родѣ джанысъ, соотвѣтствующее байчигыръ у джалаировъ) и адбановскихъ (отдѣленія сарымбетъ, кочкаръ) родовъ. Въ родѣ андасъ есть кара-киргизы (отдѣленіе кыргызларъ), вѣроятно попавшіе въ его составъ сравнительно въ недавнее время. Отдѣленія джалаировскаго рода супатай акъ-марка и кара-марка напоминаютъ именемъ своимъ алтайское озеро Марка и побуждаютъ предполагать, что они суть остатки одного изъ родовъ карлыковъ, носившаго это имя: карлыки пришли къ западному Тяньшаню изъ юго-западнаго Алтая и могли занести сюда полученное въ Алтаѣ отъ озера Марка имя [2]). Въ числѣ отдѣленій джалаировскаго рода мурза значились, по спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, отдѣленія ходжа-назаръ-майда и ходжа-назаръ-аппакъ: можетъ быть это потомство проповѣдниковъ ислама въ средѣ джагатаидскихъ тюрковъ, кочевавшее при ордѣ джагатаидовъ въ качествѣ придворнаго духовенства, по удаленіи же сыновей Юнусъ-хана въ восточный Туркестанъ оставшееся въ Моголистанѣ и примкнувшее къ джалаирамъ. Вообще джалаировское колѣно большой орды есть союзъ частей родовъ разнаго происхожденія, образовавшійся первоначально подъ главенствомъ какого нибудь вождя изъ рода джалаиръ и успѣвшій, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, окрѣпнуть и образоватъ прочное цѣлое, хотя истинныхъ джалаировъ было въ немъ и первоначально немного [3]).

---

[1]) О нихъ есть свѣдѣнія къ статьѣ Гребенкина «Узбеки» («Туркест. вѣдомости» 1871 года, № 42), по которой обитаютъ они въ 24 кишлакахъ, занимаются земледѣліемъ и числятся въ количествѣ до 3500 д.; они почему-то считаютъ себя родственниками туркменовъ.

[2]) Одинъ изъ трехъ отдѣловъ западной части карлыковъ носилъ въ VII вѣкѣ имя мэуло (mou-lo) или мэули (mou-la), какъ значится въ «Танъ-шу» («Собраніе свѣдѣній» и пр., о. Іакинфа, часть I, стр. 437): нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство съ Марка. Имя другаго рода карлыковъ можно, пожалуй предполагать въ баба (отдѣленіе у адбановскихъ бузумовъ и у дулатовскихъ кашкарау) и въ бапа кара-киргизовъ, потому что у карлыковъ, по китайскимъ свѣдѣніямъ былъ отдѣлъ пофу (po-pou).

[3]) По Н. И. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 года, стр. 7 и 8), «родъ джалаиръ считается нынѣ старшимъ. На пирахъ, при подачѣ кушаньевъ, спрашиваютъ: есть ли на лицо старшій изъ родовъ, джалаиръ»? Когда джалаировъ нѣтъ, то по почету слѣдуетъ родъ ошакты. Киргизъ-казаки этого послѣдняго рода утверждаютъ, что Ошакты старше Джалаира, хотя и незаконный сынъ, родившійся не отъ мужа, а отъ похоти: «мать всѣхъ родовъ великой орды Юпаръ-байбиче, отъ похоти, за

4) Ураны и тамги большой орды и указанія ихъ на родовой и племенной составъ этой орды.

Обратимся теперь къ указаніямъ на родовой составъ большой орды, которыя могутъ дать ураны и тамги.

Ураны или употребляемые въ бояхъ, при барантахъ, на байгахъ клики, будучи именами храбрѣйшихъ вождей или особенно памятныхъ родоначальниковъ, должны были подвергаться нерѣдкимъ перемѣнамъ, ибо имя позднѣйшаго храбраго и счастливаго предводителя или долго правившаго родоначальника могло вытѣснять старый уранъ. Такъ какъ свѣдѣнія наши о прошломъ отдѣльныхъ родовъ болѣе чѣмъ скудны и о батыряхъ ихъ и родоначальникахъ мы знаемъ еще менѣе, то имена урановъ вообще могутъ выяснять намъ немногое, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣній объ уранахъ большой орды собрано или напечатано еще мало. Находимъ ихъ лишь у Н. И. Гродекова [1]), по которому общій уранъ большой орды, а также уранъ джалаировъ и дулатовъ есть Бахтіаръ; у канглы и чаншклы, по однимъ уранъ —Айрилмазъ, по другимъ канглы кричатъ Байтерекъ; у чапрашты—Карасай, у сиргелы—Туганазъ, у исты Яуатаръ; у чмыръ—Чимыръ, а на байгѣ Койгельды; у сейкымъ— Сейкымъ, на байгѣ Ирсбекъ; у ботпай—Ботпай, на байгѣ—Саменъ; у джанысовъ—Джанысъ, на байгѣ же Туле [2]). Судя по уранамъ можно опредѣлить —къ какому каждое

родившейся при видѣ одного проходившаго мимо мужчины, имѣла, безъ сношенія съ нимъ, ребенка. Она сунула его въ очагъ (ошак), отчего нашедшіе его люди дали ему имя Ошакты. Послѣ него она имѣла законнаго сына Джалаира».—Такой почетъ джалаирамъ составляетъ, кажется, особенность прибрежья средней части Сыръ-Дарьи, гдѣ, на разграпь и между двумя половинами джагатаева улуса, джалаиры монгольской гвардіи начальствовали войсками и пользовались большимъ значеніемъ. Сомнительно также, чтобы ошакты имѣли съ джалаирами что-либо общее по происхожденію. — У Рашидъ-Эддина значатся имена десяти родовъ джалаировъ, но ни одно изъ нихъ не имѣетъ сходства съ именами родовъ и отдѣленій нынѣшнихъ джалаировъ. Привожу ихъ по чтенію проф. Березина, помѣщая въ скобкахъ чтеніе д'Оссона («Исторія монголовъ, Введеніе», Спб., 1858 года стр. 33, и Histoire des Mongols etc., T. I, p. 7): джаатъ (чатъ), кункаутъ (билкассапъ), уятъ (уатъ), куркинъ (кугэръ), туря (бури), тукраутъ (тукараутъ), кумсаутъ (кункассаутъ), нилкинъ, туланкитъ (туланкитъ), санкутъ (шинкутъ). Авторъ «Сборника лѣтописей», напечатаннаго во 2 томѣ «Библіотеки восточныхъ историковъ», издававшейся проф. Березинымъ (Казань, 1854 года), былъ «джалаирецъ изъ рода гребне-тамговаго», служившій при касимовскомъ царѣ Уразъ-Мухаммедѣ (убитъ въ 1610 году), изъ киргизъ-казацкихъ султановъ, внукѣ Шигай-хана (Вельяминовъ-Зерновъ, «Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», часть 2, Спб., 1864 года, стр. 487).

[1]) «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 г., стр. 2 и 3, приложенія.

[2]) По поводу кликовъ дулатовскихъ родовъ на байгахъ, бій Султанъ сообщилъ, что когда калмыки вытѣснили киргизовъ за Сыръ-Дарью, къ Бухарѣ, то четверо славныхъ біевъ-батырей Туле, Койгельды, Чинатъ и Саменъ, собравъ ополченіе, прогнали ихъ и возвратили мѣста, «гдѣ теперь живутъ киргизы» (тамъ же). На самомъ дѣлѣ Туле былъ многіе годы, до разрушенія цзунгарскаго государства китайцами, подданнымъ калмыковъ и правилъ отъ имени цзунгаровъ Ташкентомъ.

колѣну принадлежатъ отдѣленія или роды, которыхъ колѣна у г. Гродекова не указаны. Такъ родъ султатай, по урану Яуатаръ, долженъ принадлежать къ колѣну исты; родъ бурасъ есть вѣроятно часть сейкымовъ, ибо уранъ у него Ирсбекъ; роды курикъ, санграу и балыкъ должны быть каиглы или чапшклы, ибо уранъ у нихъ Шенишклы; родъ тиликъ, по урану Яуатаръ, принадлежитъ къ исты. У не встрѣчавшихся мнѣ болѣе родовъ косаръ и тогатай уранами служатъ у перваго—Кабланъ и у втораго—Бозмоюнъ.

Бо̀льшихъ разъясненій, чѣмъ отъ урановъ, можно ожидать отъ родовыхъ тамгъ, ибо по своему назначенію и важности въ бытѣ скотоводовъ тамги должны пользоваться значительной прочностью и неизмѣнностью. По Левшину, «тамги или знаки, употребляемые киргизъ-казаками вмѣсто подписей и клеймъ», «заимствованы киргизами у монголовъ, которые распространили ихъ не только въ средней Азіи, но вѣроятно и въ Индіи» [1]). «Родамъ, для различія,—говоритъ Илья Казанцевъ,—даны Чингизъ-ханомъ особыя прозвища (ураны) и знаки (тамги), которыми киргизы означаютъ свои вещи, скотъ и которыя служатъ имъ для рукоприкладства» [2]). По Мейеру, «тамги—знаки для клейменія скота»—далъ киргизскимъ родамъ ханъ Тавка [3]), Въ распространенномъ между киргизами (при Сыръ-Дарьѣ) спискѣ 92 узбекскихъ родовъ, первоначально составленномъ по желанію одного изъ бухарскихъ эмировъ, «сказано, что когда 92 брата разбогатѣли, то скотъ ихъ сталъ смѣшиваться; чтобы отмѣчать принадлежность скотинъ, братья, по совѣщаніи между собою, изобрѣли 92 знака, тамги.—Древность тамгъ подтверждается тѣмъ, что многія названія родовъ, а чаще колѣнъ (отдѣленій), происходятъ отъ названій начертаній тамгъ... Нахожденіе въ извѣстномъ мѣстѣ родовой тамги на могилѣ или другомъ памятникѣ можетъ доказать, что тамъ нѣкогда кочевалъ такой-то родъ». «Тамга накладывается преимущественно на лошадяхъ и верблюдахъ, притомъ съ лѣвой стороны (съ которой садятся на лошадь). Часть тѣла, гдѣ выжигается тамга, разнствуетъ у различныхъ родовъ» [4]).

Сами тюрки и монголы уже шесть вѣковъ тому назадъ относили существованіе тамгъ къ легендарнымъ временамъ. По крайней мѣрѣ у Рашидъ-

---

[1]) «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей» 1832 г., ч. 3, стр. 135.

[2]) «Описанію киргиз-кайсакъ», Спб. 1867 года, стр. 30.

[3]) «Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», Спб., 1865 года, стр. 5.

[4]) Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 годъ, стр. 3. На несторіанскихъ кладбищахъ въ долинѣ р. Чу «кромѣ крестовъ оказываются на нѣкоторыхъ камняхъ изображенія предметовъ: кувшины, столикъ, тамги» («Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя м. археологическимъ обществомъ», 1894 года, стр. 141 и 142).

Эддина (1247—1318 г.г.) [1]) значится, что тамги «опредѣлены и утверждены» при Кунъ-ханѣ, сынѣ и наслѣдникѣ миѳическаго Угузъ-хана, чтобы ими «нарочито обозначались указы, сокровищницы, табунъ и стадо, во избѣжаніе отъ кого бы то ни было ссоры или сопротивленія у одного съ другимъ»... Древность тамгъ видна между прочимъ изъ изображенія тамги тюркскихъ хановъ на памятникѣ Кюль-тегину 732 г. и на другихъ, частію болѣе древнихъ, камняхъ и плитахъ на Орхонѣ [2]), но еще большая древность существованія тюркскихъ родовыхъ тамгъ доказывается тѣмъ, что, какъ увидимъ ниже, знаки тюркскаго алфавита, которымъ сдѣланы надписи на памятникѣ Кюль-тегину и другихъ на Орхонѣ и Енисеѣ, суть родовыя тамги, употребляемыя большею частію и понынѣ у киргизъ-казаковъ. В. В. Радловъ слово тамга переводитъ чрезъ Eigenthumszeichen [3]) совершенно правильно и мнѣніе А. Н. Харузина, полагающаго, что «тамга не есть знакъ собственности, а знакъ родовой» [4]), справедливо лишь въ томъ отношеніи, что тамга есть знакъ собственности родовой. И это значеніе слова тамга указываетъ на чрезвычайную древность употребленія тамгъ, на времена, когда личной и семейной собственности не существовало, а была только собственность родовая и сознавалась необходимость въ очевидномъ и прочномъ признакѣ принадлежности скота только извѣстному роду [5]).

Въ самомъ дѣлѣ потребность въ мѣтахъ для скота, какъ въ средствѣ для вѣрнаго и скораго опредѣленія принадлежности скота и для предупрежденія поводовъ къ столкновеніямъ и враждѣ между родами должна была очень рано выясниться въ скотоводческихъ обществахъ или родахъ [6]). Въ формѣ-ли

---

[1]) «Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ. Введеніе. О турецкихъ и монгольскихъ племенахъ», пер. Березина, Спб., 1858 г., стр. 24.

[2]) «Атласъ древностей Монголіи» В. В. Радлова, Спб., 1892 г., и «Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи», вып. I, Спб., 1892 г.

[3]) Aus Sibirien, B. I, s. 455.

[4]) «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 г., стр. 148.

[5]) М. Иванинъ («Внутренняя или букеевская орда», въ журналѣ «Эпоха», 1864 года № 12) высказалъ предположеніе (какъ приводитъ согласный съ нимъ А. Н. Харузинъ въ своемъ трудѣ «Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 153), что тамги выражали или родъ оружія, которымъ были вооружены полки или отряды хановъ потомства Чингизъ-хана, или родъ службы и занятій различныхъ киргизскихъ племенъ. Но, во-первыхъ, тамги существовали за многіе вѣка до Чингизъ-хана, во-вторыхъ, развѣ только прямая черта, служащая тамгою у канглов и кипчаковъ, и я—тамга (лукъ) случайно напоминаютъ пику и лукъ, остальныя же, весьма многочисленныя, тамги казачьихъ родовъ никакого сходства съ какимъ либо оружіемъ и никакого отношенія къ занятіямъ и орудіямъ ихъ вообще не имѣютъ.

[6]) По г. П. Ефименко (въ статьяхъ «Юридическіе знаки», помѣщенныхъ въ «Журналѣ мин. народнаго просвѣщенія», 1874 г., №№ 10, 11 и 12, и составляющихъ, сколько извѣстно, первое всестороннее научное изслѣдованіе по этому предмету), первобытные

вырѣзыванія на шкурѣ животнаго острымъ орудіемъ или выжиганія, которое вытѣснило первый способъ, изображеніе клеймъ должно было имѣть, для достиженія цѣли, ясное и вмѣстѣ съ тѣмъ несложное, простое и легкое для самыхъ неискусныхъ рукъ начертаніе. Этимъ условіямъ удовлетворяютъ только самые простѣйшіе знаки—прямая черта [1]) и кругъ, а также ихъ удвоенія и сочетанія [2]), но отнюдь не слишкомъ сложныя, потому что, при выжиганіи на кожѣ животнаго и на ограниченномъ пространствѣ, сложныя начертанія должны сливаться и дѣлаться неясными. По этой же причинѣ непригодны для тавра различныя кривыя, кромѣ круга и полукруга, такъ какъ онѣ не могутъ имѣть на шкурѣ съ шерстью ясныхъ формъ, выходя похожими на прямыя или на кругъ и его части, или, наконецъ, принимая смутныя и разнообразныя очертанія, ибо у разныхъ хозяевъ сложныя тавры выйдутъ несходными. Родовыя тамги киргизъ-казаковъ, кара-киргизовъ, алтайцевъ, монголовъ и калмыковъ [3]) вообще вы-

---

родовые знаки «состояли по большей части изъ изображеній животныхъ, рѣдко другихъ предметовъ, которымъ покланялись племена», нося ихъ имена; во второмъ періодѣ эволюціи знаковъ, роды получаютъ особыя наименованія, по большей части отъ именн своего родоначальника, или мѣстности кочевокъ, символами же или знаками дѣлаются предметы домашней жизни, неизвѣстные въ бродячемъ быту; въ третьемъ періодѣ, знаки собственности теряютъ свои названія, почти всѣ состоятъ изъ рубежей, т. е. прямыхъ линій, и дѣлаются чисто условными знаками; «наконецъ въ четвертой фазѣ своего развитія, клейма являются въ совершенно новой формѣ, въ видѣ начальныхъ буквъ именъ и фамилій своихъ владѣльцевъ» («Журналъ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 12, стр. 286—288). Согласно этой теоріи, тюркскія тамги принадлежатъ уже второму періоду эволюціи знаковъ или переходной ступени отъ втораго періода къ третьему, остатками же первичной фазы представляется часть знаковъ остяковъ и другихъ звѣроловческихъ племенъ сѣвера. Конечно въ этой теоріи правильно главнымъ образомъ лишь примѣненіе научнаго начала эволюціи, детали же подлежатъ измѣненію сообразно съ накопленіемъ фактовъ, что авторъ и предвидѣлъ.

[1]) Подобныя соображенія были много лѣтъ тому назадъ высказываемы академикомъ А. А. Куникомъ, который считалъ фигуры на монетахъ великаго князя Владиміра и его сыновей родовыми знаками и писалъ: «Такія родовыя знамена нерѣдко возникали изъ знаковъ собственности». Послѣдніе были «во всеобщемъ употребленіи преимущественно у народовъ, которые не имѣли еще азбуки или у которыхъ не была еще распространена грамотность. Для того, чтобы обладатель такого знака могъ пользоваться имъ, т. е. вырѣзывать его на деревѣ и т. п., онъ долженъ былъ быть несложнымъ. Поэтому, какъ думаютъ, эти знаки у европейскихъ народовъ были первоначально составлены изъ прямыхъ, большею частью вертикальныхъ линій, и только съ теченіемъ времени отдѣльныя линіи закруглились, и вся фигура становилась вычурнѣе, или же искажалась ея первоначальная форма» («Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя и. московскимъ археологическимъ обществомъ», 1894 года, № 10, стр. 302 и 303).

[2]) Таковы и тамги арабовъ, приведенныя по рисункамъ Вецштейна, у Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 37).

[3]) Рисунки киргизъ-казачьихъ тамгъ помѣщены въ трудахъ Левшина («Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», 1832 г., часть 3, между стр. 134 и 135), Мейера («Киргизская степь оренбургскаго вѣдомства», 1865 года, стр. 89—92), Казанцева («Описаніе киргиз-кайсакъ», 1867 г., стр. 213), Потанина («Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2,

полняютъ эти условія. Если привести киргизъ-казачьи родовыя тамги въ систематическомъ порядкѣ, то окажется, что онѣ состоятъ изъ изображеній круга ○, его удвоенія ○○, полукруга ◡, одной прямой черты |, ея удвоенія ||, соединеній круга и полукруга съ одной, двумя и даже тремя прямыми: [знаки]; сочетаній двухъ прямыхъ, образующихъ углы ∧, [знак], ⊢, + или ×, соединеній подъ углами трехъ прямыхъ [знаки], △, [знаки], и четырехъ подъ прямыми углами [знаки]. Дальнѣйшими усложненіями составленныхъ изъ четырехъ прямыхъ тамгъ являются [знак] и [знак].

Количество изображенныхъ тамгъ, дѣйствительно существующихъ у киргизъ-казаковъ, болѣе трехъ десятковъ, но было бы, при тѣхъ же фигурахъ, несравненно большимъ, если бы положеніе фигуры принималось въ соображеніе, напр. ||, =, //, и \\. По справедливому замѣчанію А. Н. Харузина, киргизы на положеніе фигуры вниманія не обращаютъ. Происходитъ это безъ сомнѣнія оттого, что при наложеніи тавра на шкурѣ живой лошади знакъ выжигается въ различныхъ положеніяхъ, да и на тѣлѣ животнаго онъ при движеніяхъ принимаетъ на нѣкоторыхъ частяхъ различныя положенія. Поэтому разныя положенія знака не создаютъ другихъ или особыхъ тамгъ.

Къ числу необходимыхъ условій, съ которыми сопряжено употребленіе тамгъ у кочевниковъ-скотоводовъ, принадлежитъ ихъ прочность или неизмѣнность [1]). Далѣе надо имѣть въ виду, что для опредѣленія принадлежности скота внутри рода вообще нѣтъ нужды въ особыхъ тамгахъ, пока родъ не слишкомъ многолюденъ и не разбросанъ на слишкомъ большихъ пространствахъ, потому что родовичи знаютъ по мастямъ и другимъ признакамъ почти каждую скотину въ стадахъ своего рода. Но когда родъ становится многочисленнымъ и дѣлится вслѣдствіе этого на постоянныя родовыя части, то съ

1881 года, табл. XXVI, и вып. 4, 1883 года, табл. 1), Гродекова («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 года, приложенія, стр. 4—8), Харузина («Киргизы букеевской орды», 1889 г., вып. I, стр. 151, и П. Ефименко («Юридическіе знаки» въ «Журналѣ мин. народнаго просвѣщенія», 1874 года, № 12, стр. 275 и приложеніе). Тамги кара-киргизскихъ родовъ приведены у Радлова (Aus Sibirien, I, s. 534) и Гродекова (въ указанной книгѣ. Приводя изображенія тамгъ, я буду указывать авторовъ, у которыхъ они помѣщены, начальными буквами фамилій.

[1]) Поэтому одинаковость тамги всегда считалась доказательствомъ единства происхожденія, близкаго родства. Такъ у Рашидъ-Эддина («Исторія монголовъ. Введеніе», переводъ Березина, 1858 года, стр. 76) читаемъ: «Это племя (курлутъ) было близко и соединено съ племенемъ хонкиратъ, эльджигенъ и баргутъ, и **тамга у всѣхъ одна**».. и пр.

теченіемъ времени обнаруживается необходимость отличать скотъ каждой родовой части путемъ тамги. Самый простой и ближайшій для достиженія цѣли способъ представляется естественно въ добавкѣ дополнительнаго знака къ основной родовой тамгѣ. Можно думать, что именно такъ и совершалось вообще образованіе тамгъ у родовыхъ подраздѣленій [1]), благодаря чему изученіе тамгъ можетъ опредѣлять происхожденіе родовъ.

Такимъ органическимъ путемъ [2]) произошло по крайней мѣрѣ, кажется не-

---

[1]) По словамъ П. М. Сорокина, статистика вятскаго губернскаго земства, «вотское племя раздѣляется на нѣсколько десятковъ родовъ (до 70), живущихъ нынѣ перемѣшанно... Каждый родъ имѣлъ одинъ своеобразный знакъ собственности — пусъ (пермяцкое и бесерменское пасъ)». Такъ у рода боня такимъ знакомъ была скоба для ношенія топора на поясѣ — тирпулонъ, у рода поппье — крестъ, кечать, у рода пурги — вилы, саникъ, у рода ворчи — куриная нога, куречъ-кукъ, и т. д. «Этотъ родовой знакъ составлялъ основу знаковъ у отдѣльныхъ хозяйствъ, разнообразясь въ частныхъ случаяхъ прибавками»... «Напр., дѣдъ изъ рода егра имѣлъ пусомъ основный знакъ въ видѣ двухъ соединяющихся подъ угломъ линій; его отдѣлившійся сынъ прибавилъ къ одной изъ линій зарубку; этотъ пусъ достался тому изъ его сыновей, который остался въ отцовскомъ дому; второй братъ, отдѣлившійся ранѣе, прибавилъ еще зарубку, а третій, отдѣлившійся позднѣе, прибавилъ еще одну зарубку; такимъ образомъ получился сложный знакъ, служащій доказательствомъ его позднѣйшаго происхожденія» («Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя и. м. археологическимъ обществомъ», 1894 года, стр. 306—308). Такимъ же образомъ происходитъ измѣненіе клеймъ посредствомъ прибавокъ къ основному знаку,— такъ что по клейму «можно узнать отъ какого семейства отошелъ крестьянинъ»,—у крестьянъ архангельской губерніи (П. Ефименко «Юридическіе знаки» въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 10, стр. 69) и у вотяковъ и крестьянъ сарапульскаго уѣзда вятской губерніи (Михаилъ Харузинъ «Очерки юридическаго быта у народностей сарапульскаго уѣзда» въ «Юридическомъ вѣстникѣ», 1883 года, № 2, стр. 289). У вотяковъ вятской губерніи «каждый родъ имѣетъ издавна свой знакъ—тамги и имѣлъ въ древности духа-покровителя; тамги и имя духа-покровителя, даже съ переселеніемъ извѣстной линіи рода на другое мѣсто, сохранялись въ этой родовой линіи. Такъ вотяки глазовскаго уѣзда, пріѣхавшіе по торговымъ дѣламъ въ бугульминскій уѣздъ (самарской губерніи), гдѣ они случайно встрѣтили своихъ земляковъ, по родовымъ знакамъ доискались, что эти вотяки переселились изъ извѣстной деревни глазовскаго уѣзда, хотя и старики изъ нихъ забыли уже о времени переселенія въ самарскую губернію. Переходя изъ рода въ рода, тамги усложняются, т. е. къ первоначальному простому знаку прибавляются новыя черты, но внимательное изученіе тамги тѣмъ не менѣе можетъ привести къ важнымъ результатамъ». Въ числѣ именъ духовъ-покровителей есть имя Чуйя (Д. Островскаго «Вотяки казанской губерніи» въ «Трудахъ общества естествоиспытателей при казанскомъ университетѣ», томъ 4, № 1, Казань, 1874 года. стр. 11). Въ старыхъ тамгахъ русскихъ лопарей «характерной чертой является то, что онѣ, имѣя въ основѣ своей одинъ рисунокъ, общій для всѣхъ членовъ рода, видоизмѣняются по семьямъ, причемъ къ основному рисунку прибавляется или отбавляется та или другая черта, или самая тамга, съ прибавленіемъ или отбавленіемъ черты, изображается въ другомъ направленіи» (Николая Харузина «Русскіе лопари» въ «Извѣстіяхъ и. общества любителей естествознанія и пр. при м. университетѣ», томъ 66, 1890 года, стр. 250).

[2]) Что киргизъ-казачьи тамги не даны родамъ какимъ-нибудь властелиномъ и не изобрѣтены какимъ-нибудь однимъ лицомъ или собраніемъ, а есть историческо-органическій продуктъ народной жизни скотоводческаго народа,—въ этомъ можно убѣдиться между прочимъ, сличая существующія тамги съ помѣщенными у Рашидъ-эддина и въ

сомнѣнно, образованіе тамгъ у развѣтвленій главнаго колѣна большой орды дулатовъ:

Тамга всего поколѣнія дулатъ (Гродековъ) есть ○ дунгелекъ (т. е. кругъ). Тамгами у ближайшихъ къ нему поколѣній, быть можетъ нѣкогда даже родовъ его, адбанъ и суванъ (по Г.) оказываются у перваго ♀ и у втораго ♀. Изъ собственно дулатовскихъ родовъ ботпай (Г.) имѣетъ тамги ♀ и ♀, а родъ сейкымъ (Г.) ♀ [1]). Но тамга дулатовскаго рода чимыръ (Г.) ♀ и тамга четвертаго дулатовскаго рода джанысъ (Г.) >. Относительно тамги рода чимыръ, которую источникъ нашъ называетъ ятамга, необходимо замѣтить, что по В. В. Радлову [2]) я-тамга значитъ лукъ-тамга и у алтайцевъ изображается ⊤. Такъ какъ, во первыхъ, приведенная тамга рода чимыръ названію своему не соотвѣтствуетъ и такъ какъ, во вторыхъ, чимыровское (на основаніи родословной таблицы г. Южакова) отдѣленіе чинходжа (Г.) имѣетъ тамгу ♀, т. е. производную отъ дулатов-

---

Теварихи-Али-Сельджукъ (см. у Вамбери въ Das Türkenvolk, s. s. 4—6) тамгами Кунъ-хана. Сочинители этихъ 24 тамгъ для Рашидъ-эддина (изъ котораго онѣ заимствованы въ Теварихи-Али-Сельджукъ) или его источника были конечно люди, нѣсколько знакомые съ тамгами гулагидскихъ монголовъ и тюрковъ. Поэтому значительная часть 24 изображеній суть дѣйствительныя тамги, но многія видимо изобрѣтены для даннаго случая, при чемъ составители упустили условія, необходимыя для возможности дѣйствительнаго употребленія сочиненныхъ тамгъ. Такъ 19 и 21 тамги ⩕ и ⩔ не пригодны для примѣненія на дѣлѣ, потому что это одна и таже тамга. При выжиганіи неизбѣжно было бы въ большинствѣ случаевъ смѣшеніе 11 тамги ⚲ съ 24-й тамгой ⋋ и т. д. Не трудно также замѣтить, что между двадцатью четырьмя тамгами нѣтъ никакихъ взаимныхъ соотношеній и каждая изъ нихъ является или безсвязнымъ отрывкомъ жизненной дѣйствительности (настоящія тамги), или произвольнымъ вымысломъ. Къ числу же вымышленныхъ большею частью принадлежатъ приводимыя капитаномъ Андреевымъ (рукопись географическаго общества «Описаніе средней орды» и пр., 1785 года, листъ 3 на оборотѣ и 4) тамги, будто бы данныя Чингизъ-ханомъ: «1) Волость кіятъ-агагай, ачамай , 2) Кунратъ-бій ○, 3) Майкибай ⊥, 4) Урдасъ-бій))), птичьи ребра, 5) Тамканъ-бій ∞ , 6) Кипчакъ ╪, таракъ, по русски гребень, 7) Чурматли-бій У, селякъ, по русски вилы, 8) Киреетъ-бій , асбурюкусъ (?), 9) Мунтанъ-бій , 10) Мерчанъ-бій , 11) Буртанъ-бій ʕ, тимиза, 12) Матай *, 13) Халдаръ-бій ᓄ, чумичъ, 14) Салчутъ-бій ○—\, 15) самово жъ ево, Чингизъ-хана, была тамга ≈». 1, 8, 9 и 10 тамги изображены въ рукописи неясно, затѣйливыми кривыми, которыя нельзя воспроизвести обыкновенными типографскими средствами, почему здѣсь и не помѣщены.

[1]) Кромѣ этой тамги, у Гродекова, показана у сейкымовъ тамга ⊔ | «кезентамга». Но на стр. 3 у того же автора читаемъ: «у овецъ и рогатаго скота не выжигаютъ тамгъ, а нарѣзываютъ ухо, правое или лѣвое. Эта зарубка называется эн, кез». Не изображаетъ ли кезентамга зарубки у овецъ и рогатаго скота, а не тамгу?

[2]) Aus Sibirien, I, s. 279.

ской, то надо полагать, что въ изображенiи тамги чимыровъ въ свѣдѣнiяхъ нашего источника произошла ошибка или недоразумѣнiе, потому что естественно ожидать, что дулатовскiй родъ чимыръ имѣетъ дулатовскую же и тамгу, особенно, когда отдѣленiе этого самаго рода обладаетъ тамгою именно дулатовскаго типа, какъ и другое отдѣленiе того же чимыровскаго рода самбетъ имѣетъ тамгу (Г.) также дулатовскаго типа ♀ [1]). Что касается тамги рода джанысъ, принадлежащей къ типу рода найманъ средней орды и повидимому даже совершенно съ тамгой послѣдняго одинаковой, то и тутъ вѣроятнѣе ошибочность источниковъ г. Гродекова, ибо предполагать у джанысовъ найманское происхожденiе нѣтъ пока никакихъ основанiй. Весьма поэтому желательно собранiе подробныхъ свѣдѣнiй о тамгахъ родовъ чимыръ и джанысъ и ихъ отдѣленiй [2]).

У колѣна канглы тамга (Г.) | кусеу, кочерга [3]), а потому колѣно исты (Г.), у котораго, какъ и у родовъ его тиликъ и уикъ (Г.), та же тамга, должно происходить отъ канглов.

Тамги родовъ чаншклы (Г.) ⫰ и ⌒\, колтамга (рука-тамга) и чапрашты (Г.) ⊤, состоя изъ сочетанiя прямой черты и полукруга, кажутся указывающими на происхожденiе отъ канглов и можетъ быть дулатовъ.

Имя чапрашлы можетъ казаться имѣющимъ соотношенiе съ Чапна, именемъ одного изъ 24 внуковъ легендарнаго Угузъ-хана, тамга же Чапна, по Рашидъ-эддину [4]), та же, что у чапрашлы. Преданiя объ Угузѣ взяты персидскимъ историкомъ, между прочимъ, вѣроятно у туркменовъ, которыхъ онъ производитъ отъ 24 внуковъ Угуза [5]), туркмены же на самомъ дѣлѣ суть потомки канглов, или родственнаго имъ колѣна, перешедшаго за Сыръ-Дарью въ глубокой древности. Имя Чапна Березинъ производитъ отъ чапмак, рубить [6]). Чапна значится въ числѣ 12 внуковъ Угуза, принадлежавшихъ къ лѣвому крылу и носившихъ имя уч-ук (три стрѣлы): не имѣетъ ли это имя связи съ именемъ загадочнаго колѣна большой орды учакты, ошакты? Въ числѣ подраздѣленiй отдѣленiя шорефджуки туркменскихъ

---

[1]) Сходная же съ этою тамга ♀ приводится Г. у рода бистерекъ (вѣроятно это отдѣленiе одного изъ дулатовскихъ родовъ).

[2]) У рода бекпулатъ (должно быть это отдѣленiе чимыровъ бекбулатъ «Родосл. таблицы»), по Г., тамга ⋻.

[3]) По Нiязову (Г.), у канглов тамга ʃ шилвиръ (чумбуръ).

[4]) «Исторiя монголовъ. Введенiе», переводъ Березина, 1858 г., стр. 28.

[5]) Тамъ же, стр. 21.

[6]) Тамъ же, стр. 225. Вамбери, въ Таварихи-Али-Сельджукъ, читаетъ Чини и изображаетъ тамгу |— (Das Türkenvolk, s. 5).

іомудовъ, въ Хивѣ, есть ушакъ [1]). У ошакты тамга (Г.) △ **тумар**, амулетъ. Такая же тамга у бактыбаевскаго подъотдѣленія рода нагай букеевской орды, и близкая у рода бершь (М.) малой орды.

Третье загадочное колѣно большой орды **сиргелы** имѣетъ тамгу (Г.) ⪡ **сирге**, «приборъ изъ дерева, привязываемый на морду жеребятъ, для того, чтобы они не сосали мать». По В. В. Радлову, **сирге** значитъ серьги (Ohrringen) [2]). По Гродекову же, у сиргелы есть еще три тамги: ╫, + и ⁝⁝, изъ которыхъ послѣдняя именуется **курейтамга**. Киргизы называютъ **курай** всѣ вообще высокорослыя травы, употребляемыя для топлива. Приведенныя тамги сиргелы, въ особенности первая, родовая, указываютъ на ихъ родство съ канглами, кипчаками и даже съ киреями.

У **джалаировъ** тамга (Г.) ⊓|(или)⊓|, **таракъ**, гребень, вѣроятно то же самое, что тамга у колѣна средней орды таракты (Г.) |⊓| или |═. Казанцевъ даетъ тамги ⊓⊓ и ⊓⊓ роду табынъ и тамгу ⌐ роду тама; тамгу ⌐|⌐ у рода табынъ показываютъ также Левшинъ и Мейеръ. У Потанина тамга рода таракты изображена |׀׀׀׀׀׀|, но такія частыя черты едва ли возможны въ таврахъ, потому что при выжиганіи должны сливаться. Сходны съ тамгою таракъ султанскія (Г.) ,⊓(и)⊓(, у Потанина /⊓|, у Харузина Лl и ,⊓(.

Я думалъ было, для сравненій съ тамгами большой орды и кара-киргизскими, привести всѣ извѣстныя тамги родовыхъ дѣленій киргизъ-казаковъ средней и малой орды, а также родовыя тамги алтайцевъ [3]) кундровскихъ и юртовскихъ татаръ и астраханскихъ туркменовъ [4]), и затѣмъ тамги калмыковъ и монголовъ [5]),—которыя между прочимъ подтверждаютъ, какъ и

---

[1]) Vambery—Das Türkenvolk, s. 393.

[2]) Aus Sibirien, I, s. 226.

[3]). По акад. Радлову—Aus Sibirien, 1884. 1, s. 279, и Г. Н. Потанину—«Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881, таблица XXVI, и вып. 4, 1883 г., таблица I. Къ сожалѣнію оба автора не могли указать костей или родовъ приведенныхъ ими тамгъ.

[4]) Небольсина «Волжское низовье» въ «Журналѣ мин. вн. дѣлъ», 1852 г., и «Отчетъ о путешествіи въ Оренбургскій и Астраханскій края» въ «Вѣстникѣ и. р. геогр. общества», 1852 г., часть 2, стр. 5 и 6. Интересны приводимыя у Палласа (Observations faites dans un voyage entrepris dans les gouvernements méridianaux de l'Empire de Russie dans les années 1793 et 1794 par P. S. Pallas. trad. de l'allemand, t. I, Leipzig, 1799, p. p. 336 et XXIX) тавры абазинъ и кабардинцевъ, которыя мнѣ кажутся тюркскими родовыми тамгами, указывающими на древне-тюркское происхожденіе горскаго владѣтельнаго класса.

[5]) «Калмыцкая степь Астраханской губерніи, по изслѣдованіямъ кумо-манычской экспедиціи», Спб., 1868 г., стр. 167—172. У Г. Н. Потанина (см. выше) приведены нѣкоторыя тамги халхасовъ, торгоутовъ, дюрбютовъ, ёлетовъ, урянхайцевъ, мингатовъ.

имена родовъ и костей, нахожденіе въ составѣ калмыцкихъ и монгольскихъ аймаковъ омонголенныхъ частей почти всѣхъ нынѣшнихъ киргизъ-казацкихъ поколѣній,—но отказался отъ исполненія этого предположенія, отчасти вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, главнымъ же образомъ по причинѣ недостаточности имѣющихся свѣдѣній о тамгахъ средне-ордынскихъ и алтайскихъ по родовымъ подраздѣленіямъ, а также по скудости свѣдѣній о тамгахъ самихъ больше-ордынцевъ и кара-киргизовъ.

Въ родовыхъ тамгахъ малой орды, свѣдѣнія о которыхъ довольно обильны, преобладаютъ производныя отъ прямой черты, образуемыя приставками одной или двухъ прямыхъ подъ острыми углами. Это указываетъ на происхожденіе составныхъ частей малой орды (и отдѣлившейся отъ нея букеевской) отъ канглов, тамгою которыхъ служитъ прямая черта. Дѣйствительно, и по историческимъ даннымъ, кипчаки, изъ потомковъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ малая орда, кажутся отвѣтвленіями или близкими родичами канглов, имѣя и тамгу послѣднихъ или ея удвоеніе. Встрѣчающіяся въ гораздо меньшемъ количествѣ тамги найманскаго и киреевскаго типовъ, а также производныя отъ круга, т. е. дулатовскія, составляютъ безъ сомнѣнія результатъ вступленія въ составъ кипчакскихъ родовыхъ союзовъ частей найманскихъ и киреевскихъ родовъ, вытѣсненныхъ изъ Монголіи въ эпоху Чингизъ-хана и позднѣе; дулатовскія примѣси и тамги могли попасть въ страну кипчаковъ и ранѣе, во времена передвиженій гунновъ, тѣлэсцевъ и тукюесцевъ.

Въ средней ордѣ, занимающей восточную часть страны кипчаковъ, естественно находятся родовые союзы кипчаковъ и позднѣйшихъ пришельцевъ изъ Монголіи наймановъ съ тамгою (Л.) V, аргыновъ—тамга (Л. Г.) OO, киреевъ—тамга (Л.) + и (Г.) ✕, и конгратовъ съ тамгою (Г.) ⊓. Роды кипчаковъ, по свѣдѣніямъ Гродекона, для отличія одинъ отъ другаго, накладываютъ общую кипчакскую тамгу на разныя, опредѣленныя для каждаго рода, части тѣла животныхъ, напр. родъ торы на шею, родъ узунъ на переднія ноги и т. д. О тамгахъ отдѣльныхъ аргыновскихъ отвѣтвленій свѣдѣній не встрѣчается. Свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ наймановскихъ и киреевскихъ скудны, о конгратовскихъ почти отсутствуютъ. Между тѣмъ для выясненія этническаго состава киргизъ-казаковъ и монголовъ и ихъ исторіи могутъ быть весьма полезны подробнѣйшія свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ. Значительный и разносторонній интересъ могутъ также представлять для науки родовыя тамги якутскія, енисейскихъ татаръ, узбекскихъ родовъ, башкирскія и т. д.

По словамъ перепечатанной въ № 187 «Правительственнаго Вѣстника»

1894 года изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей статьи «Древніе обитатели Уфимской губерніи», у башкиръ, «при сдѣлкахъ и договорахъ, клеймені граничныхъ деревьевъ, тавреніи скота и вещей примѣнялись особыя, клино- и дуго-образнаго вида, родовыя и семейныя тамги», которыя «несомнѣнно принадлежатъ къ роду звуковыхъ письменъ». Справедливо скорѣе обратное [1]): существовавшія съ глубочайшей древности родовыя тамги были позднѣе употреблены въ качествѣ буквъ въ орхонско-тюркскомъ алфавитѣ.

Еще Спасскій (Inscriptiones sibiriacae, 1820) указывалъ на сходство знаковъ надписей на Енисеѣ и въ Алтаѣ съ употребляемыми и нынѣ у сибирскихъ кочевниковъ тамгами или таврами. Напоминая объ этомъ, Вамбери высказалъ предположеніе, что надписи близъ Минусинска, на берегу притока р. Иртыша Смолянки и другія подобныя этимъ суть исчисленія или реэстры тѣхъ родовъ, которымъ принадлежитъ право пользоваться пастбищами въ прилежащихъ мѣстностяхъ [2]). Сличеніе тюркскаго алфавита орхонскихъ надписей не оставляетъ кажется сомнѣнія, что большая часть его буквъ суть тамги, понынѣ существующія въ киргизъ-казачьихъ родахъ. Такъ, если ограничиться даже тѣми формами, какія имѣютъ употребленные В. В. Радловымъ для напечатанія надписи на памятникѣ Кюль-тегина знаки тюркскаго алфавита [3]), то окажется, что 29 изъ 38 знаковъ тюрко-орхонскаго алфавита сходны съ нынѣ существующими родовыми тамгами или близки къ нимъ, при чемъ нѣкоторые знаки представляютъ собою одну и ту же тамгу, только

---

[1]) По мнѣнію г. П. Ефименко («Юридическіе знаки» въ «Журналѣ мин. нар. просвѣщенія», 1874 года, № 11, стр. 167—169), письмена вообще происходятъ изъ родовыхъ знаковъ, и таково было между прочимъ происхожденіе тѣхъ чертъ и рѣзовъ, посредствомъ которыхъ читали и считали, по словамъ Черноризца Храбра, «словѣни, погани суще», т. е. до принятія христіанства. «Чтобы отрицать это, нужно доказать, что вообще родовые знаки возникли послѣ искусства письма и что самыя простыя изъ открываемыхъ надписей обходятся безъ клеймъ. Навѣрно, позднѣйшія изысканія и сравненія древнѣйшихъ родовыхъ и домовыхъ знаковъ, открываемыхъ напр. на днахъ жертвенныхъ горшковъ, съ славянскими рунами покажутъ, что многіе изъ знаковъ перваго рода вошли въ составъ нашихъ рунъ... По словамъ Шафарика, буквы у славянъ назывались мѣтами или мѣтками».—Почти всѣ знаки составленной Св. Стефаномъ зырянской азбуки (см. ее въ «Исторіи государства россійскаго» Карамзина, томъ 5, 1819 года, примѣчаніе 125) суть тамги, существующія и теперь у тюркскихъ, монгольскихъ и угро-финскихъ племенъ, а потому надо полагать, что означенная азбука составлена изъ родовыхъ тамгъ зырянъ и пермяковъ.

[2]) Das Türkenvolk, 1885, s. 356.—Кастренъ (см. статью академика Шифнера «Объ этнографической важности знаковъ собственности» въ «Ученыхъ запискахъ Академіи наукъ по 1 и 3 отдѣленіямъ», 1855 года, томъ 3, стр. 605) расположенъ былъ приписывать начертанія на скалахъ Енисея киргизамъ, «но онъ прибавляетъ догадку, что эти начертанія, какъ и многія другія фигуры на камняхъ, были въ старину знаками собственности. Эта догадка основана частію на преданіи у татаръ, частію-же на томъ, что эти начертанія встрѣчаются на камняхъ, находимыхъ на древнихъ курганахъ».

[3]) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, St. Petersburg, 1894.

въ разныхъ положеніяхъ; остальные 9 знаковъ, по формамъ своимъ, могли имѣть происхожденіе также отъ тамгъ, хотя именно такихъ изображеній въ числѣ нынѣ извѣстныхъ тюркскихъ и вообще урало-алтайскихъ родовыхъ тамгъ пока не встрѣчается [1]).

Сходство многихъ знаковъ тюрко-орхонскаго алфавита съ знаками алфавитовъ финикійскаго, фригійскаго, ликійскаго, хитійскаго [2]),—при малой вѣроятности занесенія послѣднихъ съ береговъ Средиземнаго моря въ Монголію [3]),—

[1]) Нѣтъ ихъ также въ родовыхъ знакахъ индѣйскихъ племенъ Америки, сколько можно судить по обширному изслѣдованію (822 страницы, 54 таблицы и 1290 рисунковъ въ текстѣ) Picture - writing of the American Indians by Garrick Mallery, помѣщенному въ Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnologie to the Secretary of the Smithsonian Institute 1888 — 1889, Washington, 1893. Въ изображеніяхъ на скалахъ и камняхъ западной части Сѣверной Америки довольно обильны знаки, совершенно сходные съ тюркскими, монгольскими, остяцкими и т. д. тамгами и клеймами. Такъ много ихъ въ таблицахъ I — XI, на которыхъ помѣщены рисунки изображеній на скалахъ и валунахъ Калифорніи; встрѣчается нѣсколько сходныхъ знаковъ и въ Южной Америкѣ (напр. p. 158). Авторъ находитъ большое сходство изображеній, принадлежащихъ индѣйскому племени Ojibwa, съ знаками на скалахъ въ Сибири и говоритъ: this coincidence is more suggestive from the reason that the totem or dodaim, which often is the subject of those drawnings, is a designation which is used by both the Ojibwa and the Tatar with substantially the same sound and significance (p. 188). Мнѣ кажется допустимымъ позаимствованіе американскими племенами отъ восточныхъ вѣтвей древней азіатской расы, къ которой принадлежали динлины. Существованіе сношеній сѣверо-восточной Азіи съ сѣверо-западомъ Америки подтверждается китайскими извѣстіями о «татуированныхъ тѣлахъ» (ouen—chin), народѣ, который обиталъ болѣе чѣмъ въ 7 т. ли на сѣверо-востокъ отъ Японіи и сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х. (Ethnographie des peuples étrangers à la Chine, ouvrage composé au XIII siècle par Ma-touan-lin, traduit du chinois par marquis d'Hervey de Saint-Denys, t. I, Genève, 1876, p. 405). Хотя проф. Шлегель полагаетъ, что страна татуированныхъ людей (Wen-chin) соотвѣтствуетъ острову Урупъ изъ числа Курильскихъ острововъ (Les peuples étrangers chez les historiens chinois, Leide, 1893, p. 14, extrait du Toung-pao, vol. III, № 14) но, при неопредѣленности китайскихъ извѣстій, пріуроченіе это едва-ли безспорно.

[2]) См. письмена эти напр. въ книгѣ Масперо Histoire ancienne des peuples de l'Orient, deuxième édition, Paris, 1876, p. p. 600—608.

[3]) Можно полагать, что тюрко-орхонскій алфавитъ составленъ около второй половины VII вѣка послѣ Р. Х. Такую дату вывожу я изъ двухъ кажущихся на первый взглядъ противорѣчивыми китайскихъ извѣстій о письменности у тукюесцевъ: по одному, они «письменъ не имѣютъ» («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 269), по другому-же, «буквы письма ихъ походятъ на буквы народа ху», т. е. какихъ-то варваровъ (тамъ-же, стр. 271). Противорѣчіе, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что первое извѣстіе взято изъ «Суй-шу», которая составлена между 627 и 643 г.г. знаменитыми учеными и государственными людьми, современниками династіи Суй (581—618 г.г.), имѣвшими достовѣрные источники, почему надо полагать, что у тукюесцевъ въ 581—618 г.г. письма дѣйствительно не существовало и что явилось оно у нихъ позже, во время династіи Танъ (съ 618 г.). Второе извѣстіе взято изъ «Бэй-ши». Составлявшіе эту «исторію сѣверныхъ дворовъ» ученые жили во время династіи Танъ; окончилъ ее Ли Янь-шоу, началъ-же писать еще отецъ его («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. XVII); если она окончена позже «Суй-шу» (точныхъ свѣдѣній я не нашелъ), то свѣдѣніе о письменахъ у тукюе могло быть помѣщено въ нее составителями на основаніи дошедшихъ до нихъ свѣдѣній о существованіи письменности у тукюесцевъ въ ихъ время.

можетъ служить доказательствомъ самостоятельнаго составленія съ одной стороны мало-азійскихъ и съ другой — орхонско-тюркскаго алфавитовъ одинаково изъ скотоводческихъ клеймъ или тамгъ, которыя у всѣхъ скотоводческихъ народовъ имѣютъ большее или меньшее сходство, ибо должны удовлетворять, какъ выше сказано, общимъ необходимымъ условіямъ. Изъ числа упомянутыхъ древнихъ письменъ отличаются особою многочисленностью сходныхъ съ тюрко-орхонскимъ алфавитомъ знаковъ хитійскія [1]). Если подтвердится предположеніе о туранскомъ происхожденіи хитійцевъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ вѣроятнымъ составленіе хитійскихъ письменъ не вообще изъ скотоводческихъ, а именно изъ тюркскихъ родовыхъ тамгъ [2]).

Отсутствіе въ разсматриваемомъ алфавитѣ знаковъ, образованныхъ изъ круга и добавочныхъ прямыхъ чертъ, указываетъ, что онъ составлялся не въ западной Монголіи, не въ средѣ обитавшихъ тамъ тюркскихъ родовъ съ дулатами во главѣ, у которыхъ въ тамгахъ преобладали кругъ съ производными отъ него, а въ восточной Монголіи, на Орхонѣ, откуда найманы и киреи, потомки современныхъ алфавиту тукюесскихъ и гаогюйскихъ родовъ, вынесли впослѣдствіи въ сѣверную, среднюю и западную части киргизъ-казачьей степи тѣ тамги, которыя за много вѣковъ ранѣе послужили матеріаломъ для письменъ тюркскаго алфавита. Во всякомъ случаѣ, если названія нѣкоторыхъ тамгъ (какъ напр. кульджа-тамга для одной изъ формъ буквы к) или имена родовъ, которымъ они принадлежали, соотвѣтствовали своими на-

---

[1]) См. двѣ таблицы хиттитскихъ знаковъ, составленныя маіоромъ Conder (On Canaanites въ Journal of the Transactions of the Victoria Institute, v. XXIV, London, 1889) и перепечатанныя въ Tenth Annual Report of the Bureau of Ethnologie, Washington 1893, p. p. 662—664.

[2]) Хити прибыли въ Каппадокію и отсюда распространили свою власть на сѣверную Сирію и Киликію тысячи за двѣ лѣтъ до Р. Х. Первые египетскіе фараоны, предпринимавшіе походы въ Сирію между 1800 и 1600 г.г., встрѣтили отпоръ только отъ хити. Договоръ Рамзеса II съ царемъ хити объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ есть самый древній извѣстный дипломатическій актъ. «Вмѣсто историческихъ хроникъ, хити оставили намъ безчисленные памятники своихъ побѣдъ... Вездѣ (отъ горъ Киликіи до Эгейскаго моря), гдѣ только находились какіе-нибудь стратегическіе пункты, для наблюденія-ли за ущельями и дорогами, или для прикрытія крѣпостей, — хити выгравировывали на окружающихъ скалахъ фигуры своихъ царей и боговъ, сопровождаемыя часто надписями». Хити постепенно ослабѣли, но упоминанія о нихъ и о столицѣ ихъ Гаргамышѣ на Евфратѣ прекратились лишь вѣка за два до новаго вторженія скифовъ въ западную Азію въ 634—627 г.г. до Р. Х, когда они проникали до Египта (Масперо «Древняя исторія народовъ востока», Москва, 1895 года, стр. 247, 178, 179 и пр.). Conder думаетъ (Hittite Ethnologie въ Journal of the Anthropological Institute of Great Britain, 1888, vol. XVII, p. 155), что финикійскій алфавитъ очевидно происходитъ отъ хиттитскихъ іероглифовъ.—Имя **х и т и** (Khita, какъ пишутъ нѣкоторые англійскіе ученые) напоминаетъ загадочное имя рода малой орды **к и т э**, китя, китинскаго, съ тамгою въ видѣ креста или знака умноженія, которые оба встрѣчаются въ хитійскихъ іероглифахъ.

чальными звуками звуковому значенію вошедшихъ въ алфавитъ знаковъ— тамгъ, это отнюдь не было общимъ правиломъ, ибо нѣкоторыя тамги употреблены въ этомъ алфавитѣ для означенія нѣсколькихъ звуковъ, отличаясь только своимъ положеніемъ, тогда какъ тамга, въ какомъ бы положеніи на животное ни накладывалась, названія и значенія своего не измѣняла.

5) Степень перемѣшанности родовъ большой орды между собою и съ родами другихъ ордъ.

Въ общемъ, разсмотрѣніе киргизъ-казачьихъ родовыхъ тамгъ, изображенія которыхъ не удалось мнѣ привести здѣсь въ желательной подробности и полнотѣ, подтверждаетъ, что тамги родовыхъ подраздѣленій получались посредствомъ добавокъ и видоизмѣненій основной тамги кореннаго рода или колѣна. Кажется также яснымъ, что изъ такихъ основныхъ тамгъ кругъ съ его производными составлялъ особый типъ тамгъ дулатовъ съ родственными и происходящими отъ нихъ родами, а прямая черта и ея производныя, при помощи приставокъ изъ прямыхъ же линій, были типомъ тамгъ кангловъ и кипчаковъ съ происходящими отъ нихъ родами. Къ основнымъ же типамъ тамгъ, вѣроятно, принадлежали уголъ наймановъ и прямоугольный четыреугольникъ, а также крестъ, встрѣчающіеся у киреевъ.

То же разсмотрѣніе тамгъ показываетъ, что киргизъ-казачьи колѣна и роды болѣе или менѣе значительно перемѣшаны, ибо тамги разныхъ типовъ и ихъ производныхъ нерѣдко встрѣчаются въ одномъ и томъ же колѣнѣ, родѣ и даже отдѣленіи въ разныхъ подраздѣленіяхъ.

По приведеннымъ выше тамгамъ, за исключеніемъ сергелы, смѣшанность родовъ въ колѣнахъ и частяхъ большой орды не особенно замѣтна, но это можетъ быть объясняемо малой извѣстностью тамгъ большой орды, которыя собраны, и то конечно не вполнѣ, лишь въ предѣлахъ сыръ-дарьинской области. Но существованіе смѣшанности обнаруживаютъ имена родовыхъ частей. Такъ, на основаніи данныхъ, приведенныхъ выше изъ списковъ родовъ большой орды алатавскаго округа 1865 года, родъ джарты встрѣчается въ качествѣ отдѣленій у адбановъ (въ родѣ сегизъ-сары) и дулатовъ (въ родѣ джанысъ), баба у адбановъ (бузумъ) и дулатовъ (кашкарау), танатъ у адбановъ (кыстыкъ), дулатовъ (джанысъ) и джалаировъ (андасъ), турсунъ у адбановъ и сувановъ, кочкаръ у сувановъ, чапрашты и джалаировъ (андасъ), сарымбетъ у адбановъ (альджанъ), дулатовъ (кашкарау) и джалаировъ (сіирчи), сіирчи у дулатовъ (ботпай) и джалаировъ, кучукъ у

джалаировъ (супотай), чапрашты (исходжа) и дулатовъ (джанысъ-кыбрай); на примѣси изъ другихъ ордъ указываютъ суюндукъ (изъ аргыновъ средней орды), у адбановъ (айтъ), джалаировъ (кучукъ), чапрашты (исходжа) и у дулатовъ (исты), кирей, кирейкулъ и найманбай у адбановъ (кызылбуркъ), джумартъ (наймановскаго колѣна) у джалаировъ (андасъ), джумукъ (колѣна кирей) у адбановъ (бузумъ), тама (малой орды) у адбановъ (конурбуркъ), тазъ и карасакалъ (малой орды) у джалаировъ (кучукъ). Однако приведенныя имена не составляютъ и 10% болѣе, чѣмъ двухъ сотенъ именъ родовыхъ подраздѣленій, помѣщенныхъ въ спискахъ, такъ что перемѣшанность родовъ большой орды между собою не велика, а съ родами другихъ ордъ и совсѣмъ незначительна [1]).

6) Поколѣніе сары-уйсунъ и относящіяся къ его происхожденію свѣдѣнія.

Сары-уйсуны по тамгѣ оказываются не имѣющими ничего общаго съ дулатами и ихъ родичами, а также съ канглами и прочими киргизъ-казачьими родами (кромѣ киреевъ). Значитъ они должны быть особаго происхожденія.

Въ спискахъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, въ родѣ сары-уйсунъ показаны слѣдующія отдѣленія: кутлумбетъ (100 киб.), джанай (100 киб.), джулай-танай (100 киб.), джанъ-досай (200 киб.) и кулюке и крыкъ (въ обоихъ вмѣстѣ 200 киб.), всего 700 киб. Этихъ именъ не встрѣчается въ родовыхъ дѣленіяхъ дулатовъ и прочихъ частей большой орды,

---

[1]) Цифровое понятіе о степени смѣшанности родовъ большой орды могутъ дать свѣдѣнія о составѣ волостей чимкентскаго уѣзда, помѣщенныя на стр. 17—20 книги Н. И. Гродекова «Киргизы» и пр. (1889 г., Ташкентъ), хотя въ этомъ уѣздѣ роды, въ силу историческихъ причинъ, наиболѣе, послѣ ташкентскаго, перемѣшаны. Оказывается, что въ составѣ административныхъ волостей преобладаетъ численно одинъ, большею частію, какой-либо родъ. Такъ сойкымы (всего 4570 кибитокъ) преобладаютъ въ трехъ волостяхъ, но встрѣчаются еще въ четырехъ въ числѣ 93 к,. 139 к., 8 к. и 50 к. Подобнымъ-же образомъ распредѣлены джанысъ (преобладаетъ въ трехъ волостяхъ) въ числѣ всего 3372 к., чимыръ 3334 к., сиргелы 4871 к., исты 3521 к. Родъ конгратъ, 4091 к., составляетъ три особыя волости, въ которыхъ только 36 к. чужеродцевъ (аргыны и киреи). Затѣмъ распредѣлены въ волостяхъ, состоящихъ изъ преобладающаго большинства иныхъ родовъ, слѣдующіе большеордынскіе роды, чапрашты 94 к., ботпай 274 к., ошакты 527 к., сары-юйсунъ 40 к., сеуванъ (суванъ?) 38 к., адбанъ 239 к., канглы и чаншклы 509 к., джалаиръ 296 к., всего 2017 к. на 19670 к. поименованныхъ родовъ большой орды. Кромѣ конгратцевъ къ другимъ ордамъ принадлежатъ: къ малой—джагалбайлы 218 к., къ средней—аргынъ 297 к., найманъ 705 к., кыпчакъ 152 к., кирей 17 к., да сверхъ того кара-киргизъ 20 к. и ходжей 154 к. Выходитъ, что, за исключеніемъ конгратцевъ съ ихъ примѣсью (4127 к.), изъ остальныхъ 23214 к. только 1527 к. иноордынцевъ и иноплеменниковъ.

но слово крыкъ, иначе кырк (крк) служитъ у кара-киргизовъ для означенія самаго низшаго изъ родовыхъ дѣленій—отдѣленія или подъотдѣленія, состоящаго непосредственно изъ семей. Такое названіе одного изъ дѣленій рода сары-уйсунъ указываетъ на родственное кара-киргизамъ происхожденіе сары-уйсуновъ или части ихъ. Имя же кыркъ однако носитъ также одинъ изъ узбекскихъ родовъ, обитающій вмѣстѣ съ родомъ юзъ (сто, а кыркъ—сорокъ) между Ходжентомъ и Яныкурганомъ и южнѣе Пянджекента; отдѣленія этого рода: кара-койлы, карача, кара-сиракъ, чапанашлы [1]). Но вѣроятнѣе не то, что частица узбекскаго рода попала къ сары-уйсунамъ, а то, что и у сары-уйсуновъ, и у узбековъ родъ кыркъ одинаково кара-киргизскаго происхожденія, или что сары-уйсунское отдѣленіе кыркъ находилось въ сборныхъ дружинахъ шейбанидовъ, завоевавшихъ Мавераннагръ подъ именемъ узбековъ, или наконецъ, что названіе рода кыркъ лишь случайно сходно съ именемъ отдѣленія сары-уйсуновъ и произошло отъ слова кыркъ, сорокъ, какъ имя союзнаго съ нимъ рода отъ юзъ, сто, безъ всякаго соотношенія къ сары-уйсунамъ и кара-киргизамъ.

По приведенной мною выше родословной всѣ роды большой орды, кромѣ канглы и сергелы, производятся отъ Уйсуна, сына Бахтіара, и затѣмъ также всѣ, за исключеніемъ еще Джалаира, ведутъ свое начало отъ правнука Уйсуна Байлибека. Сары-уйсуны спеціально считаются потомками сына Байлибека Сары-уйсуна, прочіе же роды производятся отъ его братьевъ и племянниковъ. Такое содержаніе представляющей собою выраженіе народныхъ преданій родословной, а также именованіе большой орды юсуновскою или уйсуновскою [2]), объясняются всего естественнѣе сохранившеюся въ народѣ смутной памятью о томъ, что земли большой орды въ древности были заняты народомъ, носившимъ имя усунь, и что поколѣніе сары-уйсунъ есть прямое потомство этого древняго народа.

Въ настоящее время сары-уйсуны, въ числѣ около 1200 кибитокъ, составляютъ сарытокумовскую волость вѣрненскаго уѣзда семирѣченской области и кочуютъ на лѣвомъ берегу р. Или, отъ р. Курту на сѣверъ до урочища

---

[1]) Aus Sibirien, I, s. s. 225, 226.

[2]) Хотя названіе это не встрѣчается въ историческихъ источникахъ ранѣе настоящаго столѣтія, но нѣтъ причинъ, по которымъ можно было-бы отрицать его болѣе раннее существованіе. Въ «Описаніи средней орды» капитана Андреева (1785 года) западная часть большой орды называется усюнской волостью, по именамъ-же родовъ оказывается состоявшею изъ дулатовскихъ сейкымовъ, джанысовъ и чимыровъ, изъ сергелы, чанышклы и пр.

Кара-турангы, въ мѣстности Сары-тау-кумъ [1]). Есть еще немного сары-уйсуновъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ сыръ-дарьинской области и еще менѣе въ чимкентскомъ.

На Зеравшанѣ есть узбекскій родъ уйшунъ, о которомъ г. Гребенкинъ сообщаетъ слѣдующія, между прочимъ, свѣдѣнія: Уйшуновъ въ округѣ (зеравшанскомъ) весьма мало, не больше 500 душъ обоего пола. Всегда ли ихъ было въ немъ такъ мало и какимъ образомъ они очутились въ округѣ— эти уйшуны не могутъ объяснить. По ихъ преданію, они пришли въ округъ еще въ то отдаленное время, когда Самаркандъ брали 92 узбекскихъ племени... Они говорятъ, что кромѣ зеравшанскаго бассейна ихъ нигдѣ больше нѣтъ. Уйшуны раздѣляются на три отдѣленія: 1) учаклы, 2) кузьтамгалы и 3) ирганаклы... Пѣсни уйшуновъ и языкъ ихъ—чисто киргизскіе [2]).—Учаклы можетъ быть тоже, что ушакты, но кузьтамга есть тамга аргыновъ средней орды и ирганаклы или ергенекты есть родъ тоже средней орды. Поэтому съ сары-уйсунами эти уйшуны ничего общаго повидимому не имѣютъ и кажутся прибывшимъ въ дружинахъ шейбанидовъ союзомъ изъ частицъ родовъ средней орды, образовавшимся подъ главенствомъ какого-нибудь вліятельнаго бека изъ рода уйшинъ. Такой монгольскій родъ, изъ числа дурлигиновъ, упоминается Рашидъ-эддиномъ, по которому въ улусѣ Джучи и въ Персіи были беки изъ этого рода [3]). Въ «Шейбаніадѣ» говорится объ Али-

---

[1]) Въ спискахъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 г. о сары-уйсуновской волости замѣчено: «Родъ этотъ постоянно и весь кочуетъ по правую сторону рѣки Или; зимовки имѣетъ въ горахъ Кюньчуэль, Чуркъ и Ачу-таслы, лѣтомъ-же кочуетъ по долинѣ Тересъ-акканъ (притокъ р. Коксу) и по южному склону (горы) Кутуркея, мѣшаясь съ другими родами». Перебрались сары-уйсуны на лѣвый берегъ Или въ 1868 году, послѣ учрежденія туркестанскаго генералъ-губернаторства, когда р. Или сдѣлалось границею вѣрненскаго и копальскаго уѣздовъ, сары-уйсуны-же, считающіеся родичами дулатовъ, не пожелали остаться въ копальскомъ уѣздѣ, гдѣ дулатовъ не было, и перешли на лѣвый берегъ Или въ вѣрненскій уѣздъ, чтобы жить съ дулатами. Кочевки сары-уйсуновъ расположены въ пескахъ (Сары-тау-кумъ значитъ «желтыя песчаныя горы»), отличающихся безводіемъ и скудной растительностью, и удобны только для разведенія барановъ и отчасти верблюдовъ; земель для пашенъ почти нѣтъ. Поэтому, по свѣдѣніямъ 1885 года, вся волость сѣяла только 89 четвертей проса и пшеницы; скота считалось: верблюдовъ 1633, лошадей 2204, барановъ 28239 и рогатаго скота только 188. Число грамотныхъ въ волости наименьшее изъ волостей уѣзда, въ чемъ она сходится только съ кара-киргизскими волостями: 6 человѣкъ на 3433 д. об. пола.

[2]) «Туркестанскія вѣдомости», 1871 года, № 39.

[3]) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 166, 88, 9, 167. Професс. Березинъ замѣчаетъ (тамъ-же): «Племя уйшинъ у Сананъ Сэцэна называется укушинъ или уйшинъ... Можетъ быть это имя состоитъ въ связи съ монгольскимъ укукъ, связка прутьевъ». Одинъ изъ семи хошуновъ, на которые раздѣляется Ордосъ, называется ушинъ. «Въ хошунѣ ушинъ мнѣ были названы омоки (роды): уйгурчинъ, ихи-хиреитъ, бага-хиреитъ, хархатанъ, хаджирутъ, тангудутъ, харачинъ, тубутутъ, харліутъ, актышинъ, солонгосъ, урутъ, онусъ, чжахаръ, нюкутенъ, хатачинъ, хатычинеръ, бухасъ» (Г. Н. Потанинъ «Тангутско-тибетская окраина» и пр., томъ I, стр. 103).

мардане изъ рода уйшунъ, а въ «Шейбани-намэ» въ войскахъ Шейбани-хана поминается родъ ушунъ [1]), такъ что приходъ уйшуновъ съ узбеками несомнѣненъ, а это дѣлаетъ вѣроятнымъ и сдѣланное мною предположеніе объ образованіи этого рода изъ мѣстныхъ родовъ въ Дештъ-кипчакѣ.

Есть еще усюны или (по Я. В. Ханыкову) [2]) уйсыны въ родѣ ногай, букеевской орды [3]). Тамга ихъ кипчакскаго типа. Вѣроятно и это слѣдъ монгольскаго рода уйшинъ.

Выясненіе отношеній сары-уйсуновъ къ кара-киргизамъ удобнѣе отложить до разсмотрѣнія родоваго состава кыргызовъ, въ связи съ происхожденіемъ енисейскихъ кыргызовъ и родственныхъ имъ кара-киргизовъ отъ смѣшенія тюрковъ съ древними обитателями Монголіи и южной Сибири—динлинами, отличавшимися свѣтлою окраскою волосъ и глазъ, за которую тюрки именовали потомковъ ихъ, вытѣсненныхъ за Саяны, но сохранившихъ свой языкъ, «пѣгимъ» или пестрымъ народомъ, по тюркски ала, у китайцевъ пома. Здѣсь же считаю не лишнимъ упомянуть о нѣкоторыхъ киргизъ-казачьихъ легендахъ, наводящихъ на мысль о происхожденіи отъ смѣшеній тюрковъ съ динлинами или племенами ихъ расы не только кыргызовъ, но и нѣкоторыхъ киргизъ-казачьихъ племенъ и родовъ.

Такъ какъ по больше-ордынскимъ сказаніямъ у Сары-уйсуна былъ сынъ по имени Кальча, то ближайшее отношеніе къ сары-уйсунамъ имѣетъ приводимое Ильею Казанцевымъ сказаніе о происхожденіи киргизъ-казаковъ отъ Калча-Кадыра: Калча-Кадыръ былъ однимъ изъ военачальниковъ проходившей черезъ киргизскую степь арміи какого-то завоевателя; вслѣдствіе изнуренія отъ жажды и голода онъ отсталъ отъ войска и близокъ былъ къ смерти, но его спасла спустившаяся съ неба бѣлая гусыня (каз-акъ); она оказалась доброй пери и сочеталась съ Калча-Кадыромъ; потомки ихъ стали носить имя казакъ [4]). Кромѣ имени Калча сказка эта не обращаетъ ничѣмъ вниманія.

Весьма распространенныя между киргизъ-казаками легенды связываютъ происхожденіе народа и ордъ съ именемъ Алаша или Алача [5]). По варіанту, приводимому Казанцевымъ же, во владѣніяхъ хана Алача или Алачена стали рождаться «пѣгіе или чубарые люди, называемые (должно быть отъ

---

[1]) Das Türkenvolk, 1885, s. s. 348, 349.
[2]) «Записки и. р. географическаго общества», 1847 года, книжка 2, стр. 37.
[3]) А. Н. Харузина «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 года, стр. 37 и 38.
[4]) «Описаніе киргиз-кайсакъ». Спб., 1867 года, стр. 2 и 3.
[5]) Левшинъ, «Описаніе киргизъ-казачьихъ ордъ и степей», часть 2, стр. 28, и Гродековъ «Киргизы» и пр., 1889 года, стр. 2.

оспы) ченчакъ (рябые)». Ханъ повелѣлъ лишать жизни матерей, у которыхъ явятся такія дѣти, но и у любимѣйшей жены его родился пѣгій сынъ; ханъ даровалъ ей жизнь, но велѣлъ выпроводить ее вмѣстѣ съ сыномъ въ степь, «давъ ему въ утѣшеніе кирк-гызъ, т. е. сорокъ дѣвъ», отъ которыхъ «произошло потомство и народъ киргизы» [1]). Этотъ варіантъ интересенъ и происхожденіемъ киргизъ-казаковъ отъ «пѣгаго» человѣка (ала), и указаніемъ на образованіе названія малой орды алчинъ чрезъ сокращеніе имени ала-ченъ, ала-чинъ. Такое же, какъ у послѣдняго, образованіе именъ встрѣчается въ именахъ людей татарскихъ родовъ, по Рашидъ-эддину, который говоритъ, что «всякій индивидуумъ, происходящій изъ этого племени (тутукулъютъ), если онъ будетъ мужескаго рода, называется тутукултай, а если женскаго пола, называется тутукулчинъ, изъ племени анчи-татаръ-анчидай и анчинъ» и пр. [2]). Еще яснѣе обнаруживается связь имени Алачинъ съ динлинами и пома въ сказаніи Абулъ-гази о городѣ или странѣ Алакчинъ. Приведя узбекскую (тюркскую) пословицу—«есть страна, гдѣ всѣ лошади пѣгія, а очаги золотые», Абулъ-гази говоритъ, что страна эта находится на устьѣ Енисея (Ангара-муранъ), гдѣ на берегу моря есть большой городъ, въ сосѣдствѣ котораго водятся высокорослыя лошади исключительно пестраго цвѣта и неподалеку находятся серебрянные рудники; когда по смерти Чингизъ-хана, страна кыргызовъ «и всѣ тѣ, которыя ее окружали», достались Тули-хану и его потомству, то старшая вдова Тули-хана посылала къ Алакчину отрядъ въ 1 т. войска на судахъ; отрядъ этотъ потерялъ много людей отъ необыкновенныхъ жаровъ въ той странѣ, но подтвердилъ разсказы о необычайномъ обиліи въ ней серебра, котораго не привезъ однако съ собою, потому что суда съ грузомъ не могли плыть противъ теченія на обратномъ пути [3]). Дѣйствительно «пѣгій народъ» [4]), потомки динлиновъ, обиталъ на Енисеѣ, къ сѣверу отъ кыргызовъ, а потомки пома, енисейскіе остяки, и теперь еще уцѣлѣли въ небольшомъ числѣ на нижнемъ Енисеѣ. Китайцы упоминали о двухъ владѣніяхъ Динлинъ [5]): не происходятъ ли старѣйшіе роды

---

[1]) «Описаніе киргиз-кайсакъ», стр. 1.

[2]) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 51 и 52. По проф. Березину (тамъ-же, стр. 238) чинъ есть монгольское окончаніе, означающее женскій родъ въ прилагательныхъ именахъ.

[3]) Histoire des Mongols et des Tatares, trad. par Desmaisons, 1874. p.p. 44, 45.

[4]) По «Танъ-шу», «пѣгій народъ», гюньма у о. Іакинфа, po-ma и kiao-ma у европейскихъ китаистовъ, иначе назывался ѣлочи (Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній», I, стр. 442) или, по транскрипціи Visdelou, gho-lo-tchi: и то и другое есть очевидно алачинъ на китайскій ладъ.

[5]) Histoire des Huns etc., Paris, 1756, t. 1, partie 2, p.p LXXVI, LXXVII. Одно изъ владѣній Динлинъ лежало на сѣверъ отъ Кангюя, т. е. отъ земель кангловъ, а другое на сѣверъ отъ Уйгуріи, т. е. соотвѣтствовало бассейну Енисея.

малой орды (въ числѣ ея родовъ есть алачъ или алашъ) отъ помѣси тюрковъ съ западными динлинами [1]), какъ кыргызы явились продуктомъ метисаціи тюрковъ съ енисейскими динлинами?

На еще болѣе восточную помѣсь съ динлинами намекаетъ приводимое Г. Н. Потанинымъ киреевское преданіе, по которому кирей происходятъ отъ Сары-усюня, у котораго былъ сынъ Кара-бій, внукъ Абакъ и правнукъ Кирей, а у послѣдняго 12 сыновей, отъ которыхъ пошли 12 родовъ абакъ-киреевъ [2]). Въ 12 именахъ ихъ нѣтъ ничего сходнаго съ именами родовыхъ дѣленій большой орды и кара-киргизовъ кромѣ имени Чіймоинъ, которое близко къ киргизской кости шимоинъ. Въ именахъ родовъ кераитовъ у Рашидъ-эддина [3]) значится Сахыятъ, имя близкое къ имени сагайцевъ на Енисеѣ и якутовъ (саха). Откуда взялось у киреевъ сказаніе о происхожденіи ихъ отъ Сары-усюня? Какъ попалъ къ кереитамъ близкій енисейскимъ киргизамъ родъ сагай и какимъ образомъ, съ другой стороны, въ XVII вѣкѣ оказывался на Енисеѣ, между киргизами, родъ караитовъ, керетцевъ или керельцевъ?

Все это заставляетъ подозрѣвать, что между киреями и кыргызами существовало какое-то родство, по происхожденію ли тѣхъ и другихъ отъ динлиновъ [4]), или по происхожденію части киреевъ отъ кыргызскаго поколѣнія сары-усунь или ему близко родственнаго, какъ указываютъ и тамги сары-усуней ⊤̄̄ и киреевъ ⊏⊐ и +.

II. Роды и кости кара-киргизовъ.

1) Народныя сказанія о родахъ и происхожденіи кара-киргизовъ.

И у кара-киргизовъ встрѣчаются попытки систематизировать ихъ родовыя дѣленія въ видѣ генеалогическихъ сказаній.

---

[1]) По приводимымъ г. Бретшнейдеромъ (Notices of the Mediaeval Geographic and History of Central and Western Asia etc. London, 1876, p. 174) китайскимъ извѣстіямъ XIII вѣка, кипчаки (kin-ch'a) имѣли голубые глаза и рыжіе волосы. Надо думать, что свѣтлая окраска эта была слѣдствіемъ помѣси тюрковъ съ динлинами и финнами.

[2]) «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881 года, стр. 3, и примѣчаній, стр. I. Саръ-усунъ по монгольски летучая мышь (тамъ-же), а сары-юсунъ, тоже по монгольски, десять рыжихъ (вып. 4, 1883 года, стр. 670).

[3]) «Исторія монголовъ. Введеніе», 1858 года, стр. 95.

[4]) Въ числѣ правыхъ притоковъ р. Уды, берущей начало въ хребтѣ Ергикъ-Таргакъ-тайга, есть двѣ рѣчки Кирей (Н. Ф. Катановъ «Поѣздка къ карагасамъ въ 1890 г.», стр. 197 и 200). Не отъ нея-ли имя киреевъ, кирейтовъ? Приводимое у Рашидъ-эддина («Труды вост. отд.», часть 5, стр. 96) имя кераитскаго рода добоутъ указываетъ на примѣсь самоѣдовъ—туба.

По одному изъ такихъ сказаній, приводимому Воронинымъ и Нифантьевымъ въ «Свѣдѣніяхъ о дико-каменныхъ киргизахъ» конца сороковыхъ годовъ, общимъ родоначальникомъ кыргызовъ принимается, конечно, Кыргызбай, а у него предполагается два сына: Атыгенъ, занявшій земли въ верховьяхъ Аму-дарьи и Сыръ-дарьи, и Тогай, овладѣвшій «окрестностями озера Иссыкъ-куля» [1]).

По легендамъ, сообщеннымъ Голубеву (1859 г.), кыргызы происходятъ отъ ханскаго сына Кыргыза, бѣжавшаго въ Андиджанъ и имѣвшаго двухъ сыновей, которые именовались Аблъ и Коблъ; отъ перваго пошло крыло онъ изъ поколѣній богу, сарыбагышъ, султъ, черикъ, саякъ, чонбагышъ и джадигеръ, отъ второго—крыло солъ: поколѣнія сару, кокче, мундузъ и китай [2]).

По Чокану Валиханову (1856—1859),—который генеалогическія преданія киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ признавалъ важными, такъ какъ онѣ «представляютъ составъ и образованіе народа», — изъ «генеалогіи бурутовъ слѣдуетъ, что главную массу ихъ народа составляетъ турецкое племя киргизъ, къ которому присоединились впослѣдствіи два чуждыхъ отдѣла. Одинъ изъ этихъ чуждыхъ отдѣловъ составляютъ роды кипчакъ, найманъ и китай; права ихъ на киргизскую народность въ генеалогической формѣ выражены тѣмъ, что имъ данъ общій родоначальникъ, который поставленъ сыномъ Киргизбая. Другой чуждый отдѣлъ ичкиликъ, хотя считаетъ своего родоначальника также сыномъ Киргизбая, но не признается другими родами. Третій отдѣлъ составляютъ настоящіе киргизы, раздѣленные на два крыла—онъ и солъ». Крыло онъ дѣлится на два отдѣла—адгэне и тагай; послѣдній состоитъ изъ семи родовъ: бугу, сарыбагышъ, султу, саякъ, черикъ, чонбагышъ и бассызъ; отдѣлъ адгэне лѣто проводитъ въ горахъ отъ Оша до Кокана; лѣвое крыло состоитъ изъ трехъ маленькихъ племенъ, которые кочуютъ по Таласу: сару, кощи и мундузъ. Найманы, кипчаки и китай, племена, присоединившіяся къ кыргызскому народу впослѣдствіи, кочуютъ отъ Оша по памирскому плоско-

[1]) «Записки и. р. географическаго общества», 1851 года, стр. 140.

[2]) «Записки и. р. географическаго Общества», 1861 года, книга 3, стр 114. Замѣчая, что дѣленіе на два крыла имѣетъ соотношеніе къ движеніямъ народа, какъ завоевательной арміи, Голубевъ полагалъ, что кыргызы не могли идти на свои нынѣшнія кочевки съ сѣвера, потому что въ такомъ случаѣ ихъ правое крыло (онъ) было-бы на западѣ, а не на востокѣ, какъ оно оказывается; поэтому онъ приходитъ къ заключенію, что кыргызы не пришли съ истоковъ Енисея, а «искони составляли особый народъ тюркскаго языка, обитавшій въ мѣстахъ, гдѣ и понынѣ кочуетъ» (тамъ-же, стр. 115). Но усуни-кыргызы могли прійти въ западный Тянь-шань съ юга, чрезъ Юлдузы. Сверхъ того расположеніе отдѣловъ народа могло измѣниться вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ событій и передвиженій.

горью до Бадахшана; съ ними же кочуютъ ичкилики и нѣкоторые роды изъ племени адгэне; родъ турайгыръ - кипчакъ, подчиняющійся Китаю, кочуетъ въ окрестностяхъ кашгарскаго города Ташъ-малыга. Исчисленные роды раздѣляются на множество поколѣній, каждое изъ поколѣній еще на поколѣнія и т. д. [1]).

По сказаніямъ, слышаннымъ М. И. Венюковымъ (1860), дочь какого-то хана съ сорока дѣвицами, по возвращеніи домой съ прогулки, нашла свой аулъ совершено разграбленнымъ, и «одно только живое существо встрѣтилось ей—красная собака (кызылъ-тайганъ). Отъ нея, по словамъ преданія, забеременѣли всѣ подруги, въ память которыхъ потомство и усвоило себѣ имя кырк-гызъ... Эта легенда пополняется и иногда замѣняется разсказомъ, что царевна и ея подруги забеременѣли отъ пѣны взволнованнаго озера, которую попробовали, послѣ чего родные прогнали всѣхъ преступницъ изъ дому. Долгое время дѣвицы скитались въ пустынѣ съ своей царевной, но наконецъ возстали на нее, какъ на виновницу несчастья, и прогнали за (р.) Чу. Здѣсь бѣдную ханскую дочь нашелъ родоначальникъ всѣхъ киргизовъ и взялъ ее себѣ въ жены, вскорѣ послѣ чего она и родила сына Киргизъ-бая... Онъ много терпѣлъ сначала отъ своихъ братьевъ, которые укоряли его неизвѣстнымъ происхожденіемъ, обдѣленъ ими по смерти отца, но наконецъ явился торжествующимъ, когда удалось ему украсть изъ юрты матери колотушку для кумыса и узду—символы первенства... У Киргизъ-бая было два внука: Аблъ и Ковлъ», которые и дали начало родамъ кара-киргизовъ [2]).

По разсказамъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, «отецъ кара-киргизовъ произошелъ отъ миража (сагымъ). Онъ воцарился между киргизами и женился на одной ихъ дѣвицѣ, отъ которой родилась у него единственная дочь. Отецъ приставилъ къ ней 40 прислужницъ. Однажды ханская дочь вышла съ 40 прислужницами къ большой рѣкѣ, гдѣ замѣтила плывущую пѣну. Созерцая пѣну, дѣвицы услышали слова, исходившія изъ нея: «ты правъ и я правъ» (анталхак менде ак; форма этихъ словъ правильнѣе въ Исторіи коканскаго ханства В. П. Наливкина, стр. 15: ана эльхак мана эльхак — и то истина, и это истина). Дѣвицы изъ любопытства, обмакнувъ пальцы въ пѣну, облизали ихъ, и вскорѣ оказалось, что всѣ онѣ забеременѣли. Ханъ Сагымъ выгналъ ихъ на высокія горы, ибо не хотѣлъ убивать ихъ. Найдя пропитаніе въ горахъ, онѣ родили 40 сыновей и 40 дочерей,

---

[1]) «Очерки Джунгаріи» въ тѣхъ-же «Запискахъ», 1861 г., кн. 2, стр. 49, 50, 54.

[2]) «Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ», Спб., 1868 года, стр. 155 и 156. Въ исчисленіи родовъ къ названнымъ у Голубева добавлены бугыштъ, монайдыръ и тунгатаръ.

а всего 80 человѣкъ потомства. Эти дѣти, когда выросли, переженились между собою. Народъ, отъ нихъ образовавшійся, сталъ называться кыргызъ (кырк-кыз, 40 дѣвицъ). Кара-киргизы остались жить въ горахъ, а киргизы въ долинѣ. Съ теченіемъ времени, нѣкоторые изъ кара-киргизовъ прославились и оставили по себѣ роды, другіе измельчали и, не образовавъ родовъ, исчезли. Имя одного родоначальника было Унгъ (правый), имя другаго Солъ (лѣвый). Первый произошелъ отъ дочери хана, а другой отъ дочери визиря. Отъ обоихъ произошли кара-киргизскіе роды» [1]).

По Г. С. Загряжскому, сказаніе о происхожденіи кара-киргизовъ отъ сорока дѣвицъ и рыжей собаки принадлежитъ казакамъ большой орды; сами кыргызы говорятъ, что происходятъ отъ сорока дѣвицъ, купленныхъ на югѣ для одного богатаго султана и забеременѣвшихъ отъ пѣны при купаніи въ какой-то большой рѣкѣ [2]).

Вообще приведенныя легенды о происхожденіи кара-киргизскаго народа представяютъ собою варіаціи на тему сорока дѣвицъ, слѣдуя сходству народнаго имени съ словами кырк кыз, сорокъ дѣвицъ, значитъ на тему, которая встрѣчается уже въ «Юань-ши», китайской исторіи монгольской династіи: «нѣкогда сорокъ дѣвицъ изъ Китая (?!) сочетались бракомъ (съ такимъ же числомъ) мужчинъ народа У-сы (U-sze) и такимъ образомъ получили бытіе первые кыргызы» [3]). Къ этой, имѣющей источникъ въ сомнительной этимологіи [4]),

---

[1]) Н. И. Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 г., стр. 4. Источникъ сказанія не указанъ, но такъ какъ описаніе обычаевъ и сказанія, приводимыя въ книгѣ, относительно кара-киргизовъ основаны на разспросахъ аульеатинскихъ кыргызовъ, то надо полагать, что и данная легенда почерпнута у нихъ-же.

[2]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 41.

[3]) Schott, Über die ächten Kirgisen, 1865, s. 432.

[4]) Народное имя (какъ указывалъ еще русскій путешественникъ конца прошлаго вѣка Ефремовъ, изобразившій это произношеніе въ формѣ къиргызъ) выговаривается кркгыз (такъ и по Валиханову, по которому имя свое кара-киргизы «сами произносятъ кргызъ», см. стр. 45 «Очерковъ Джунгаріи»), а не кркхыз, такъ что слово кыз едва-ли входитъ въ его составъ. В. В. Радловъ, по поводу узбекскаго рода кырк-мен-юзъ, обитающаго между Ходжентомъ и Яны-курганомъ и состоящаго изъ родовъ кыркъ и юзъ, указываетъ на родъ юзъ между черневыми татарами въ Алтаѣ и замѣчаетъ, что составъ имени кыргызъ изъ кыркъ и юзъ былъ-бы согласенъ съ звуковыми законами тюркскаго языка (Aus Sibirien, I, s. 226). Вамбери (Das Türkenvolk, 1885, s. 261) производитъ слово кыргыз отъ кыр (поле, степь) и гыз (странствовать бродить), такъ что значеніе выходитъ степной кочевникъ (Feldwanderer). По Броневскому («Отечественныя записки», 1830 года, часть 41, стр. 400), который, оказывается, заимствовалъ это изъ «Описанія средней орды» капитана Андреева (л. 1 рукописи геогр. общества), — «слово киргизъ-кайсакъ значитъ въ переводѣ: киръ—степь, гизъ—человѣкъ, кай—кто, сакъ—остороженъ». Въ дневникѣ Сперанскаго («Въ память графа Сперанскаго», Спб., 1872 года, стр. 78) записано: «Кыръ — степь, гызъ — обитатель. Кыръ — гызъ (такъ обыкновенно говорятъ на мѣстѣ) есть степной житель. Казакъ есть испорченное ка-

темѣ [1]) пристегнуты посторонния и случайныя вставки изъ области восточнаго фольклора. Только варiантъ о рыжей собакѣ, быть можетъ, имѣетъ нѣкоторое отношенiе къ кыргызамъ, если видѣть въ этой рыжей собакѣ намекъ на рыжихъ усуней и предковъ ихъ динлиновъ, свѣтлая окраска которыхъ такъ рѣзко отличалась отъ тюркской, что тюрки, подобно китайцамъ, могли ставить ее усунямъ и потомкамъ ихъ въ упрекъ [2]).

Однако эти народныя сказанiя, какъ и киргизъ-казачьи родословныя, интересны по своимъ указанiямъ на племенной и родовой составъ кара-киргизовъ. По нимъ оказывается, что кыргызы состоятъ изъ родовъ, почитаемыхъ собственно кыргызскими и группирующихся въ два крыла онъ и солъ, и изъ четырехъ родовъ или колѣнъ, имѣющихъ чуждое происхожденiе, каковы китай, кипчакъ, найманъ, ичкиликъ.

2) Иноплеменныя примѣси. Поколѣнiе ичкиликъ.

Родъ китай, кытай, хытай, ктай встрѣчается главнымъ образомъ въ крылѣ солъ, на Таласѣ, составляя часть союза караталъ подъ именемъ ктай, изъ шести отдѣленiй: кейра, тунтугуръ, кара-ктай, турдешъ, актунды и бу-

---

зыкъ—колъ, на коемъ утверждается юрта. Кыръ-гызы называютъ себя обыкновенно казыкъ, т. е. человѣкъ бездомовной, живущiй въ кольяхъ или юртахъ». Г. Н. Потанинъ («Очерки Монголiи», вып. 2, 1881 года, стр. 79, примѣчанiя), по аналогiи съ другими названiями костей, окончанiе ыз (въ имени кыргыз) считаетъ не существеннымъ, такъ что имя кости собственно будетъ кырк.

[1]) Котоны (омонголенные потомки «пашенныхъ бухарцевъ», т. е. сартовъ и таранчей забранныхъ въ плѣнъ калмыцкими князьями) разсказываютъ, что произошли отъ ханской дочери, которая съ 40 дѣвицами находилась въ полѣ и выпила воды съ струйкою крови, отчего забеременѣла, какъ и послѣдовавшiя ея примѣру дѣвушки (Г. Н. Потанинъ «Очерки сѣверо-западной Монголiи», вып. I, 1881 года, стр. 162).

[2]) По японскому сказанiю, айны произошли отъ царской дочери, сосланной съ собакой на островъ Iессо. По китайскимъ исторiямъ, юго-западные инородцы мани произошли отъ собаки и императорской дочери: императоръ Гаосиньши (2435—2375 г.г.) объявилъ, что доставившему голову предводителя гуань-жуновъ, сдѣлавшихъ губительный набѣгъ на его владѣнiя, онъ пожалуетъ 1 т. слитковъ золота, городъ съ 10 т. домовъ и свою младшую дочь въ замужество; голову эту принесла, держа въ зубахъ, пятицвѣтная собака Пань-ху; по прошествiи трехъ лѣтъ дочь Гаосиньши родила въ пещерѣ, куда ее унесла собака, 6 сыновей и 6 дочерей, которыя сдѣлались предками маней (А. Ивановскiй «Матерьялы для исторiи инородцевъ юго-западнаго Китая», т. I, ч. I, Спб., 1887 г., стр. XII, 1—3).—Во всѣхъ трехъ сказанiяхъ собака олицетворяетъ чуждую расу. Въ японской легендѣ собакѣ соотвѣтствуетъ немонгольская длинноголовая сѣверно-азiатская раса, сочетанiе которой съ монгольскою обнаруживаютъ въ айнахъ антропологическiя и кранiологическiя изслѣдованiя; между тѣмъ динлины, отъ смѣшенiя которыхъ съ тюрками произошли кыргызы, принадлежали вѣроятно къ той-же длинноголовой расѣ, какъ айны. Тангуты также производились отъ собаки, ибо въ 725 г. тукюескiй Могилянь-ханъ говорилъ китайскому послу: «Туфань отъ собакъ происходитъ» («Собранiе свѣдѣнiй» и пр., I, стр. 336).

геджинъ [1]); затѣмъ есть кытай въ наманганскомъ [2]) и андиджанскомъ уѣздахъ [3]) и въ колѣнѣ султу [4]). Самое помѣщеніе ктаевъ въ Александровскомъ хребтѣ указываетъ—откуда они пришли: изъ прилегающихъ къ этому хребту долинъ рѣкъ Чу и Таласа, имя же удостовѣряетъ, что это часть киданей, нашедшихъ убѣжище у кара-киргизовъ послѣ паденія киданьскаго государства въ началѣ XIII столѣтія. Тюрки, какъ извѣстно, именовали киданей китай (въ надписи на памятникѣ Кюль-тегину 732 г. на Орхонѣ, кітй) и это имя перенесли на завоеванныя киданями владѣнія Тановъ; имя Китай для срединной имперіи перешло отъ тюрковъ въ Персію и восточную Европу и утвердилось, между прочимъ, и у насъ. По словамъ гиньскаго посланника Вукусуня (1220 г.), остатки кара-киданей «приняли обычаи и одежду хуй-хэ'сцевъ» [5]), т. е. осѣдлаго населенія средней Азіи. Эта большая часть кара-киданей должна была раздѣлять участь осѣдлаго населенія долинъ Чу и Таласа до второй четверти XIV вѣка, когда оно было истреблено и разсѣяно. Въ это время кидани могли или присоединиться къ мѣстнымъ кочевникамъ (кара-киргизы и канглы), или переселиться за Сыръ-дарью съ удалявшимися туда сартами и таджиками. Потомками послѣдней части киданей можетъ быть почитаемъ родъ кытай [6]), обитающій на Зеравшанѣ отъ Самарканда до Катырши и на сѣверъ до Чилека (отдѣленія: сары-кытай, отарчи, канджигалы, кошъ-тамгалы, таракли, балгалы), будучи перемѣшанъ съ родомъ кипчакъ (отдѣленія: тюртъ-тамгалы, сары-кипчакъ, тогузбай) [7]) и считаясь узбекскимъ.

Кипчаки и найманы прибыли въ Фергану главнымъ образомъ въ XVI

---

[1]) Е. Смирнова «Сыръ-Дарьинская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

[2]) По словамъ г. Наливкина («Туркестанскія вѣдомости», 1881 г., № 20), въ наманганскомъ уѣздѣ, кромѣ родовъ багышъ и сару, которые зовутъ себя первый унъ и второй сулъ, «есть еще маленькій родъ хытай или, вѣрнѣе (!?), кутай (отъ кутъ—задъ, этотъ родъ пришелъ послѣ другихъ), но онъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ административномъ и экономическомъ, слился съ отдѣленіями багышскаго рода кутлукъ-сеидъ и чичаръ».

[3]) Распросный рукописный перечень кара-киргизскихъ родовъ ферганской области, 1891 года, сообщенный мнѣ О. А. Павликовскимъ.

[4]) Aus Sibirien, I, s. 231.

[5]) «Записки о посольствѣ на западъ», переведенныя г. Бретшнейдеромъ въ его Mediaeval Researches, London, 1888, v. I, p.p. 25—34.

[6]) Не отвергаю впрочемъ возможности и того, что кидани, по крайней мѣрѣ частію, пришли на Зеравшанъ гораздо позднѣе, въ узбекскихъ дружинахъ шейбанидовъ, а до того времени кочевали съ канглами и кипчаками. Нижеприводимыя, по В. В. Радлову, имена отдѣленій зеравшанскихъ кытаевъ показываютъ, что составъ ихъ очень смѣшанный: ясно, что къ киданямъ присоединилось много тюрковъ разныхъ родовъ.

[7]) Aus Sibirien, I, s. 225.

вѣкѣ въ ополченіяхъ шейбанидовъ [1]), въ числѣ другихъ узбековъ, но часть наймановъ могла проникнуть въ горы Ферганы еще въ началѣ XIII вѣка, когда войска Кучлука, состоявшія главнымъ образомъ изъ его наймановъ, должны были искать спасенія отъ преслѣдовавшихъ Кучлука монголовъ въ Ферганѣ и окружающихъ ее горахъ. Какъ остальные узбеки Ферганы и Мавераннагра, кипчаки и найманы давно уже, въ бо́льшей своей части, ведутъ жизнь полуосѣдлую, въ настоящее же время окончательно обращаются къ осѣдлости. Къ кочевникамъ кара-киргизамъ примыкала только малая часть наймановъ и кипчаковъ, остававшаяся кочевою.

По наиболѣе обстоятельнымъ, изъ имѣющихся пока, свѣдѣніямъ объ алайскихъ кара-киргизахъ Костенка, члена «военно-ученой экспедиціи на Алай», 1876 года, найманы упоминаются только въ числѣ отдѣленій рода ичкиликъ. По его словамъ, въ верхней части Алая зимовокъ не бываетъ, лѣтуютъ же кара-киргизы родовъ адыгине и монгушъ. Въ нижней части Алая имѣютъ лѣтовки «ичкилики, зимовки которыхъ находятся въ маргеланскомъ уѣздѣ между Учъ-курганомъ и Мынъ-тюбе. Впрочемъ часть ичкиликовъ, именно отдѣленія найманъ и таитъ, зимуетъ около Дараутъ-кургана, по ущелью Алтынъ-дара, въ ущельи Коксу и на Маломъ Алаѣ». Ичкилики состоятъ изъ 20 отдѣленій, изъ которыхъ главнѣйшія: кадырша, канды, найманъ, таитъ, кесекъ, орго, тулусъ (тöлöсъ?), кара-теитъ, чал-теитъ, бостонъ, казыкъ-аякъ, кара-саадакъ [2]).—Изъ отдѣленій ичкиликовъ очень распространены таиты, ибо Гордонъ (1874 г.) называетъ кыргызовъ, кочующихъ въ Сарыколѣ, принадлежащими къ роду тайятъ [3]), т. е. таитъ или теитъ; затѣмъ, по Кушакевичу, въ числѣ 13 отдѣленій киргизъ ходжентскаго уѣзда рода кисякъ (всего 661 киб.) есть отдѣленіе теитъ, т. е.

---

[1]) Если и считать горы Аньдахань кипчакскихъ біографій «Юань-ши» за андиджанскія горы, это однако не даетъ основанія полагать Алай отечествомъ кипчаковъ, ибо оттуда, по «Юань-ши», происходила только владѣтельная фамилія, а не народъ кипчакскій.

[2]) «Военный сборникъ», 1877 года, апрѣль, стр. 372. По кн. А. Волконскому («Отъ Новаго Маргелана до г. Бухары», путевыя замѣтки, въ «Вѣстникѣ Европы», 1894 года, іюль, стр. 133), «зимою глубокій снѣгъ покрываетъ сплошнымъ саваномъ мертвую долину (Алая). Только въ низовьяхъ ея жизнь продолжается круглый годъ: въ боковыхъ ущельяхъ (верстъ на 20 по обѣ стороны отъ Дараутъ-кургана) разбросаны жалкія сакли, въ которыхъ укрывается на зиму отъ непогоды около 150 семействъ колѣна найманъ вмѣстѣ со своими стадами».

[3]) Минаевъ, «Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи», Спб., 1879 года, стр. 151. Троттеръ упоминаетъ о 100 палаткахъ киргизъ племени сіокъ или саркъ въ долинѣ Тагарма въ томъ же Сарыколѣ (тамъ же): это вѣроятно сёокъ (родъ, кость) сарыкъ. сару.

тентъ [1]); въ Каратегинѣ, по г. Ошанину, находятся кара-киргизы родовъ каратаитъ, тупчакъ и кадырша [2]). Изъ названныхъ Костенкомъ отдѣленій ичкиликовъ бостонъ есть родъ басто «Си-юй-ту-чжи» [3]), въ которомъ считалось, по китайскимъ свѣдѣніямъ, въ 1759 году, 1300 кибитокъ. По тому же источнику, одинъ изъ старшинъ западныхъ бурутовъ заявлялъ китайцамъ о желаніи привести въ подданство богдыхану «200 т. людей орды бурутовъ, разсѣянныхъ отъ Бухары до Востока»: оказывается, что ичкилики, обитающіе частью въ ходжентскомъ уѣздѣ, и теперь распространяются почти до Зеравшана, да и численность всѣхъ кара-киргизовъ вѣроятно была близка къ показанной въ этихъ словахъ Аджи-бія. Кажется, родъ же бостонъ значится въ «Описаніи средней орды» капитана Андреева, 1785 года (рукопись географическаго общества), подъ именемъ бостумакской волости съ старшиною Ташибекъ-біемъ. По свѣдѣніямъ Костенка, ичкилики своею численностью превосходятъ втрое число адыгине (3145 киб.) и монгушей (1225 киб.) [4]).

Отсутствіе въ именахъ извѣстныхъ подраздѣленій ичкиликовъ именъ кара-киргизскихъ родовъ и костей удостовѣряетъ ихъ иноплеменность, непринадлежность по происхожденію къ кара-киргизамъ. Наличность родовъ найманъ и кисекъ показываетъ, что составъ ичкиликовъ смѣшанный, ибо найманы принадлежатъ средней ордѣ, а родъ кара-кисекъ имѣется въ коленѣ аргынъ той-же орды и въ алимулинскомъ отдѣлѣ малой орды. Возможно, что кисеки пришли въ числѣ шейбанидскихъ узбековъ, какъ найманы. За исключеніемъ наймановъ, кисековъ и небольшаго количества кипчаковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, въ именахъ дѣленій ичкиликовъ нѣтъ извѣстныхъ тюркскихъ племенныхъ и родовыхъ именъ. Поэтому можно съ вѣроятностью полагать,

---

[1]) «Очерки ходжентскаго уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1872 года, № 11. Остальныя 12 отдѣленій названы: муджай, каляръ, кузылъ-аякъ (у Костенка казыкъ-аякъ, но не будетъ-ли въ обоихъ случаяхъ кызылъ-аякъ, т. е. красноногіе), буланъ-сары, сары-гусаинъ, чукуръ-лакъ, бокса, тагайберды, имъ-кара, ачтымчи, чючюкъ и кара-мулла. У Кушакевича приведены затѣмъ имена 5 отдѣленій втораго рода ходжентскихъ киргизовъ чапъ-кулукъ и замѣчено вообще, что каждое изъ отдѣленій раздѣляется на множество подъотдѣленій, которыя, какъ у кочующихъ узбековъ, носятъ названія по разнымъ родоначальникамъ и измѣняются постоянно. Въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 года», Самаркандъ, 1890 г., число кибитокъ рода байкесекъ показано 635, рода биксасы барге 617 и чапкулукъ 514.

[2]) «Каратегинъ и Дарвазъ» въ «Извѣстіяхъ и. р. географическаго общества» 1881 г. стр. 49. Г. Арендаренко («Военный сборникъ», 1878 года, май, стр. 120) относитъ кара-киргизовъ Каратегина къ родамъ кисекъ, кенесары, авгатъ.

[3]) Относящіяся до кара-киргизовъ мѣста этого описанія западнаго края, изданнаго въ 1763 году, переведены Imbault Huart въ его Documents sur l'Asie centrale etc., Paris, 1881.

[4]) «Военный сборникъ», 1877 г., апрѣль, стр. 373.

что ичкилики составились изъ сброда разныхъ пришельцевъ, не сохранившихъ своихъ народныхъ и родовыхъ именованій. Очень можетъ быть, что въ составѣ ичкиликовъ имѣются потомки сейцевъ (вѣроятно саковъ), составлявшихъ населеніе существовавшаго на нынѣ занимаемыхъ ичкилинами и адгене земляхъ владѣньица ханьскихъ временъ Хюсюни, выходцы изъ арійскаго населенія верховій Аму-дарьи и Ферганы, а также частицы тибетцевъ, которые нѣкогда распространялись до Памировъ, какъ свидѣтельствуютъ отуреченные остатки ихъ на Керія-дарьѣ (Полу). По Загряжскому, ходжентскіе кара-киргизы въ одеждѣ и обычаяхъ подверглись сильному вліянію осѣдлыхъ мусульманъ [1]). Вѣроятно это вліяніе замѣтно, въ меньшей степени, и на остальныхъ ичкиликахъ, уже вслѣдствіе нахожденія въ ихъ составѣ сартовъ и гальча. Относительно имени ичкиликъ можно замѣтить, что если оно происходитъ отъ и ч к е, коза, то оно оказывается подходящимъ для горцевъ, кочующихъ по трудно проходимымъ ущельямъ и въ весьма высокихъ долинахъ, но «ичкиликъ-су» значитъ «вода для питья» [2]). Родовое имя и ч к и встрѣчается нѣсколько разъ въ «Шейбаніадѣ» [3]), а потому возможно происхожденіе имени союза или группы ичкиликъ отъ имени какого-нибудь вождя изъ рода ички.

Хотя располагавшій возможностью имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія, Костенко не показываетъ кипчаковъ въ составѣ ичкиликовъ и вообще въ числѣ алайскихъ кара-киргизовъ, но небольшое количество кипчаковъ повидимому есть на Алаѣ и Памирѣ. Такъ, по А. Романову [4]), на Алаѣ зимуетъ 400 кибитокъ родовъ найманъ, таитъ и к и п ч а к ъ [5]); по его словамъ, кара-киргизы кипчакскаго рода подъотдѣленій чиля, юру (должно быть это жору Форсита и джуру Костенка, показываемые ими, какъ увидимъ ниже, въ составѣ адгене) и кульчакъ имѣютъ зимовки на урочищахъ (нижняго Алая) Еканды и Карамукъ, лѣтовки-же ихъ лежатъ въ горахъ къ сѣверу отъ Кызылъ-су на урочищахъ Бохвичъ, Кульдукъ и Шиве; подъотдѣленія рода таитъ б а р г ы, кизильбашъ, зарифъ-наурузъ и х а д ы р ъ-ш а (баргы есть

[1]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, стр. 162.

[2]) «Земледѣліе въ наманганскомъ уѣздѣ», въ «Турк. вѣд.», 1880 г., № 24.

[3]) «Библіотека восточныхъ историковъ», изд. И. Березинымъ, т. I, 1849 года, Казань, стр. LIV: «изъ ички Айминъ-ходжа и Сафаръ-ходжа, сражавшіеся у казаковъ, были причиною, что онъ пріобрѣлъ власть... Сражавшіеся у казаковъ: изъ ички — Ягкубъ-ходжа»... См. также стр. LXII и LXV.

[4]) «Нижній Алай» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1882 года, № 20, стр. 78.

[5]) По свѣдѣніямъ А. П. Федченка, бывшаго на Алаѣ въ 1871 году, («Въ кокандскомъ ханствѣ», 1875 года, стр. 149), тамъ «остаются на зиму киргизы рода таитъ и киргизъ-кипчакъ; прежде на Алаѣ кочевали кыдырча, которые теперь откочевали въ шугнанскія горы».

часть адигене, какъ увидимъ ниже) зимуютъ на р. Коксу и въ среднемъ Алаѣ. Онъ-же упоминаетъ, что въ верхнемъ и среднемъ Алаѣ лѣтомъ кочуютъ «богатыя семейства родовъ кара-найманъ и канглы и оттузъ-огулы изъ ошскаго уѣзда».—Въ книгѣ The Pamirs by the Earl of Dunmore (London, 1893), содержащей описаніе путешествія на Памиръ, есть глава XXX (vol 2, p.p. 113--122), которая, по заглавію, предназначена для изложенія «исторіи кыргызовъ памирской страны». Тутъ, между-прочимъ, помѣщены не лишенныя интереса свѣдѣнія о родахъ памирскихъ кыргызовъ и ихъ кочевьяхъ: Кыргызское племя этой части центральной Азіи дѣлится на четыре главныхъ рода—найманъ, кипчакъ, таитъ и кисекъ. У наймановъ четыре отдѣленія: kon, busturogas, mirza и kiak; первыя два состоятъ въ русскомъ подданствѣ, мирза-же и kiak въ китайскомъ и обитаютъ на р.р. Kiaz и Charlung (къ востоку отъ Ташкургана) и въ Chakaraghal, Manja, Ditagh и Bulun kul. Кипчаки дѣлятся на три подраздѣленія: сартъ, киргизъ-кипчакъ и кара-байталъ; отдѣленіе сартъ состоитъ частію въ русскомъ подданствѣ, частію въ китайскомъ и кочуетъ главнымъ образомъ на р. Serès въ кашгарскомъ вѣдомствѣ; тамъ-же обитаютъ и киргизъ-кипчаки; кара-байталъ, которымъ прочіе кыргызы оказываютъ большой почетъ вслѣдствіе ихъ древняго и славнаго происхожденія, принадлежатъ большею частію къ русско-подданнымъ, но есть ихъ немного и въ китайскомъ—по р. Charlung; кара-байталъ—кобыла съ обрѣзаннымъ хвостомъ (на самомъ дѣлѣ—вороная, не жеребившаяся еще кобыла по четвертому и пятому году; правда имъ обыкновенно подрѣзываютъ хвосты). Таиты дѣлятся на два клана: кара-таитъ и сартъ-таитъ; первый кочуетъ на Каракулѣ, въ Караташѣ, но зимуетъ въ русскихъ владѣніяхъ и принадлежитъ къ русско-подданнымъ; второй кочуетъ на Мургабѣ, Ранкулѣ и Алай-памирѣ и признаетъ русское и китайское подданства. Кисеки дѣлятся на три небольшихъ клана: бостанъ, каддырша и khang deh; кланъ бостанъ признаетъ на половину русское, на половину китайское подданство и кочуетъ въ Сарыколѣ на Тагармѣ, въ Шахидулла, на Тагдумбашѣ и Алай-памирѣ; каддырша—въ андиджанскомъ раіонѣ, на Ранкулѣ, Мургабѣ и Алай-памирѣ, а khang deh на Алай-памирѣ; оба послѣднихъ клана признаютъ русское подданство.

Путешествовавшій весною 1894 года, д-ръ Свенъ Хединъ [1]) считаетъ зимующими въ долинѣ Алая около 250 кибитокъ, изъ которыхъ 70 киби-

[1]) Forschungen über die physische Geographie des Hochlandes von Pamir im Frühjahr 1894, von dr. Sven Hedin, въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin, 1894, № 4, s. s. 301—303.

токъ принадлежитъ роду теитъ, 20 киб. родамъ чалъ-теитъ и теитъ, 10 киб. роду Тjöjj — теитъ и 120 киб. роду найманъ, роды же остальныхъ 30 киб. не показаны. Киргизы въ Каратегинѣ относятся къ родамъ кипчакъ, найманъ и кара-теитъ. Русская памирская волость (по переписи 1892 г. 227 киб., въ которыхъ всего 1055 душъ) состоитъ изъ киргизъ рода теитъ. Ближайшему старшинѣ китайскихъ киргизовъ подвѣдомственно 286 киб., все рода теитъ. Свенъ Хединъ произвелъ антропологическія измѣренія 27 памирскихъ киргизовъ, такъ что по изданіи ихъ получатся достаточныя антропологическія данныя о родѣ теитъ, обитающемъ на Памирѣ.

3) Поколѣнія праваго и лѣваго крыла, ихъ родовыя подраздѣленія, историческія о нихъ извѣстія и численность.

Крыло онъ или правое коренныхъ кара-киргизовъ дѣлится, по Валиханову, на отдѣлы тагай и адгене. Такое дѣленіе во всякомъ случаѣ не безосновательно уже потому, что адгене, по своему обособленному положенію въ Алаѣ и въ бассейнѣ Кара-дарьи, стоятъ отдѣльно отъ главной массы праваго крыла, расположенной въ западномъ Тяньшанѣ въ бассейнахъ Нарына, Чу и Учъ-турфанской рѣки. По свѣдѣніямъ Костенка, родъ адыгине раздѣляется на 14 отдѣленій: бюрю, барге, ольджаке, тауке, каваргe, сары-варге, тасдаръ (плѣшивые), кокче-углу, ильчебекъ, сартдаръ (осартѣвшіе), савай, джуру, ардай и мунакъ [1]). Форсайтъ (1874 г.) имѣлъ свѣдѣнія, что выргызы дѣлятся на два отдѣла—тагай и адыгине, и называлъ слѣдующіе роды у послѣдняго: барга, бакалъ, мунакъ, савай, жору, жошъ, кокчила [2]).

По Костенкѣ, вмѣстѣ съ адыгине лѣтуетъ на Алаѣ и имѣетъ зимовки въ окрестностяхъ Оша родъ монгушъ, состоящій изъ 12 отдѣленій: кудагачинъ, джапалакъ (ястребятники), тулейкинъ, джоошъ (жирные), джильгельды (весною пришедшіе), сарларъ (желтые), сарай, кондзжатыкъ (простяки), соколакъ, тейне, ирке-кашка (лысые баловники) и монголъ [3]).

Имена монгушъ, монкондоръ (въ «Си-юй-ту-чжи»), монульдыръ, мунулдыръ, моныдыръ (все это у Валиханова въ статьѣ «Поѣздка въ Кашгаръ» [4]), монгулдаръ и монгулджаръ (у г. Загряжскаго [5]), молдуръ (у Сѣ-

---

[1]) «Военный сборникъ», 1877 года, апрѣль, стр. 372.

[2]) «Минаевъ, выше отмѣченная книга, стр. 200.

[3]) «Военный сборникъ» 1877 года, апрѣль, стр. 373.

[4]) Извѣстія и. р. географическаго общества», 1868 года, стр. 278—280.

[5]) «Очеркъ токмакскаго уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостахъ» 1873 г., № 10 и 1874 года, № 45, стр. 178.

верцева [1]) кажутся разными производными формами имени монголъ [2]). Это, а также отдѣленіе монголъ у монгушей и монгольская форма именъ еще двухъ отдѣленій (кудагачинъ и тулейкинъ), даетъ достаточныя основанія считать монгушей союзомъ изъ разнороднаго сбора, составившимся подъ главенствомъ остатковъ джагатаидскихъ монголовъ, оставшихся вѣрными кочевой жизни и нашедшихъ убѣжище въ горахъ между Кашгаромъ и Ферганою послѣ паденія власти джагатаидовъ и въ Кашгарѣ, около XVII столѣтія. Китайцы, въ 1759 году, по «Си-юй-ту-чжи», нашли монгушей (монкондоръ) на нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ, въ числѣ около 700 семей, подъ управленіемъ Адзи-бія.

Первымъ изъ отоковъ (волостей, родовъ) западныхъ бурутовъ китайцы называютъ э д г е н а, не указывая ни численности его, ни старшины. Въ описаніи военныхъ дѣйствій 1876 года родъ барга называется главнымъ между алайскими кара-киргизами; тамъ-же упоминаются роды сералякъ и ульджаке, прервавшіе торговыя сообщенія между Ферганою и Кашгаромъ [3]). Послѣ родовъ барги (кара-барги и сары-барги очевидно его отвѣтвленія) кажутся коренными-же родами колѣна адгене роды бюрю (вѣроятно отъ бури—волкъ), мунакъ, ардай, савай и пр. Отъ рода бюрю могло произойти имя бурутъ, которое калмыки, а за ними и китайцы, даютъ всѣмъ кара-киргизамъ. Имя главнаго рода барги, барге, можетъ имѣть соотношеніе съ именемъ монгольскаго племени баргутъ, которое Березинъ производитъ отъ монгольскаго б а р а г у н ъ—правый, западный [4]). Имя ульджаке происходитъ отъ у л ь д ж а—добыча [5]). Вообще составъ адгене кажется не столь смѣшаннымъ, какъ монгушей и ичкиликовъ.

Отдѣлъ т а г а й (слово это значитъ «двоюродный братъ») праваго крыла состоитъ изъ семи колѣнъ или союзовъ: бугу, сарыбагышъ, султу, багышъ или чонбагышъ, чирикъ, саякъ и бассызъ [6]).

По свѣдѣніямъ 1862 года [7]) и по спискамъ алатавскаго окружнаго управленія 1865 года, у б у г у значились слѣдующія подраздѣленія: 1) арыкъ

---

[1]) «Путешествіе по Туркестанскому краю», 1873 г., стр. 156, 212, 336.

[2]) Вѣроятно именно родъ монгушъ значится у капитана Андреева (1785 г.) подъ именемъ м о г а л с к о й волости, «въ коей старшина Бирназаръ-бій».

[3]) «Туркестанскія вѣдомости», 1877 г., № 2.

[4]) «Исторія монголовъ. Введеніе», Спб., 1858 г., стр. 253.

[5]) Тамъ-же, стр. 252.

[6]) Валихановъ, «Очерки Джунгаріи», статья 2, стр. 54. Загряжскій называлъ еще два колѣна сумурунъ и асысъ («Турк. вѣдомости», 1874 г., № 45, стр. 178), но не указалъ ихъ мѣстообитаній. Вѣроятно это не колѣна, а небольшія отдѣленія, о которыхъ впрочемъ мнѣ болѣе упоминаній не встрѣчалось.

[7]) Aus Sibirien, I, s.s. 232, 233.

или арыкъ-тукумъ съ отдѣленіями кучукъ, ундонъ, серке (сарыкъ, сарыке), 2) бапа съ отдѣленіями чонъ-чоро и чильпакъ, 3) бауръ (бöръ, откуда В. В. Радловъ производитъ бурутъ) съ отдѣленіями кара-бöръ и сары-бöръ, 4) кыдыкъ съ отдѣленіями якшилыкъ, яманбай, тургай, худайбакты, кара-куйтунъ и біюмъ, 5) джильденъ или ельденъ съ отдѣленіями курачбекъ, сары-катынъ и балыкъ, 6) алдіяръ, 7) токачъ, 8) токабай, 9) толубай, 10) токай, 11) сальмеке, съ отдѣленіями тогульбай и чокуръ, 12) тынымъ-сеитъ съ отдѣленіями шупакъ и аянъ, 13) белекъ съ отдѣленіями шопакъ, минмуратъ, тазабекъ, берназаръ.

О происхожденіи бугу г. Загряжскій слышалъ, вѣроятно отъ сарыбагышей, такую легенду: одинъ сарыбагышъ, охотясь за маралами, на Нарынѣ, въ ущельи Талды-булакъ, попалъ нечаянно въ тоннель, выходящій на Нарынъ черезъ толщу горъ Ала-мышакъ, встрѣтился на полпути съ рогатымъ животнымъ и застрѣлилъ его. Потомъ оказалось, что это былъ не олень, а человѣкъ съ рогами, похожими на рога марала. Невольный убійца искупилъ свою вину женитьбою на сестрѣ убитаго, которая имѣла такіе-же рога; отъ нихъ и пошли богинцы. Сами богинцы говорятъ, что у сына Тагая Кальджира былъ сынъ съ рожками на головѣ, почему отецъ и назвалъ его Бугу: отъ него и произошли они [2]).

У капитана Андреева (1785 г.) значилась бугинская волость съ старшиною Бирназаръ-біемъ и айльденъ кисейская волость съ старшиною Шапакъ-біемъ. Этотъ Бирназаръ-бій долженъ быть тотъ самый, который, по преданіямъ, слышаннымъ г. фонъ-Герномъ (1877 г.), привелъ богинцевъ на Иссыкъ-куль изъ Ферганы послѣ паденія цзунгаровъ [3]). Отъ него, надо полагать, пошло имя отдѣленія бирназаръ, какъ отъ имени Шопакъ-бія—отдѣленіе шопакъ; послѣднее, судя по названію волости у Андреева, должно было составиться первоначально изъ родовъ ельденъ и кисекъ. Валихановъ [4]), въ 1859 году, находилъ тынымъ-сеитъ кочующими на Большомъ и Маломъ Нарынахъ подъ управленіемъ семейства Мамеке-Шопакъ. Нынѣ бугу занимаютъ пржевальскій уѣздъ, кочуя въ бассейнахъ Иссыкъ-куля и верховьевъ Нарына до земель чириковъ и китайской границы, въ числѣ 15210 киб.

---

[1]) По одной изъ вѣдомостей 1865 года, родъ белекъ состоялъ изъ сальмеке и джаркпы, а въ послѣднемъ отдѣленія алдашъ, алдаяръ, толубай, токай, токачъ, и особо показанъ алдышъ изъ отдѣленій шопакъ, бирназаръ и минмуратъ.

[2]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 41.

[3]) «Семипалатинскія областныя вѣдомости» 1890 г., № 33, стр. 370.

[4]) «Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», 1868 г., стр. 280.

По свѣдѣніямъ 1862 года, колѣно сарыбагышъ состояло изъ пяти союзовъ или поколѣній: исенгулъ (прежде, по Бардашову, булатъ), ассыкъ, тынай, чирикчи (прежде темиръ) и надырбекъ. Въ поколѣніи исенгулъ значились роды: ассыкъ, иссыкъ, чертики, чагалдакъ, абла, сабаръ, чичей, тастаръ, калмакъ, джантай, едигеръ, аюка, монгулдуръ, ярбанъ, етигенъ, башъ-кюрель, и въ поколѣніи ассыкъ: косугунъ, бучманъ, бура и бай-кючюкъ. По «Си-юй-ту-чжи», отокъ сарабакаши былъ подвѣдомственъ нѣсколькимъ старшинамъ, изъ которыхъ главный носилъ имя Чирикчи. У капитана Андреева значится волость атекай-багышская, въ которой старшина и князь или бій Атекай: это Атеке, сынъ бія Тыная, который привелъ сарыбагышей, по ихъ преданіямъ [1]), изъ Ферганы на Чу, послѣ покоренія цзунгаровъ китайцами. Названія поколѣній видимо произошли отъ именъ основателей родовыхъ союзовъ. Г. Загряжскій называетъ у сарыбагышей отдѣленія тынай, чирикъ, исангулъ, бурукчи, джитыкулъ и калмаке и показываетъ въ отдѣленіи тынай подраздѣленія: собственно тынай и тульку [2]). Сарыбагыши нынѣ обитаютъ въ пишпекскомъ уѣздѣ въ числѣ до 9 т. кибитокъ.

По г. Загряжскому, султу дѣлятся на толканъ и булюкпай; въ первомъ есть подраздѣленія чонъ-багишъ, учъ-багишъ, канай, иса-ходжа, карбузъ [3]); есть еще, по этому-же источнику, отдѣленіе куиту [4]). Въ аульеатинскомъ уѣздѣ [5]) имѣются подраздѣленія султовъ: кунту (должно быть это правильное произношеніе куиту Загряжскаго, khangdeh у кисековъ Памира графа Дунмора), чалпакъ (чильпакъ?), каракчи, толканъ. У капитана Андреева упоминается волость солтинская съ старшиною Гашибекъ-біемъ. Нынѣ султу занимаютъ западную часть пишпекскаго уѣзда, въ числѣ 8638 киб., и Александровскій хребетъ въ аульеатинскомъ уѣздѣ въ числѣ, приблизительно, около 3 т. киб., такъ что численность султу вообще простирается до 12 т. кибитокъ.

Колѣно багышъ или чонбагышъ обитаетъ главнымъ образомъ въ Ферганѣ, на склонахъ Наманганскаго хребта. По словамъ г. Наливкина, въ наманганскомъ уѣздѣ киргизовъ два рода—«багышъ и сару; первый называетъ себя унъ, второй сулъ. Оба рода считаютъ себя выходцами изъ Алая, причемъ багышъ пришли сюда раньше сару, отчего и получили на-

[1]) Загряжскій въ «Турк. вѣд.», 1874 года, № 41.
[2]) «Турк. вѣд.», 1874 года, № 45, стр. 178.
[3]) Тамъ-же. Имя Карбузъ носилъ манапъ, убитый въ стычкахъ съ Кенисары.
[4]) «Турк. вѣд.», 1871 г., № 2, «Замѣтки о народномъ самоуправленіи».
[5]) Смирновъ, «Сыръ-Дарьинская область», 1887 г., стр. 324.

званіе унъ». Тотъ-же авторъ упоминаетъ у багышей отдѣленія кутлукъ-сеидъ и чичаръ [1]).

Чирики занимаютъ бассейны р. р. Атбаши и Аксая и дѣлились, по свѣдѣніямъ 1866 года, на четыре отдѣленія. Первое изъ нихъ—карагулъ—подраздѣлялось на нагай, кончай и назаръ; второе—сазанъ—дѣлилось на тагай и сары-кюбенъ, третье—учъ-тамга—на четыре подраздѣленія: бакты, кызылъ-токумъ, дуванъ и сарыча; четвертое—акъ-чувакъ—подраздѣленій не имѣло [2]). Китайцы, въ 1759 году, нашли отокъ дзирикъ (чирикъ) съ старшиною Юмат'омъ, въ числѣ 200 семей, между западными бурутами. По Валиханову, въ 1859 году, до 1300 кибитокъ чириковъ находилось въ коканскомъ подданствѣ на Атбашѣ, Арпѣ и Аксаѣ; до 1500 киб. на учъ-турфанской рѣкѣ подчинялось китайцамъ и вѣдалось біемъ Турдуке [3]). Нынѣ въ двухъ волостяхъ пржевальскаго уѣзда числится 2500 киб.

О родѣ бассызъ или басысъ свѣдѣнія очень скудны. По барону А. В. Каульбарсу (1869 г.), «система Джаманъ-давана и отроги у его подошвы населены родомъ басысъ» [4].) Загряжскій говоритъ, что «около Андижана кочуетъ родъ басысъ; этотъ-же родъ входитъ въ составъ волости саяковской» [5]). Валихановъ упоминаетъ о покореніи рода бассызъ въ 1832 году коканцами, въ числѣ другихъ нарынскихъ кочевниковъ, и о томъ, что въ 1859 году родъ этотъ платилъ закетъ въ укр. Куртку [6]).

Саяки занимаютъ нижнюю половину Нарына. По «Си-юй-ту-чжи», въ 1759 году, волость саякъ, повиновавшаяся многимъ вождямъ, изъ которыхъ старшій носилъ имя Туркебай и найденъ былъ китайскими офицерами на ур. Джумганъ (р. Джумгалъ), состояла приблизительно изъ 1000 семей. У капитана Андреева поминается саякская волость, «въ коей старшина Гадай». Валихановъ (1859 г.) изъ подраздѣленій саяковъ называетъ чора, которыми правилъ Османъ сынъ Тайляка, кульчугачъ, у которыхъ управлялъ Тюлеко, и иманъ съ старшиною Байтуры; въ вѣдѣніи Куртки находилось до 600 киб. саяковъ [7]). Подраздѣленія саяковъ по Загряжскому: тункатаръ, бишъ-кемпиръ, кульчугачъ, курманъ-ходжа, тюнтей, чура. Главные кара-киргизскіе роды

---

1) «Киргизы наманг. уѣзда» въ «Турк. вѣд.», 1881 г., № 20.

2) Дѣло канцеляріи семипалатинскаго губернатора 1866 г. № 68. Численность чириковъ предполагалась въ 1866 г. преувеличенно въ 6 т. к.

3) «Извѣстія и. р. географическаго общества», 1868 г., стр. 280.

4) «Матеріалы по географіи Тяньшаня» въ «Запискахъ геогр. общ. по общей географіи», томъ 5, стр. 535.

5) «Туркестанскія вѣд.» 1874 г., № 41.

6) «Поѣздка въ Кашгаръ», стр. 279 и 280.

7) Тамъ-же, стр. 280.

всегда относились къ саякамъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и считаютъ ихъ происходящими не отъ законной жены Тагая, а отъ наложницы. Около 1863 года, саяковскій манапъ отдѣленія чонъ-чура похитилъ высватанную сыномъ султинскаго манапа Джанкарача невѣсту; хотя отецъ дѣвушки предлагалъ Джанкарачу получить обратно калымъ со штрафомъ или взять другую дѣвушку, но султы принялись грабить саяковъ, въ чемъ имъ охотно помогали сарыбагыши. Потерявъ весь свой скотъ и множество плѣнныхъ, саяки (въ числѣ 350 киб. изъ 5500 к. отдѣленія кульчугачъ и 3000 к. отдѣленія курманъ-ходжа) бѣжали за озеро Чатыркуль, но ихъ преслѣдовали и тамъ. По взятіи г. Аульеата, генералъ Черняевъ пригласилъ саяковъ вернуться въ ихъ кочевья, но когда они пошли, то на нихъ напали коканскіе киргизы. При окончательномъ подчиненіи нарынскихъ кыргызовъ и при образованіи волостей, въ 1868 году, русскимъ начальствомъ было освобождено изъ рабства у султовъ и сарыбагышей болѣе 2 т. кибитокъ саяковъ [1]). Подтверждаемое всѣмъ этимъ инородное происхожденіе саяковъ и сходство ихъ имени съ сакъ и сагай побуждаютъ считать ихъ остатками древнихъ кочевниковъ западнаго Тяньшаня сэйцевъ, какъ бассызъ являются, быть можетъ, осадкомъ пребыванія смѣнившихъ сэйцевъ въ той-же мѣстности юечжійцевъ. По «Хань-шу», «между усуньцами находятся отрасли племенъ сэскаго и юечжискаго». Дѣйствительно, горныя мѣстности нижняго Нарына и Джаманъ-даванъ, по своей труднодоступности, могли служить лучшимъ убѣжищемъ для частей вытѣснявшихся изъ Тяньшаня одинъ за другимъ народовъ.

Крыло солъ, состоящее, по Валиханову, изъ родовъ сару, коще и мундузъ, обитаетъ главнымъ образомъ въ верховьяхъ р. Таласа, въ аульеатинскомъ уѣздѣ. По г. Смирнову, оно считаетъ своимъ предкомъ Кугула, брата Токая, и состоитъ изъ родовъ (союзовъ): кыркъ-кугулъ, муратъ-али, тогайберды, менды (джеты-ру), тунтуртъ, кулпашъ, тазанай, мундузъ и караталъ. Изъ нихъ въ родѣ кыркъ-кугулъ слѣдующія отдѣленія: бишкабакъ, машакъ, кельдей, узунбутъ (на Алаѣ); у рода муратъ-али названа вѣтвь алакчинъ, а въ ней отдѣленія: сатыкей, ульджачи, бургемекъ и бошмоинъ; у тогайберды отдѣленія: кенджечегиръ, болясору, назарбекъ и бостанъ; у менды: булекталъ, сакау, оготуръ, кашкатаманъ, кызылъ-кулакъ, балыкчи и джульдажаксы; у караталъ три вѣтви: ктай, кощи и джувашъ; шесть отдѣленій ктай приведены уже выше; отдѣленія кощи: тагайматъ, канетенъ (?), тлеукабынъ (тлеукабылъ?) и байсеидъ; у джувашъ два отдѣленія: сабатаръ и кайназаръ [2]).

---

[1]) «Туркестанскія вѣдомости», 1874 года, № 45.

[2]) Е. Смирновъ, «Сыръ-дарьинская область», Спб., 1887 года, стр. 324.

Имени сару въ этомъ исчисленіи родовъ и ихъ подраздѣленій отдѣла солъ почему-то не оказывается, хотя названы нѣкоторыя, кочующія въ Ферганѣ, на Алаѣ. Ульджачи конечно то же отдѣленіе, что ольджаке у адгене, а бостанъ одинаково съ бостонъ у ичкиликовъ [1]).

«Си-юй-ту-чжи» не даетъ именъ родовъ, найденныхъ въ 1759 году китайцами на Таласѣ, въ числѣ до 4 т. семей, подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, изъ которыхъ старшаго звали Майтакъ. Зато капитанъ Андреевъ (1785 г.) называетъ три волости, которыя должны были принадлежать крылу солъ: кокшинскую (должно быть кощи), въ «коей старшина Иваула-бій, китай—Муса-бій и сару, въ коей старшина умершаго Садыкъ-батыря сынъ Саитъ-батырь».

Такъ какъ по свѣдѣніямъ г. Смирнова (1885 г.) въ аульеатинскомъ уѣздѣ всего кара-киргизъ 47,800 душъ об. пола, т. е. полагая по принятому тамъ разсчету 5 душъ на кибитку, 9560 кибитокъ, то за вычетомъ изъ этой цифры около 3 т. киб. султовъ, цифра крыла солъ опредѣлится около 6560 киб.

Считаю не лишнимъ привести, что, по сообщенному мнѣ О. А. Павликовскимъ разспросному перечню родовыхъ подраздѣленій кара-киргизъ, Ферганы (1891 г.) значатся въ наманганскомъ уѣздѣ между прочимъ: выркъ-угулъ, чичаръ, мундузъ, кущи, китай, сатыкей, кельдей, сакау, уготуръ, мачакъ, чирикъ, акъ-чубакъ, атбасаръ, юлъякши (это другое произношеніе джулъджаксы — добрая дорога), багринъ, гуркреу, чуткара, баргы, пишкандеръ, туляйкинъ и пр.; въ ошскомъ уѣздѣ: бури, баргы, кара-баргы, сары-баргы, ташъ-баргы, тауке, савай, мунакъ, ульджаке, куча-оглы, сартляръ, ювашъ (джувашъ тожъ), ачаджуры, баканъ, булатъ, ходжебекъ-оглы и пр.

Численность кара-киргизовъ по родамъ приблизительно слѣдующая:

Крыло онъ.

Отдѣлъ тагай.

Бугу	15.111	кибитокъ
Сарыбагышъ. . . .	8.973	»
Султу	11.638	»

---

[1]) Имена алакчинъ, кызылъ-кулакъ и караталъ кажутся тождественными съ именемъ всей малой орды алчинъ, съ именемъ отдѣленія кузанъ-кулакъ букеевскаго рода игагай и съ каратальцами Ремезова («Земля каратадцевъ» въ «Чертежной книгѣ Сибири»). По трудности предполагать, что эти роды попали въ верховья Таласа изъ малой орды, естественнѣе думать, что и въ малую орду, и въ крыло солъ части родовъ или костей съ этими именами поступили во время нахожденія родовъ будущей малой орды и крыла солъ въ средней Монголіи.

Чирикъ.	4.015	кибитокъ.
Багышъ	3.000	»
Саякъ . . , . .	7.427	»
	50.164	»

Отдѣлъ адгене.

Адгене	3.145	»
Монгушъ	1.225	»
Ичкиликъ	13.943	»
	18.313	»
Крыло солъ . . .	9.029	»
Всего . . .	77.506	киб. [1]).

4) Кости кара-киргизовъ и ихъ происхожденіе.

Левшинъ принималъ номенклатуру и послѣдовательность родовыхъ дѣленій киргизъ-казаковъ въ такомъ видѣ, что весь народъ дѣлится на орды, орды на поколѣнія (напр. въ большой ордѣ уйсюнъ, тулатай и саргамъ), поколѣнія на роды (въ поколѣніи тулатай: ботпай, чимыръ и пр.), роды на отдѣленія; «отдѣленія состоятъ изъ частей; эти послѣднія опять имѣютъ свои подраздѣленія, и всѣ подъ особыми наименованіями... Какую огромную книгу составила-бы роспись всѣхъ сихъ подраздѣленій въ трехъ ордахъ»!

[1]) Цифры бугу и сарыбагышей взяты изъ «Обзора» семирѣченской области за 1885 г. Султу, по тому-же источнику, 8638 к.; добавлено находящихся въ аульеатинскомъ уѣздѣ 3000 к. Чириковъ по тому-же «Обзору» 2515 киб; добавлено приблизительно въ китайскихъ предѣлахъ 1500 киб. Саяковъ, по тому-же «Обзору», въ семирѣченской области 5335 киб.; добавлено 2092 к., перечисленныя ранѣе въ ферганскую область. Цифры адгене и монгушъ показаны по Костенко. Число кибитокъ въ ферганской области принято въ 22000 киб., слѣдуя И. Яворскому («Опытъ медицинской географіи и статистики Туркестана», Спб., 1889 г., стр. 320), который показываетъ общую цифру кара-киргизъ области въ 110000 д. об. пола. За отчисленіемъ изъ 22000 к. саяковъ и багышей (5092 к). и адгене съ монгушами (4370 к.) остается на ичкиликовъ и крыло солъ 12.538 к. Солъ въ ферганской области можно предположить равнымъ числу кибитокъ въ наманганскомъ и чустскомъ уѣздахъ по свѣдѣніямъ 1881 года (5469 к.) за вычетомъ багышей (3000 к.), т. е. 2469 к., съ добавкою-же 6560 к. аульеатинскаго уѣзда солъ получится 9029 киб. Къ оставшимся (изъ 12538 киб.) на долю ичкиликовъ ферганской области 10.069 киб. надо добавить 1874 киб. ходжентскаго уѣзда (по «Сборнику матеріаловъ для статистики самаркандской области за 1887 и 1888 г.г.», Самаркандъ, 1890 г.), приблизительно 1000 к. въ бухарскихъ владѣніяхъ и 1000 к. въ китайскихъ.

Такъ какъ «съ размноженіемъ народа киргизскаго увеличивается въ немъ число новыхъ подраздѣленій, а первоначальныя названія поколѣній мало по малу приходятъ въ забвеніе», то Левшинъ отказался поименовывать отдѣленія родовъ и дальнѣйшія подраздѣленія, выражая мнѣніе, что «лѣтъ черезъ сто большая часть вычисленныхъ названій отраслей киргизскаго народа останется только въ нашихъ архивахъ и въ памяти немногихъ старожиловъ»[1].— Еще далѣе идетъ Г. С. Загряжскій относительно родовъ у кара-киргизовъ: «Принадлежность киргиза къ тому или другому роду не есть постоянная, неизмѣнная. Стоитъ кому-нибудь изъ нихъ перекочевать, напр. изъ земли сарыбагышей къ султамъ, онъ уже не называется сарыбагышемъ, а становится султомъ; перейдя къ саякамъ, становится саякъ. Здѣсь разумѣются добровольныя перекочевки, а не случаи плѣна или рабства, когда киргизы сохраняютъ имена прежнихъ родовъ. Но это можно сказать только о простомъ народѣ, о бухарѣ... Раздѣленіе-же на роды сохраняютъ манапы и строго его держатся. Появленіе новаго отдѣла зависитъ отъ появленія новаго батыря; около него собирается дружина удальцовъ, его именемъ прикрываются нѣсколько бѣдняковъ и называютъ себя его дѣтьми; отсюда происходятъ названія: дѣти Каная, Карабека, Карбуза, Сарыбагыша и. т. д. Отецъ передаетъ сыну свой народъ, который онъ успѣетъ связать съ собой привычкой, грабежомъ, общими счетами по барантѣ, и вотъ является новый родъ: канай, карбузъ и т. д. Появленіе многихъ новыхъ родовъ очень недавнее—одно-два поколѣнія; даже теперь формируются новые роды. Такъ отдѣленіе канай распадается на три: байтыковы дѣти, башкаевы дѣти и байсеитовы дѣти. Колѣна башкаевъ и байсеитовъ отошли на Таласъ и потому два послѣднія отдѣленія часто носятъ общее названіе башка-байсеитъ. Манапы, отъ имени которыхъ начинаютъ теперь различаться нѣкоторыя новыя кара-киргизскія отдѣленія, всѣ живы и всѣ родныя дѣти Каная... Отдѣлъ куиту распадается на два: куиту-азаматъ и куиту-базаркулъ, по имени современныхъ уважаемыхъ біевъ. Всего въ отдѣлѣ куиту около 600 кибитокъ. Часто приходится слышать фразу: Байтыкъ-баласы, Корчи-баласы, но это не означаетъ, что идетъ рѣчь собственно о дѣтяхъ Байтыка или Корчи, а имѣетъ смыслъ собирательный: тутъ надо

[1]) «Описаніе к.-казачьихъ ордъ и степей», Спб., 1832 года, часть 3, стр. 5, 6, 10. О многочисленности родовыхъ подраздѣленій можно судить, напр., по тому, что, по свѣдѣніямъ Ильи Казанцева («Описаніе киргиз-кайсакъ», Спб., 1867 года, стр. 62), пользовавшагося дѣлами канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора, въ сороковыхъ годахъ, въ байулинскомъ отдѣлѣ меньшой орды считалось 12 родовъ, 55 отдѣленій, 64 подъотдѣленія, 15 колѣнъ; въ алимулинскомъ—6 родовъ, 23 отдѣленія, 95 подъотдѣленій, 26 колѣнъ, и въ семиродскомъ—7 родовъ, 45 отдѣленій, 35 подъотдѣленій и 15 колѣнъ (подраздѣленій подъотдѣленій).

разумѣть всѣхъ киргизъ, кочующихъ съ Байтыкомъ, Корчи и пр. Иногда кара-киргизы на барантѣ, изъ уваженія къ предводителю, кричатъ имя его отца, хотя родъ и имѣетъ уже свой боевой крикъ. Если у такого батыря есть уже взрослые сыновья, подручные братья, племянники и т. д., то и они на барантахъ кричатъ имя дѣда, а не своего рода. Такъ киргизы, ограбившіе меня въ 1868 году, кричали Тайлякъ (имя отца Османа, предводителя баранты), хотя родовой кличъ ихъ Чурай... Дѣти Байтыка приняли кликъ Канай, хотя родовой кликъ байтыковцевъ Толканъ... Есть еще и другое начало, по которому появляются новые роды: по обычаю киргизъ браки между родственниками не дозволяются до шестого колѣна включительно, по прямой линіи. Поэтому съ шестого прямаго потомка и его братьевъ начинаются новыя отдѣленія» [1]).

Мнѣнія Левшина и Загряжскаго справедливы только отчасти. Дѣйствительно часть новыхъ, особенно мелкихъ, подраздѣленій чрезъ нѣкоторое время исчезаетъ и имена ихъ забываются, но нѣкоторыя подраздѣленія удерживаются на многіе вѣка. Таковы напр. «поколѣнія» (по номенклатурѣ Левшина) дулатъ, найманъ, кипчакъ и пр. Даже дѣленія поколѣній «роды», названные напр. у Рычкова, въ первой половинѣ XVIII вѣка, всѣ сохраняются и теперь, значитъ полтора уже вѣка, хотя и во время Рычкова считали уже много вѣковъ своего существованія. Имена поколѣній, родовъ и многихъ дальнѣйшихъ подраздѣленій у узбековъ въ Мавераннагрѣ держатся уже четыре вѣка, не смотря на малочисленность большинства изъ нихъ. Хотя именуемыя родовыми единицами (поколѣніями, родами, отдѣленіями и пр.) общественныя группы или союзы киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ состоятъ изъ семействъ часто разнаго кровно-родоваго и даже племеннаго и народнаго происхожденія, но нѣкоторыя изъ этихъ группъ въ основѣ своей [2]) принадлежатъ все таки и по кровному происхожденію къ одному племени или подплемени, а часто и къ одной его кровной вѣтви, имѣя посторонніе примѣси лишь въ такихъ количествахъ и съ такимъ значеніемъ, что онѣ слились уже прочно и органически съ кореннымъ кровнымъ зерномъ. Такія родовыя группы или союзы обладаютъ большою прочностью и имена свои, даже

---

[1]) «Очерки токмакскаго уѣзда», 1869 года, въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ» 1873 года, № 10.

[2]) Подобное мнѣніе, впрочемъ безъ указанія основаній, высказалъ А. Н. Харузинъ («Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 153): «Вообще является болѣе естественнымъ считать киргизскіе роды за роды, такъ сказать, искусственные или сводные, т. е. что существовавшіе нѣкогда родовые союзы (имѣвшіе, быть можетъ, основаніемъ большую семью) принимали въ свою среду элементы со стороны добровольно или по повелѣнію властелина, какъ напр. Чингизъ-хана»...

и по распаденіи, передаютъ своимъ частямъ, которыя продолжаютъ ихъ сохранять вѣка, какъ видимъ у узбековъ. Отдѣльныя лица и семьи, примыкающія навсегда къ чужой родовой группѣ, теряютъ свое собственное родовое имя, если число ихъ невелико и размножатся они не скоро; въ противномъ же случаѣ они образуютъ въ родовомъ союзѣ, къ которому пристали, новое подраздѣленіе съ своимъ кореннымъ именемъ, которое прочно утверждается. Именно благодаря этой устойчивости именъ союзовъ кровно-родоваго происхожденія представляется возможность опредѣлять этническій составъ нынѣ существующихъ общественно-родовыхъ группъ киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ отчасти по именамъ родовыхъ подраздѣленій, не смотря на то, что часть этихъ группъ или союзовъ имѣетъ не кровно-родовое, а чисто общественно-политическое происхожденіе, каковы напр. джалаиры, конграты и пр. Преобладаніе политическо-общественнаго значенія нынѣшнихъ родовыхъ дѣленій и именъ ихъ замѣчается преимущественно у кара-киргизовъ (сарыбагышъ, приставъ къ саякамъ, начинаетъ именоваться саякомъ и т. д.), но это происходитъ не отъ того, что кровное начало исчезло у кыргызовъ, а отъ того, что у нихъ, независимо отъ политическо-общественной или родовой группировки, сохраняются чисто кровныя дѣленія—кости.

Родомъ (урукъ, ру) у киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ называется, съ одной стороны, всякая изъ родовыхъ вѣтвей и подраздѣленій, съ другой—совокупность этихъ подраздѣленій, но такъ какъ родовыя дѣленія и группы имѣютъ политическо-общественное значеніе, сверхъ кровнаго, иногда преобладающее, то слово родъ утратило свое строго-кровное значеніе. Не говоря уже объ общественномъ значеніи родовыхъ подраздѣленій, онѣ и въ качествѣ патріархально-родовыхъ не могутъ быть точно классифицированы и наименованы, ибо количество степеней въ родословныхъ безконечно и трудно придумать и удержать для каждой изъ нихъ особое названіе. Поэтому номенклатуры для родовыхъ подраздѣленій, вродѣ напр. установленной въ выше приведенныхъ строкахъ Левшина (поколѣніе, родъ, отдѣленіе, часть, подраздѣленіе и пр.), весьма неустойчивы и часто сами авторы, какъ Левшинъ, не примѣняютъ ихъ [1]). По этой, быть можетъ, причинѣ, у киргизъ-казаковъ и

---

[1]) Такъ и г. В. Дингельштедтъ (Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz, 1891, p. 10), указавъ на неустойчивость употребленія у насъ словъ колѣно и родъ, для означенія главныхъ и слѣдующихъ родовыхъ дѣленій, и принимая самъ слово tribu для означенія главныхъ родовыхъ единицъ и слово clan для означенія «совокупности единокровныхъ или считающихся единокровными, меньшаго объема, чѣмъ tribu», самъ затѣмъ употребляетъ tribu въ смыслѣ вообще родоваго дѣленія, о кланахъ же вскорѣ перестаетъ и упоминать.

кара-киргизовъ существуетъ изъ всѣхъ возможныхъ степеней патріархально-родовыхъ дѣленій опредѣленный терминъ только для самой низшей степени, которая состоитъ уже непосредственно изъ семей: тайпасъ или тайфа у первыхъ и кыркъ у вторыхъ [1]). Слово тайпасъ, по толкованію Вамбери, состоитъ изъ тай—группа, часть, и пасъ (басъ, башъ)—голова, глава, слѣдовательно значитъ «глава группы». Кыркъ, по тому же ученому, правильнѣе будетъ кырыкъ, т. е. обломокъ, часть [2]). Такъ какъ тайпасъ съ кырк'омъ термины подвижные, ибо при раздѣленіи тайпаса или кырка терминъ этотъ переходитъ къ частямъ, то оказывается, что общественно-родовыя дѣленія и по существу своему, и по терминологіи для ихъ означенія отличаются подвижностью.

У южно-сибирскихъ тюрковъ и у кара-киргизовъ, въ отличіе отъ киргизъ-казаковъ, существуютъ, независимо отъ политическо-общественныхъ или союзно-родовыхъ дѣленій и именъ, истинныя кровныя дѣленія и имена, показывающія дѣйствительное родопроисхожденіе. Это сёоки или кости [3]), имѣющія имена, неизмѣнно и строго сохраняемыя, въ какой бы родовой союзъ члены кости не попадали. Такъ алтайцы въ административно-общественномъ отношеніи дѣлятся на зайсанства, черневые татары и другіе южно-сибирскіе тюрки—на волости, улусы и пр., которыя представляютъ собою родовые союзы, существовавшіе до русскаго владычества, но въ то же время каждое семейство принадлежитъ къ извѣстной кости и носитъ и ея имя [4]). Алтайцы раздѣляются на 24 сёока, члены которыхъ сохраняютъ твердое сознаніе объ

---

[1]). «Эти термины приводитъ г. Загряжскій («О народномъ судѣ у кочевого населенія туркестанскаго края» въ «Матеріалахъ для статистики туркестанскаго края», вып. 4, Спб., 1876 года, стр. 194). По А. Н Харузину («Киргизы букеевской орды», вып. I, 1891 года, стр. 41), роды дѣлятся на отдѣленія—тайфа, нѣкоторыя отдѣленія на подъотдѣленія—аʼтавеласъ.

[2]) Das Türkenvolk, 1885, s. 265.

[3]) Употребляютъ вмѣсто кости и слово родъ, но такъ какъ послѣднее получило особое значеніе, болѣе обширное, то удобнѣе и точнѣе пользоваться словомъ кость, означающимъ только кровное происхожденіе. По Г. Н. Потанину («Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. 2, 1881 г., примѣчанія, стр. 2), киргизы поколѣнія или роды называютъ эль, а алтайцы сёокъ, т. е. кость. По г. Гродекову («Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», стр. 27), незнакомому киргизы прежде всего предлагаютъ вопросъ о его родѣ: не эл сен? сюягинг не?

[4]) В. В. Радловъ называлъ въ Observations sur les Kirghis (Journal asiatique, 1863, t. II, p. p. 310 et 311) имена эти генерическими или патронимическими (génériques ou patronimiques). Подъ этимъ названіемъ,—говоритъ онъ,—«я разумѣю имя, которое въ одномъ и томъ же народѣ носятъ многія семейства, которымъ оно служитъ для означенія общаго происхожденія. Эти имена строго сохраняются изъ рода въ родъ и могутъ служить указаніемъ... для различенія многочисленныхъ и разнородныхъ элементовъ, изъ которыхъ образовались народы Алтая».

общемъ кровномъ происхожденіи и связи, хотя живутъ смѣшанно и разсѣянно, въ разныхъ мѣстностяхъ, и состоятъ въ вѣдомствѣ разныхъ зайсанговъ. Члены сёока не могутъ вступать въ браки между собою. Они называютъ другъ друга братьями по кости (соктынг карындашы). Каждый сёокъ имѣетъ своего особливаго духа-защитника и особыя формы молитвъ и обрядовъ при шаманскихъ заклинаніяхъ [1]).

В. В. Радловъ, на основаніи собранныхъ имъ въ 1862 году, посредствомъ разспросовъ, свѣдѣній, приводитъ слѣдующія имена костей (famille, Geschlecht) у кара-киргизовъ [2]), замѣчая, что пять изъ нихъ (тöлöсъ, мундузъ, сару, торо и кущу) одинаковы съ алтайскими [3]):

Въ поколѣніи бугу: челекъ (кость манаповъ, князей), торго, бапа, ельденъ, такабай, бöръ (печень) дöлöсъ (очень малочисленная), кыдыкъ, конгратъ (тоже), монгулдуръ (тоже), саякъ (тоже), шикмаатъ, каба, ассанъ тукумъ, арыкъ тукумъ, кючюкъ, серикей, ондонъ.

Въ поколѣніи сарыбагышъ: сару, каба, монгулдуръ, шикманатъ, саякъ, ассыкъ, дöлöсъ, конгратъ, мундузъ, кытай и етигенъ.

Въ поколѣніи солту: етигенъ, кучу, сару, монгулдуръ, кытай, мундузъ, ассыкъ.

Въ поколѣніи едигена: дöлöсъ, сару, конгратъ, монгулдуръ, мундузъ, саякъ, каба и шикманатъ.

Въ поколѣніи чонбагышъ: аскалы, торо, мачакъ, ушъ-тамга, кандабасъ, кошъ-тамга (двойная тамга), куанъ-дуанъ.

Въ поколѣніи чирикъ: акъ-чубакъ и бай-чубакъ.

Въ крылѣ солъ: сару, бешъ-беренъ, мундузъ, тонторюпъ, кучу, кюркюренъ, етигенъ.

Можно полагать, что этотъ перечень костей довольно полонъ относительно поколѣнія бугу, въ которомъ ученый изслѣдователь былъ лично, въ остальныхъ-же возможны неполноты.

Особенно должны быть неполны, по тогдашней отдаленности этихъ поколѣній отъ русскихъ границъ, свѣдѣнія о костяхъ у чириковъ и чонбагышей. Поэтому я ограничусь разсмотрѣніемъ костей остальныхъ поколѣній, замѣтивъ лишь, что ушъ-тамга и кошъ-тамга г. Радловъ считаетъ узбекскими родами; что акъ-чубакъ и бай-чубакъ у чириковъ быть можетъ имена родовыхъ отдѣленій, а не костей; и что по поводу костей аскалы, мачакъ, кандабасъ и

[1]) Aus Sibiren, I, s. 258.
[2]) Observations sur les Kirghis, p.p., 318—320, и Aus Sibirien, I, s.s. 230, 231.
[3]) Observations etc., p. 316.

куанъ-дуанъ мнѣ не встрѣчалось никакихъ разъясненій, о кости же торо будетъ упомянуто ниже.

Въ остальныхъ четырехъ поколѣніяхъ праваго крыла и въ крылѣ солъ насчитывается всего 28 костей, изъ которыхъ девять (челекъ, бапа, ельденъ, такабай, бӧръ, кыдыкъ, ассанъ тукумъ, арыкъ тукумъ и ондонъ), находятся только у бугу, три (бешъ-беренъ, тонтюрюпъ и кюркюренъ) встрѣчаются только въ крылѣ солъ, прочія же шестнадцать имѣются въ двухъ или болѣе поколѣніяхъ.

Изъ шестнадцати костей четыре—кытай, монгулдуръ, конгратъ и саякъ—безспорно составляютъ чуждыя примѣси, изъ которыхъ саякъ очень древняя, но послѣдовала по всей вѣроятности уже въ Тяньшанѣ, остальныя же три поступили въ составъ кара-киргизовъ въ относительно недавнее время и также въ западномъ Тяньшанѣ. Изъ шестнадцати остается слѣдовательно двѣнадцать, которыя, по своей распространенности, должны быть коренными костями кара-киргизскаго народа. Изъ нихъ первыя мѣста занимаютъ: сару, которая имѣется въ поколѣніяхъ сарыбагышъ, султу, адгене, въ крылѣ солъ и въ формѣ серикей въ поколѣніи бугу, стало быть во всѣхъ главныхъ частяхъ кара-киргизскаго народа; далѣе каба (встрѣчается у бугу, сарыбагышей и адгене), мундусъ (у сарыбагышей, султу, адгене и солъ), кучу (у султу и солъ и въ формѣ кючюкъ у бугу), ассыкъ (у сарыбагышей и султу и въ формѣ ассанъ тукумъ у бугу), етигенъ (у сарыбагышей и султу и въ крылѣ солъ), дӧлӧсъ (у бугу, сарыбагышей и адгене), шикманатъ (у сарыбагышей и въ формѣ шикмаятъ у бугу), наконецъ торго (у бугу и въ формѣ торо у чонбагышей).

Этническое опредѣленіе этихъ восьми коренныхъ костей кара-киргизскаго народа или главнѣйшихъ изъ нихъ есть, очевидно, выясненіе происхожденія этого народа. Задачу эту я пытался разрѣшить, на основаніи историческихъ данныхъ, при помощи обстоятельнаго и возможно подробнаго изученія исторіи кара-киргизовъ и предполагаемыхъ ихъ предковъ, въ обширномъ, еще не напечатанномъ трудѣ, состоящемъ изъ очерковъ исторіи и географіи Западнаго Тяньшаня и его населенія (усуней, кара-киргизовъ и казаковъ, преимущественно большой орды) съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Я не могу изложить здѣсь даже въ самомъ краткомъ видѣ результаты этого изслѣдованія, такъ какъ это заняло бы много мѣста, тогда какъ настоящая статья и безъ того довольно объемиста. Ограничусь поэтому слѣдующими главными выводами: 1) Нынѣшніе кара-киргизы суть прямые потомки пришедшихъ въ Западный Тяньшань изъ средней Монголіи, за полтора столѣтія до Р. Х., усуней. 2) Усуни составляли лишь часть коренныхъ кыргызовъ,

отдѣлившуюся отъ оставшагося на Енисеѣ народа, который вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ китайцамъ подъ настоящимъ своимъ именемъ кыргызъ, облекавшимся у китайскихъ историковъ въ свойственныя китайскому произношенію и транскрипціи искаженныя формы. 3) Усуньскій народъ въ средней Монголіи состоялъ не изъ однихъ кыргызовъ, но представлялъ собою союзъ тюркскихъ родовъ, во главѣ котораго стоялъ усуньскій отдѣлъ кыргызовъ. 4) Общіе предки усуней и енисейскихъ киргизовъ—древніе кыргызы—произошли изъ смѣшенія тюрковъ съ динлинами, которые были однимъ изъ племенъ древней сѣверно-азіатской длинно-головой и свѣтло-окрашенной расы. 5) Остатки динлиновъ, извѣстные съ VII вѣка подъ именемъ «пѣгаго» (по тюркски «ала») народа, найдены были русскими завоевателями Сибири на Енисеѣ подъ именемъ ариновъ, ассановъ и коттовъ, въ настоящее же время представляются лишь вымирающими енисейскими остяками; самое же восточное изъ племенъ древней длинноголовой расы уцѣлѣло въ видѣ аборигеновъ сѣверной части японскаго архипелага айновъ, въ которыхъ антропологическими и краніологическими изслѣдованіями обнаружено сочетаніе длинно-головой расы съ монгольскою. 6) Различія между тюркскими племенами и родами могутъ быть объясняемы помѣсями тюрковъ съ разными племенами той же длинноголовой расы, съ самоѣдскими и съ угро-финскими.

Если эти выводы, имѣющіе отчасти гипотетическій характеръ, вѣрны, то коренныя кости кара-киргизовъ могутъ быть, по крайней мѣрѣ частію, опредѣлены при ихъ помощи и въ согласіи съ ними, посредствомъ отождествленія кара-киргизскихъ костей съ костями, родами и племенами южной Сибири и средней Монголіи, а въ такомъ случаѣ означенные выводы найдутъ въ этомъ одно изъ рѣшительныхъ своихъ подтвержденій.

При разсмотрѣніи коренныхъ кара-киргизскихъ костей, принимая въ соображеніе упомянутыя предположенія, оказывается, что самая распространенная, слѣдовательно главная, основная кость с а р у, въ другихъ формахъ сарикей, сарыкъ, сары, есть въ сущности тюркское слово сары (желтый, рыжій), которое могло быть примѣняемо къ коренной помѣси тюрковъ съ динлинами за ея унаслѣдованную отъ динлиновъ свѣтлую окраску волосъ; таково и было именованіе древнѣйшей кости кыргызовъ, ибо у енисейскихъ киргизовъ два главные ихъ рода носили имя д ж е т ы - с а р ы и а л т ы-сары, т. е. семь рыжихъ и шесть рыжихъ; у сагайцевъ, являющихся теперь (съ качинцами) ближайшими родичами и частію потомками енисейскихъ киргизовъ, существуетъ родъ сарыгъ [1]). Далѣе, кость к а б а можно отождествлять съ койбалами,

---

[1]) Saryg въ Aus Sibirien, I, s. 208.

обитающимъ понынѣ на Енисеѣ народцемъ енисейско-остяцкаго и частію самоѣдскаго происхожденія, отуреченнымъ киргизами и именующимъ себя кой-ба или кай-ба [1]). Затѣмъ, имя кости ассанъ (тукумъ значитъ сѣмя, яйцо, такъ что является несущественной для имени кости добавкой) тождественно съ именемъ исчезшаго теперь и происходившаго отъ динлиновъ народца ассановъ; послѣднее происходитъ отъ ас, горностай, и кость ассыкъ кажется лишь другою формою того же имени, также производною отъ ас. Имя кости арыкъ тукумъ (у бугу) представляется происходящимъ отъ корня ар, какъ и имя другого жившаго на Енисеѣ, еще въ XVIII столѣтіи, народаариновъ, также потомковъ динлиновъ: аринъ и арыкъ суть только разныя формы одного и того же имени, въ послѣднемъ случаѣ тюркизованнаго. Итакъ главная, двѣ изъ важнѣйшихъ и одна изъ прочихъ коренныхъ кара-киргизскихъ костей оказываются енисейско-киргизско-динлинскаго происхожденія.

Имя кости етигенъ кажется тождественнымъ съ названіемъ поколѣнія адгене и съ именемъ десятой изъ числа рѣкъ, на которыхъ, по Рашидъ-эддину, обитали въ древности онъ-уйгуры, именно Утигэнъ (у китайцевъ Удегянь), которое по нѣкоторымъ рукописямъ можно читать и Етигенъ [2]). Профессоръ Березинъ видѣлъ въ этомъ имени тюркское уткен, прошедшій [3]), но едва-ли это такъ. Вѣроятнѣе, что это имя не тюркское, а динлинское. Получивъ земли динлиновъ, тюрки должны были сохранить часть по крайней мѣрѣ существовавшихъ издревле мѣстныхъ именъ, въ числѣ которыхъ весьма вѣроятно ожидать имя рѣки, на которой находилась обычная резиденція тюркскихъ, а ранѣе динлинскихъ, властителей Монголіи. Въ такомъ случаѣ имя етигенъ могло быть отъ рѣки заимствовано въ качествѣ имени одного изъ динлинскихъ племенъ и перейти къ помѣси этого племени съ тюрками, которая вошла въ союзъ усуньскій во время нахожденія усуней въ средней Монголіи и дала свое имя съ одной стороны кара-киргизской кости, съ другой одному изъ союзовъ или поколѣній, который первоначально состоялъ изъ одной этой кости и именовался етигенъ, впослѣдствіи же превратился въ адгене, адыгине и пр., какъ это часто происходитъ въ устахъ народа съ именами изъ чужихъ языковъ и какъ это напр. дѣлается у киргизъ-казаковъ съ именемъ адбанъ, которое иногда выговариваютъ абданъ,

---

[1]) «Дополненія къ русскому переводу Азіи», Риттера, т. 4, стр. 592—595.
[2]) «Исторія монголовъ. Введеніе», стр. 125 и 126.
[3]) Тамъ-же, 268.

адманъ [1]). Кость дöлöсъ представляется тождественною съ телесъ, теле (у о. Іакинфа тѣлэ), т. е. съ однимъ изъ древнихъ именъ гаогюйцевъ, ставшихъ позднѣе, подъ именемъ уйгуровъ, властителями Монголіи, пока въ половинѣ IX вѣка государство ихъ не распалось вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, при участіи енисейскихъ киргизовъ. Кость мундусъ встрѣчается въ качествѣ кости же на Алтаѣ у алтайцевъ, чуйцевъ и теленгетовъ [2]); повидимому это одинъ изъ древнѣйшихъ тюркскихъ родовъ, не стоявшій однако во главѣ могущественныхъ союзовъ, не пользовавшійся въ свою очередь силою и господствомъ въ Монголіи, а потому не попадавшій на страницы исторіи. Тоже надо сказать о кости торо (у чонбагышей, а у бугу торго), которая встрѣчается и у теленгетовъ на Алтаѣ. Кость кучу, иначе кущи, коще, даже кокче (все это въ отдѣлѣ солъ у разныхъ авторовъ, кючюкъ и кучукъ у бугу) есть вѣроятно то же самое имя, какое носилъ упоминаемый китайцами въ VII вѣкѣ чуюескій родъ хучжу или гучжу [3]), который конечно существовалъ и ранѣе [4]) и который много позднѣе встрѣчается въ Шейбани-намэ въ числѣ родовъ, указываемыхъ въ описаніи похода Шейбани противъ монголовъ (т. е. противъ джагатаидовъ) въ Ферганѣ, подъ именемъ кущу (kuschtschu) [4]). Кости етигенъ, тöлöсъ, мундусъ, торо и кучу вошли въ составъ усуньскаго союза по всей вѣроятности въ средней Монголіи, во время кочеванія усуней между Дунь-хуаномъ и Саянами, ранѣе ухода усуней въ Западный Тяньшань.

Для выясненія происхожденія костей, встрѣчающихся только у бугу: шикмаятъ (у сарыбагышей шикманатъ), челекъ, бапа, ельденъ, такабай, бöръ, кыдыкъ и ондонъ, я не нашелъ достаточныхъ данныхъ, но, въ виду опредѣленія происхожденія главныхъ и распространенныхъ во многихъ поколѣніяхъ костей, эти кости, существующія только въ одномъ поколѣніи, особаго

---

[1]) Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что занимавшіе восточный берегъ Чернаго моря, значительную часть склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанскую равнину и большую часть Кабардинской плоскости черкесы сами себя называли адыге и упоминались древними греческими писателями и историками подъ именемъ дзиховъ, торетовъ, керкетовъ. Можетъ быть имя адыге пошло отъ тюркскаго рода адыгене, властвовавшаго надъ частію Кавказа и его аборигеновъ, ибо многое побуждаетъ думать, что тюркскія племена достигали Кавказа не только въ средніе вѣка, но и въ несравненно болѣе древнія времена.

[2]) Aus Sibirien, I, s. 216.

[3]) Іакинфа «Собраніе свѣдѣній» и пр., 2, стр. 357 и 453.

[4]) Въ 121 г. до Р. Х. поддался Китаю одинъ изъ западныхъ хуннускихъ князей по имени Хючжуй (тамъ же, стр. 38 и 39): по всей вѣроятнотти это, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не личное имя князя, а имя подвѣдомственнаго ему рода — хючжуй кучу.

[5]) Vambery—I as Türkenvolk, s. 349.

значенія не имѣютъ, тѣмъ болѣе, что часть ихъ, быть можетъ, не имена костей, а имена родовыхъ подраздѣленій [1]).

Въ заключеніе разсмотрѣнія кара-киргизскихъ костей, не лишне замѣтить, что имена ихъ являются большею частію именами народовъ, племенъ и древнихъ родовъ, потомками которыхъ эти кости и представляются. Напротивъ, имена кара-киргизскихъ родовыхъ союзовъ и подраздѣленій кажутся большею частію личными именами старшинъ и вождей, образовавшихъ эти союзы или дѣленія и стоявшихъ во главѣ ихъ. Таковы, какъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Загряжскимъ, имена новѣйшихъ родовыхъ подраздѣленій и таковы-же, несомнѣнно, имена даже большихъ и важныхъ въ свое время союзовъ исенгулъ, темиръ, булатъ, надырбекъ, тынай и пр. у сарыбагышей,— берназаръ, шапакъ и пр. у бугу,—толканъ, булекпай, канай и пр. у султу,— курманъ-ходжа у саяковъ,—караталъ, тагайберды, тазанай и пр. въ крылѣ солъ,—кадырша и пр. у ичкиликовъ и т. д. Но названія поколѣній или главныхъ, основныхъ родовыхъ союзовъ имѣютъ другой характеръ. Такъ бугу [2]) значитъ олень, изюбръ, сарыбагышъ — желтый лось, чонбагышъ—большой лось, чирикъ—воинъ, султу, по аналогіи съ другими подобными по образованію именами,—обитающій на лѣво, на востокѣ. Такъ какъ лосей въ Тяньшанѣ не водится, то надо полагать, что имена двухъ поколѣній сарыбагышъ и чонбагышъ, а также вмѣстѣ съ ними и остальныхъ, принесены усунями изъ средней Монголіи [3]), а частію, быть можетъ, даже изъ за Саяновъ. Такимъ образомъ имена главныхъ поколѣній весьма древни

---

[1]) Напр. Такабай кажется личнымъ именемъ вождя или старшины, образовавшаго союзъ или родовое отдѣленіе. Кость челекъ напоминаетъ кость-же челей (Tschälai) у шорцевъ на р. Мрассѣ (Aus Sibirien, I, s. 214). Бапа быть можетъ остатокъ карыкскаго рода пофу (у китайцевъ).

[2]) Имя это тождественно съ названіемъ гаогюйскаго поколѣнія пугу. По «Таньшу», пугу было однимъ изъ 15 гаогюйскихъ поколѣній, обитавшихъ по сѣверную сторону великой песчаной степи, т. е. въ сѣверной Монголіи и Чжунгаріи («Собраніе свѣдѣній» и пр., I, стр. 373). Въ VII столѣтіи оно состояло изъ 30 т. кибитокъ, имѣло 10 т. войска. «Пугусцы были упорны, отважны, неукротимы. Сначала они поддались дулгасцамъ (туркамъ), потомъ сѣяньтосцамъ», а затѣмъ Китаю. Въ половинѣ VIII вѣка пугускій князь Хуай-энь игралъ важную роль въ исторіи Китая (тамъ-же, стр. 374, 434, 437, 384—402). Нѣтъ, повидимому, ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что часть пугу присоединилась къ усунямъ въ средней Монголіи, ушла въ составѣ ихъ въ Таньшань и образовала поколѣніе бугу. Въ составъ послѣдняго конечно могли затѣмъ въ разное время войти многія кыргызскія кости.

[3]) Г. Н. Потанинъ упоминаетъ («Очерки с.з. Монголіи», вып. I, 1881 г.) горы Бугу-хаирханъ, Бага-бугу, перевалъ Бугу-даванъ, все это въ той части монгольскаго Алтая, которая называется Алтаинъ-ниру и пересѣкается путемъ изъ Кобдо въ Хами. Не отсюда-ли гаогюйское поколѣніе пугу получило свое имя, которое присоединившаяся къ усунямъ часть его унесла въ западный Таньшань?

и поколѣнія эти существовали, стало-быть, до прибытія кара-киргизовъ въ Тяньшань.

Не невозможно, что дѣленіе на два крыла онъ и солъ ведетъ свое начало съ того времени, какъ усуньское «государство раздѣлено было на три части», изъ которыхъ одною правилъ средній сынъ приведшаго усуней въ Тяньшань гуньми, по имени Далу, другою—внукъ гуньми, сынъ старшаго его сына, Сэньцзу, объявленный наслѣдникомъ престола, а третьею—самъ гуньми. Быть можетъ часть Далу именовалась онъ въ смыслѣ правой, младшей, а часть Сэньцзу—солъ, въ смыслѣ лѣвой, старшей, такъ какъ онъ былъ наслѣдникомъ гуньми. Сынъ Далу Ун-гуйми могъ получить свое имя Унъ или Онъ отъ названія удѣла отца. Такъ какъ достоинство гуньми утвердилось впослѣдствіи за потомствомъ Далу, то къ удѣлу его должна была присоединиться часть гуньми и крыло онъ должно было сдѣлаться многолюднымъ; потомки-же Сэньцзу остались при первоначальномъ удѣлѣ солъ, который окончательно основался въ западной части усуньскихъ земель, около Таласа. Отдѣлъ онъ первоначально занималъ среднюю и восточную часть усуньскихъ земель и лишь впослѣдствіи распространился на юго-западъ, въ земли сейскихъ владѣній Хюаньду и Хюсюнь, гдѣ повидимому помѣстилось и нынѣ тамъ находящееся поколѣніе адгене.

5) Ураны и тамги кара-киргизскихъ родовъ.

Имѣющіяся свѣдѣнія объ уранахъ и тамгахъ кара-киргизовъ скудны и отрывочны. По В. В. Радлову (1862 — 1868 г.г.), боевой крикъ крыла солъ—Кунекъ, а крыла онъ—Джанкуразъ [1]).—По словамъ Загряжскаго, у кара-киргизовъ нѣтъ общаго боевого крика, какъ въ большой ордѣ, гдѣ общій уранъ Аблай; у кара-киргизовъ гораздо болѣе пестроты; такъ тынаи кричатъ Атаке, отдѣленіе исангулъ кричитъ Исангулъ; каждый родъ имѣетъ нѣсколько своихъ криковъ [2]). — По заявленіямъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, по однимъ — общій боевой кличъ кыргызовъ Кокы, по другимъ—Куйтөнбій, по третьимъ—Караталъ; у отдѣленія гуркерау—Караталъ, у алакчинъ—Мурадали, у султовъ—Булекбай, у сарыбагышей — Кулпашъ, у бишперенъ — Берепъ, у багышей — Джанкуразъ [3]).

---

[1]) Aus Sibirien, I, s. 534.

[2]) «Очерки токмакскаго уѣзда» въ «Туркестанскихъ вѣдомостяхъ», 1873 года, № 10.

[3]) Гродековъ, «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», 1889 года, Ташкентъ, приложенія, стр. 3. Берепъ должно быть опечатка вмѣсто Беренъ.

Вообще, значитъ, уранами у кара-киргизовъ служатъ имена вождей и знаменитыхъ манаповъ. Имя Кокы, о которомъ я ничего не знаю, напоминаетъ озеро Кокый-куль оренбургскихъ свѣдѣній, которыми пользовался Н. А. Середа въ статьѣ «Бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова» [1]); это озеро будто бы находилось въ китайскихъ предѣлахъ и въ окрестностяхъ его кочевали не отличавшіеся воинственностью киргизы, которыхъ Кенисары подчинилъ себѣ около 1845 года, удалившись изъ оренбургской степи. Если Кокы есть славный кара-киргизскій батырь, имя котораго служитъ ураномъ для всего народа, то Кокый-куль долженъ бы быть Иссыкъ-кулемъ, а киргизы, покоренные Кенисарою,—кара-киргизы, но Кенисары киргизовъ не подчинилъ и погибъ въ борьбѣ съ ними, да и племя они, по оренбургскимъ же свѣдѣніямъ, воинственное. Поэтому и Кокы, и Кокый-куль остаются загадками.

Свѣдѣнія о тамгахъ кара-киргизовъ весьма недостаточны. По В. В. Радлову, у бугу употребляется тамга джагалбей ⎺⎽ и у султу ай, луна ∩ [2]). По показаніямъ аульеатинскихъ кара-киргизовъ, у кощё (кучу) тамга O, у сукты (опечатка вмѣсто султы?) ◡, у етеуру (джетыру или менды г. Смирнова?) ай ◡ и каскатабанъ (?) ⌐⌐, у босмоинъ (бошмоинъ рода алакчинъ?) и у беренъ |, у алакчинъ ⎯V⎯, у багышъ ⌐/⌐, у хытай (ктай) джугары (верхняя) тамгалы хытай ⎯/⎯ и тюмень (нижняя) тамгалы хытай ⌐/⎺ [3]).

Отсутствіе свѣдѣній о тамгахъ остальныхъ кара-киргизскихъ поколѣній и родовъ лишаетъ возможности основательнаго и всесторонняго изученія родовыхъ тамгъ кыргызовъ. Можно пока замѣтить, что тамга кущи или кучу, одинаковая съ тамгою дулатовъ, подкрѣпляетъ предположеніе о происхожденіи кости и рода кучу или кучукъ изъ западной Монголіи и о родствѣ ея съ происходящими оттуда же дулатами; полукругъ султу можетъ указывать на происхожденіе этого поколѣнія отъ кости кучу, которая дѣйствительно и отмѣчена В. В. Радловымъ въ составѣ султу; тамга ◡, составляющая сочетаніе тамги султу съ тамгою канглы, а также тамга бошмоиновъ и береновъ | намекаютъ на примѣсь въ крылѣ солъ частицъ кангловъ; тамги алакчин'овъ и хытаевъ также имѣютъ соотношенія къ тамгамъ кангловъ и кипчаковъ; тамга поколѣнія багышъ, которая, быть можетъ, встрѣчается и въ выпрямленномъ видѣ, напоминаетъ тамгу рода табынъ малой орды; джагалбей-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1871 года, августъ.

[2]) Aus Sibirien, I, s. 534.

[3]) Н. И. Гродековъ. «Киргизы и кара-киргизы сыръ-дарьинской области», Ташкентъ, 1889 года, приложенія, стр. 7 и 8.

тамга бугу кажется особой отъ тамги кипчаковъ =. Вѣроятно подробныя свѣдѣнія о родовыхъ тамгахъ у кара-киргизовъ, а также у южно-сибирскихъ и омонголенныхъ тюрковъ дадутъ интересныя сближенія и разъясненія.

Обратимъ пока вниманіе на любопытныя тамги или знамена остяковъ, преимущественно березовскихъ, XVII столѣтія, открытыя и изданныя Н. Н. Оглоблинымъ [1]). Эти знаки ставились инородцами вмѣсто рукоприкладства на «челобитныхъ» и «сыскахъ». Состоятъ они изъ болѣе или менѣе грубыхъ и удачныхъ изображеній звѣрей, птицъ, животныхъ, орудій, оружія (стрѣлы, копья, мечи, топоры) и тамгъ. Признаю я массу знаковъ, употреблявшихся угро-финскими остяками, которые не имѣли ни лошадей, ни верблюдовъ, за родовыя тамги,—служившія и служащія у занимавшихъ болѣе южное положеніе скотоводческихъ тюркскихъ и монгольскихъ племенъ преимущественно для тавренія лошадей и верблюдовъ, — вслѣдствіе полнаго сходства знаменъ съ тамгами и нахожденія между первыми не только всѣхъ типовъ, но почти всѣхъ разновидностей тюрко-монгольскихъ родовыхъ тамгъ. Свѣдѣній о надобностяхъ, для которыхъ употреблялись остяками тамги, которыя по требованію приказныхъ людей стали они примѣнять въ качествѣ подписей, мнѣ не встрѣчалось, но можно предполагать, что онѣ служили у сѣверныхъ инородцевъ для тавренія оленей и собакъ, звѣроловами же и рыболовами примѣнялись для помѣтъ охотничьихъ снастей и ловушекъ, а также налагались на вещахъ для означенія ихъ принадлежности, на деревьяхъ и утесахъ для указанія границъ родовыхъ земель, лѣсовъ и звѣроловныхъ раіоновъ и т. п. [2]). Какимъ образомъ тамги южныхъ скотоводовъ попали къ сѣвернымъ звѣроловамъ и рыболовамъ, вдобавокъ къ собственнымъ знакамъ ихъ, естественно изображающимъ предметы ихъ охоты и орудія? Частію тамги могли быть заимствованы угро-финнами въ то время, когда они сами обитали въ болѣе южныхъ странахъ и также были скотоводами, главнымъ же образомъ онѣ могли быть принесены къ нимъ динлинскими племенами, вытѣсненными къ нимъ изъ пастбищъ Монголіи и киргизской степи тюрками. Значительная примѣсь динлинской длинноголовой

---

[1]) «Остяцкія знамена» въ «Историческомъ вѣстникѣ», 1889 года, № 10, стр. 135—149, гдѣ помѣщено 85 рисунковъ въ текстѣ, и «Знамена сибирскихъ инородцевъ XVII вѣка» съ особой таблицей, на которой изображено 105 знаменъ, въ «Запискахъ уральскаго общества любителей естествознанія», томъ XIII, вып. I, Екатеринбургъ, 1891—1892 года. При ссылкахъ на рисунки я буду указывать на страницы первой статьи и на нумера таблицы при второй статьѣ.

[2]) Судя по небольшому количеству тамгъ вогуловъ, приведенныхъ проф. Н. Сорокинымъ («Путешествіе къ вогуламъ» въ «Трудахъ общества естествоиспытателей при имп. казанскомъ университетѣ», томъ 3, № 4, 1873 г., стр. 46 и таблица I) и употребляемыхъ ими для татуировки на рукахъ и ногахъ, для помѣтокъ на деревьяхъ во время звѣроловства и пр., тамги эти имѣютъ сходство съ нѣкоторыми остяцкими знаменами.

расы къ нынѣшнимъ остякамъ и вогуламъ почти несомнѣнна, такъ какъ финны (а вѣроятно и угры) короткоголовы, между тѣмъ антропологическія изслѣдованія обнаружили у остяковъ и вогуловъ большой процентъ длинноголовыхъ. Вслѣдствіе этого занесеніе къ остякамъ скотоводческихъ тамгъ динлинами, которые въ степяхъ конечно были скотоводами, весьма вѣроятно. Этимъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывается, что значительная часть родовыхъ тамгъ нынѣшняго населенія Монголіи и Туркестана не была выработана непосредственно тюрками и монголами, а заимствована ими у тѣхъ динлинскихъ племенъ и родовъ, отъ помѣсей которыхъ съ тюрками произошли тюркскія племена и роды.

Тамги нынѣшнихъ кангловъ и кипчаковъ встрѣчаются въ рукоприкладствахъ остяковъ XVII вѣка въ формахъ |, / и \ (стр. 148, у отбиравшихъ рукоприкладства приказныхъ людей—«рубежъ», «рубецъ»), и || (эта тамга означалась «рубежи», «два рубежи» и словами «яидъ» и «аедъ», стр. 146). Есть много производныхъ этого типа: ⩘ (144), ᛉ (143), ᚠ (145), —+ (№ 22), ⊤ («костыль», № 47), † («посохъ», № 64), + (стр. 146, «яидъ»), ≡ (№ 42, «три рубежи») и особенно часты ⩶ и ||| «шайтанская рожа», «носъ шайтанской» (№№ 35, 36, 51, стр. 147), такъ что издатель удивляется «странному влеченію остяковъ къ изображеніямъ духа тьмы»: вѣроятно у остяковъ это была просто тамга многочисленной кости или рода, шайтанской же рожей наименовали ее служилые и приказные люди, замѣчая ее въ числѣ другихъ тамгъ и изображеній (вродѣ |ᚬ|, № 34), на бубнахъ шамановъ, служителей «шайтана» [1]). Были также тамги типа круга и полукруга: ☼ солнце, D и D «месецъ» (№ 5, № 30 и стр. 147), ⏚, ⏚, Y, Ψ (стр. 143, 144), —((№ 52), ♁, (ж) (стр. 145; послѣднее изображеніе напоминаетъ халхасскую тамгу «пять глазъ»), ▽ (стр. 145: это алтайская тамга йиракай).

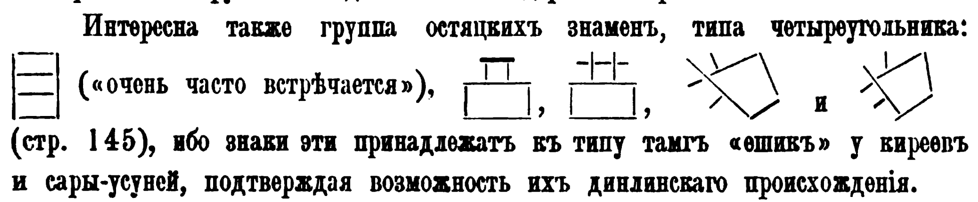
Особую группу составляютъ знаки ╪ и ┌┼┐ (№ 14, два «скобеля»), ╬ (№ 27, «скобель»), ╬, ╬ и пр. (№№ 37, 38, 39,

---

[1]) По свидѣтельству Джувейни (d'Ohsson, Histoire des Mongols, t. I, p. 431), уже въ XIII вѣкѣ, въ царствованіе Угедэй-каана, только шаманы и могли прочесть надпись на одномъ изъ орхонскихъ памятниковъ, сдѣланную, какъ нынѣ обнаружилось, тюркскимъ алфавитомъ. Надо поэтому думать, что знаки на шаманскихъ бубнахъ есть частію память о надписяхъ на нихъ, которыя нѣкогда дѣлались тюркскимъ алфавитомъ, знаки котораго взяты изъ родовыхъ тамгъ.

49, 50), которые Н. Н. Оглоблинъ признаетъ за свастику, въ болѣе или менѣе правильномъ изображеніи [1]). Не отвергая сходства, я однакоже не считаю невозможнымъ, что эти знаки суть скотоводческія тамги самостоятельнаго происхожденія. Да и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и самая свастика у арійцевъ первоначально появилась въ качествѣ тамги, когда они жили еще въ скотоводческомъ бытѣ, и лишь впослѣдствіи обратилась въ таинственный знакъ, изображавшійся въ углахъ мистическаго треугольника [2]). Объясненіе происхожденія свастики добываніемъ священнаго огня посредствомъ тренія двухъ деревяшекъ можетъ быть столь же натянуто, какъ напр. предположеніе Н. Н. Оглоблина о существованіи у остяковъ «какого-то снаряда для добыванія огня путемъ тренія кусковъ дерева» для объясненія того, что приказные называли употреблявшійся остяками въ рукоприкладствахъ знакъ, сходный съ свастикою, «скобелемъ», «скребельницей» и т. под.: почему же приказные не могли употребить слова скобель и пр. по сходству знаковъ съ столярными инструментами для скобленія дерева и пр.?

Интересна также группа остяцкихъ знаменъ, типа четыреугольника:

(стр. 145), ибо знаки эти принадлежатъ къ типу тамгъ «ешикъ» у киреевъ и сары-усуней, подтверждая возможность ихъ динлинскаго происхожденія.

Еще болѣе близкое отношеніе къ вопросамъ о происхожденіи большой орды и кара-киргизовъ имѣютъ тамги остяковъ енисейскаго уѣзда: , , , , (№№ 98—102), примыкающія къ типу дулатовскихъ производныхъ и показывающія, что и для дулатовъ возможно предполагать происхожденіе изъ метисаціи тюрковъ съ динлинами средней Монголіи и Енисея.

6) Краткій обзоръ историческихъ свѣдѣній, выясняющихъ этническія отношенія между кара-киргизами и большою ордою, и опредѣленіе происхожденія поколѣній большой орды и сары-уйсуновъ.

Заключительнымъ соображеніямъ объ этническихъ отношеніяхъ между кара-киргизами и большою ордою необходимо предпослать нижеслѣдующій

[1]) Любопытное собраніе изображеній свастики и близкихъ къ нимъ, встрѣчающихся у арійцевъ Европы съ древнѣйшихъ временъ, помѣщено въ таблицахъ, приложенныхъ къ реферату Звигродскаго Zur Geschichte der Suastika (Archiv für Anthropologie, 19 Band, 1890).

[2]) Въ названіи тамги ошакты амулетъ - тамгою очевидно вліяніе представленія о мистическомъ значеніи треугольника.

краткій обзоръ главнѣйшихъ историческихъ данныхъ, которыя могутъ значительно освѣтить эти отношенія и которыя заимствованы изъ упомянутаго моего труда по исторіи и географіи Западнаго Тяньшаня, гдѣ указаны источники и пр.

Занявъ въ половинѣ II вѣка до Р. Х. западный Тяньшань и прилегающія къ его сѣвернымъ подножіямъ части киргизской степи, т. е. бассейны рѣкъ Или, Чу и Нарына, усуни нашли здѣсь остатки юечжійцевъ и предшествовавшихъ имъ сейцевъ; изъ нихъ сейцы, болѣе многочисленные, могли составить особое поколѣніе, носящее имя саякъ и вѣроятно вскорѣ потерявшее свои отличія отъ другихъ усуньскихъ поколѣній, потому что уже во время прибытія усуней сейцы не различались отъ нихъ ни одеждою, ни обычаями, а вѣроятно и языкомъ, ибо, надо полагать, они были тюрки. Ближайшими сосѣдями усуней были, задолго до прибытія ихъ въ Тяньшань обитавшіе въ южной части киргизской степи, кангюйцы или канглы. Они не уступали усунямъ въ численности и должны были отнестись къ пришельцамъ, насильственно занявшимъ чужія земли, съ понятной враждебностью и опасеніемъ. Китайскіе историки даютъ кое-какія извѣстія объ одной войнѣ между кангюйцами и усунями, но это конечно не значитъ, что не велись другія войны, о которыхъ извѣстій не сохранилось. Въ этой войнѣ, происходившей въ началѣ послѣдняго полустолѣтія передъ Р. Х., кангюйцы, призвавшіе хуннускаго шаньюя Чжичжы, имѣли съ усунями нѣсколько сраженій и вынудили ихъ опустошить западную часть собственныхъ земель, разрушить городокъ Чигу, считавшійся столицею, и удалиться въ восточную часть усуньской территоріи. Хотя на помощь усунямъ пришли китайцы и сожгли городъ, который началъ на усуньской, кажется, землѣ строить Чжичжы, умершій въ плѣну отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ китайцами, но собравшіеся между тѣмъ кангюйцы успѣшно преслѣдовали возвращавшихся въ Кашгарію китайцевъ и нанесли серьезный уронъ усунямъ, напавъ на нихъ и на востокѣ. Въ послѣдствіи, во время частыхъ междоусобій между усуньскими князьями, тѣ изъ нихъ, кто являлись противниками поддерживаемыхъ китайцами, находили убѣжище и помощь у кангюйцевъ. Когда, послѣ Р. Х., усуньское государство окончательно распалось и когда ослабленный хуннами, увлекшими значительную часть кангюйскихъ родовъ съ собою въ Европу, Кангюй постигла та же, вѣроятно, участь, то враждебныя и дружественныя столкновенія и союзы между усуньскими и кангюйскими поколѣніями и родами могли быть очень частыми. Въ это-то время могли начаться смѣшенія и союзы между усуньскими и кангюйскими родами, результатомъ которыхъ явились тѣ роды большой орды, которыхъ происхожденіе явно смѣшанное и нахожденіе кангюй-

цовъ въ составѣ которыхъ очевидно, дулатовская же примѣсь ничѣмъ не обнаруживается. Разрозненные усуньскіе роды во второй половинѣ VI вѣка были легко покорены тукюесцами (турками), которые въ то же время подчинили себѣ и кангюйцевъ. Къ этому времени относится первое упоминаніе имени кыргызовъ у европейскихъ историковъ: я имѣю въ виду извѣстіе Менандра о плѣнницѣ изъ народа «такъ называемыхъ херхисовъ», подаренной византійскому послу Зимарху тюркскимъ ханомъ Дизавуломъ, съ которымъ, отправляясь въ обратный путь, Зимархъ разстался на Таласѣ. Кангюйцы, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ родовъ, сохранили полунезависимость, получивъ вѣроятно правителя или правителей изъ тюркскаго ханскаго дома, кыргызы же составили пять аймаковъ изъ тѣхъ десяти аймаковъ, на которые дѣлилось населеніе земель западныхъ тюрковъ, находившихся въ непосредственномъ управленіе ихъ хана. Изъ этихъ пяти аймаковъ, помѣщавшихся на западъ отъ р. Или и имѣвшихъ общее названіе нушиби, кара-киргизскій родъ ассыкъ («асиги» у китайскихъ историковъ) составлялъ первый и самый многолюдный аймакъ, ибо китайцы, конечно преувеличенно, полагали, что начальникъ его можетъ выставить «до нѣсколькихъ сотъ тысячъ» воиновъ; изъ того же частію рода долженъ былъ состоять другой аймакъ—«асигѣ нишу», въ которомъ къ ассыкамъ присоединился какой-то другой родъ «нишу», можетъ быть кангюйскій; третьему аймаку китайцы даютъ имя «басайгань дуньшибо», въ которомъ можно предполагать нынѣшній дулатовскій родъ сейкымъ (басайгань = байсейкымъ) въ соединеніи съ какимъ-то неизвѣстнымъ; четвертый аймакъ состоялъ изъ рода (лѣваго крыла) кучу («гэшу»); въ пятомъ аймакѣ находился тотъ же кара-киргизскій родъ кучу вмѣстѣ съ суванами и быть можетъ адбанами («гэшу чубань»). Такой составъ кара-киргизскихъ аймаковъ уже обнаруживаетъ соединенія усуньскихъ родовъ съ одной стороны съ кангюйцами, съ другой съ дулатами. Большая часть послѣднихъ однако въ то время состояла еще въ составѣ пяти восточныхъ аймаковъ, которые носили ихъ имя («дулу»). Послѣ паденія власти тукюескихъ хановъ и замѣнившихъ ихъ тургешскихъ, дулаты, кара-киргизы и часть кангловъ подчинены были карлыками. Во время карлыкскаго господства (съ половины VIII до второй четверти XII вѣка), занимавшіе самый западный Тяньшань кара-киргизскіе роды пользовались повидимому значительной самостоятельностью, а иногда, особенно въ концѣ этого періода, и независимостью, какъ можно заключить изъ извѣстій арабскихъ географовъ, въ дошедшихъ до насъ копіяхъ рукописей которыхъ имя к ы р г ы з'овъ получило ошибочныя транскрипціи к и л к'іевъ и к а л а д ж'ей.— Кара-китаи (XII вѣкъ), покорившіе безъ боя сѣверныя подножія всего Тяньшаня, были вынуждены посылать войска для подчиненія кыргызовъ въ ихъ

горной странѣ. Между 1161 и 1190 годами кыргызы родовъ сары («Салія») и бугу («Богу, глава канглы и другихъ племенъ», изъ чего надо заключить, что къ бугу примыкала часть кангловъ) искали поддержки противъ киданей у императора владѣвшихъ сѣвернымъ Китаемъ чжурчженей.—За монгольскую эпоху (XIII—XV вѣка) о кыргызахъ долго извѣстій нѣтъ, и выступаютъ они на сцену, какъ и дулаты, лишь въ XV вѣкѣ, во время паденія власти джагатаидовъ въ оставшейся было имъ вѣрною восточной половинѣ джагатаева улуса. Въ концѣ XV вѣка дулаты и канглы вошли въ составъ киргизъ-казачьяго союза, начало которому положено было въ третьей четверти этого вѣка родами кангловъ и кипчаковъ разложившагося джучіева улуса. Во второй четверти XVI вѣка и тяньшаньскіе кара-киргизы окончательно сбрасываютъ власть джагатаидовъ, уже удалившихся въ Восточный Туркестанъ. Со второй половины XVII столѣтія кыргызы, въ союзѣ съ киргизъ-казаками, вели борьбу съ калмыками и частію покорились имъ, частію же вынуждены были искать убѣжища въ Ферганѣ и на Алаѣ. Возвратились они отсюда въ началѣ второй половины XVIII вѣка, послѣ покоренія Цзунгаріи китайцами, и по «Си-юй-ту-чжи», а также по «Описанію средней орды» капитана Андреева, оказываются въ томъ самомъ родовомъ составѣ, какой имѣютъ и въ настоящее время. Во второй четверти настоящаго столѣтія пребывавшихъ въ независимости кара-киргизовъ западнаго Тяньшаня покорили своей власти коканцы, а затѣмъ между 1855 и 1876 годами подчинены они русскими. Между тѣмъ у киргизъ-казаковъ большой орды, родовой составъ которыхъ, по капитану Андрееву, почти не отличался отъ нынѣшняго, стараніями Аблайхана была возстановлена власть чингизидовъ. Въ концѣ XVIII вѣка юго-западная часть большой орды признала власть ташкентскаго Юнусъ-ходжи, а затѣмъ подчинена была коканцами. Въ 1819 году султанъ Сюкъ съ джалаирами принялъ подданство Россіи, власть которой между 1846 и 1865 годами распространилась и на остальные роды и земли большой орды.

Этотъ историческій обзоръ показываетъ, что кара-киргизы занимали горныя мѣстности Западнаго Тяньшаня съ половины II вѣка до Р. X. по настоящее время, принадлежавшія же имъ въ усуньскую эпоху долина р. Или и земли до Таласа постепенно перешли отъ нихъ дулатамъ и ихъ родичамъ. При движеніи своемъ вдоль подножія западнаго Тяньшаня на западъ до Сыръ-Дарьи и Чирчика, дулаты естественно должны были вытѣснять, а главнымъ образомъ принимать въ свой составъ, обитавшихъ на востокѣ кара-киргизовъ и на западѣ кангловъ, въ промежуткѣ же между ними смѣшанные изъ кыргызовъ и кангловъ роды. Но кромѣ включенія степныхъ кара-киргизовъ и кангловъ въ составъ дулатовскихъ родовъ, посредствомъ образованія

сложныхъ родовъ и поколѣній изъ дулатовскихъ и кыргызскихъ родовъ (таково вѣроятно происхожденіе рода сейкымъ и поколѣнія джалаиръ) и изъ дулатовскихъ и кангюйскихъ родовъ (таковъ, кажется, родъ чимыръ и поколѣніе чапрашты), возможно было сохраненіе особаго существованія кара-киргизскихъ и кангюйскихъ родовъ и союзовъ въ видѣ немногочисленныхъ обществъ, объединявшихъ свои интересы съ интересами крупныхъ дулатовскихъ родовъ и поколѣній. Къ сохранившимъ свое особое, на такихъ условіяхъ, существованіе между дулатовскими родами или въ сосѣдствѣ съ ними принадлежатъ поколѣнія исты, ушакты, канглы, чаншклы и сергелы,—всѣ кангюйскаго происхожденія, — и поколѣніе сары-уйсунъ — вѣроятно одно изъ кыргызскихъ.

Кыргызское происхожденіе дулатовскаго рода сейкымъ доказывается существованіемъ его въ VII вѣкѣ подъ именемъ басайганъ въ числѣ нушибійскихъ, т. е. кара-киргизскихъ аймаковъ. Участіе кара-киргизовъ въ образованіи поколѣнія джалаиръ явствуетъ изъ нахожденія въ составѣ его усуньскихъ или кара-киргизскихъ костей кучу (кучукъ) и арыкъ (арыкъ-тынымъ). Кангюйско-дулатовское происхожденіе рода чимыръ и поколѣнія чапрашты кажется вѣроятнымъ по ихъ тамгамъ, представляющимъ сочетаніе части дулатовскаго круга съ кангюйскимъ «рубежомъ». Далѣе кангюйскій корень, или близкій къ нему, поколѣній исты, чаншклы и сергелы указывается ихъ тамгами, а также, какъ и относительно ушакты, подтверждается генеалогическими сказаніями.

За кыргызское происхожденіе поколѣнія сары-уйсунъ говорятъ: 1) отсутствіе въ именахъ отдѣленій его такихъ, которыя имѣлись бы у дулатовъ и кангловъ; 2) нахожденіе въ составѣ его отдѣленія крыкъ или кыркъ, отъ имени котораго вѣроятно произошло самое имя кыргызовъ; 3) совершенное отличіе сары-усунской тамги отъ дулатовскихъ и кангюйскихъ и принадлежность ея къ типу четырехъугольника, встрѣчающагося у киреевъ и остяковъ и указывающаго на динлинское его происхожденіе; 4) самое имя поколѣнія, вдвойнѣ подтверждающее, что оно является прямымъ и кореннымъ потомствомъ усуней, ибо не только носитъ имя усунъ, но съ приставкою къ нему с а р ы, желтый, указывающею на наглядную отличительную черту физическаго типа древнихъ усуней, наслѣдовавшихъ отъ динлиновъ ихъ свѣтлую окраску волосъ; наконецъ 5) народныя родословныя сказанія и преданія, признающія сары-усуней древнѣйшими обитателями страны и старѣйшимъ поэтому противъ всѣхъ остальныхъ поколѣніемъ или родомъ, что подтверждается и именованіемъ большой орды, въ средѣ которой обитаютъ немногочисленные сары-

уйсуны, уйсуновскою или юсуновскою [1]). Всѣ эти обстоятельства, въ своей совокупности, даютъ достаточныя основанія полагать, что сары-уйсуны представляютъ собою остатокъ коренныхъ усуней, быть можетъ то самое поколѣніе, родъ или кость, къ которому принадлежала владѣтельная фамилія усуней и которое служило главною опорою ея власти надъ прочими поколѣніями усуньскаго союза. Не невозможно, что послѣ распаденія усуньскаго союза, безвозвратно утративъ свою власть и первенство, поколѣніе сары-уйсунъ удалилось изъ среды кара-киргизовъ и пристало къ кангламъ, а потомъ къ дулатамъ, когда они сдѣлались преобладающимъ въ при-тяньшаньской странѣ союзомъ. По своей малочисленности и особому происхожденію, сары-усунское поколѣніе не могло играть въ большой ордѣ вліятельной роли, а потому, во-первыхъ, оно, не фигурируетъ въ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ, и, во-вторыхъ, вынуждено было вѣроятно и ранѣе довольствоваться для кочевокъ своихъ мѣстностями, подобными «Желтымъ горамъ песку». Въ такомъ же положеніи находится поколѣніе исты, также немногочисленное и также чуждое дулатамъ; оно занимаетъ дельту р. Или, столь же непригодную для высокаго благосостоянія кочевниковъ-скотоводовъ мѣстность, какъ и Сары-тау-кумъ.

III. Типъ кара-киргизовъ и начинающіяся антропологическія изслѣдованія.

1) Выводы изъ предшествующихъ двухъ отдѣловъ этого изслѣдованія о коренномъ составѣ кара-киргизовъ и большой орды и о примѣсяхъ.

Выясненіе родовъ и костей и отношеній между ними у кара-киргизовъ и въ большой ордѣ, на основаніи свѣдѣній о существующихъ родовыхъ дѣленіяхъ, легендарныхъ родословныхъ и историческихъ извѣстій, при помощи указаній, которыя даютъ родовыя тамги, приводитъ, въ результатѣ двухъ предшествующихъ частей настоящей работы, къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Кара-киргизскій народъ образовался изъ части енисейскихъ кыргызовъ, ушедшей въ среднюю Монголію и составившей, въ соединеніи съ частью тамошнихъ тюркскихъ родовъ особаго отъ кыргызовъ происхожденія, усуньскій

---

[1]) По словамъ Валиханова («Очерки Джунгаріи», стр. 195), поколѣніе сары-уйсунъ «считаетъ себя остаткомъ большого и сильнаго народа». Но онъ не приводитъ никакихъ преданій сары-уйсуновъ въ этомъ смыслѣ и о существованіи ихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

союзъ, занявшій въ половинѣ II вѣка предъ Р. Х. западный Тяньшань и прилегающія съ сѣвера части степи. 2) Большая орда составилась главнымъ образомъ изъ родовъ, принадлежавшихъ къ племени канглы и къ племени дулатъ, принявъ въ свою среду части кара-киргизскихъ родовъ и сохранившее свою особливость кара-киргизское поколѣніе сары-уйсунъ. 3) Такъ какъ енисейскіе кыргызы представляли собою помѣсь тюрковъ съ динлинами, то въ основѣ кара-киргизскаго народа лежитъ кость с а р ы, динлинскаго происхожденія. 4) Присоединившіяся къ кыргызамъ въ Монголіи части тюркскихъ родовъ были родственны дулатамъ. 5) Дулаты и канглы суть два особыхъ тюркскихъ племени, отличныя и отъ кара-киргизскаго, но въ составѣ дулатовъ есть основанія предполагать до-историческую примѣсь родственнаго предкамъ кыргызовъ динлинамъ племени, на столько однако не сильную, что дулаты не отличались отъ прочихъ тюркскихъ племенъ тою свѣтлою окраскою, которая составляла особенность кыргызовъ, еще въ VII вѣкѣ послѣ Р. Х. отмѣчавшуюся китайцами у енисейскихъ киргизовъ.

Что касается до постороннихъ примѣсей въ составѣ кара-киргизовъ и большой орды, относящихся къ историческому времени, то, во первыхъ, примѣси эти количественно и качественно незначительны, и, во вторыхъ, онѣ почти одинаковы у кыргызовъ и больше-ордынцевъ. Именно онѣ состоятъ изъ киданей, монголовъ и калмаковъ, временно властвовавшихъ въ Туркестанѣ, затѣмъ изъ частей постороннихъ киргизъ-казачьихъ родовъ, которыя, историческими событіями и случайностями, забрасывались въ среду кара-киргизовъ и больше-ордынцевъ, и наконецъ изъ осѣдлаго населенія средней Азіи. Численность киданей и монголовъ, обитавшихъ въ Туркестанѣ, была не особенно велика и притомъ значительнѣйшая часть остатковъ этихъ народовъ перешла изъ Туркестана въ Мавераннагръ и присоединилась или къ осѣдлому его населенію, или къ родамъ мѣстныхъ тюрковъ. Количество калмаковъ, попавшихъ въ плѣнъ и рабство къ киргизъ-казакамъ и кара - киргизамъ главнымъ образомъ во время бѣгства торгоутовъ съ Волги въ Китай, не превышало одного или двухъ десятковъ тысячъ душъ, часть которыхъ конечно успѣла въ разное время бѣжать къ соплеменникамъ, часть вымерла безъ потомства, еще часть продана въ сосѣднія страны и только меньшая осталась въ степи, распредѣлившись на всемъ ея огромномъ пространствѣ, отчего примѣсь калмацкой крови не могла не быть ничтожной. Осѣдлое населеніе Мавераннагра иранской крови и помѣси его съ тюрками (сарты) конечно въ теченіи нѣсколькихъ тысячелѣтій приливали къ тюркскимъ родамъ Туркестана и Тяньшаня въ качествѣ военной добычи и отчасти путемъ браковъ, но примѣсь иранцевъ, которая главнымъ образомъ должна была отразиться на канглахъ,

въ концѣ концовъ также не могла быть значительною, потому что плѣнные и рабы, такъ или иначе, уходили большею частію изъ чуждой имъ среды кочевниковъ въ осѣдлыя страны или вымирали безъ потомства.

Въ общемъ всѣ эти постороннія примѣси конечно оставили свои слѣды въ именахъ родовыхъ подраздѣленій (ктай, монгулдуръ, калмакъ, сартдаръ и пр.), но должны были принять языкъ и бытъ тюркскихъ кочевниковъ и не могли оказать на ихъ кровный составъ вліянія, сколько-нибудь приближающагося къ тому, какое принадлежитъ основнымъ элементамъ метисацій, создавшихъ коренные роды киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ. Примѣси изъ постороннихъ кара-киргизамъ киргизъ-казачьихъ родовъ также не велики, какъ уже упоминалось выше въ отношеніи больше-ордынцевъ на основаніи именъ родовыхъ подраздѣленій и тамгъ, за исключеніемъ разумѣется ташкентскаго уѣзда и отчасти чимкентскаго. У кара-киргизовъ этого рода примѣси значительны только въ Ферганѣ и замѣтны еще въ крылѣ солъ, въ остальной же, главной, массѣ ничтожны.

Гораздо большее вліяніе на этническій составъ больше-ордынцевъ и кара-киргизовъ должны были оказать смѣшенія между тѣми и другими, происходившія впродолженіи двухъ тысячелѣтій сосѣдственной жизни, часто подъ владычествомъ чуждыхъ обоимъ народовъ и въ борьбѣ съ общими врагами. Нельзя отвергать значительности совершившихся вслѣдствіе этого метисацій, столь ясно выразившихся въ образованіи смѣшанныхъ и сложныхъ родовъ. Роды эти и поколѣнія, возникшія въ при-тяньшаньскихъ степяхъ, вошли однакоже, почти исключительно, лишь въ составъ большой орды, совершенно слившись съ нею въ бытовомъ и языкомъ отношеніяхъ. Въ самый западный Тяньшань, въ горную страну, занимаемую кара-киргизами, степняки дулаты и канглы проникали мало и оттого въ составѣ кара-киргизскаго народа и этихъ примѣсей и смѣшенія родовъ относительно немного. Вслѣдствіе этого кара-киргизы представляютъ собою народъ, образовавшійся изъ значительно отличныхъ отъ большой орды и вообще киргизъ-казаковъ элементовъ и сохраняющій свой первоначальный составъ безъ важныхъ дальнѣйшихъ примѣсей уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Столь продолжительное существованіе въ одной и той же странѣ, притомъ горной, обезпечивающей въ значительной мѣрѣ возможность обособленности и самобытности, не могло не создать изъ кара-киргизовъ особаго народа, если бы они даже не отличались уже отъ больше-ордынцевъ и другихъ киргизъ-казаковъ своимъ основнымъ кровнымъ происхожденіемъ, хотя бросавшаяся въ глаза вывѣска, такъ сказать, этого происхожденія — свѣтлая окраска волосъ и глазъ — съ теченіемъ времени, подъ воздѣйствіемъ, очевидно болѣе сильной тутъ, тюркской крови, утратилась. Этническій составъ больше-

ордынцевъ гораздо болѣе пестръ, такъ какъ кромѣ основныхъ метисацій, результатомъ которыхъ были дулаты и канглы, въ составъ большой орды и ея родовъ вошли отдѣльными семьями, частями родовыхъ подраздѣленій и даже цѣлымъ поколѣніемъ кара-киргизы, да количество и постороннихъ примѣсей было значительнѣе. Стоя въ нѣкоторой близости къ кара-киргизамъ по принятымъ отъ нихъ примѣсямъ, большая орда въ то же время составляетъ часть киргизъ-казачьяго народа, состоящаго изъ племенъ и родовъ, объединенныхъ, несмотря на значительное разнообразіе происхожденія, тюркскимъ языкомъ, бытомъ и пр., а также исторической жизнью, особенно въ продолженіе послѣднихъ четырехъ вѣковъ, со времени образованія киргизъ-казачьяго союза, давшаго родамъ единство и въ политическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію выясненіе отношеній большой орды къ остальнымъ киргизъ-казачьимъ родамъ весьма трудно не только потому, что этническій составъ ихъ мало изслѣдованъ, но и потому, главнымъ образомъ, что для опредѣленія происхожденія главныхъ родовъ, т. е. элементовъ ихъ коренныхъ помѣсей, а также и для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшія судьбы главныхъ родовъ, мало и такихъ, хотя и скудныхъ, историческихъ извѣстій, какія существуютъ относительно происхожденія кыргызовъ и ихъ исторіи, а также отчасти исторіи главныхъ родовъ большой орды. Существенныхъ выясненій по этому предмету, кажется, можно ожидать между прочимъ отъ антропологическихъ изслѣдованій.

Всѣ эти выводы и соображенія объ этническомъ составѣ большой орды и кара-киргизовъ составляютъ результатъ свѣдѣній и данныхъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ къ областямъ исторіи, этнографіи и языкознанія. Между тѣмъ опредѣленіе и изученіе физическаго типа различныхъ расъ и племенъ составляетъ также задачу еще молодой, но обѣщающей сдѣлаться мощною и великою наукою—антропологіи. Въ послѣднее время антропологическія изслѣдованія начинаютъ распространяться и на киргизъ-казаковъ съ кара-киргизами, а потому необходимо изложить ихъ положеніе и результаты, чтобы выяснить — насколько онѣ подтверждаютъ или опровергаютъ и измѣняютъ тѣ заключенія объ этническомъ составѣ и отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ или племенъ, къ которымъ приводятъ данныя, принадлежащія другимъ областямъ знанія.

2) Типъ кара-киргизовъ по наблюденіямъ путешественниковъ не-антропологовъ.

Уже султанъ Чоканъ Валихановъ (1856—1859 г.г.), указывая на то, что кара-киргизы отличаются отъ киргизъ-казаковъ «по языку, по происхож-

денію, по обычаямъ», утверждалъ, что «даже въ физіономіи бурутовъ есть что-то своеобразное, не кайсацкое» [1]).

В. В. Радловъ также находилъ, что «типъ кара-киргизовъ безусловно отличенъ отъ типа казаковъ, какъ это мнѣ,—говоритъ онъ,—особенно рѣзко показалось при первомъ моемъ посѣщеніи кара-киргизовъ рода бугу, въ 1862 году, на р. Каркарѣ. Физіономіи кара-киргизовъ сильно напомнили мнѣ черты алтайскихъ горныхъ (такъ называемыхъ) калмыковъ и телеутовъ [2])». По описанію того же ученаго, алтайцы вообще средняго роста, коренасты и широкоплечи; ихъ тѣло не производитъ впечатлѣнія большой силы; они худощавы и очень мускулисты; руки и ноги небольшія; лица широки и плоски; лобъ узокъ и придавленъ кзади; глаза—маленькіе, брови—большею частію узкія, скулы сильно выдающіяся, носъ—приплюснутый и соразмѣрно слишкомъ малый; ротъ — большой, съ толстыми губами, за которыми стоятъ два ряда крѣпкихъ, ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ; подбородокъ большею частію острый; волосы на лицѣ скудны, даже на верхней губѣ; цвѣта волосы и брови чернаго, очень жесткіе [3]). У киргизъ-казаковъ тотъ же монгольскій типъ, но лобъ не такъ сильно придавленъ къ зади, скулы выдаются менѣе, а носовая кость выставляется надъ уровнемъ лица больше впередъ, чѣмъ у алтайцевъ; у нихъ небольшой ротъ, черные, узко прорѣзанные, но неглубоко лежащіе глаза и слабая растительность волосъ на лицѣ. «Но кромѣ монгольскихъ физіономій большинства, находили мы почти во всѣхъ семействахъ отдѣльныя личности совсѣмъ другого типа: продолговато-овальное лицо, большіе, еще болѣе черные глаза, густыя брови, сильная растительность на бородѣ и выдающійся, сильно выгнутый носъ» [4]).

По Н. А. Сѣверцову (1864 — 1867 г.г.), форма черепа у кара-киргизовъ «обще-киргизская, коротко-головая, нѣсколько крышеобразно съуживается къ темени; черты лица менѣе разнообразны, чѣмъ у киргизъ-казаковъ; все скуластыя, широкія, угловатыя, плосконосыя, узкоглазыя лица, съ рѣдкими бородами. У киргизскихъ лицъ скулы и нижняя челюсть почти одинаковой ширины, такъ что окладъ лица приближается къ квадрату; скуловая дуга (arcus zygomaticus) мало отстаетъ отъ висковъ. У калмыцкихъ лицъ эта дуга весьма выпукла, такъ что окладъ лица приближается къ ромбическому» [5]).

---

1) «Очерки Джунгаріи» въ «Запискахъ геогр. общ.», 1861, кн. I, стр. 197.
2) Aus Sibirien, 1884, B. I, s. 526.
3) Тамъ же, s. 259.
4) Aus Sibirien, I, s. 411.
5) «Путешествія по туркестанскому краю», Спб., 1873 г., стр. 16.

Приведеннымъ мнѣнію образованнаго и талантливаго киргизъ-казака, оказавшаго большія услуги этнографіи, исторіи и географіи западнаго Тяньшаня и Восточнаго Туркестана, и наблюденіямъ самаго свѣдущаго въ восточныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ лингвиста,—лицъ, хорошо ознакомленныхъ во время своихъ многолѣтнихъ путешествій и съ киргизъ-казаками, и съ кара-киргизами, — А. Н. Харузинъ, въ трудѣ своемъ о киргизахъ букеевской орды, противопоставляетъ мнѣніе «одного автора, мнѣніе цѣнное, потому что оно писано киргизомъ-султаномъ Мендали Пираліевымъ» [1]). Пираліевъ, «говоря о томъ, что имя киргизъ принадлежитъ не киргизъ-кайсакамъ, которые сами называютъ себя казаками, а кара-киргизамъ», пишетъ: «Киргизы—это особый отъ насъ народъ, обитающій около озера Иссыкуля и къ юго-востоку отъ него, народъ одного съ нами тюркскаго племени, но политически совершенно намъ чуждый». «Слѣдовательно»,—заключаетъ г. Харузинъ—«Пираліевъ считаетъ кара-киргизовъ и казаковъ одного племени и лишь указываетъ, что рознь между ними существуетъ только политическая. Это мнѣніе несомнѣнно вѣско, такъ какъ высказано самимъ киргизомъ» [2]). Приведя затѣмъ отзывъ В. В. Радлова о типѣ кара-киргизовъ, г. Харузинъ продолжаетъ: «Противъ Радлова говоритъ мнѣніе Пираліева и перевѣсъ лежитъ на послѣднемъ: разъ кара-киргизы (хотя и въ мелочахъ) въ языкѣ, въ образѣ жизни, обычаяхъ, одеждѣ отличаются отъ киргизовъ, то естественнѣе, что Пираліевъ, какъ киргизъ, ихъ долженъ былъ бы считать за особый народъ, между тѣмъ онъ ихъ считаетъ, за одно племя съ киргизами» [3]).—На самомъ дѣлѣ Пираліевъ совсѣмъ не киргизъ, а петербургскій уроженецъ и извѣстный профессоръ-оріенталистъ В. В. Григорьевъ, пользовавшійся псевдонимомъ Мендали Пираліева въ газетныхъ статьяхъ и едва ли видавшій хотя одного кара-киргиза. Въ приведенномъ отрывкѣ изъ статьи, напечатанной въ № 32 газеты «День» 1862 г., Григорьевъ ни малѣйше не касается вопроса о типѣ кара-киргизовъ, а потому мнѣнія В. В. Радлова отрывокъ этотъ нисколько не опровергаетъ. Изъ правильныхъ утвержденій Григорьева о томъ, что кара-киргизы принадлежатъ къ одному съ киргизъ-казаками племени, т. е. тюркскому, и что они однако составляютъ особый народъ, нѣтъ никакихъ основаній выводить, что типъ кара-киргизовъ не отличается отъ казачьяго.

Конечно, опирающіяся на одни личныя впечатлѣнія и сравненія свидѣтельства и сужденія,—хотя-бы и людей, обладающихъ наблюдательностью и

---

1) «Киргизы букеевской орды», вып. I, 1889 г., стр. 275.
2) Тамъ же, стр. 287.
3) «Киргизы букеевской орды», вып. I, стр. 287 и 288.

основательнымъ знакомствомъ съ даннымъ народомъ,—во всякомъ случаѣ недостаточны для несомнѣннаго и точнаго опредѣленія физическаго типа народа, племени или вѣтви послѣдняго, такъ какъ онѣ составляютъ результатъ лишь субъективныхъ впечатлѣній каждаго наблюдателя и могутъ быть очень часто ошибочны [1]). Вѣрное выясненіе физическаго типа народа или племени и ихъ частей можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ точныхъ научныхъ изслѣдованій, при помощи наблюденій, описаній и измѣреній, произведенныхъ надъ достаточнымъ количествомъ особей, съ соблюденіемъ необходимыхъ для получения удовлетворяющихъ научнымъ требованіямъ результатовъ и матеріаловъ условій, методовъ и пріемовъ.

3) Антропологическія изслѣдованія Уйфальви, Зеланда и др.

Первыя антропологическія изслѣдованія и измѣренія произведены были въ туркестанскомъ краѣ А. П. Федченко, но на кара-киргизъ не распространялись, и коснулись лишь осѣдлаго населенія. Во время своего путешествія въ Коканъ, въ 1871 году, онъ проникъ на Алай, но въ такое время года, когда кочевники уже удалились съ лѣтовокъ, почему онъ «вовсе не видалъ алайскихъ киргизовъ въ ихъ лѣтовкахъ» [2]). «Въ первый разъ видѣлъ» онъ «предъ собою настоящихъ киргизовъ» въ верховьяхъ р. Исфары, гдѣ къ нему явились «старшины» кочующихъ въ этой мѣстности ауловъ. «Въ наружности ихъ—говоритъ Федченко — я не замѣтилъ существенныхъ отличій отъ тѣхъ киргизовъ, которые пріѣхали съ нами изъ Ташкента» [3]). Подъ послѣдними Федченко разумѣлъ 6 джигитовъ, нанятыхъ имъ въ Ташкентѣ и принадлежавшихъ къ средне-ордынскому роду аргынъ. Но и киргизы, которыхъ Федченко видѣлъ на Исфарѣ и счелъ за «настоящихъ» кыргызовъ, происходили также изъ средне-ордынскаго рода кипчакъ, судя по тому, что «самый главный» изъ являвшихся старшинъ былъ «казы (судья) киргизъ-кипчаковъ».

Уйфальви, производившій въ 1877 году антропологическія измѣренія населенія Ферганы, описываетъ типъ кара-киргизовъ слѣдующимъ обра-

---

[1]) По г. А. Регелю, напр., кара-киргизы очень похожи на монголовъ не только по наружности, шапкамъ и пр., но и по языку (Petermann's Mittheilungen, 25 B., 1879, s. 412).

[2]) «Извѣстія и. общества любителей естествознанія, этнографіи и антропологіи при м. университетѣ», томъ XI, «Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко», т. 1, ч. 2, «Въ коканскомъ ханствѣ», Москва, 1875 г., стр. 150.

[3]) Тамъ же, стр. 70 и 71.

зомъ [1]): «Кара-киргизы—средняго [2]) роста; лобъ низкій, широкій [3]), немного выпуклый (bombé);...скулы (pommettes)—очень выдающіяся и лицо очень угловатое;... нижняя челюсть—иногда выдающаяся; уши большія и оттопыренныя;... борода рѣдкая и жесткая;... кожа безъ волосъ (glabre), очень смуглая даже на закрытыхъ частяхъ тѣла... Я думаю, что кара-киргизы и киргизъ-казаки составляли нѣкогда одинъ народъ; ихъ нравы, обычаи, даже суевѣрія и теперь еще одинаковы. Что касается типа, то, натурально, казачій разнообразнѣе, чѣмъ кара-киргизскій. Киргизъ-казаки смѣшивались со множествомъ народовъ и на типѣ ихъ это конечно ясно отражается... [4]) Наибольшая разница—въ окраскѣ кожи закрытыхъ частей тѣла: у кара-киргизъ она много темнѣе, чѣмъ у киргизъ-казаковъ».—Сдѣланныя мною къ этой характеристикѣ типа кара-киргизовъ примѣчанія показываютъ, что она является результатомъ субъективныхъ и поверхностныхъ впечатлѣній путешественника, который употребилъ на все свое путешествіе по Ферганѣ и изученіе ея природы и населенія только около двухъ мѣсяцевъ и не обладалъ достаточными этнографическими объ этомъ населеніи свѣдѣніями. Уйфальви не былъ на Алаѣ, гдѣ какъ разъ во время его поѣздки находились кара-киргизы на лѣтовкахъ, стало быть не видалъ настоящихъ кара-киргизовъ ко-

---

[1]) Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan (vol. I). Le Kohistan, le Ferghanah et Kouldja, par. Ch. E. de Ujfalvy de Mesö-Kovesd, Paris, 1878, p.p. 66, 67.

[2]) Между тѣмъ, по среднему выводу самого Уйфальви изъ его измѣреній, ростъ кара-киргизовъ опредѣленъ въ 1705 м.м., т. е высокій: ростъ болѣе 1700 м.м. антропологи считаютъ высокимъ, между 1700 и 1650 м.м.—выше средняго, между 1650 и 1600 м.м.—ниже средняго и менѣе 1600 м.м. малымъ (Харузинъ «Киргизы букеевской орды» вып. 2, ч. 1, стр. 46). Противорѣчіе у Уйфальви въ данномъ случаѣ произошло отъ того, что мнѣніе о среднемъ ростѣ напечаталъ онъ въ 1878 году, на основаніи субъективныхъ впечатлѣній, средніе-же выводы изъ антропологическихъ наблюденій появились лишь въ 1880 году (vol. III, p. 16); притомъ-же и измѣренія произведены были большею частію не имъ лично, а сопровождавшимъ его учителемъ гимназіи Мюллеромъ.

[3]) На основаніи имѣющихся измѣреній, въ томъ числѣ и принадлежащихъ Уйфальви, А. Н. Харузинъ («Киргизы букеевской орды», вып. 2, ч. I, стр. 211) пришелъ напротивъ къ заключенію, что у кара-киргизовъ лобъ относительно много уже, чѣмъ у киргизовъ вообще: у кара-киргизовъ 63,09, у киргизъ-казаковъ по измѣреніямъ Мацѣевскаго 75,90, у средне-ордынцевъ 69,13, у букеевцевъ 66,12.

[4]) Позднѣе (vol. III, 1880, p, 41) Уйфальви напротивъ утверждаетъ, что кара-киргизы «смѣшивались болѣе, чѣмъ киргизы степи», т. е. киргизъ-казаки. «Но, даже у первыхъ—продолжаетъ онъ—это смѣшеніе не было очень сильнымъ. Волосатость лица (la pilosité de la face), выдающійся носъ, наряду съ другими чертами, чисто монгольскими, дѣлаютъ изъ кара-киргиза тюрко-монгола болѣе смѣшаннаго, чѣмъ киргизъ-казакъ Туркестана, который сохранилъ одинъ и тотъ-же типъ со временъ Плано-Карпини». При этомъ Уйфальви замѣчаетъ, что туркестанскихъ киргизъ-казаковъ «не надо смѣшивать съ к.-казаками Сибири и окрестностей Оренбурга».

чевниковъ. Исторія кара-киргизовъ и родовыя ихъ подраздѣленія остались ему неизвѣстными. Между тѣмъ, по словамъ антрополога, который лично, на измѣреніяхъ въ средней ордѣ, увидѣлъ—какая иногда огромная разница оказывается въ антропологическихъ признакахъ между родами киргизъ-казаковъ, смежно живущими и принадлежащими одной и той-же ордѣ и одному и тому-же уѣзду, — «для изслѣдователя, изучающаго физическій типъ той или другой народности», необходимо «собрать возможно полныя свѣдѣнія о каждомъ родѣ въ отдѣльности и прослѣдить, если можно, историческую судьбу его съ самаго его образованія: какъ онъ выдѣлился изъ цѣлаго народа, съ какими родами, своего или чужаго народа, чаще всего приходилъ въ соприкосновеніе, не велъ-ли войнъ, при которыхъ онъ могъ захваченныхъ въ плѣнъ женщинъ обращать въ свои жены.... и. т. под. Всѣ эти свѣдѣнія могутъ, по нашему, оказать изслѣдователю цѣнныя услуги при выясненіи вопроса: какимъ образомъ сложился тотъ или иной типъ изслѣдуемаго имъ народа, на сколько онъ чистъ, самобытенъ, если можно такъ выразиться, какая инородная кровь могла приливаться къ нему, какія, благодаря ей, произошли уклоненія и измѣненія въ немъ и пр.» [1]).

Уйфальви издалъ измѣренія 26 мужчинъ, которыхъ называетъ кара-киргизами, относя затѣмъ къ кара-киргизамъ вообще тѣ средніе выводы, которые получаются изъ измѣреній этихъ 26 лицъ. Но при разсмотрѣніи приложенныхъ къ I тому его сочиненія таблицъ оказывается, что собственно кара-киргизами именуетъ онъ только 12 измѣренныхъ субъектовъ, остальныхъ-же и самъ называетъ киргизъ-кипчаками. Измѣреніе 12 будто-бы кара-киргизовъ произведены въ Маргеланѣ, изъ чего надо заключить, что люди эти принадлежатъ маргеланскому уѣзду, а отсюда слѣдуетъ вывести, что едва-ли они могутъ быть настоящими кара-киргизами, ибо коренные кара-

[1]) А. А. Ивановскій, «Антропологическій очеркъ торгоутовъ тарбагатайской области», Москва, 1893 г., стр. 35 и 36. Замѣчательно, что въ этомъ интересномъ трудѣ, авторъ котораго обладалъ богатымъ матеріаломъ, имъ самимъ добытымъ и обработаннымъ, нѣтъ однако никакихъ антропологическихъ выясненій по вопросамъ о происхожденіи торгоутовъ и составляющихъ ихъ родовъ, а также о взаимныхъ другъ на друга вліяніяхъ, въ антропологическомъ отношеніи, этихъ родовъ другъ на друга и со стороны другихъ калмыцкихъ родовъ, а также тюркскихъ, съ которыми они приходили въ соприкосновенія и метисаціи. Авторъ не разъясняетъ причинъ, но вѣроятно онѣ заключаются между прочимъ въ недостаточности свѣдѣній по вопросамъ о происхожденіи калмыковъ вообще и ихъ родовъ. Не лишены, думаю, въ этомъ отношеніи интереса разъясненія, которыя пытался я сдѣлать по этимъ вопросамъ, на основаніи главнымъ образомъ историческихъ данныхъ, въ не разъ уже упомянутомъ не напечатанномъ трудѣ моемъ по исторіи западнаго Тяньшаня, при изложеніи исторіи борьбы киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ съ калмыками, гдѣ пришлось коснуться происхожденія послѣднихъ.

киргизы лѣвой стороны Сыръ-Дарьи, составляющіе поколѣніе адгене, состоятъ въ ошскомъ уѣздѣ, въ маргеланскомъ-же имѣютъ зимовки лишь отдѣленія ичкиликовъ, представляющихъ собою союзъ изъ постороннихъ въ отношеніи истинныхъ кара-киргизовъ примѣсей. Въ частности эти 12 лицъ, показавшихъ мѣстами своего рожденія кишлаки маргеланскаго уѣзда (въ число именъ которыхъ попало Ourochtché—очевидно русское слово урочище), назвали своими родами: одинъ—тюелясъ (tuelas), другой—тактакъ, третій—ургу, четвертый—канглы, трое—найманъ, роды-же остальныхъ пяти не указаны. Имена названныхъ родовъ (тактакъ и тюелясъ впрочемъ мнѣ нигдѣ не встрѣчались) подтверждаютъ, что, если измѣренные 12 лицъ имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ кара-киргизамъ, принадлежатъ они во всякомъ случаѣ къ постороннимъ примѣсямъ, входящимъ, вѣроятно, въ составъ ичкиликовъ и не могущихъ служить для опредѣленія антропологическихъ признаковъ настоящихъ кара-киргизовъ. Что касается до 14 киргизъ-кипчаковъ, то, по словамъ Уйфальви (въ примѣчаніяхъ на таблицахъ), «киргизъ-кипчаки составляютъ одинъ изъ родовъ кара-киргизовъ и обитаютъ больше въ андиджанскомъ уѣздѣ. Это кочевое и воинственное населеніе, на которое даже теперь смотрятъ, какъ на самое безпокойное въ новой русской ферганской области. Не надо смѣшивать ихъ съ кипчаками (узбеками), отъ которыхъ они по типу отличны». На самомъ дѣлѣ кочевыхъ кипчаковъ въ Ферганѣ уже въ 1877 году было очень немного и входили они, какъ выше выяснено, въ составъ ичкиликовъ, остальные-же, именно кипчаки андиджанскаго уѣзда, вели уже жизнь полуосѣдлую, нынѣ-же они въ большинствѣ обратились къ осѣдлой жизни. Во всякомъ случаѣ кипчаки, кочевые-ли, осѣдлые или полукочевые, никоимъ образомъ о коренныхъ кара-киргизахъ понятія дать не могутъ, ибо принадлежатъ къ особому племени, не имѣющему съ кара-киргизами ничего общаго въ антропологическомъ отношеніи кромѣ частицы общей обоимъ тюркской крови.

Чтобы выяснить—насколько вѣрно утвержденіе Уйфальви объ особомъ типѣ кипчаковъ противъ кочевыхъ кипчаковъ или киргизъ-кипчаковъ, какъ онъ ихъ называетъ, я приведу слѣдующія среднія цифры, полученныя изъ принадлежащихъ ему-же самому антропологическихъ измѣреній:

	Ростъ въ мм.	Скуловой діаметръ въ мм.	Головной указатель.
1 тюелясъ, 1 канглы, 1 тактакъ и 1 ургу	1742,50	138,25	84,77
3 наймана.	1700,00	133,33	88,37
5 неизвѣстныхъ родовъ	1702,50	135,00	82,05

	Ростъ въ мм.	Скуловой діаметръ въ мм.	Головной указатель.
Всѣ 12 названныхъ кара-киргизами.	1716,36	136,16	84,56
Всѣ 26 кара-киргизовъ и киргизъ-кипчаковъ	1705,00	135,00	84,47 [1])
Только 14 киргизъ-кипчаковъ . .	1697,14	135,28	86,26
17 кипчаковъ, показанныхъ Уйфальви въ числѣ узбековъ. . . .	1700,00	132,58	87,31

Изъ этихъ цифръ видно, что 14 киргизъ-кипчаковъ и 17 кипчакъ-узбековъ столь близки, что видимо принадлежатъ къ одному поколѣнію или племени, и что найманы также походятъ всего ближе къ нимъ же, какъ и можно было ожидать отъ племени средней же орды. Что касается до 4 тюелясъ и пр. и 5 неизвѣстныхъ родовъ, то они сильно разнятся отъ кипчаковъ и между собою, во всякомъ же случаѣ не могутъ быть почитаемы за достовѣрныхъ кара-киргизовъ.

Итакъ измѣренія Уйфальви не доставили необходимыхъ для антропологическаго изслѣдованія кара-киргизовъ данныхъ. Несравненно цѣннѣе и удовлетворительнѣе матеріалъ, доставленный измѣреніями 40 кара-киргизъ мужчинъ и 10 женщинъ, произведенными въ 1883 году Н. Л. Зеландомъ [2]). Къ сожалѣнію и этотъ матеріалъ не отвѣчаетъ нѣкоторымъ важнымъ условіямъ. Во первыхъ, изслѣдованія произведены на самой границѣ кара-киргизовъ съ киргизъ-казаками большой орды, гдѣ должна быть наиболѣе чувствительна постоянная примѣсь киргизъ-казачьей крови путемъ браковъ. Во вторыхъ, въ точности неизвѣстно—къ какимъ родамъ и костямъ принадлежатъ измѣрявшіеся субъекты. По надписямъ на таблицахъ, 30 лицъ измѣрено въ ущельи Иссыгаты и 10 въ г. Пишпекѣ, въ самой же статьѣ д-ра Зеланда пояснено, что «субъекты, измѣренные въ Иссыгатахъ, всѣ относились къ одной волости, въ Пишпекѣ—къ разнымъ» [3]). Надо полагать, что измѣрявшіеся въ Иссыгатахъ принадлежатъ къ тынаевской волости, стало быть къ поколѣнію сарыбагышъ и отдѣленію тынай, но близка къ той же мѣстности одна изъ султинскихъ волостей, а затѣмъ кости все же остаются совершенно неизвѣстными. Между тѣмъ, въ виду выясненнаго выше состава кара-киргизовъ, для правильнаго антропологическаго изученія кара-киргизовъ необходимо изслѣ-

[1]) Согласно поправкѣ А. Н. Харузина (см. «Киргизы букеевской орды», вып. 2, часть I, стр. 161).

[2]) Таблицы измѣреній приложены къ статьѣ «Киргизы» въ «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла и. р. геор. общества», книжка 7, вып. 2, Омскъ, 1885 года.

[3]) «Киргизы», стр. 33.

довать не только каждое главное родовое подраздѣленіе этого народа, но и главнѣйшія кости, потому что только въ такомъ случаѣ выяснятся и антропологическія составныя части и ихъ взаимодѣйствіе. Такимъ образомъ на доставленный г. Зеландомъ матеріалъ приходится смотрѣть лишь какъ на начало антропологическихъ изслѣдованій, дающее основы только для слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ заключеній, имѣя притомъ въ виду, что отличія каракиргизовъ отъ киргизъ-казаковъ большой орды у большей части изслѣдованныхъ людей могли быть въ значительной степени сглажены и измѣнены вслѣдствіе метисаціи посредствомъ браковъ, особенно частыхъ между двумя народностями на границѣ ихъ земель.

Еще менѣе удовлетворителенъ матеріалъ для антропологическаго изученія киргизъ-казаковъ большой орды. Докторомъ же Зеландомъ, въ 1884 году, въ г. Вѣрномъ, произведены «измѣренія 10 мужчинъ и 10 женщинъ киргизъ-казацкихъ, принадлежащихъ къ различнымъ волостямъ обширнаго вѣрненскаго уѣзда»: стало быть неизвѣстно ни поколѣній, ни родовъ и отдѣленій, тогда какъ родовыя подраздѣленія въ большой ордѣ разнаго происхожденія, а это не можетъ не отражаться на ихъ антропологическихъ признакахъ. Затѣмъ, лѣтомъ 1882 года, военные врачи Мацѣевскій и Поярковъ, въ числѣ 11 народностей и племенъ кульджинскаго раіона, выполнили антропологическія измѣренія 30 киргизъ-казаковъ [1]. Къ сожалѣнію, наблюдатели не

[1]) Таблицы антропологическихъ измѣреній, произведенныхъ г.г. Мацѣевскимъ и Поярковымъ, по порученію тогдашняго степнаго генералъ-губернатора Г. А. Колпаковскаго, напечатаны въ Омскѣ, въ 1883 году, имѣя въ качествѣ предисловія «Краткія этнографическія замѣтки о туземцахъ бывшаго кульджинскаго раіона», составленныя тѣми же лицами. Излагая неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ производились антропологическія работы (Кульджа уже была передана китайцамъ и принявшее русское подданство населеніе усиленно и поспѣшно выселялось, отошедшее же къ китайцамъ было для изслѣдователей недоступно), авторы говорятъ: «Самый большой контингентъ для измѣреній доставляла намъ наша городская полиція, присылая всѣхъ тѣхъ, которые попадались въ нее за безпорядки».—Необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя самыя крупныя ошибки въ «Краткихъ этнографическихъ замѣткахъ» г.г. М. и П., которыя уже вводили въ заблужденія нѣкоторыхъ антропологовъ: Калмыки, названные турфанскими, никакого отношенія къ г. Турфану не имѣютъ; настоящее названіе ихъ есть дурбанъ (отсюда въ «Краткихъ замѣткахъ» ошибочно турфан'скіе) или дурбунъ-сумунъ, т. е. четыре сумуна или роты, эскадрона; обитаютъ они на ур. Тогузъ-торау, близъ сліянія Текеса съ Кунгесомъ, и представляютъ собою остатки ӧлӧтовъ-цзунгаровъ. Арбунъ-сумуновцы названы (стр. 48) «калмыки (рабочій классъ)» вѣроятно единственно потому, что встрѣчаются чаще другихъ калмыковъ наемными работниками въ таранчинскихъ селеніяхъ, къ которымъ живутъ ближе всѣхъ другихъ калмыковъ. Торгоуты наименованы «бѣлая кость—дворяне» (стр. 47) безъ правильнаго основанія, ибо, какъ у многихъ другихъ калмыцкихъ и монгольскихъ родовъ, бѣлую кость у нихъ составляютъ лишь наслѣдственные старшины или князья. «Калмыки (чахары)» отнюдь не калмыки, не западные монголы, а монголы, и притомъ настоящіе восточные монголы, переселенные изъ южной Монголіи на «Новую границу» во второй половинѣ XVIII столѣтія.

дали никакихъ свѣдѣній ни о родахъ, ни о волостяхъ. Между тѣмъ въ кульджинскомъ раіонѣ въ то время находились киргизъ-казаки средней орды родовъ кызай и байджигитъ, принадлежащіе племени найманъ, и большой орды поколѣній адбанъ и суванъ [1]). За неуказаніемъ родовъ, останется неизвѣстнымъ—какой ордѣ и какому роду принадлежитъ каждый измѣренный субъектъ. Такъ какъ кызаи кочевали къ Кульджѣ, гдѣ производились измѣренія, ближе другихъ родовъ, то надо полагать, что большая часть изъ 30 лицъ суть кызаи, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что кызаи, по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, вообще отличаются сравнительно съ другими родами меньшимъ ростомъ, измѣренія же г.г. Мацѣевскаго и Пояркова дали въ общемъ выводѣ ростъ ниже средняго. Вслѣдствіе неозначенія родовъ и орды, измѣренія гг. Мацѣевскаго и Пояркова не могутъ правильно служить для антропологическаго изученія ни большой орды, ни средней, и остаются для большой орды только измѣренія д-ра Зеланда, но и онѣ не даютъ необходимаго матеріала, во первыхъ, по слишкомъ малому числу измѣренныхъ, во вторыхъ, по неизвѣстности родовъ, и въ третьихъ, по невыполненію многихъ существенныхъ измѣреній.

4) Трудъ А. Н. Харузина и его мнѣнія.

Сравнительное антропологическое изученіе киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ начато въ обширномъ трудѣ А. Н. Харузина «Киргизы букеевской орды, антрополого-этнологическій очеркъ». Первый выпускъ этого замѣчательнаго, начинающаго истинно научное изслѣдованіе физическаго типа киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ, труда вышелъ въ 1889 году (т. 63 «Извѣстій и. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при и. московскомъ университетѣ») и содержитъ въ себѣ довольно обширный трактатъ «о распаденіи стариннаго быта киргизовъ, замѣчаемомъ въ букеевской ордѣ» (стр. 25—156), въ которомъ авторъ доказываетъ, что «киргизское племя идетъ въ своемъ національномъ быту къ упадку и букеевская

[1]) Относительно сувановъ д-ръ А. Регель сдѣлалъ замѣчаніе, что въ нихъ есть значительная примѣсь сартовской крови (Petermann's Mittheilungen, 25 B., 1879, s. 412) И я, по своимъ наблюденіямъ, могу это подтвердить, но съ оговоркой, что число такъ называемыхъ чала-казаковъ (помѣсь киргиза съ сартомъ), которые именно и вызываютъ своими не-киргизскими лицами отзывы о примѣси сартовской крови, не превышаетъ немногихъ десятковъ кибитокъ или семействъ. Какъ люди торговые и служащіе приказчиками, джигитами, старшинами, говорящіе притомъ иногда и по-русски, чала-казаки эти всего чаще имѣютъ дѣло съ русскими, особенно съ должностными лицами. Не мудрено, что именно къ нимъ принадлежатъ тѣ субъекты, которые въ таблицѣ Е г.г. М. и П. наименѣе брахицефаличны.

орда идетъ въ этомъ упадкѣ впереди; для подтвержденія своего тезиса авторъ разсматриваетъ родовое, сословное, семейное «устройство» киргизовъ, ихъ религіозныя представленія, образъ жизни, судоустройство и судопроизводство, празднества, игры, пѣсни, могилы, тамги и пр. Затѣмъ собственно антропологіи киргизовъ предпосланы свѣдѣнія и соображенія о «школьномъ образованіи, движеніи народонаселенія, объ экономическомъ положеніи, о характерѣ киргизовъ, о физическихъ свойствахъ, о болѣзняхъ, о питаніи» (стр. 157—260). Антропологіи посвящена вторая половина этого выпуска, въ которой авторъ трактуетъ о типѣ киргизовъ (стр. 261—290), о волосахъ, бородѣ, глазахъ, кожѣ, носѣ, губахъ и зубахъ (291—302) и приступаетъ къ разсмотрѣнію измѣреній, начавъ съ роста и перейдя къ туловищу и конечностямъ (стр. 303—406) и затѣмъ къ измѣреніямъ головы (407 — 538). Вышедшая въ 1891 году I часть 2-го выпуска занята (стр. 40 — 824) сравнительнымъ изложеніемъ измѣреній роста и головы, сдѣлавшихся автору извѣстными послѣ выхода выпуска I и относящихся къ киргизамъ же, а также сравненіями съ результатами антропологическихъ измѣреній различныхъ тюркскихъ, монгольскихъ и другихъ племенъ и народовъ. Вторая часть втораго выпуска, въ данномъ случаѣ наиболѣе для насъ нужная, въ которой авторъ долженъ былъ изложить результаты разсмотрѣнія помѣщенныхъ въ двухъ первыхъ огромныхъ томахъ цифръ, «объяснительный къ этимъ цифрамъ текстъ и заключительныя главы, изъ которыхъ каждая посвящена» отдѣльной народности, еще не появлялась, къ большому сожалѣнію, особенно если авторъ такъ и не довершитъ начатаго имъ труда [1]).

Въ первомъ выпускѣ, приведя описанія типа киргизъ-казаковъ, принадлежащія путешественникамъ и писателямъ и оказывающіяся весьма разнообразными и противорѣчивыми, А. Н. Харузинъ присоединяется къ мнѣнію В. В. Радлова, Мендали Пираліева и другихъ, что киргизская народность образовалась изъ соединенія разныхъ народовъ и племенъ. Слитіе разнородныхъ элементовъ въ одну народность объясняетъ онъ вліяніемъ ихъ общаго мѣста обитанія— степи, объединяющей своихъ обитателей, а не раздѣляющей, какъ горы, а также, «частью», «вліяніемъ героевъ, подобныхъ Атиллѣ или Чингизъ-хану». Это сліяніе произошло не сразу, послѣ продолжительныхъ между разными элементами междоусобій, продолжавшихся до тѣхъ поръ, «пока не протекла въ жилахъ всѣхъ капля общей крови, связавшей всѣхъ родственными

---

[1]) Къ I выпуску приложенъ «Біографическій указатель сочиненій и статей, касающихся какъ самихъ киргизовъ, такъ и странъ, ими занимаемыхъ». Указатель этотъ, являющійся наиболѣе полнымъ изъ доселѣ напечатанныхъ, перепечатанъ во 2 выпускѣ съ значительными дополненіями.

кровными узами»[1]). По мнѣнію г. Харузина, «строго опредѣленнаго типа киргиза нѣтъ... Средній преобладающій типъ... существуетъ: ростъ средній, сложеніе плотное, грудь хорошо развитая, тѣло склонное къ ожирѣнію, ноги короткія, кривыя, довольно рѣдкая борода, глаза нерѣдко съ болѣе или менѣе выраженною складкою верхней вѣки, довольно значительная скуластость, большія, нерѣдко оттопыренныя уши»...[2]). Происхожденіе средняго типа объясняется такъ: «Разъ, положимъ, смѣшиваются двѣ расы, то потомство ихъ въ силу закона наслѣдственности, будетъ носить на себѣ соединенные признаки и той и другой расы, и, слѣдовательно, составитъ средній типъ..., но... будутъ появляться (и) субъекты съ преобладающими чертами той или другой стороны... Чѣмъ смѣсь... болѣе стара, тѣмъ болѣе будетъ преобладать средній типъ, т. е. продуктъ смѣси элементовъ»[3]). «Разновидность, которую мы встрѣчаемъ въ типѣ киргизовъ, заставляетъ насъ предполагать, что составные элементы этого племени соединились и слились въ недавнее время, или, что болѣе вѣроятно, что смѣсь была уже давно, что породило нѣкій средній типъ, но повторялась приливомъ новыхъ элементовъ въ киргизское племя». Въ качествѣ такихъ новыхъ элементовъ г. Харузинъ указываетъ на рабовъ и военноплѣнныхъ, и на башкировъ и калмыковъ, приливъ которыхъ относится къ XVIII вѣку[4]). «Кромѣ средняго типа встрѣчаются типы, клонящіеся то къ кавказской, то къ монгольской расѣ»...[5]). Въ I же выпускѣ. въ заключеніяхъ по разсмотрѣнію антропологическихъ измѣреній, г. Харузинъ находитъ, что вышеизложенное подтверждается изученіемъ измѣреній, и дѣлаетъ слѣдующія дополненія и поясненія: 1) «Среди киргизовъ замѣтно три господствующихъ типа, изъ которыхъ одинъ преобладаетъ»... Это основывается на томъ, что изслѣдователь усматриваетъ «въ большинствѣ измѣреній головы три преобладающихъ центра въ рядахъ колебаній». 2) «Форма головы сильно брахицефалическая»... 3) «Лицо довольно скуластое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи, широкимъ носомъ[6]), довольно рѣдкою, поздно вырастающею, черною бородою»...[7]).

Относительно кара-киргизовъ авторъ говоритъ: «Нѣтъ никакихъ основаній считать кара-киргизовъ за особую отъ киргизовъ антропологическую

---

[1]) Выпускъ 1, стр. 277 и 278.
[2]) Тамъ же, стр. 279, 281, 282.
[3]) Вып. I, стр. 282.
[4]) Тамъ же, стр. 286.
[5]) Ibid., стр. 283.
[6]) «Съ горбомъ» (стр. 302): такую форму носа авторъ объясняетъ результатомъ и смѣшенія... элементовъ монгольской и кавказской расы» (стр. 301).
[7]) Вып. I, стр. 537.

группу; напротивъ, все говорятъ за то, чтобы кара-киргизовъ считать съ киргизами за одну антропологическую народность; многія колебанія въ цифрахъ, полученныхъ на кара-киргизахъ, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что изслѣдовались исключительно одни взрослые кара-киргизы, и быть можетъ, отчасти — болѣе стойкимъ типомъ ихъ въ сравненіи съ типомъ киргизовъ, обусловливаемымъ жизнію въ горахъ, т. е. въ замкнутой средѣ»[1]).

Я не могу входить здѣсь въ подробный разборъ приведенныхъ мнѣній А. Н. Харузина и ограничусь возможно краткими замѣчаніями. Всѣ писатели, высказывавшіеся по вопросу о происхожденіи киргизъ-казаковъ, мнѣнія которыхъ приведены г. Харузинымъ, признаютъ, что киргизъ-казаки во всякомъ случаѣ есть соединеніе родовъ и племенъ, происшедшихъ отъ смѣшеній различныхъ народностей и племенъ съ племенемъ тюркскимъ. Въ такомъ случаѣ очевидно, что общею связью между составными частями или родами, изъ которыхъ составились и состоятъ киргизъ-казаки, въ антропологическомъ отношеніи является тюркская кровь: общій всѣмъ безъ исключенія родамъ, поколѣніямъ и пр. киргизъ-казаковъ тюркскій элементъ именно и есть та «капля общей крови, связавшей всѣхъ родственными кровными узами», образованіе которой г. Харузинъ предполагаетъ какъ результатъ многовѣковыхъ совмѣстной жизни, столкновеній и смѣшеній разныхъ народовъ и племенъ, обитавшихъ въ киргизской степи. Не отвергая возможности образованія общихъ антропологическихъ элементовъ (существованіе которыхъ однако необходимо выяснить и доказать, чего у г. Харузина еще далеко не сдѣлано) вслѣдствіе постоянныхъ и многовѣковыхъ смѣшеній, нельзя, однакоже, кажется мнѣ, не видѣть, что эти элементы лишь добавились со временемъ къ составляющему главную общую связь между разнородными частями киргизъ-казачьей народности тюркскому антропологическому элементу. Вслѣдствіе этого, тотъ преобладающій типъ, который, по г. Харузину, обнаруживаютъ антропологическія измѣренія и наблюденія, естественно предполагать тюркскимъ типомъ[2]). За-

---

[1]) Вып. I, стр. 405, 406 и 537.

[2]) По словамъ Топинара («Антропологія», переводъ Мечникова, Спб., 1879 года, стр. 457), «первоначальный тюркскій типъ долженъ былъ существовать, но... въ настоящее время его невозможно опредѣлить». Подобное мнѣніе, если и могло быть допустимо, то развѣ при томъ состояніи науки, въ какомъ она находилась почти четверть вѣка назадъ, но отнюдь не для будущаго. Антропологія столь же невозможно отказаться отъ выясненія первоначальнаго или основного тюркскаго типа, въ силу несуществованія въ настоящее время тюркской крови въ несмѣшанномъ видѣ, какъ и отъ опредѣленія типовъ остальныхъ племенъ и расъ, ибо чистыхъ и несмѣшанныхъ болѣе или менѣе расъ и племенъ совсѣмъ не существуетъ. Задача въ отношеніи тюркскаго типа можетъ казаться болѣе трудною, потому что тюрки распространились на огромныя пространства и смѣшивались

тѣмъ изъ остальныхъ двухъ преобладающихъ типовъ (на самомъ дѣлѣ, измѣренія напр. роста обнаруживаютъ четыре или даже пять центровъ колебаній) для букеевской орды, къ которой главнымъ образомъ относятся цифры I выпуска труда г. Харузина, одинъ можетъ почитаться западно-динлинскимъ, а другой финно-угорскимъ, да должны быть, по историческимъ, этнографическимъ и лингвистическимъ даннымъ и соображеніямъ, слѣды самоѣдскаго типа. Все это можетъ быть выяснено сравненіемъ букеевскихъ измѣреній съ измѣреніями соотвѣтствующихъ племенъ, но особенно это было бы ясно, если бы измѣренія букеевскихъ киргизъ были сдѣланы по родамъ и если бы происхожденіе родовъ было по возможности опредѣлено на основаніи ихъ именъ, тамгъ, историческихъ извѣстій и пр., подобно тому, какъ сдѣланъ въ настоящей статьѣ опытъ такого опредѣленія для родовъ и костей большой орды и кара-киргизовъ.

Что касается большой орды и кара-киргизовъ, то г. Харузинъ не обладалъ и при изданіи 1 части 2 выпуска его труда достаточными матеріалами и впалъ въ ошибки, почитая измѣренія г.г. Мацѣевскаго и Пояркова относящимися къ большой ордѣ, тогда какъ онѣ произведены вѣроятно надъ субъектами главнымъ образомъ средней орды, и считая 26 измѣреній Уйфальви произведенными надъ кара-киргизами, между тѣмъ какъ онѣ выполнены на самомъ дѣлѣ преимущественно надъ особями, принадлежащими постороннему племени кипчаковъ и пр.

По вопросу о томъ—составляютъ или нѣтъ кара-киргизы особую отъ киргизъ-казаковъ антропологическую группу, необходимо имѣть въ виду, что, какъ тюрки, кара-киргизы принадлежатъ къ антропологической группѣ тюркскихъ племенъ и изъ племенъ и народовъ тюркскихъ стоятъ всего ближе къ киргизъ-казакамъ. Общій тюркскій корень не мѣшаетъ однако тюркскимъ племенамъ и народамъ имѣть весьма глубокія и важныя другъ отъ друга особенности, между прочимъ и антропологическія, вслѣдствіе происхожденія отъ различныхъ съ тюркской кровью помѣсей съ разными племенами и народами. И по нѣкоторому сходству помѣсей, кара-киргизы составляютъ съ киргизъ-казаками особую подгруппу въ общей антропологической группѣ тюркскихъ народовъ. Но и эта подгруппа, по различію и значенію примѣсей, должна быть раз-

---

со множествомъ племенъ и расъ, но она конечно можетъ быть и должна быть рѣшена. Антропологическое изученіе киргизъ-казаковъ и кара-киргизовъ особенно необходимо для выполненія этой задачи, потому что, по своему географическому положенію, эти два народа избѣжали тѣхъ позднѣйшихъ и особенно разнообразныхъ примѣсей, какія прибавились къ первоначальнымъ у западныхъ тюркскихъ племенъ въ восточной Европѣ, Персіи и Малой Азіи.

дѣлена на антропологическіе отдѣлы. Кара-киргизы составляютъ одинъ изъ этихъ отдѣловъ, долженствующій значительно отъ другихъ отличаться не только по происхожденію отъ особенно сильнаго смѣшенія тюрковъ съ енисейскими динлинами, создавшаго народъ, поражавшій тюрковъ и китайцевъ внѣшними особенностями, но и по малому количеству другихъ примѣсей и по обособленной, длящейся уже болѣе двухъ тысячелѣтій, жизни въ горной странѣ. Эта столь продолжительная обособленность должна была дать особыя условія для взаимодѣйствія и антропологическихъ элементовъ, однимъ изъ результатовъ котораго оказалось, напр., исчезновеніе первоначальной свѣтлой окраски волосъ и глазъ. Изъ киргизъ-казаковъ къ кара-киргизамъ близки больше-ордынцы по значительной примѣси у нихъ вошедшихъ въ составъ родовъ большой орды кара-киргизскихъ родовыхъ подраздѣленій и по родственности дулатовъ кара-киргизамъ вслѣдствіе вѣроятнаго происхожденія дулатовъ отъ близкаго енисейскимъ динлинамъ племени, но роды, происходящіе отъ канглвовъ, сближаютъ большую орду, съ другой стороны, и съ киргизъ-казаками средней и малой орды, въ составѣ которыхъ родственные канглам кипчаки занимаютъ видное положеніе. Все это показываетъ существованіе у кара-киргизовъ важныхъ антропологическихъ особенностей и вызываетъ необходимость особаго ихъ антропологическаго изученія.

Отрицаніе г. Харузинымъ антропологической обособленности кара-киргизовъ было, мнѣ кажется, послѣдствіемъ первоначально недостаточной оцѣнки имъ значенія родовъ киргизъ-казаковъ и ихъ происхожденія. Производя свои антропологическія измѣренія въ 1887 и 1888 г.г., онъ, повидимому, не выяснялъ—какому каждый изслѣдуемый субъектъ принадлежитъ родовому подраздѣленію [1]). Важное значеніе родовъ, какъ указателей составныхъ частей изслѣдуемой народности, онъ, кажется, началъ оцѣнять уже при обработкѣ собранныхъ антропологическихъ данныхъ, когда обнаружилось большое разнообразіе представляемыхъ измѣреніями показаній и необходимо было выяснить его причины. Вслѣдствіе этого уже во введеніи къ 1 выпуску оказались слѣдующія строки: «Я не считаю возможнымъ примѣнять свои антропологическіе результаты абсолютно ко всему киргизскому племени...; я глубоко убѣжденъ, что все киргизское племя представляетъ въ самомъ себѣ большія колебанія по ордамъ и по мѣстностямъ, быть можетъ, даже и

[1]) Измѣрено имъ въ 1887 г. 111 субъектовъ «въ Ханской Ставкѣ, гдѣ и стекаются киргизы разныхъ частей и, слѣдовательно, разныхъ родовъ», и въ 1888 г. 50 субъектовъ. Во 2 выпускѣ, не упуская случая пользоваться измѣреніями А. А. Ивановскаго по родамъ средней орды, г. Харузинъ нигдѣ не приводитъ данныхъ по родамъ букеевской орды—конечно потому, что данныхъ по родамъ не имѣетъ.

по родамъ» [1]). Антропологическій матеріалъ, которымъ пользовался г. Харузинъ при составленіи 1 выпуска ограничивался его собственными 161 измѣреніями въ букеевской ордѣ и 113 измѣреніями Уйфальви и Зеланда [2]), которые также не давали почти никакихъ данныхъ по родамъ. Для 2 выпуска А. Н. Харузинъ уже обладалъ болѣе обширнымъ матеріаломъ (измѣренія Мацѣевскаго и Пояркова, Ивановскаго, Ядринцева и пр.), притомъ частію собраннымъ по родамъ (126 измѣреній А. А. Ивановскаго по 4 родамъ средней орды), и въ большей степени пользовался сравненіями съ другими азіатскими народами, въ особенности измѣреніями калмыковъ-торгоутовъ г. Ивановскаго. Тогда у изслѣдователя явилась и мысль обработать выводы изъ цифръ «по народностямъ», о чемъ въ началѣ труда не поминалось. Надо полагать, что во второй части 2 выпуска г. Харузинъ выяснилъ бы между прочимъ значительныя отличія кара-киргизовъ и призналъ бы ихъ антропологическую обособленность [3]).

5) Опредѣляющіяся антропологическими измѣреніями выдающіяся особенности типа кара-киргизовъ.

Окончаніе труда г. Харузина еще не издано, а потому приходится ограничиться краткими указаніями на обнаруженныя имѣющимися измѣреніями значительнѣйшія отличія кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ, обходясь по необходимости скуднымъ матеріаломъ о кара-киргизахъ и не имѣя совсѣмъ измѣреній большой орды, такъ какъ 10-ти измѣреній г. Зеланда слишкомъ мало, да онѣ и не полны. Тѣмъ не менѣе и этотъ недостаточный матеріалъ доставляетъ цѣнныя указанія:

Ростъ принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ антропологическихъ показателей. Между тѣмъ средними цифрами роста оказываются для кара-киргизовъ (40 измѣреній г. Зеланда) 1653 м.м., для киргизъ-казаковъ, измѣренныхъ г.г. Мацѣевскимъ и Поярковымъ (средней и большой орды), 1641,60, для средней орды по 126 измѣреніямъ г. Ивановскаго 1646,61 (а по родамъ: мурунъ поколѣнія аргынъ 1610,56, найманъ 1626,17, байджигитъ 1642,77 и кирей 1684,70), для букеевской орды (г. Харузина) 1629 м.м. [4]).

---

[1]) Вып. I, стр. 11.

[2]) Тамъ-же, стр. 12.

[3]) Уже и въ 1 выпускѣ онъ заявлялъ, что значительная разница въ нѣкоторыхъ измѣреніяхъ заставляетъ «относиться къ вопросу объ единствѣ кара-киргизовъ съ киргизъ-казаками съ осторожностью» (стр. 289).

[4]) Харузинъ, вып. 2, часть I, стр. 42, 43 и 46.

Изъ этихъ цифръ видно, что кара-киргизы имѣютъ ростъ выше средняго, тогда какъ киргизъ-казаки, за исключеніемъ поколѣнія кирей, оказываются съ ростомъ ниже средняго. Отчего у киргизъ-казаковъ ростъ ниже средняго, указываютъ слѣдующія среднія цифры роста: угро-остяковъ 1560 м.м. [1]). вогуловъ 1542, пермяковъ 1616, самоѣдовъ архангельской губерніи 1580 мм. [2]), Ростъ калмыковъ изъ 296 измѣреній опредѣлился въ 1629 м.м. [3]). Напротивъ у черневыхъ татаръ, которые суть отуреченные потомки динлиновъ, ростъ равняется 1653 м.м. [4]).

Головной указатель (отношеніе поперечнаго наибольшаго теменнаго діаметра къ передне-заднему наибольшему) у кара-киргизовъ, по измѣреніямъ Зеланда, опредѣлился въ 87,28, т. е. кара-киргизы принадлежатъ къ брахицефаламъ (болѣе 83,33), какъ киргизъ-казаки средней орды (89,39) и букеевской (86,28), и калмаки (84,41), тогда какъ киргизъ-казаки Мацѣевскаго и Пояркова (83,26) суббрахицефалы, а черневые татары (79,49) мезатицефалы или среднеголовые [5]).

Отношеніе наименьшаго лобнаго діаметра къ наибольшему поперечному у кара-киргизовъ Зеланда 63,09, у киргизъ-казаковъ Мацѣевскаго и Пояркова 75,90, средней орды 69,13, букеевской—66,12, слѣдовательно у кара-киргизовъ лобъ относительно много уже, чѣмъ у киргизъ-казаковъ [6]); у калмаковъ 74,22 [7]).

Скуловой діаметръ (по Харузину—разстояніе средины скуловыхъ костей, по Ивановскому же разстояніе между наиболѣе выдающимися впередъ и въ стороны точками щекъ) у 40 кара-киргизовъ Зеланда 146,80 м.м., у киргизъ-казаковъ Мацѣевскаго и Пояркова 126,26, средней орды 122,35 [8]), букеевской 131,10, у черневыхъ татаръ 124,87, самоѣдовъ архангельской губерніи 123,50, вогуловъ 133,53, пермяковъ 139,33, сартовъ Зеравшана 140,00, у калмыковъ 131,94. Наименьшихъ размѣровъ у ингушей (82,00), наибольшихъ у таджиковъ зеравшанскаго округа (143,00). Малыми размѣ-

---

[1]) «О башкирахъ» проф. Соммье въ «Запискахъ уральскаго общества любителей естествознанія», томъ XIII, вып. 1, 1892 года, стр. 33.

[2]) Харузинъ, вып. 2, часть I, стр. 43 и 44.

[3]) Ивановскій «Монголы-торгоуты», 1893 года, стр. 58.

[4]) Харузинъ, тамъ же. Ростъ 10 киргизъ-казаковъ большой орды, измѣренныхъ г. Зеландомъ,—1687 м.м. (Вып. I, стр. 304).

[5]) Харузинъ, вып. 2, ч. I, стр. 162—169, и Ивановскій, стр. 105. Головной указатель 10 киргизъ-казаковъ большой орды Зеланда равенъ 85,10 («Записки зап.-сиб. отдѣла», кн. 7, вып. 2, стр. 44).

[6]) Харузинъ, тамъ же, стр. 216.

[7]) Ивановскій, стр. 127.

[8]) У муруновъ 121,26, найׁмановъ 122,00, байджигитовъ 121,45, киреевъ 123,37.

рами считается скуловой діаметръ въ 120 м.м. и меньше, средними — отъ 121 до 130 и большими болѣе 130 [1]). У кара-киргизовъ скуловой діаметръ оказывается слѣдовательно самыхъ большихъ размѣровъ. Въ этой особенности, составляющей повидимому самое значительное отличіе антропологическаго типа кара-киргизовъ, они сходятся съ остатками древней азіатской длинноголовой расы айнами, ибо черепа айновъ, по измѣреніямъ професс. Анучина, дали разстояніе между скуловыми дугами одинъ (мезатицефалическій — съ указателемъ въ 77,9) 139 м.м. и второй (брахицефалическій—85,3) 133 м.м. [2]).

Конечно величина скулового діаметра отражается на различныхъ его отношеніяхъ къ другимъ измѣреніямъ. Такъ отношеніе скулового діаметра къ длинѣ лица у кара-киргизовъ Зеланда опредѣлилось въ 80,35, у М. и П. 68,71, средней орды 68,59, черневыхъ татаръ 59,78; бо́льшіе размѣры только у башкировъ 84,18 и у пермяковъ 80,71. У калмыковъ 76,08. «Монголамъ совершенно не свойственъ, какъ обыкновенно думаютъ, очень большой относительно лицевой линіи скуловой діаметръ... Если скулы у монголовъ и выступаютъ, они выступаютъ впередъ и не могутъ обусловливать большого скулового діаметра, ширина же ихъ лица обусловливается не скулами, а скуловыми дугами» [3]).

Отношеніе носа къ скуловому діаметру выяснилось у кара-киргизовъ Зеланда въ 32.62, средней орды 38,20, букеевской 42,31 и пр. Самое малое у кара-киргизовъ, самое большое у ингушей (72,00). «У кара-кир-

---

[1]) Харузинъ, вып. 1, стр. 521, 522, вып. 2, ч. I, стр. 404—406.

[2]) «Племя айновъ» въ «Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія при м. унив.», т. XX, стр. 166 и 168. Скуловой діаметръ 6 букеевскихъ череповъ Харузинъ опредѣлилъ въ 111,8 м.м. (вып. 1, стр. 545). Краніологическія изслѣдованія киргизъ-казаковъ весьма скудны и едва ли не ограничиваются статьею Топинара въ Revue d'Anthropologie, 1887, t. XVI, p.p. 445—475, о нѣсколькихъ черепахъ, высланныхъ г. Зеландомъ. Черепа кара-киргизовъ кажется еще не изучались. Бэръ 25 ноября 1859 года сообщалъ въ засѣданіи Академіи наукъ о полученіи отъ генералъ-губернатора Гасфордта 3 череповъ черныхъ киргизовъ съ Иссыкъ-куля и 2 череповъ восточныхъ киргизовъ (Bulletin de l'Academie des sciences de St.-Petersbourg, t. I, 1860, s. 343). Конечно и при изученіи череповъ означеніе рода, которому каждый черепъ принадлежитъ, и кости есть необходимое условіе для возможности правильныхъ и основательныхъ выводовъ. Въ книгѣ седьмой «Извѣстій и. томскаго университета» (Томскъ, 1895 г.) помѣщена работа г. С. Чугунова «Къ вопросу объ антропологическомъ типѣ киргизовъ», гдѣ, между прочимъ, приведены антропологическія измѣренія двухъ труповъ умершихъ въ томской тюрьмѣ ссыльныхъ, названныхъ въ статейныхъ спискахъ «киргизами» ферганской области андиджанскаго уѣзда. Такъ какъ мѣстная администрація всѣхъ кочевниковъ области именуетъ «киргизами», то изъ этого именованія еще не слѣдуетъ, что упомянутые ссыльные были кара-киргизы, а не кочевники киргизъ-казацкаго или узбекскаго происхожденія; всего вѣроятнѣе, что они принадлежали къ кипчакамъ или къ ичкиликамъ.

[3]) Харузинъ, вып. 2, ч I, стр. 707—718, Ивановскій, стр. 185.

гизовъ носъ относительно скулового діаметра очень малъ; это впрочемъ зависитъ менѣе отъ незначительныхъ абсолютныхъ размѣровъ носа, чѣмъ отъ абсолютно-большихъ размѣровъ скулового діаметра» [1]).

Разстояніе между углами нижней челюсти или нижняя ширина лица равняется у кара-киргизовъ Зеланда 109,90, у М. и П. 116,53, у средней орды 118,04, букеевской 116,60, черневыхъ татаръ 110,80, у вотяковъ 106,99, пермяковъ 109,44 [2]), у калмаковъ 112,74» [3]).

Я небуду приводить результатовъ многихъ другихъ измѣреній, обнаруживающихъ менѣе значительныя отличія кара-киргизовъ [4]). Изъ изложеннаго видно, что наиболѣе рѣзкое отличіе кара-киргизовъ отъ киргизъ-казаковъ заключается въ большей величинѣ скулового діаметра, которая, въ соединеніи съ меньшею нижнею шириною лица, и придаетъ физіономіи кара-киргизовъ ту своеобразность, которую правильно замѣтили Валихановъ и В. В. Радловъ, не зная—чѣмъ ее объяснить. Болѣе точное и подробное выясненіе и описаніе типа кара-киргизовъ можетъ быть сдѣлано лишь по производствѣ достаточнаго числа измѣреній по родамъ и костямъ. Выясненіе типа или скорѣе типовъ киргизъ-казаковъ большой орды также можетъ быть достигнуто лишь выполненіемъ измѣреній по родамъ и сравнительнымъ изученіемъ полученныхъ результатовъ съ измѣреніями по родамъ-же остальныхъ киргизъ-казаковъ, кара-киргизовъ, алтайцевъ, самоѣдовъ, финно-угровъ, западныхъ и восточныхъ монголовъ и пр.

---

[1]) Харузинъ, вып. 2, ч. I, стр. 469 и 470.

[2]) Тамъ-же, стр. 619 и 620.

[3]) Ивановскій, стр. 191.

[4]) Указанія на нѣкоторыя такія отличія встрѣчаются въ статьѣ В. Д. Тронова «Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ» («Записки и. р. географическаго общества, по отдѣленію энтографіи“, 1891 года, томъ 17, вып. 2, стр 47—51). Сличая среднія выводы произведенныхъ имъ въ 1888 и 1889 годахъ измѣреній 36 мужчинъ и 10 женщинъ изъ киргизъ-казаковъ зайсанскаго уѣзда семипалатинской области (роды не выяснены, но должны принадлежать средней ордѣ) съ измѣреніями кара-киргизовъ д-ра Зеланда, авторъ замѣчаетъ, что у кара-киргизъ «гораздо больше выражены» кривизны лобно-затылочная и двуушная и абсолютно больше ширина двускуловая; измѣренные имъ казаки болѣе брахицефалы, чѣмъ кара-киргизы; болѣе также развиты у нихъ плечи и объемъ груди. Ростъ измѣренныхъ имъ киргизъ-казаковъ опредѣлился въ 1611 м.м., головной указатель 89,3, разстояніе между плечевыми отростками 39,7 сен. (у кара-киргизовъ 37,6). «Глаза положительно у всѣхъ,—за исключеніемъ тѣхъ, которые представляютъ явно смѣшанный типъ, — имѣютъ косое направленіе: наружный уголъ глазъ стоитъ выше внутренняго относительно горизонтальной линіи. О кара-киргизахъ докторъ Зеландъ говоритъ совершенно обратное: косое направленіе глазъ ни у одного изслѣдованнаго не найдено. Косое направленіе глазъ у киргизъ настолько характерно, что одно уже отсутствіе его указываетъ на явную смѣшанность типа, или-же на совершенно другой типъ».

Обсуждая результаты произведенныхъ имъ антропологическихъ измѣреній, Н. Л. Зеландъ, труды котораго дали единственный пока матеріалъ по антропологіи кара-киргизовъ, сдѣлалъ не лишенную интереса попытку опредѣлить типы, изъ смѣшенія которыхъ образовался кара-киргизскій народъ. Руководствуясь вѣроятно гипотезой Клапрота и Риттера объ арійскомъ происхожденіи усуней и предполагая возможность смѣшенія этихъ послѣднихъ съ предками кара-киргизовъ, онъ выдѣлилъ изъ 40 измѣренныхъ имъ кара-киргизовъ тѣхъ субъектовъ, которые имѣли горбатые или выпуклые носы. Такихъ оказалось 10, т. е. 25%. Средній ростъ этихъ 10 лицъ опредѣлился въ 1689,7, слѣдовательно значительно выше общаго средняго (1653 м.м.); субъектовъ съ сѣро-голубыми глазами нашелъ онъ между ними 20% и съ сѣрыми 10%, итого 30%, тогда какъ у прямоносыхъ свѣтлые глаза (зелено-сѣрые и зеленые) составляютъ только 14,3%, а у вогнутоносыхъ даже лишь 10%; отношеніе скулового діаметра къ росту у горбатоносыхъ равняется 8,6, тогда какъ у остальныхъ 8,8; густую бороду имѣли изъ первыхъ 40%, изъ прямоносыхъ только 7,1%, а у вогнутоносыхъ густыхъ бородъ не замѣчено. Изъ всего этого г. Зеландъ сдѣлалъ выводъ, что къ монгольскому типу у кара-киргизовъ примѣшанъ, въ довольно значительной пропорціи, другой, у котораго ростъ былъ высокій, носъ выпуклый и болѣе тонкій, скулы менѣе выдающіяся, глаза голубые и сѣрые, подбородокъ болѣе выдающійся, борода густая [1]).

По незначительности числа измѣреній и наблюденій, изъ которыхъ сдѣланы выводы г. Зеланда, они не могутъ быть почитаемы сколько-нибудь рѣшительными. Тѣмъ не менѣе выводы эти даютъ интересныя указанія. Считая съ своей стороны гипотезу объ арійствѣ динлиновъ и усуней лишенною основаній, я думаю, что отмѣчаемыя г. Зеландомъ особенности суть остатки типа древней азіатской расы, совершенно особой отъ арійской, хотя, длинноголовой, какъ часть арійцевъ, и обладавшей свѣтлой окраской при обильной волосатости,—расы, потомками которой нынѣ являются айны и къ которой принадлежали предки енисейскихъ киргизовъ и усуней и потомковъ послѣднихъ-кара-киргизовъ.

Н. Аристовъ.

---

[1]) «Киргизы, этнологическій очеркъ» въ «Запискахъ западно-сибирскаго отдѣла и. р. географическаго общества», книжка 7, вып. 2, Омскъ, 1885 года, стр. 50 и 51.

ОТДѢЛЪ II.

Матеріалы по литовской этнографіи [1]).

Сказки, пословицы, загадки записанныя въ Сувалкской губ.

Сказки о Перкунѣ.

1. Viena moteriške ejus keliu. Štai ja ant kialio užpûle didelis lietus su perkunijom. Ta moteriške buvus pasikišus andaroka, ale jai beainant vis plake ir plake žaibai, tep kadjai niat baisu pasidare, ale jije atsimine, kad pasikaišius andaroka ne možna ait, ba gal už atlankos pasikavot vialnes. Kap tik ji paliaido andaroka, tai tua iš atlankos išpûle paršas. Tas paršas pradejo begt. Tûjau sužaibau križium ir Perkunas užtrenke ta parša tep ka(d) tik smala pasiliaido. Kiti prieš trenkima mate, kad in trioba inlekdavo varna, o kiti raina katina, kiti šuni ir tep toliau. Žodžiu šniakant, žmones tvirtina, kad Perkunas trenke vialnia. Del togi čese perkunijos reikia žegnotis ir poteriaut, kad nusivit nog savia vialnia.

1. Одна женщина шла себѣ дорогою. Вотъ напути засталъ ее сильный (большой) дождь съ грозой. Женщина та (шла) подоткнувъ себѣ юбку, а молнія все сверкала и сверкала (соб. ударяла) такъ, что ей даже страшно стало. Но она вспомнила, что нельзя идти, подоткнувъ юбку, потому что за заткнутый конецъ можетъ спрятаться чортъ. Какъ только она опустила юбку, то сейчасъ же оттуда выпалъ поросенокъ и (началъ) пустился бѣжать. Тотчасъ сверкнула молнія крестомъ и Перкунъ поразилъ этого поросенка, такъ что только смола пошла. Иные передъ ударомъ грома видѣли ворона, какъ онъ въ избу влеталъ, иные собаку и т. д. Словомъ сказать; люди утверждаютъ, что Перкунъ поразилъ чорта. Поэтому то и надо во время грозы креститься (соб. благословлять себя) и молиться, чтобы отогнать отъ себя дьявола.

2. Одинъ пахарь (artojis) увидѣлъ за вырваннымъ дерномъ (už pavelena) чорта. Vialnes то выглянетъ, то спрячется. У этого пахаря было ружье (karabinas). Онъ зарядилъ его серебряными пулями и убилъ чорта. Пришелъ Перкунъ и подарилъ пахарю за этотъ подвигъ золотое ружье

[1]) Приложенія къ отчету о поѣздкѣ въ Сувалкскую губ., напечатанномъ въ »Жив. Стар.» 1894 г. Вып 2.

(aukso strielba). «12 лѣтъ», прибавилъ Перкунъ, «не могъ я убить этого чорта, а ты убилъ его».

(Эту сказку разсказчикъ не могъ хорошо вспомнить а потому и не хотѣлъ разсказывать по-литовски, а говорилъ на смѣшанномъ яз. б. ч. по-русски).

Сказка объ айтварѣ.

Kaime Tritimpiu giviano ukinikas. Tas viena karta eidamas namo rado po laukine gruše vištuka. Vištuks buvo jūdas ir sulitas drebejo nog šalčio. Ukinikas paeme po skranda vištuka, parneše namo patubde an kakalio (piačiaus), o paskui paliaido in kaiminia vištu. Nakti kada visi sumigo išgirdo baladojenteskamaro ir ne po ilgam česui spieglinga balsa: «kumai, atnešiau tau bulviu». Žmogus iššoko iš lovos ir nubego in kamara pažiuret, kas tian ir. Atsidare duris, pamate vištuka raudona, kap liepsna lakotanti nog vienos kruvos bulviu ant kitos. Potam vištukas prapūle. Kita nakti vel išgirdo baladojima ir šaukima: «kumai, atnešiau del tavia kviečiu, rugiu ir miežiu.» Mužikas ne kialesi, ba bijojosi. Diena rado kamaro tris dideles kruvas jevu. Kita nakti vel girdi šaukima: «kumai, tau parnešiau pinigu.» Nuvejas ukinikas rado kamaro užversta kampa pinigu. «To ma gi ne reike vialnio namūs. Kodel tos bestijos ne palikau ant kialio». Ta pasakias mužikas paeme šiupelia ir viska in miešlina suverte. Buvo jis Dievo baimingas ir ne žinojo, kap nog aitvaro atsikratit. Žmones matidavo, kap nakti sviesus stulpas in ukiniko triobas nusiliaisdavo ir pradejo šneket, kad jis užlaiko vialnia. Žmogus dideliai rupinosi ir klause rodos, kap iš namu išvarit aitvara «Užmušk ta bestija», tare vienas jaunas viras ir tai pasakias tvere už pagalio ir miate ant vištuko. Nes vištukas šoko jam ant sprando, parsimuše ant žiames ir mindžio taridams: «aš asiu aitvaras, ko tu no mania nori?» Potam dave roda visi,

Одинъ крестьянинъ, идя домой нашелъ подъ дикой грушей чернаго цыпленка. Промокшій подъ дождемъ цыпленокъ дрожалъ отъ холода. Крестьянинъ взялъ его подъ полушубокъ, принесъ домой, посадилъ на печь, чтобъ онъ обогрѣлся, а потомъ пустилъ къ курамъ. Ночью, когда всѣ заснули, крестьянинъ услышалъ шумъ въ кладовой и голосъ: «кумъ, я принесъ тебѣ картофелю». Онъ вскочилъ съ постели и побѣжалъ въ кладовую посмотрѣть, что тамъ такое.

Отворились двери и онъ увидѣлъ цыпленка, краснаго, какъ пламя, перепархивающаго съ одной кучи картофеля на другую. Потомъ цыпленокъ пропалъ. На другую ночь крестьянинъ опять услышалъ изъ кладовой шумъ и зовъ: «кумъ, я принесъ тебѣ пшеницы, ржи и ячменю». Мужикъ не подымается: боится. Днемъ находитъ въ кладовой три большія кучи зерна. На другую ночь опять слышитъ зовъ: «кумъ, я тебѣ принесъ денегъ». Пришелъ крестьянинъ и находитъ полный уголъ денегъ. «Не надо мнѣ чорта въ домѣ. Зачѣмъ я не оставилъ эту бестію на дорогѣ!»

Сказавъ это взялъ мужикъ совокъ и выбросилъ все въ навозъ. Онъ былъ очень богобоязненный человѣкъ и не зналъ какъ бы только ему избавиться отъ айтвара. Люди видѣли, какъ ночью спускался въ избу его свѣтлый столбъ и стали говорить, что онъ держитъ чорта. Мужикъ очень безпокоился и спрашивалъ совѣта, какъ ему выгнать изъ дома айтвара. «Убей эту бестію», сказалъ одинъ молодой парень, съ этими словами схватилъ полѣно и бросилъ его въ цыпленка. Цыпленокъ тотчасъ вскочилъ къ нему на затылокъ, сильно ударилъ объ

kad ukinikas namus padegtu ir i(š)-sikraustitu o aitvara paliktu. Pamislijo, kad tas bus geriause ketino namus pardût, ale su aitvaru nieks ne norejo pirkt. Pardave viska jevus, givulius be ko tik galejo apseit, o pirko sau butinia už milios ir i(š)sikrauste. Kada jau paskutini vežima krauste ir nieko stuboj ne buvo, uždege triobas iš visu kampu. «Sudeg(k) ledoke, o už lauka paskui savo pinigus gausiu». «Ha, ha, ha!» išgirdo jûkentes gale vežimo. Ukiniks atsižiûrejo, o ant drobinos sedi jûdas vištukas, sparnais purto ir gieda: «iš kampo no kampo diagikim stuba nog strampo, iš če važiûsim toliáu, o del mus bus geriau». Mužikas piarsîgando, ne žinojo ka darit; mislijo, kap dûs jam gerai est, tai aitvaras pats pames, ir liepe savo pačei, kad jam dûtu giart pieno vieto vandenio ir kasdien du piragu sulest. Aitvarui buvo gerai ir jis pamest ne mislijo. Viena vakara biarnas sugrižias pamate, kad ant triapu padeta tris piragai del aitvaro, suvalge ir pamislijo: «sau gerai aš padariau, kad ne palikau tam bestijei. Tûjau aitvaras užtupe jam ant sprando o tiek su sparnais dave, kad tam keles dienas šonus gele; o an(t)-ritojaus, kada gaspadorius budino ant darbo, tai tep rado ji sumušta, kad ne galejo pasipidit. Kada no biarno dažinojo ape tai nuejo pas aitvara ir praše, kad nog jo išeitu, ba ne jokis biarnas pas ji ne nori but. «Ha, ha, ha!» nusižviange aitvaras: «kap mania nuneši tian, iš kur paemei, ne pareisiu daugiau pas tavia. «Gaspadorius greitais apsirenge, nuneše aitvara po tai pače gruše, po kuriai rado ir potam tas ne grižo daugiau jau pas ji.

землю и сталъ топтать, говоря: «я айтваръ, чего ты хочешь отъ меня?» Потомъ всѣ посовѣтовали, чтобы крестьянинъ сжегъ свой домъ, самъ перебрался въ новое жилище, а айтвара оставилъ. Хотѣлъ онъ продать домъ да никто не соглашался купить домъ съ айтваромъ. Крестьянинъ тогда продалъ урожай, купилъ себѣ жилище за милю (отъ стараго), а домъ свой зажегъ со всѣхъ угловъ. «Сгори, негодный!» говорилъ онъ, отъѣзжая. «Ха, ха, ха» услышалъ онъ за собою. Оглянулся, а тамъ сидитъ на лѣстницѣ черный цыпленокъ, крыльями хлопаетъ и поетъ «сожжемъ избу, поѣдемъ дальше, тамъ для насъ будетъ еще лучше». Мужикъ испугался, не зналъ, что дѣлать. Думая, что айтваръ самъ его броситъ, если его хорошо покормить, онъ приказалъ своей женѣ, чтобы она давала айтвару каждый день пить молока вмѣсто воды, а ѣсть по два пирога (т. е. вообще по два бѣлыхъ хлѣба). Айтвару было хорошо и онъ даже не собирался уйти. Однажды вечеромъ батракъ, возвращаясь съ работы замѣтилъ, что на лѣстницѣ положены три пирога для айтвара, съѣлъ ихъ, но въ ту же минуту айтваръ сѣлъ къ нему на затылокъ и сильно отколотилъ крыльями. На утро хозяинъ нашелъ его избитымъ до полусмерти. Тогда онъ сталъ просить айтвара уйти отъ него, потому что никакой батракъ не соглашался оставаться у него.

«Ха, ха, ха!» заржалъ айтваръ: «Если ты отнесешь меня на то мѣсто, гдѣ взялъ, я не вернусь больше къ тебѣ. Крестьянинъ быстро собрался, отнесъ айтвара подъ ту грушу, гдѣ нашелъ его, и послѣ этого айтваръ уже не возвращался.

Сказка о семи мудрецахъ.

Búvo kíta sik karàlius bagótas; ir nùmire patí jójos ir líko vàikas màžas ir patí pasáke, kad ne aplíeistu jíji ir kitúr iždûtu visái mokítis, kad ne laikítu namè. Ir iždave kitur mokitis

Былъ одинъ король. У него умерла жена. Отъ нея остался у него сынъ. Умирая она наказывала мужу не оставлять мальчика безъ образованія, а отдать его для этого на чужую сторону.

pa(s) septiáius brólius. Brólei ji mokít turèjo, kas an dangáus rodosi, kas an sáules, kas an žvàigždiu. Kaip jis mokínosi penktús metús ir šeštús, a pati (вторая уже жена короля, мачиха королевича) praše, kad ji parviaštu namó. teip jis išèina an óro vakaría, i(r) ródosi an dangáus an žvaigždiu, kad pakártas bus po tríju dienú, kai parvažiùs namó. Vino mediális an dangáus rodosi ir an viršúnes apsisukas kirmèliái. Tai, jis sako savo dirèk torium, kad aš kap parvažiúsiu namó, tai po triju dienú pakartas búsiu. Dirèktoriai visi nusigásti ir ižbègo lauk žiurèt an dangáus ir mato, ka(d) tai teisìbe. Tai ateina ji i stáncia ir dàro roda: ka darisim ka(d) tai bus pakartas mus(u) učnius., Ir padáro roda kad reik pàsnikaut per septínias dienás. Ir paskúi po septiniu dienú tai ji padáre niemčium. Atvažiúje karálius savo studianta parsiviašt namó, ránda váika niemčium. Dideliái karálius nusigásta, kad jo sunús niemčius. Ir parsiveže savo súnu niemčiu ir karaliéne kap ji památe, tai labai pasidabójo jo, atráše gromatele jam, kad an necnátos grièku. A jis atráše atgál, kad niéko ne žinúu. Teip karaliéne ima draskit an saviás drápanas i(r) rekt, kad kókc tu Judošiu párveži, kad jis manià nór išgultavot. Tai ciécorius apsudije savo súnu, kad pakart ji ir viáda ji pakart. Atbéga diréktorius jauniausias. «Miloščivas karáliu(?), ne kark, paláuk, ka pasakisiu aš tau. Miloščivas karaliu, ne vérik niéko, ne teisíbe tas irá da ne pábaiktas mus mokit ir emc pasakas, dideliás istorijas. Karalius žiurèjo in ji ir veilús čiésas pasídáre ir liko ne pakartu súnu to dieno. «Ritó ateisim visi. padesim kart» (говоритъ учитель). Pati sako: «ne pakóri, (-pakore? pakorei?), niéko, tik melůji». An ritojaus viada karálius pakárt súnu. Tep atbégo ántras diréktorius. «Miloščivas karaliu, ne vérik páčes, bo tai vriédnas dáiktas ira patí. Súnu turém, ne pàbaiktas mokit da. Šiendien ne pakárk. Ritó visi padésim ir pakelésim». Parejo ka-

Король послалъ его къ семи братьямъ — мудрецамъ. Тѣ между прочимъ должны были выучить его понимать, что предсказываютъ небо, солнце, звѣзды. Уже шелъ 6-й годъ его ученья, когда король женился во второй разъ. Новая королева просила короля привезти пасынка домой. Королевичъ между тѣмъ по небесному явленію узналъ, что ему быть повѣшеннымъ черезъ три дня по пріѣздѣ домой. На небѣ явилось винное дерево, около вершины котораго обвились черви. Его учителя подтвердили это. Они очень испугались и рѣшили сдѣлать своего ученика нѣмымъ.

Когда король взялъ сына домой, тотъ очень понравился королевѣ. Она написала ему письмо, приглашая къ себѣ грѣха ради. Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ ни чего. Тогда королева стала рвать на себѣ платье и кричать: «какого ты Іуду привезъ? Вѣдь онъ хотѣлъ меня оскорбить!» Король осудилъ своего сына и вотъ его повели вѣшать. Тогда прибѣгаетъ младшій изъ братьевъ учителей, проситъ короля подождать и не вѣрить словамъ королевы, а самъ начинаетъ разсказывать длинную исторію. То же самое повторилось и въ слѣдующіе дни. Всякій разъ прибѣгалъ слѣдующій по возрасту изъ братьевъ-учителей, прося отложить казнь до другого дня и обѣщая въ такомъ случаѣ даже помочь вѣшать. Когда же болѣе нельзя было отсрачивать казнь, учителя стали просить короля позволить сыну сказать семь словъ передъ смертью. Тогда сынъ сказалъ: «позволь, батюшка, мнѣ передъ смертью согрѣшить разъ». Отецъ позволилъ. Королевичъ велѣлъ собраться двѣнадцати горничнымъ королевы и раздѣться при огнѣ. Тогда оказалось, что между ними былъ одинъ мужчина, который жилъ съ королевой. Король такимъ образомъ узналъ истину и велѣлъ повѣсить королеву и этого мужчину, а съ сыномъ и его учителями жилъ съ той поры въ любви.

ralius, nepakóre. Tai patí piárpiko ir ne šnekéjo su karaliu visài. Triačia diena liepe žalnérium ne prileist per tris milius direktoriu. Tai réke diréktorius: «Miloščivas karaliu, paviálik súnui pri smérti prašnekét septinius žodžiùs». Teip karalius nusigándo, kad sunús niemčius ir prašneket liépe. Prašnekejo sunùs: «tétia, pavialìk padarít ma pri smérti necnatos griéka». Tévas dideliài pasidáre galvói ne gerái: «pavialiju», sako. Buvo dvilika pakajáuku pas karaliéne. Iš tos dvilikos práše i(š)sirinkt ir visom pri tevo akiu visom nůgom i(š)sivílkt. I(š)sivílko visa dvílika pakajáuku i pasiróde viénas víras kur su karaiiène giviano. Tai sunus sáke: «su šita padarísiu necnatos griéka, kur karaliéne daro visado(s) su júa». Paskúi karalius máte jojo visa teisibia ir liépe tůjáu karalíene viast ir pakárt, ir ta pakajáuka draugé. Abúdu pakóre. A sunús líko dideli miaile pas téva ir jojo direktoriai draugé miaili buvo pas karaliu.

Пословицы.

1. Jůda důna—tai ne badas, stori marškìniai—tai nė nůgas.
2. I bala půlias ne kials sausas.
3. Pamatisi svieta, kitoks busi.
4. Giaros girnos viska mala.
5. Nu mužiku pabego, ponus ne pavijo.
6. Toliau i giria, daugiau gribu.
7. Šuva, pas ka laka, pas ta ir loja (lojė).
8. Kumiale ne piemiene, poterius ne kalba.
9. Pirtis jauja vainoje (vanoje) o abi tokios: viena sůde, kita sutre.
10. Kas ka mili, tas to ir klauso.
11. Kur miajle, tian išpildimas, kur bajme tian priverlimas.
12. Kas tévu ne klauso, tas paklausis skuros šunio barškančios.
13. Kas in padanges kila, tam perkunas liepe grišt.

1. Черный хлѣбъ—такъ еще не голодъ, грубая рубашка—такъ еще не нагой.
2. Упавъ въ болото (въ лужу), не подымешься сухимъ.
3. Посмотришь людей, инымъ будешь.
4. Хорошіе жернова все мелютъ.
5. Отъ мужиковъ убѣжалъ, господъ не догналъ.
6. Дальше въ лѣсъ, больше грибовъ.
7. Собака у кого лакаетъ, у того и лаетъ.
8. Кобыла не пастушка, молитва не разговоръ.
9. Сушильня овинъ бранитъ (бьетъ), а оба таковы: одна въ сажѣ, другая въ грязи.
10. Кто кого любитъ, тотъ того и слушаетъ.
11. Гдѣ любовь, тамъ исполненіе; гдѣ страхъ, тамъ недовѣріе.
12. Кто родителей не слушалъ, тотъ послушаетъ гремящей собачьей шкуры (т. е. барабана).
13. Кто на поднебесье поднимается, тому Перкунъ велитъ вернуться.

14. Ilga ješma bedrožent, šuva pečianka nuneša.

15. Maskolius ne gaspadorius, paedias—gult.

16. Kas dirba tam ir Dievas padeda.

17. Viskas piareis, o Dievo žodis ne piareis.

18. Skupus dusik trotije.

19. Kas bedo ne buvo, tas jos ir ne mate.

20. Kas eda mesa petničio, tai nedelio pasnikauje.

21. Ir Paryžiui iš avižu ne daro rižiu.

22. Biedniste mokina, o laime gadina.

23. Ne šlekts darbas, kas moka padarit ir irkla.

24. Be žagres ne artojes (artojis), be proso ne kriaučius.

25. Koks kupčius, toks ir tavoras.

26. Koke kiaule, tokios ir diašros.

27. Pagal stoga ir lašas.

28. Batas vižai ne klapčius.

29. Kad gera klumpe koja graužė, tai nieko.

30. Koks stůmas, toks ir razumas.

31. Koks ponas, toks ir žiponas.

32. Koke karve, toks ir veršis.

33. Kas melagius, tas ir vagis.

34. Striokas macies ne turi.

35. Durpiu ne prisikasi, tai žiema šalsi.

36. Karve kumeliu ne viada.

37, Koks piačius, toks ir ragaišius.

38. Kur savi šunes pjaujesi, tian sviatimas vådega ne kišk.

39. Pažiurejas ant akiu, klausk ir sveikatos.

40. Iš didelio diabesio mažas lietus.

41. Parša ar prausk, ar ne prausk, vis i purvina lianda.

42. Kožnas gaidis ant savo miešlino ponas.

43. Kur sopa tian rankos, kur miela tian akis.

44. Kraujes ne barščiu rasalas.

14. При длинномъ вертелѣ собака жаркое уноситъ.

15. Солдатъ не крестьянинъ (хозяинъ, gospodarz): поѣлъ да и спать.

16. Кто работаетъ, тому Богъ помогаетъ.

17. Все пройдетъ, а слово Божье не пройдетъ.

18. Скупой дважды тратит(ся)

19. Кто не былъ въ бѣдѣ, тотъ ея и не видѣлъ.

20. Кто жретъ мясо въ пятницу, тотъ въ воскресенье постничаетъ.

21. И въ Парижѣ изъ овса не дѣлаютъ рису.

22. Бѣдность учитъ, а счастье портитъ.

23. Не худая работа, кто умѣетъ сдѣлать и весло.

24. Безъ сохи не пахарь, безъ утюга не портной.

25. Каковъ купецъ, таковъ и товаръ.

26. Какова свинья, таковы и колбасы.

27. По крышѣ и капля.

28. Сапогъ лаптю не слуга (хлопецъ).

29. Когда хорошій башмакъ ногу жметъ (соб. грызетъ), то ничего.

30. Каковъ станъ, (возрастъ?) таковъ и разумъ.

31. Каковъ господинъ, таковъ и жипонъ (кафтанъ).

32. Какова корова, таковъ и теленокъ.

33. Кто лжецъ, тотъ и воръ.

34. Страхъ силы не имѣетъ.

35. Торфу не накопаешь себѣ, такъ зимой будешь мерзнуть.

36. Корова кобылъ не водитъ (т. е. не родитъ).

37. Какова печь, таковъ и пирогъ (т. е. бѣлый хлѣбъ).

38. Гдѣ свои собаки грызутся (соб. рѣжутся), тамъ чужая хвостъ не суй.

39. Посмотрѣвъ на глаза (т. е. на лицо) спроси и о здоровьѣ.

40. Изъ большаго облака малый дождь.

41. Борова (хоть) мой, (хоть) не мой, все въ грязь ползетъ.

42. Каждый пѣтухъ на своей навозной кучѣ господинъ.

43. Гдѣ болитъ, тамъ руки; гдѣ пріятно (мило), тамъ глаза.

44. Кровь не борщъ.

45. Kad kiaule ragus turetu, tai visa svieta išbaditu.

45. Когда бы свинья имѣла рога, то весь свѣтъ забодала бы (соб. избодала бы).

46. Ožka ne givulis, o merga ne žmogus.

46. Коза не скотина, а дѣвка не человѣкъ.

47. Dievas dave dantis, Dievas dûs ir dûna.

47. Богъ далъ зубы, Богъ дастъ и хлѣбъ.

48. Kaip žmogus storojes, o kitaip stojes.

48. Человѣкъ старается, а выходитъ (соб. становится) иначе.

49. Laukas gime, laukas ir stips.

49. Съ бѣлымъ пятномъ (на лбу) родился, такимъ и околѣетъ.

50. Jaigu per šuni piaršoki, tai per vûdiaga ne ner kas.

50. Если черезъ собаку перескочишь, то черезъ хвостъ нѣтъ кто (бы съумѣлъ перескочить).

51. Kad išsitianki ant dûnos ir žuvu, tai ir ant pipiru ir druskos ištiaks.

51. Когда хватитъ хлѣба и рыбы, то хватитъ и перцу и соли.

52. Susitriedus karve visa kaiminia gadina.

52. Заболѣвшая корова все стадо портитъ.

53. Avis be avino eruku niatveda.

53. Овца безъ барана ягнятъ не (вы)водитъ (т. е. не производитъ).

54. Ir kiaule pipkia rukitu, ale apatine lupa trumpiasne.

54. И свинья курила бы трубку, да нижняя губа коротка.

55. Už ka pirkau, už ta ir pardaviau.

55. За что купилъ, за то и продалъ.

56. Kilis kili varo, o šlega visus.

56. Клинъ клинъ гонитъ, а колотушка всѣ (т. е. клинья).

57. Kožno balti dantis, ale kas už dantu ira ne žine.

57. У каждаго бѣлые зубы, но что за зубами—не извѣстно.

58. Niekui ne vierik, nieks tau pikto ne padaris.

58. Никому не вѣрь, никто тебѣ зла не сдѣлаетъ.

59. Šlekto žmogaus siargekis iš visu pusiu.

59. Дурного человѣка остерегайся со всѣхъ сторонъ.

60. Prusas, šuva ir b... ne pažista pasniko.

60. Прусъ, собака и penis не знаютъ поста.

61. Nûgas gimei, nûgas ir mirsi.

61. Нагой ты родился, нагой и умрешь.

62. Asilas tur ilgas ausis, o tu ilga liežiuvi.

62. У осла длинныя уши, а у тебя длинный языкъ.

63. Rikšte ira visu cnatu motina.

63. Розга—всѣхъ добродѣтелей мать.

64. Tankei ir šuva karemas papranta.

64. Часто и собака привыкаетъ висѣть.

65. Nûgas razbajaus nesibijo.

65. Нагой разбоя не боится.

66. Jaunikio kas grinče, tai motina, kas šalis tai pati.

66. У юноши, что (ни) хижина, то и мать, что (ни) сторона то (и) жена.

67. Mergos ilgas plaukas, o trumpas razumas.

67. У дѣвки волосъ долгъ, а умъ коротокъ.

68. Kad girts ne bagots, tai ir dves ne tures.

68. Когда пьянъ, да не богатъ, такъ и издохнетъ, (а ничего) не будетъ имѣть.

69. Kožna pušis savo šilui oše.

69. Каждая сосна для своего бора шумитъ (соб. своему бору).

70. Varnas varnui in aki ne kiarta.

70. Воронъ ворону въ глазъ не бьетъ.

71. Ne kask kitam dûbes, kad pats ne inpultum.

71. Не рой другому ямы, чтобы самому не упасть.

72. Ne darik to kitam, kas pačiam ne miela.

72. Не дѣлай другому того, что самому не пріятно.

73. Ka ingijo, ta ir prarijo.
74. Skanus valgis, kap Pauliaus dalgis.
75. Kad arkli už karčiu paliaidai, už vůdiagos nišlaikisi.
76. Tiesiok toliau, aplinkui greičiau.
77. Ne viskas auksas, kas žiba, ne viskas smala kas kiba.
78. Kad arklis ape savo druti žinotu, tai nieks ant jo ne pajotu.

79. Svietas teip liginai kap jauje: kas auksčiau sedi, ta prakaitas plauje.

80. Kada vargas ir smutkas tave spaus, turek nodeja, kad gerove atkeliaus.
81. Ir zuikis arkli piargales, kad vilkas pades.
82. Kap tu tevams savo, tep tau vaikai daro.
83. Kas ne čedije savo, tai ima kito ant galo.
84. Mažai tas teisibes turi, kada šniaka, kad ne priguli.
85. Mažai tame teisibes ira, iš kurio daug žodžiu bira.
86. Brudas prie giaro brudiasnis, gražus prie gražaus gražiasnis.
87. Jau ne česas paliaut giart, kada bačka pradeda skalaut.
88. Su turtingu giart pasiliauk, vialig nog jo atsitrauk.
89. Vienas tevas diašimti vaiku užaugis, o tie diašimts vaiku sianatve teva ne užlaikis.
90. Greitiasnis mužiko iš tesejimas, o ne pono prizadejimas.
91. Kada karalej vienas kita piaša, tai ju padoniu plaukai triašta.

92. Kas ne neša križiu Jšganitojo, tegul tas niaša križiu latro.

93. Balo vis bus, kad ne vandů, tai purvinas.
94. Kam žmogus lazda kirstu, kad ne galetu ant jos pasiremt.
95. Namai ne lašiniai, kate ne sues.
96. Tie namučei pragarai, be namučiu ne gerai.

73. Что нажилъ, то и проглотилъ.
74. Вкусно блюдо, какъ Павлова коса.

75. Когда коня за гриву не удержалъ (соб. отпустилъ), за хвостъ не удержишь.
76. Прямо дальше, кругомъ скорѣе.
77. Не все (то) золото, что блеститъ, не все (то) смола, что липнетъ (?).
78. Когда бы конь зналъ о своей силѣ, такъ никто бы на немъ не поѣхалъ.
79. У людей, какъ въ овинѣ: кто выше сидитъ, того пóтомъ обливаетъ (или тотъ въ поту).
80. Когда нужда да печаль тебя будутъ давить, надѣйся, что хорошее придетъ (еще).
81. И заяцъ коня одолѣетъ, когда волкъ поможетъ.
82. Какъ ты своимъ родителямъ, такъ и тебѣ дѣти дѣлаютъ.
83. Кто не щадитъ своего, (тотъ) беретъ наконецъ (принадлежащее) другому.
84. Мало правды въ томъ, когда говоритъ, что не приваливается.
85. Мало въ томъ правды, изъ котораго сыплется много словъ.
86. Дурной при хорошемъ (еще) хуже, красивый при красивомъ (еще) красивѣе.
87. Уже не время переставать пить, когда бочку начинаютъ мыть.
88. Съ богатымъ пить перестань, лучше отъ него уберись (подальше).
89. Одинъ отецъ десять дѣтей выроститъ, а тѣ десять отца въ старости не станутъ держать.
90. Скорѣе мужикъ исполнитъ, чѣмъ господинъ пообѣщаетъ.
91. Когда короли одинъ другого (за волосы) треплютъ, то у ихъ подданныхъ волосы портятся.
92. Кто не носитъ креста Спасителя, пусть тотъ носитъ крестъ негодяя (разбойника?).
93. Въ болотѣ (въ лужѣ) все (всегда) будетъ, коли не вода, такъ грязь.
94. Зачѣмъ человѣку вырубать палку, когда бы не могъ онъ на нее опираться.
95. Домъ не сало, кошка не сожретъ.

96. Тотъ домишко—адъ, а безъ домишка не хорошо.

97. Su savo dûna visur gausi sûla.

97. Со своимъ хлѣбомъ вездѣ (получишь) найдешь скамью (за столомъ).

98. Zuvis neišganis, kiaule ne pražudis.

98. Рыба не спасетъ, свинья не погубитъ.

99. Sauso nieks ne klauso.

99. Сухого никто не проситъ.

100. Be dalios grižk atgalios.

100. Безъ доли поворачивай назадъ.

101. Šikstûlis vis dusik moka.

101. Скупецъ всегда дважды платитъ.

102. Kas are, pjauna, to avis ne bliauna.

102. Кто пашетъ да коситъ, у того овца не блеетъ.

103. Jaunas miadis linksta, sianas lužta

103. Молодое дерево гнется, старое ломается.

104. Veršiu ne bliovias, jaučiu ne baubsi.

104. Не блеявши теленкомъ, не будешь мычать воломъ.

105. Po vainu varnai tunka.

105. Послѣ войны вороны тучнѣютъ.

106. Iš nakties darbo diena jûkes.

106. Надъ ночной работой день посмѣется.

107. Giltine in dantis nežiuri.

107. Смерть (олицетв. смерти) въ зубы не смотритъ

108. Valgik, kad pilvas plištu; dirpk, kad akis listu.

108. Ѣшь такъ, чтобъ животъ треснулъ, работай такъ, чтобъ глаза похудѣли.

109. Beda kojes taiso.

109. Бѣда ноги выпрямляетъ.

110. Buk nor ragûtas, miles jai bagotas.

110. Будь хоть рогатый, будутъ любить, если богатъ.

111. Dek gruda prie grudo, pripilsi arûda.

111. Клади зерно къ зерну, наполнишь гумно.

112. Girtu malda, kunigu nauda, ligoniu pasnikas, visi tie ligus.

112. Пьяныхъ молитва, ксендзовъ польза (?) больныхъ постъ—все одно.

113. I dangu su pinigais ne insipirksi.

113. За деньги на небѣ мѣста не купишь.

114. Išalkusiam dûna rupi.

114. У голоднаго хлѣбъ на умѣ.

115. Kas nusidejo, bijos ir vejo.

115. Кто (въ чем.) провинился, тотъ боится и вѣтра.

116. Kinkias jauti su veršiu neparsi, viadias sianas jauna nepsigiviasi.

116. Запрягши вола съ теленкомъ не вспашешь, старый взявъ за себя молодую не обживется.

117. Koke galva, toke kalba.

117. Какова голова, такова и рѣчь.

118. Kunigo nauda vialnes išgaudo.

118. Ксендзово имущество чортъ вылавливаетъ.

119. Nespaudias norago, nekasi pirago.

119. Не нажавъ сошника, не выкопаешь пирога.

120. Nesigailek anksti atsikialias ir jaunas apsiviadias.

120. Не жалѣй, если рано встанешь и молодымъ обзаведешься.

121. Givs i žiamia ne lisi.

121. Живой въ землю не полѣзешь.

122. Kap pasiklosi, tep iššimiegosi.

122. Какъ постелешь, такъ и выспешься.

123. Talka—pilvo alga.

123. Помощь (толока)—жалованье брюху.

Загадки.

1. Kiatiuros pušis, lemenimi mušes viduri žviangulelis (или viduri aniûlelis gieda)—vaikas lopši.

1. Четыре сосны, (стволами) станами бьются, въ серединѣ жеребеночекъ ржетъ (или «въ серединѣ ангелочекъ поетъ»).—Дитя въ зыбкѣ.

2. Du zikučei pjaujesi, balti kraujei bega.—(Girnos).
3. Pana (или pirti) dvare, kasos lauke.

4. Nusiust nusiunčiau parniašt parnėše, o pats ne parejo.

5. Jůda karve dangu laio. (Debesis).
6. Raudonas gaidukas po žiame gieda.
7. Jůds kai půds, vino rukštis, akmenine širdis.

8. Tupi kampe trupinis, ne paveža ne arklis. (Piačius).
9. Ne tiek an dangaus žvaigždučiu, kiek an žiames skilučiu. (Rugiena).

10. Viduri dvaro torielka kabo. (Menulis).
11. Suraizgiotas, sumaizgiotas aina keliu baubdamas. (Bubnas).
12. Girioi kirstas, krome pirktas, paeme an ranku, gailei verke, (Skripka.

13. Pilna laktiale baltu vištialiu. (Dantis).
14. Da tevas ne užgime (jau), sunus in vaina išejo (или ant vainas). (Ugnis ir dumai).
15. An to žirgo visi jodo, nieks i ne pašere. (Sliankstis).
16. Du aina, du viada, triačes kialia rodo. (Vežimas).
17. Maža paniale (bobute) visa svieta abdenge. (Adata).

18. Ožis stuboi, barzda lauke. (Balkei).
19. Dvi paniales per viena ažialia nesusiveina. (Nosis ir akis).
20. Kas be žiedo viada? (Kadugis.
21. Kiale geležine, vůdega kanapine. (Adata).
22. Židas pirti, barzda lauke. (Rope.

23. Auga be šaknies, židi be žiedo, služije visam svietui. (Druska).

24. Turi kojas neina, turi šiaudu neda. (Lova).

2. Два зайчика грызутся, бѣлая кровь бѣжитъ.—Жернова.
3. Дѣвица во дворѣ (или «въ банѣ»), а косы въ полѣ (lauke=внѣ дома).—Морковь.
4. Послать то я послалъ, принесть то онъ принесъ, а самъ не пришелъ.—Полѣно, которымъ сбиваютъ яблоки.
5. Черная корова небо лижетъ.—Туча.
6. Красный пѣтушокъ подъ землей поетъ.—Свекла.
7). Черенъ, какъ горшокъ, киселъ, какъ вино (соб. винная кисловатость), каменное сердце.—Вишня.
8. Лежитъ въ углу кусокъ, не свезетъ его даже лошадь.—Печь.
9. Не столько на небѣ звѣздочекъ, сколько на землѣ дыръ.—Поле, засѣянное рожью.
10. Посереди двора тарелка виситъ.—Мѣсяцъ.
11. Связанный, весь въ узлахъ идетъ дорогою да мычитъ.—Бубны.
12. Въ лѣсу срублена, въ лавкѣ куплена, взяли на руки—горько плачетъ.—Скрипка.
13. Полная насѣсть бѣлыхъ курочекъ.—Зубы.
14. Еще отецъ не родился, а сынъ уже на войну вышелъ.—Огонь и дымъ.

15. На томъ конѣ всѣ ѣздятъ, никто его не покормилъ.—Порогъ.
16. Двое идутъ, двое ведутъ, третій дорогу кажетъ.—Телѣга.
17. Маленькая дѣвица (или бабенка) весь свѣтъ (всѣхъ людей) прикрыла.—Игла.
18. Козелъ въ избѣ, борода на улицѣ (соб. внѣ дома).
19. Двѣ дѣвицы черезъ одну межу—(а) не сходятся.—Носъ и глаза.

21. Свинья желѣзная, хвостъ конопляный.—Игла и нить.
22. Жидъ въ банѣ, борода на улицѣ.—Рѣпа.
23. Растетъ безъ корня, цвѣтетъ безъ цвѣтка, всѣму свѣту служитъ.—Соль.
24. Имѣетъ ноги—не идетъ, имѣетъ солому—не жретъ.—Кроватъ.

25. Balta paklode visa svieta diange. (Dangus.

26. Tupi tupikas, karo karikas, prašo Dievo tupikas, kad nupultu karikas. (Katinas ir lašiniai).

27. Laiba papiale visa svieta diange. (Adata).

28. Bačka be dugno. (Pilvas.

29. Ruda rudinaite, žalia kepuraite. (Morkva).

30. Šulinis be dugno. (Žiedas).

31. Už šuni mažiasnis, už arkli didiasnis. (Balnas).

32. Du štarai štarina, du vanagai kabina. (Žagre.

33. Riečiau diena, riečiau nakti, niekad Dievo diržo nesuriečiau. (Kialias.

34. Aukštas kaupokas, vino smokas, akmenine širdis. (Sliva).

35. Aina piar šiaudus ne šnabžda. aina piar vandeni ne skiasta, aina piar ugni ne diaga. (Šešelis).

36. Stovi žalnierius, raudonas kanonierius. (?) (Bijunas).

37. Keturi kampai Dievo darbai, viduri kukis ir kankalas. (Šulinis).

38. Kai buvau miarga miargavau, kai buvau marti—martavau, kai pasenau,—akis gavau, piar tais akis pati išlindau. (Agūna).

39. Du karvialei čista vandeni giaria, o du drumščia. (Ratai).

40. Aukštai stovi, slobnai karo, pats maknotas, galas nūgas. (Obelis).

41. Molio Motiejukas, aksomo pilvukas. (Sliva).

42. Begdama avite priede. (Špule.

43. Nedaromas pasidaro. (Plišis sienos).

44. An babikos kiemo gialiažineis jaučeis aria. (Avi kiarta).

45. Šarange, varange, po sūlu nosirange. (Kulbe).

46. Iūdūi, ne jūdūi, aš i tavia kišiu. (Cebatai.

47. Aplink stuba ažerai. (Langai).

48. Gaidis an tvoros, vūdega an žiames. (Dalgis an tvoro).

25. Бѣла простыня весь свѣтъ покрываетъ.—Небо.

26. Сидитъ (одинъ), виситъ (другой), проситъ Бога (первый), чтобъ упалъ (второй).—Котъ и сало.

27. Стройная дѣвица весь свѣтъ покрываетъ.—Иголка.

28. Бочка безъ дна.—Животъ.

29. Красноватый кафтанъ, зеленая шапочка.—Морковь.

30. Колодецъ безъ дна.—Кольцо.

31. Меньше собаки, больше лошади.—Сѣдло.

33. Катился днемъ, катился ночью, никогда Божьяго ремня не скаталъ.—Дорога.

34. Высокій колпакъ (?), вкусъ вина, каменное сердце.—слива.

35. Идетъ по соломѣ не шуршитъ, идетъ по водѣ не тонетъ, идетъ по огню не горитъ.—Тѣнь.

36. Стоитъ солдатъ красный кнверъ. (?).—Піонъ.

37. Четыре угла—Божьи труды, въ серединѣ палка (съ крючкомъ) и колокольчикъ.—Колодецъ.

38. Дѣвкой была и жила какъ дѣвка; невѣсткой была—жила какъ невѣстка; какъ состарилась, глаза получила; черезъ тѣ глаза сама вылѣзла.—Макъ.

39. Два голубка чистую воду пьютъ, два мутную.—Колеса.

40. Высоко стоитъ, слабо виситъ, само мохнатое, конецъ нагой.—Яблоня и яблоки.

41. Глиняный Матюшка бархатное брюшко.—Слива.

42. Бѣгая овечка пожираетъ. — Шпулька.

43. Недѣланное сдѣлалось.—Трещина въ стѣнѣ.

44. На бабиномъ дворѣ желѣзными волами пашутъ.—Рѣжутъ овцу.

47. Вокругъ избы озера.—Окна.

48. Пѣтухъ на заборѣ, хвостъ на землѣ.—Коса на заборѣ.

49. Baltoi bačkialei dvejopas alus. (Kiaušinis).

50. Aržūlelis kunkūlelis šimtalapis, šimtašakis, viršui menū tiaka. (Linas),

51. Pana nūga, marškinei anti. (Žvake).

52. Aukšta pana, sausa rura. (Bonka.

53. Kiša—marma, trauke varva. (Svirtis,

54. Atpurūja purutis su deviniom skurutem. (Cibulis).

55. Dvilika ponaičiu vienoi lovoi guli, ne vienos nera krašte. (Ratas).

56. Dvilika žirgu vienu pavadžui viada. (Greblis).

57. Šimtu vita, šimtu pinta, šimtu pavijota. (Kopustas.

58. Ejau nakti, pamečiau sakti, menū rado, saule pagavo. (Rasa).

59. Atleke paukštis be sparnu, uštupe an miadžio be šaku, atejo pana be dantu, suede paukšti be sparnu. (Kap sniekti).

60. Buvau mažas—garbinūtas, kai užaugau—kankalūtas, kai pasianau—pats pavirtau. (Žirnei).

49. Въ бѣлой бочкѣ двоякое пиво.—Яйцо.

51. Дѣвица нага, а рубашка за пазухой.—Свѣча.

53. Погружаютъ — шумитъ, извлекаютъ—капаетъ.—Колодецъ-журавль.

55. Двѣнадцать дѣвицъ на одной кровати лежать, ни одной нѣтъ на краю.—Колесо.

56. Двѣнадцать коней однимъ поводомъ ведутъ.—Грабли.

58. Шелъ ночью, бросилъ, пряжку, мѣсяцъ нашелъ, солнце поймало.—Роса

59. Прилетѣла птица безъ крыльевъ, сѣла на дерево безъ вѣтвей, пришла дѣвица безъ зубовъ, сожрала птицу безъ крыльевъ.—Снѣгъ.

60. Малымъ—былъ курчавымъ, какъ выросъ—въ колокольчикахъ, состарился самъ измѣнился.—Горохъ.

Г. Гинкенъ.

Корельская свадьба.

Жизнь кореляка, не смотря на усиливающееся съ каждымъ годомъ вліяніе сосѣдей—русскихъ, до сихъ поръ еще имѣетъ много оригинальнаго, своеобразнаго, такого, что присуще только ей одной. Въ особенности много своеобразнаго въ обрядахъ, которыми обставляются важнѣйшіе моменты въ жизни кореляковъ, въ обрядахъ свадебныхъ и погребальныхъ.

Свадьбы въ Корелѣ по большей части бываютъ или осенью, до Филиппова поста (Раштаванъ пюһӓ), или же зимою послѣ Рождества (дялгэсъ Раштавадъ). Выборъ такого времени для заключенія браковъ—вполнѣ понятенъ. Осеннее и зимнее время болѣе свободное для кореляка и, сравнительно, болѣе богатое....

Къ осени полевыя работы всѣ покончены: сѣно выкошено и убрано, хлѣбъ засѣянъ, при томъ, у каждаго съ осени водится свой хлѣбъ, своя крупа и у большинства солёное или вяленное (высушенное на солнцѣ) мясо. Къ тому же, съ первымъ снѣгомъ въ корельскомъ краѣ начинаются и кой какіе заработки, дающіе мѣстнымъ жителямъ «деньгу на расходы» (росходуойһъ). Вывозка бревенъ (ведо), рубка дровъ для лѣсопромышленниковъ, охота на лѣсную дичь,—все это въ общемъ даетъ кореляку кой-какіе доходы, на которые онъ можетъ и водки закупить свадебнымъ гостямъ, и отдарить ихъ подарками (лаһьюйтада), и попа ублаготворить за вѣнчанье.

«А нужно-либо нашего Пекку (Петра) обвѣнчать въ этомъ году», скажетъ кореляксемьянинъ въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, сидя за вязаньемъ сѣтки: «жена моя—единственная хозяйка (эмӓндэ) въ семьѣ—стара теперь стала, трудно ей одной справляться съ домомъ, нужна ей непремѣнно помощница, молодая невѣстка»... Скажетъ и замолкнетъ на цѣлый вечеръ, еще болѣе углубясь въ свою механическую работу. Но слова «рѣдкобая»—кореляка не пропали даромъ... Проходитъ недѣля, проходитъ другая, и вдругъ въ воскресный или праздничный вечеръ созываются къ нему въ домъ ближайшіе родственники: братъ, сестра, крестный отецъ (ристижӓ), его крестная мать (ристиня), женихъ снаряжается въ лучшее платье, и длинный рядъ лошадей, увѣшанныхъ бубенчиками, запряженныхъ въ легкіе санки съ сидящими въ нихъ свадебными гостями, направляется къ тому дому, гдѣ живетъ молодая дѣвушка, по возрасту—невѣста.

Женихъ съ родственниками входитъ въ домъ невѣсты и послѣ первыхъ привѣтствій говоритъ: «прежде ходилъ къ вамъ для ходьбы, а теперь пришелъ добрымъ молодцомъ» (эндэ кӓвюйнъ кӓвюмиштэ, нюгю тулинъ һувӓксъ міеһэксъ). Отецъ невѣсты и его семейные радушно встрѣчаютъ «сватовъ» (сулһайжидъ) и приглашаютъ ихъ сѣсть за столъ въ почетномъ большомъ углу». Невѣста же убѣгаетъ вонъ изъ дому; если зимнее время, то уходитъ въ деревню, въ домъ сосѣда, а если лѣтнее, то запирается въ своемъ чуланѣ и здѣсь одѣвается въ самое лучшее платье, какое только у ней есть. Кстати замѣчу, обычай требуетъ, чтобы каждая корельская дѣвушка, принадлежащая къ болѣе или менѣе состоятельной семьѣ, имѣла непремѣнно шелковое или шерстяное платье, хотя изъ дешевенькой матеріи, и суконное тёплое пальто... Пока не справлена ей эта одежда, она до тѣхъ поръ не считается настоящей невѣстой.

Тѣмъ временемъ, пока невѣста одѣвается, женихъ и его родственники, сидя за столомъ, ведутъ съ ея семейными обычный мирный разговоръ: «Что слышно (мидӓ куулувъ)? какъ хлѣбъ въ этомъ году уродился, сколько скотины на дворѣ стоитъ, сколько денегъ заработали вывозкой бревенъ лѣсопромышленникамъ» и т. п... Женщины же, какъ угорѣлыя,

суетятся, приготовляя гостямъ угощеніе: наливаютъ водой самовары, разводятъ на очагѣ огонь, мѣсятъ тѣсто для пироговъ; для подмоги (на помощь) къ нимъ, обыкновенно, приходятъ дѣвушки, подруги невѣсты. Когда все приготовлено, когда скипятъ самовары, выпрягатъ пироги (такъ называемые «пряжёные»—кейтинъ-пійрайдъ), приходитъ домой невѣста; она подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ сваты, и, поздоровавшись съ каждымъ изъ нихъ, дѣлаетъ общій поклонъ и говоритъ: «если гожусь, то ваша» (если пäдэнъ, минä тэйдэнъ); а иногда её подводитъ къ гостямъ какая-нибудь бойкая старуха-сосѣдка и, кланяясь вмѣстѣ съ ней, говоритъ: «вотъ тутъ вамъ огонь-ласица» (вотъ сійтъ тэйле тули-ребуой). Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій начинается угощеніе; угощаютъ чаемъ, водкой и пряжеными пирогами. Чай подаетъ непремѣнно невѣста и старается это дѣлать какъ можно граціознѣе и плавнѣе, боясь расплескать чай изъ чашекъ, что въ корелѣ считается признакомъ не хозяйственности.

Отпитъ чай, и гости садятся ужинать. Блюда на ужинъ подаются самыя обыкновенныя, какія случатся; что сварено или спечено, то и ѣдятъ гости: сварено мясо—и гости хлебаютъ щи съ мясомъ, сварена рыба—и они ѣдятъ уху съ рыбой... Послѣ ужина, когда со стола все уберутъ, на столъ снова разстилаютъ скатерть, и старшій изъ гостей жениха-отецъ-ли то, а если нѣтъ его въ живыхъ, то или старшій братъ, или дядя—вынимаетъ изъ кармана деньги и раскладываетъ ихъ по столу, приглашая отца невѣсты взять изъ нихъ, сколько тотъ захочетъ. Денегъ выкладывается не одинаковое количество, кто сколько можетъ. Если женихъ—человѣкъ богатый, сынъ «состоятельнаго» крестьянина, то на столѣ появляются даже сотенныя бумажки, но такіе случаи очень и очень рѣдки въ исторіи корельскихъ свадебъ. Обыкновенно же ограничиваются 15 или 20 рублями; это количество непремѣнно должно быть выложено, хотя какъ бы ни бѣденъ былъ женихъ: ужъ лучше въ долгъ возметъ, а рублей 15—20 выложитъ. Деньги изъ кармана вынимаются медленно, съ разстановками и съ нѣкоторымъ «бахвальствомъ». Положитъ родственникъ жениха часть денегъ и говоритъ: «у меня больше нѣтъ, пошлите въ деревню, выпросите въ долгъ», и потомъ снова достаетъ изъ кармана: «нѣтъ, у меня еще есть, не кончились, на этотъ разъ хватитъ»... Отецъ невѣсты (или братъ ея, или дядя, если нѣтъ въ живыхъ отца) беретъ деньги, или только часть ихъ и уходитъ со своими ближайшими родственниками въ чуланъ «на думу» (дуумалэ).

Здѣсь и рѣшается вопросъ: выдать ли дѣвицу замужъ или нѣтъ; если вопросъ этотъ большинствомъ голосовъ рѣшенъ положительно, приглашаютъ въ чуланъ невѣсту и у ней спрашиваютъ—согласна ли выйти замужъ за этого жениха? Согласіе, впрочемъ, рѣдко спрашивается отъ невѣсты-корелки. Всѣми брачными дѣлами вершатъ родители и старшіе въ семьѣ, «которые больше жили на свѣтѣ и потому больше и лучше все знаютъ». Приглашаютъ также потомъ и жениха; у него спрашиваютъ—на какихъ условіяхъ онъ беретъ невѣсту?—беретъ ли просто одну невѣсту или хочетъ приданнаго: лошадь, корову, деньги... Условившись на счетъ приданнаго, тутъ же назначаютъ число шаферовъ (8—10) и шаферинъ (6—8) и выряживаютъ съ жениха по рублю денегъ на человѣка—проводника невѣсты. Если, напр., со стороны невѣсты будетъ проводниковъ 9 человѣкъ, которыхъ нужно будетъ одарить, то съ жениха рядятъ 9 рублей...

Сразу послѣ думы—«дууме, луѐйжедъ», невѣста накидываетъ на голову платокъ, наклоняетъ внизъ голову и жалобнымъ голосомъ протяжно причитываетъ сначала предъ иконами, а потомъ предъ родителями и родственниками...

Благословикатъ нюгю, армаһадъ сӱндӱйжедъ;	Благословите теперь, милые «сӱндӱ»,
Благословикатъ омилэ озайжилэ,—	Благословите на свое счастье (на свою счастлив. жизнь);
Туһисъ озисъ турбедимилэ озайжилэ;	Изъ тысячи счастій — на самое обильное счастье;
Изволикатъ, иһaладъ сӱндӱйжедъ,	Дайте согласіе, чудесные «сӱндӱ»,

Садойсъ озисъ—сагедимилэ...

Ляхтэнъ омилэ озайжилэ, орхедадъ сўндўйжедъ;

Каллэһедъ сўндўйжедъ, лійкутакать минудъ
Кюммениизъ озайжизъ—кюлль озайжилэ...

Изъ сотни счастій выбрать самое полное (букв.—густое);
Я начинаю жить самостоятельною жизнью (букв.—иду на самостоятельное счастье), могучіе «сўндў»!
Дорогіе »сўндў», краньте меня (подвиньте меня)
Изъ 10-ти счастій на самое превосходнѣйшее счастье (букв.—самое сытое, полное сч.).

Плачетъ предъ отцомъ:

Вуота ляхтэнъ нюгю эчинъ
Урой-кулдатъ армойштанидъ...
Эдъ һяй кягеннў, урой-кулдайнэ-армойжени,
Элявиксэ эройтай, кавнижъ-иһо,

Казвиндъ—айгайжилъ...
Виксэ синä кулдайнэ-урой-каллижъ-армойжени,
Эдъ кягеннў, да эройтидъ игяксъ...
Виксэ онъ синудайжъ

Илмойнъ сувимадъ суладэлту,
Урой-віеказъ-армойжени...
Виксъ онъ синдуйжъ
Війнуой ведўйжилъ веселдўтэттў
Илмой верзомадъ...

Подождите, пойду теперь поищу
Золотаго, милаго, мужественнаго...
Вѣдь не думалъ—мужественный, золотой, милый,
Живую меня удалить отъ себя, прекрасная радость,
Въ самую пору воспитанія (рощенія).
Вѣрно, ты, хоть и не думалъ,

Золотой, мужественный, дорогой, милый,
Но всё таки отдѣлилъ меня отъ себя на вѣки...

Вѣрно, тебя
Запекшіеся на воздухѣ умягчили,
Мужественный,—рѣзвый, милый!
Вѣрно, тебя
Винными водами развеселили
Всесвѣтные бродяги...

Плачетъ предъ матерью:

Онъ һяй минулъ-кювелиёлъ
Кюммениданъ кууһуйжиденъ канделій,—
Онъ һяй минулъ-либужъ-лапсэлъ

Риндайжизъ либуттай-найнэ,
Либужъ-армойжени...
Вачайжизъ кандай-найнэ,
Валгей армойжени...
Эдъ һяй кягеннў казватусъ—айгайжилъ
Илмой-айгамиһъ андада...

Мидä бо нюгю синä рубежидъ
Вачасъ кандай-найнэ,
Валгей армойжени,
Илмой элятэттўлöй эройтамманъ?

Энъ ведъ ни міитумидъ безчестидъ азуну,

Есть еще вѣдь у меня—пылкой,—
Десять мѣсяцевъ носившая...
Есть вѣдь у меня,—красиваго ребенка (букв.—гладкаго реб.),
Воротъ разглаживая женщина,
Красивая, милая;
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая!
Вѣдь не думала ты въ пору рощенія
На всегдашнее время отдѣлить меня прочь?!...

Зачѣмъ же теперь ты стала,
Въ брюхѣ носившая женщина,
Бѣлая, милая,
Меня, постоянно жившую вмѣстѣ, разлучать?
Вѣдь, кажется, я никакого безчестнаго поступка не сдѣлала?...

А рубежиттэ илмой-айгамиħъ андамаħъ... Віе ё олнуйжинъ нӓмядъ Кавиэħедъ, кергедӓдъ кезӓйжедъ Омилъ валгедилъ валдайжилъ... Олнуйжинъ віе ё кӯвелмё-лапси	А между тѣмъ теперь ты стала Разлучать меня навсегда... Я бы еще хотѣла пожить Въ эти прекрасные, рѣзвые годы На своей бѣлой волѣ (букв.—на своихъ бѣлыхъ... plur.):
Кулдайжилъ куннивойжилъ...	Я—пылкій ребенокъ, еще хотѣла бы остаться
Міели армойженидъ, тэйдэнъ міилостіизъ...	При своихъ прежнихъ золотыхъ почестяхъ;
Куй бо рубеннэнъ минӓ нюгу	Сильно милые, я осталась бы при вашихъ милостяхъ...
Илмой эляттöмизъ эроннэмаħъ? Міели-армойженидъ,	Какже я теперь буду Разлучаться съ тѣми, съ кѣмъ жила постоянно?
Тэйдэнъ армойженизъ эроннэмаħъ? Віе хоть пидӓнӯйжиттэ, кавиэгħдъ иħодъ,	Очень милые, Какъ же я буду отъ вашихъ ласкъ отставать?...
Кавнэħидэнъ луадуйжидэнъ кавнуйсъ. Віе хоть пидӓнӯйжиттэ, Иħаладъ армойженидъ,	Хоть еще оставили бы меня, Прекрасные радостные, Въ прекрасно сдѣланномъ помѣщеніи (въ избѣ)...
Кавнэħидэнъ иккунъ піелижизъ... Хоть віе пидӓнӯйжиттэ, Соредадъ армойженидъ, Срочитунъ столаиъ піӓħӯйжидэнъ кавнуйжизъ...	Хоть еще оставили бы меня, Радостные милые, У прекрасныхъ оконныхъ липинъ,... Стройные милые, Еще подержали бы меня Въ избѣ за украшенными столами...

Плачетъ предъ братомъ:

Ọнъ ħӓй минуллайни Ӯксисъ вачайжизъ вуалитту, Валгей саккали, вуаліяйжени лапси; Кавнижъ иħо, кандойни кандэтту...	Есть вѣдь еще у меня Въ одномъ брюхѣ скатанный, Бѣлый попрыгунъ, скатанное дитя, Прекрасный, веселый, чрезъ ношенье принесенный...
Мидӓ бо синӓ кюллидъ армойженидъ	Почему же ты очень милыхъ не отсовѣтовалъ
Эдъ кіелдӓнӯ, Нӓмидэнъ кавпайжидэнъ азудэсъ?... Минӓ синуħъ пидинъ суврэдъ недёжадъ,	Заключать эту торговую сдѣлку? Я на тебя возлагала большія надежды... А ты, между тѣмъ, сильно-милыхъ не отсовѣтовалъ...
А синӓ кюллидъ армойженидъ Эдъ кіелдӓнӯ, Паштайсъ пӓйвяйжизъ пуолэтту, Пӓйвинъ оттаяйжени лапси! Куй бо минӓ рубеннэнъ, Айгаюойжени лапси,	Отъ яркаго солнышка убавленное, Солнцу подобное дитя, Я въ недоумѣніи, Я не знаю—какъ буду Отъ вашихъ артелей отлучаться... Ты на меня ни разу дурными словами не прикрикнулъ
Тэйдэнъ артеліижизъ эродэлемаħъ?	Но держалъ только, прекрасный, радостный,
Эдъ синӓ минудайни	Чрезъ ношенье принесенный,

Ни виһойль санайжилъ вирkану...
Вай ё пидэлидъ, кавнижъ иһо,

Кандуойни кандетту,
Кавнэһидэнъ луадуйжидэнъ кавнуйжизъ...
Эдъ һай ни мійтумиһъ руадуйжиһъ ручччину,
Веселлъ кала, верзоайжени лапси...
Вай ё пидидъ,—кавнэһилэ руадуйжилэ мяндудъ,
Веселлъ ведуйжидэнъ туоянъ
Кавнэһидэнъ калайжидэнъ кейтäянъ...
Вай ё пидидъ, сореайжени лапси,
Сойтаяну да паятэттаяну...
Віе һай, кавнижъ иһо,
Кавнэһилъ собайжилъ кавнииштэлидъ
Кавнэһилэ илмайжилѣ кявудэсъ...
Куй бо нюгю минä рубедаиъ,
Аткалайнэ лапси,
Тэйдэнъ артелійжизъ эронемиаһъ?...
Тубіейни лапси, суврэдъ спассибодъ
Уленъ һувилъ обучайжилъ
Кавнэһидэнъ казвиндойнъ айгайжилъ...
Куй бо нюгю рубежидъ
Илмой элятэттулой эройтамиаһъ?...
Віе ё олнуйжинъ, вуаліяйжени лапси,
Омилъ валгедилъ валдайжилъ...
Пядерäйнэ лапси,—

Пяйвяйжидэнъ валгедумилъ валдайжилъ
Нäмядъ кавнэһедъ кезäйжедъ...

Въ прекрасно выстроенномъ помѣщеніи...
Вѣдь ни на какія работы ты не принуждалъ меня,
Весёлая рыбка, рослое дитя!
Только, идя на чистую работу,
Ты заставлялъ меня приносить воду (для питья)
И варить прекрасную рыбу...
Только и дѣла было мнѣ у тебя, стройное дитя,
Что я пѣла и играла...
Вѣдь еще, прекрасная радость,
Украшалъ ты меня красивыми одеждами,
Когда я выбѣгала на ясный свѣтъ...
Какъ же я теперь буду—
Печальное дитя (называетъ себя),
Отъ вашихъ артелей отлучаться?...
Знойное (букв.—южное дитя)
Большое спасибо
За твои добрыя наставленія,
Которыя ты давалъ мнѣ
Въ пору моего прекраснаго воспитанія...
Какъ же теперь ты сталъ
Постоянно живщую вмѣстѣ разлучать?...
Еще я побыла бы, скатанное дитя,
На своей бѣлой волюшкѣ...
Несчастное я дитя!
Еще я побыла бы въ эти прекрасные годы
На своей бѣлой, какъ день, волюшкѣ...

Плачетъ предъ сестрой:

Онъ һай минуллайнилъ
Уксисъ вачайжизъ вуалитту,
Вуаліяйжени лапси,
Озайжидэнъ оппинудъ!
Кюзелтиһъ го синудъ куллядъ армойженидъ
Нäмидэнъ кавпайжидэнъ азудэсъ?...

Синä олэдъ азэтанну илмой айгамидъ...

Мійтумадъ віе эхки олдаһъ

Илмойнъ міелидэнъ оттамидэнъ мійлостидъ?
Онъ го айго армойженидэнъ армодъ

Илмой айгамизъ?...
Онъ го илмойнъ міелидэнъ оттамизъ

Міели-армойженидэнъ мійлостидъ?

Есть вѣдь у меня
Во одномъ брюхѣ скатанное,
Свалянное дитя,
Только что отвѣдавшая счастья!...
Совѣтывались ли съ тобою милые родители (букв.—до сыта милые...)
Когда начинали производить эту торговлю?...
Ты уже успѣла услуживать тѣмъ, которые постоянно на міру (разум.—сваты)...
Какія еще милости у отбирающихъ всесвѣтныя мысли (т. е. у сватовъ)?...
Есть-ли у отбирающихъ всесвѣтныя мысли
Такія-же милости, какъ у очень милыхъ родителей?...
Есть-ли у запекшихся на воздухѣ
Такія-же ласки, какъ у ласковыхъ милыхъ?
Есть-ли у носящихся по свѣту

Онъ го илмой-сувмизъ

Сулидэнъ армойжидэнъ суладъ?...
Онъ го илмойнъ кандамизъ
Каллэhидэнъ армойжидэнъ кавнудъ?...

Такія-же помѣщенія, какъ у дорогихъ, милыхъ?...

Плачетъ предъ крестной матерью:

Онъ гäй минулъ
Ристой ведўйжизъ либуттай-найнэ,
Либужай армойжени...
Ваhой ведўйжизъ валгайдэлій,
Валгедъ армойжени...
Кулдайжизъ кунелійжизъ кубластаттэлій,
Кулдайнэ армойжени...
Кюзўттиhъ го кулдадъ армойженидъ синудайжъ,
Нäмидэнъ кавнайжидэнъ азудэсъ?...
Каллэhисъ ведўйжизъ валгайдэлій найнэ,

Валгей армойжени,
Отэттиhъ го каллэhедъ армойженидъ
Ўксилэ дуумайжилэ,
Нäмидэнъ игяйжидэнъ кавпайжидэнъ азудэсъ?...

Есть вѣдь еще у меня
Обливавшая въ крещальныхъ водахъ
Женщина, гладкая, милая!
Въ восковыхъ водахъ выбѣлившая,
Бѣлая милая...
Въ золотой купели погружавшая,
Золотая милая...
Совѣтовались ли съ тобою золотые милые (родители),
Когда начинали эту торговлю?...
Въ дорогихъ водахъ выбѣлившая женщина,

Бѣлая милая!
Пригласили ли тебя дорогіе, милые
На одинъ съ ними совѣтъ,
Когда задумали эту торговлю, имѣющую значеніе на всю мою жизнь?..

Затѣмъ сватамъ невѣстина сторона даритъ—кому рубаху, кому платокъ, и гости сытно угощенные и одаренные подарками уѣзжаютъ во свояси.

Въ томъ же случаѣ, когда невѣсты не хотятъ выдать замужъ, или не согласятся съ условіями, предложенными женихомъ, отецъ невѣсты деньги, взятыя со стола, отдаетъ обратно и свадебныхъ гостей не дарятъ. И какъ только сваты уйдутъ, невѣста бѣжитъ къ костру дровъ, беретъ отсюда три полѣна неколотыхъ, круглыхъ, несётъ ихъ въ избу, въ большой уголъ и, не наклоняясь, бросаетъ на полъ изо всей силы; это дѣлается для того, чтобы скорѣе приходили другіе сваты.

На другой день (если свадьба состоится) родственники невѣсты (отецъ, братья, зятья, сёстры, крестный отецъ и мать невѣсты) идутъ въ гости въ домъ жениха—осматривать его хозяйство (кодидъ каччомаhъ). Здѣсь они угощаются — пьютъ чай, водку, ѣдятъ пряженые пироги и назначаютъ день вѣнчанія. Въ богатыхъ домахъ, когда женихъ и невѣста люди «зажиточные», день этотъ (день вѣнчанія) отлагается на цѣлую недѣлю впередъ, и во всѣ эти дни, до самаго дня вѣнчанія, задаются взаимныя угощенія: то въ домѣ невѣсты, то въ домѣ жениха. Кромѣ дневныхъ угощеній, въ домѣ невѣсты ежедневно вечеромъ устраиваются «бесѣды» (букву «ѣ» нужно читать, какъ ё), на которыя приходитъ или пріѣзжаетъ женихъ и танцуетъ съ своей невѣстой (кстати упомяну о танцахъ на корельской бесѣдѣ—лянсье, кадриль и «совдино» или «чоуку»). Днемъ невѣста не принимаетъ никакого участія въ угощеніи гостей. Она въ это время, одѣтая въ самое простенькое платье, съ распущенными волосами, съ низко опущеннымъ на глаза платкомъ, подходитъ вмѣстѣ съ старухой плакальщицей къ каждому изъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ и плачетъ предъ ними подъ слова причитаній.

Наступаетъ потомъ и самый день вѣнчанія. Предъ отъѣздомъ къ вѣнцу невѣста въ сопровожденіи дѣвушекъ, своихъ подругъ, отправляется въ баню. Подруги-дѣвушки въ баню не заходятъ, а, сидя въ банныхъ сѣняхъ (предбанникѣ), поютъ пѣсни. Пѣсенъ, исключительно только на этотъ случай существующихъ, въ корелѣ нѣтъ.

Поются тѣ самыя пѣсни, которыя обыкновенно распѣваются за танцами на бесѣдахъ. Дѣвушкамъ—или женихъ, или который-нибудь изъ его шаферовъ приноситъ сюда крендели, конфекты, а иногда и водку и всѣмъ этимъ угощаетъ ихъ; хотя, нужно замѣтить, что въ корельскомъ краѣ рѣдкая изъ женщинъ пьетъ вино.—Невѣста тѣмъ временемъ умывается въ банѣ. Къ ней приглашается сюда старуха—знахарка; эта послѣдняя натираетъ тѣло невѣсты солью съ словами наговора: «какъ эта соль около меня ходитъ, такъ пусть такой-то (имя) будетъ около меня—во всѣ дни, мѣсяцы и во всю здѣшнюю жизнь. Какъ потъ на моемъ тѣлѣ сохнетъ, такъ пусть и душа его (имя) по мнѣ сохнетъ». (Куй нäмиä суоладъ кявютähъ минусъ ÿмбяри, муга анда Пекко минусъ ÿмбяри, куни куудъ, куни пяйдъ, сиксъ иллашть игядъ. Куй минунъ hиги hибьяhъ куйвавъ, муга häнэнъ hэнги минуhъ куйвагаhъ). Соль эта потомъ не бросается, но бережно приносится изъ бани домой и полагается въ тѣсто, изъ котораго во время свадьбы пекутъ пироги исключительно только для жениха. По смыслу самаго наговора, цѣль этихъ колдовствъ—привязать жениха къ невѣстѣ, какъ можно болѣе тѣсными узами любви, нерасторжимыми до самой смерти...

Выйдя изъ бани въ предбанникъ (кюлюнъ сенчуойзъ), невѣста причитаетъ предъ дѣвушками, своими подругами:

Суврэдъ спассибодъ, кавнэhедъ иhодъ,	Большое спасибо, прекрасныя радости,
Ку ÿленъ hÿвядъ кÿлю-пертiйжедъ,	Что очень хорошую баню (букв.—банныя избы)
Илмой-вуаллиниhъ ляхтэдэзъ, ляммититтэ...	Стопили на уходѣ къ всесвѣтнымъ бродягамъ...
Ÿленъ весселядъ кÿлю-пертiйжедъ нäмиä олдиhъ...	Очень веселая была эта баня...
Кай олитта мiелижидъ-мÿöти	Даже по уму мнѣ
Ляммидъ водÿдъ азуну...	Приготовили вы тёплую воду...
Спассибо, иhвояйжени лапсэдъ,	Спасибо вамъ, потныя дѣти,
Ку изменäйжидъ эттэ пидэлнÿ...	Что вы по отношенію ко мнѣ не измѣнились...
Вiе кулкать, кÿлвäяйженидъ лапсэдъ,	Еще послушайте, — дѣти,
Вiе нäмиä лопнумайжедъ кiöрайжедъ:	Послушайте меня въ послѣдній разъ:
Проводикать ÿленъ суврizъ руадестiйжизъ	Проводите меня съ большимъ весельемъ
Ускаланъ армуойженинъ уличайжилъ...	По улицѣ надежнаго, дорогаго.
Вуотазъ мiе-нолгуайнэ лапси пойкелдэлэмозъ	Дайте-ка я еще—перегорѣвшее дитя, поперекъ изломлюсь
Суланъ армойженинъ суврizъ чупуйжизъ,	Въ углахъ сто разъ дорогаго...
Садожанъ армойженинъ салмайжизъ...	Прежде были у ласковаго, милаго
Энзэ олдиhъ сулалъ армойженилъ	Въ большихъ углахъ медовые колодцы,—
Суврizъ чупуйжизъ меэнжедъ кайвнуойжедъ...	Такія были большія удовольствія у золотаго милаго...
Кулдайжелъ армойженилъ мугомадъ олдиhъ суврадъ руадостидъ.!.	А теперь я, мытая-милая,
Нюгэ онъ, пеэи-армойжени,	
Суврэзъ чупуэзъ суврizъ печалайжизъ...	Сижу въ большомъ углу въ великой печали...
	Онъ, лукавый, дорогой, сталъ мѣнять меня на винныя воды ..
Вiеказъ армуойжени, рубежи вiйнамъ ведÿйжиhъ ваехтэлемаhъ.	

За невѣстой—взять её къ вѣнцу—прiѣзжаетъ женихъ со своими родственниками человѣкъ 10—20.

Еще издали по дорогѣ—внимательные родственники невѣсты замѣчаютъ поѣздъ жениха съ поѣзжанами и даютъ знать объ этомъ невѣстѣ. . И послѣдняя начинаетъ причитывать предъ родителями:

Каччогадъ нюгю каксндэнъ пуолижодъ,

Валлэhедъ áрмойженидъ!
Уленъ суврэдъ тучадъ ностаhъ
Поhьяйжизъ пуолуйжизъ-шiä,
Равдайжидэнъ рагеhуйжидэнъ керä:
Илмой-оттамадъ туддаhъ,
Оружой олгайжедъ,
Минунъ валгедидэнъ валдайжидэнъ отойміядъ,
Минунъ кулдайжидэнъ кунниву одэнъ кулуттаядъ...
Вастадэлэ, урой-валгей-армойжени,
Уленъ суврэдъ агьяттомадъ
Артелидъ тулдаhъ...
Кулдайнэ армойжени,
Азэттэлэ кувзиксъ недäликсъ кулгемаhъ;
Азэттэлэ, орхей-армойжени,
Осроганъ сэйнäйжедъ
Омилэ озрэ-муаhуйжилэ:
Анда кувдэдъ недäлидъ кулгедаhъ...
Куй эй войтайжъ илмой айгамодъ

Ни пiялични нэста, ни алачи тулда...
Азэттэлэ, луадо міели-армойжени,
Луадо-луадожскойдъ ламбiйжейдъ;
Панэ, міели-армойжени,
Мерэнъ параhадъ каладъ кiймимähъ...
Анда илмой-кувамадъ
Кувзъ недäлидъ нiйдъ качотаhъ,
Эхки олэнъ минä нэдъ айгайжедъ
Омилъ валгедилъ валдайжилъ...

äлä, урой-иhалъ-армойжени,
Изменäйжидъ пидä...

Посмотрите теперь двухполовинчатые (т. е. родители),
Дорогіе милые!
Очень большія облака поднимаются
Съ сѣверной стороны,
Тучи—съ желѣзнымъ градомъ...
Идутъ всесвѣтные грабители
Съ ружьями на плечахъ,
Похитители моей бѣлой воли,

Уничтожающіе (букв. — издерживающіе) мои золотые царскіе годы...
Встрѣчай мужественный, бѣлый, милый;
Очень большія, безконечныя
Артели идутъ...
Золотой, милый!
Останови ихъ на шесть недѣль:
Пусть они понапрасну около ѣздятъ...
Сдѣлай, мощный милый,
На своихъ ячменныхъ поляхъ
Стѣны острожныя:
Пусть они ѣздятъ шесть недѣль взадъ и впередъ:
Пусть постоянные бродяги
Ни черезъ не могутъ перелѣзть,
Ни снизу пропихаться...
Сдѣлай, очень милый,
Красивыя Ладожскія озерки
И спусти въ нихъ играть
Лучшія морскія рыбки,
Пустъ свѣтъ (міръ) измѣряющіе
Любуются ими въ продолженіи шести недѣль;
Хоть я тѣ время буду жить
На своей бѣлой волѣ...
Смотри, мужественный, радостный, милый,
Не сдѣлай мнѣ измѣны...

Сваты изъ сарая идутъ въ избу:

Каче, кулдайнэ-армойжени,
Кувнанъ поhьясъ
Куддіёйhъ-ведуйжиhъ ё и ваехтидъ
Минунъ валгедадъ валдайжедъ!...
Каллижъ армойжени,
Каргедиhъ везиhъ ё и ваехтидъ...

Вотъ, золотой милый,
Ты и промѣнялъ меня на золотую воду
На днѣ сосуда...
Вотъ и промѣнялъ, дорогой-милый,
Мою бѣлую волю
На горькія воды...

Какъ только женихъ съ гостями въѣдетъ въ сарай, сюда къ нему выходятъ двѣ родственницы невѣсты и выносятъ—одна кисель и молоко, а другая матерію для «чепчиковъ» (повойниковъ, по корельски—чепче).

Первая, которая выноситъ молоко и кисель, подходитъ къ каждой изъ шаферинъ—со стороны жениха—и предлагаетъ отвѣдать киселя съ молокомъ: «сватья, говоритъ она, обращаясь къ которой-нибудь изъ нихъ, отвѣдай, пожалуйста, киселя съ молокомъ, отвѣдай: такую дальнюю дорогу ѣхала, слѣдуетъ и подкрѣпиться». Но «сватья» упорно отказывается отъ предлагаемаго угощенія и получаетъ изъ рукъ другой женщины—родственницы невѣсты на чепчикъ. Точно также угощаетъ и другую и третью, и т. д. всѣхъ шаферинъ, предлагая каждой кисель и молоко, но ни одна изъ нихъ не беретъ ни ложки, напередъ зная, что—сдѣлай она это, то потеряетъ другой болѣе цѣнный подарокъ—чепчикъ. Когда шаферины получатъ по чепчику, всѣ гости, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются въ избу. Невѣста же, стоя у дверной липины, (косяка) ждетъ, когда войдетъ женихъ, и какъ только послѣдній переступитъ чрезъ порогъ, она бросается на него и, что есть силы, старается нѣсколько разъ повернуть его. Цѣль этого дѣйствія—сдѣлать изъ жениха послушнаго мужа, которымъ бы и въ жизни, можно было повертывать также легко, какъ и теперь...

Иные женихи позволяютъ невѣстѣ повернуть себя, а иные же нѣтъ, и, не смотря на всѣ усилія ея, стоятъ крѣпко на ногахъ и чувствительными толчками отталкиваютъ её отъ себя. Свадебныхъ гостей жениха ждетъ въ избѣ цѣлый хоръ дѣвушекъ, которыя сидя за столомъ поютъ пѣсни; пѣсни опять поются обычныя, какія употребляются на бесѣдахъ (на русскомъ языкѣ); особенныхъ свадебныхъ пѣсенъ у кореляковъ нѣтъ. Женихъ приноситъ поющимъ дѣвушкамъ крендели, конфекты и пряники и кладетъ ихъ на столъ. Невѣста беретъ узелокъ съ гостинцами и раздаетъ ихъ подругамъ. Послѣ этого дѣвушки уходятъ вонъ изъ-за стола, и на мѣсто ихъ садится женихъ со своими поѣзжанами. Гостямъ приносится угощеніе: чай, водка и пряженые пироги. Послѣ же угощенія разстилаютъ на столѣ снова скатерть и приносятъ большой ржаной хлѣбъ, кладутъ на него икону и на столъ ставятъ солонку. Свадебные гости, какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты поднимаются изъ-за стола, становятся предъ иконой, висящей въ углу на стѣнѣ, и начинаютъ молиться. Предъ иконой зажигается восковая свѣча или лампада. Невѣста становится рядомъ съ женихомъ, и оба кланяются одновременно три раза до самой земли. Потомъ отецъ невѣсты берётъ со стола хлѣбъ и икону и возлагаетъ на головы жениха и невѣсты по очереди до трехъ разъ. Это же самое продѣлываютъ и другіе родственники невѣсты.—Еще до благословенія одинъ изъ шаферовъ жениховой стороны бьетъ кнутовищемъ (ручкой кнута) по полкѣ на лицевой сторонѣ дома и говоритъ: «эта сторона наша» (тӓмӓ чура мейдэнъ), а, указывая на сторону къ дверямъ, говоритъ—«та сторона ваша» (сэ чура тэйдэнъ).—Послѣ благословенія происходитъ взаимное «поздравленіе» молодыхъ (тэрвэһтӱсъ). Женихъ и невѣста цѣлуютъ другъ друга, и невѣста привязываетъ на шею жениху шелковый платокъ. Весь этотъ процессъ моленія предъ иконой и благословенія хлѣбомъ—кореляки называютъ «рукобитьемъ» (кядэнъ ишку), хотя въ теперешнее время ничего похожаго на рукобитіе въ буквальномъ смыслѣ нѣтъ. Послѣ «рукобитья» невѣста съ плакальщицей плачетъ предъ отцомъ, матерью, братьями и сестрами и жалуется, что они поступаютъ съ ней жестоко, немилосердно, отдавая въ неволю чужому человѣку.

Найдъ мійтумадъ, минунъ армойжени,	Вотъ вѣдь какую измѣну,
Изменӓдъ пидидъ!..	Какой обманъ
Мійтумадъ шурмудъ ласкидъ	Допустилъ ты, мой милый,
Сулидэнъ армойжидэнъ	Въ большихъ углахъ
Суврiһъ чуппулойһъ	Очень любезныхъ (т. е. родителей)?..
Вуота, кӱлветтӓйӓжени лапси,	Подожди,—пылкое дитя,
Кюзэлэнъ синуллайжъ:	Я спрошу у тебя:
Мидъ нӓимӓ олдаһъ	Что это за торговыя дѣла у тебя?
Кавпайжедъ синуллайжъ?	Или ты, пламенное дитя,
Вай олдаһъ, субіейни лапси,	Продаешь лошадь (букв.—Это узды продажа)?...

Суйчи піänъ кавпайжедъ? ..
Вуота нюгю, туониво лапси,
Тойжиттэлемосъ...
Оннако ё, каллижъ иho,
Кандойни кандэтту,

Минунъ-каргіяйженъ кавпа-піäдъ олдаhъ..
Оннако ё, вуаліяйнэ лапси,

Валгедидэнъ валдайжидэнъ кавпадъ олдаhъ
Энъ дё сміеттину, иhало-сіеменъ,
Нäмидъ изменäйжидъ...
Нäйдъ, луадіяйжени лапси,
Ласкидъ шуриулъ нэнгомадъ,

Кудаминдъ кайкизъ казвиндо-айгайжизъ
Ни кіерадъ энъ аятэлну...

Вуота эхки валдойндэлемосъ
Омилъ валгедилъ валдайжилъ
Ковиэhисъ луадуойжизъ,

Куни олэнъ пяйвяйhюжидэнъ-валгедумилъ валдайжилъ...
Оннако ё отоймитаhъ
Валгедадъ валдайжедъ...
Вуота эхки куннивойчемозъ,
Куни олэнъ кунни вуодэнъ валдайжилъ,
Кулдайжизъ луадуйжизъ,
Тундожидэнъ армойжидэнъ
Туhидэнъ параhисъ луадуйжизъ...

Подожди теперь tuonivo дитя,—
Подожди я приду въ себя...
Кажется, дорогая радость,
Чрезъ ношенье принесенный,—
Кажется, моей горькой головы продажа происходитъ...
Сватанное дитя!
Кажется, продажа моей бѣлой воли происходитъ...
Ужь не ожидала я совсѣмъ, радостное сѣмя,
Такой измѣны...
Видишь, прекрасное дитя,
Какой обманъ ты допустилъ,
Котораго ни разу, во всю мою жизнь съ тобою,
Я и не представляла...
Подожди, хоть еще понѣжусь (букв.—повольничаю)
На своей бѣлой волѣ
Въ прекрасныхъ строеніяхъ,—
Понѣжусь,—пока я еще на своей волѣ, бѣлой, какъ день...
Кажется, отоймутъ бѣлую волю...

А поэтому подожди,—хоть пороскошничаю,
Пока я на своей роскошной волѣ,—
Пока я въ золотыхъ помѣщеніяхъ
Знакомыхъ-милыхъ (т. е. родителей),
Въ строеніяхъ, изъ тысячи лучшихъ...

Въ это же время,—во время причитаній происходитъ раздача подарковъ жениховой роднѣ: родному отцу и отцу крестному дютъ обыкновенно ситцу на рубашку; родной матери и крестной—по сорочкѣ, шаферамъ—по 5 аршинъ холста и одинъ или два ситцевыхъ платка, въ богатыхъ же домахъ, вмѣсто холста, даютъ кумачъ—аршина 4 или 5; шаферинамъ (саяннайнэ) по сорочкѣ и чепчику каждой. Шафера перевязываютъ свои подарки чрезъ плечо (на манеръ, какъ иногда дѣлаютъ діаконы съ ораремъ) и носятъ ихъ во все время свадьбы.

Невѣста, наплакавшись предъ всѣми своими родственниками, подходитъ къ столу, за которымъ сидятъ гости жениха и, причитывая, проситъ гостей одарить её подарками. Женихъ и его родственники даютъ ей деньги, кто сколько можетъ: кто три, кто пять копѣекъ, а кто и больше. Потомъ невѣста снова подходитъ къ своимъ родителямъ, которые на этотъ разъ садятся рядомъ на одну скамейку, и, причитывая, проситъ у нихъ тёплой одежды—шубы, шубное одѣяло (катухке), проситъ—корову и овцу.

Иштугатоксэhъ вай, иhаладъ армойжедъ...
Вуота минä нäмядъ лопудъ кіерайжэдъ
Пакиченъ каллэhилъ армойженилъ
Каксидэнъ кіераллижедъ...
Андагадъ, пядэрядъ армойженидъ.

Присядьте-ка, радостные милые...
Подождите—я въ эти послѣдніе разы
Попрошу у васъ, дорогихъ-милыхъ,
Дважды-перемѣнную одежду...
Дайте, печальные милые,

Илмойнъ пяйвидэнъ оттамиһъ ляхтэдэсъ,
Пяйвилэ вастаһъ собадъ паштаядъ...
Андагадъ, верзоядъ армойженидъ,
Везилэ вастаһъ ляйкюядъ собайжедъ,
Кавиэһедъ армойжедъ,
Андагадъ кавнуйжедъ піяһюйжилэ...
Андагадъ, ляммядъ армойженидъ,

Ляммизъ ваттэгизъ собайжедъ...
Эй ку панда илмойнъ-оттаядъ
Поһьяйжилэ пуолуйжилэ...
Андагадъ, каллэһедъ армойженидъ,
Дялгайжидэнъ кавнуйжедъ...

Андагадъ, кулдайжедъ армойженидъ,
Кулда... илъ куюойжилъ кулгіядъ...
Садожадъ армойженидъ,
Андагаттэ сарви-піяһюдэдъ
Илмойнъ савиштэттуйһъ ляхтэдэсъ...

Кергедäдъ армойженидъ.
Андагадъ келлонъ кандаядъ...
Кай андагадъ, кӳлль армойженидъ,

Кӳлляжедъ приданнуойтъ...
Эй ку родидэ илмой кувамизъ

Кувзъ недäлийжидъ кувлойтуксидъ?...

Эй ку родидэ илмой пяйвинъ оттамизъ

Пяйвяллижидъ пяйветӳксидъ?...
Пассибо кайкизъ, каксидэнъ пуолнжодъ,
Каллэһедъ армойженидъ!...
Оппигадъ ё віе, валгедадъ армойженидъ,
Куни олэнъ тэйдэнъ валгедилъ ваддайжилъ
Минулъ-лейнäялъ лапсэлъ
Лендäядъ ліеменӳйжедъ...

Кӳлмянъ піяһюйжидэнъ кучермуйжедъ,
Куни олэнъ тэйдэнъ полвидэнъ піялюйжилъ,
Параһадъ армойжедъ!
Пандаһъ минунъ лендäядъ ліеменӳгедъ

Кувзилэ кучермуойжилэ
И пяйвяйжидэнъ пяйветтӳмяттӧмилэ сіяһуйжилэ...
Суврэдъ спассибодъ, суладъ армойженидъ,
Каку кайкелъ приданнуойль
Кюллититтэ...

Мнѣ, уходящей къ всесвѣтнымъ бродягамъ,
На солнцѣ сверкающую одежду,
Отражающуюся въ плещущейся водѣ...
Дайте украшенія на голову;
Дайте, ласковые милые,
Изъ теплаго сукна одежду:
Чтобы да не поставили меня всесвѣтные грабители
На сѣверную сторону...
Дайте, дорогіе милые,
На ноги украшеніе;
Дайте, золотые милые,
По золотымъ дорожкамъ скользящіе (разум.— сапоги)...
Щедрые-милые,
Дайте рогатыя головы (корову)
Мнѣ, уходящей къ всесвѣтнымъ нищимъ...
Ясные милые,
Дайте также носящія колокола (что-н. изъ скота)...
Все дайте, довольные милые,—
Все богатое приданное. .
Что-бы иначе—не было отъ всесвѣтныхъ бродягъ
Шести недѣльныхъ попрековъ,
Что-бы не было у меня предъ всесвѣтн. грабителями
На лицѣ солнечнаго загара (не было стыдно)...
Спасибо за все, двухъ-половинчатые (т. е. родители);
Спасибо вамъ, дорогіе милые!...
Пощупайте еще, бѣлые-милые,
Пока я на вашихъ бѣлыхъ воляхъ,
Пощупайте—у меня, льняного ребенка,

Мой развѣвающійся ленъ (волосы),

Кудри-холодной головы,
Пощупайте, пока я еще на вашихъ колѣняхъ,
Лучшіе милые.
Положатъ мой развѣвающійся ленъ

На шесть кудерокъ (косъ)
И въ такія мѣста, куда не проникнетъ солнечный загаръ...
Большое спасибо вамъ, мои милые,
За то, что всякими подарками меня наградили (букв.-насытили)...

Послѣ окончанія этихъ причитаній, на плечи ей накидываютъ шубное одѣяло (катухке) мѣхомъ вверхъ и уводятъ въ чуланъ. Здѣсь начинается одѣванье невѣсты къ вѣнцу. На полу чулана разстилается выдѣланная овечья шкура, а если въ домѣ ея нѣтъ, то и шуба, мѣхомъ вверхъ, и подъ ноги невѣсты, подъ шкуру кладутъ топоръ и пилу: это для богатой жизни. Невѣсту раздѣваютъ до нога, и въ чуланъ къ ней приводятъ жениха. Женихъ долженъ взять голую невѣсту и посадить её къ себѣ на колѣни. Подержавъ такъ нѣсколько времени на колѣняхъ, онъ молча уходитъ вонъ и опять возвращается въ избу къ гостямъ. Значенія этого дѣйствія мнѣ никакъ не удалось узнать. (Думаю, что все это продѣлывается съ цѣлью возбудить въ женихѣ страстное чувство къ невѣстѣ, что между корелами отожествляется съ любовію). Потомъ, братъ невѣсты одѣваетъ сестрѣ чулки и подъ пятки въ сапоги кладетъ по двугривенной монетѣ,— для мытья будущихъ дѣтей, для чистоты ихъ; а иные же берутъ 3 зерна житныхъ (ячменныхъ), 3 конопляныхъ, 3 небольшихъ камешка, и все это, связавъ въ одинъ узелокъ, кладутъ подъ лѣвую пяту; относительно послѣдняго обряда даютъ, обыкновенно, такое объясненіе: «чтобы свадьба не разстроилась со стороны родственниковъ жениха, напр. со стороны его отца, дяди, которые во время свадьбы, постоянно угощаясь водкой, бываютъ очень капризны; вотъ для этого-то невѣста и кладетъ подъ лѣвую пяту узелокъ съ зернами ячменя и конопли и съ тремя камешками; это средство очень годится...»

Одѣвъ чистую сорочку, невѣста умывается; къ ней снова въ чуланъ приглашается женихъ. Послѣдній также долженъ умыться въ той водѣ, въ которой до него умывалась невѣста. «Иные женихи», замѣтила при этомъ моя разсказчица, «которые женятся по своей волѣ, по любви,—охотно бѣгутъ въ чуланъ, а иныхъ едва-едва уговоришь идти,— не идутъ-да и всё тутъ». Подъ платье, въ пазуху невѣста кладётъ или кусочекъ мыла, или же копѣйку и это выбрасываетъ въ церкви во время вѣнчанія. Зачѣмъ это? «А чтобы избавиться отъ чирьевъ» (вередовъ), которые будто-бы всегда въ изобиліи появляются на тѣлѣ у невѣсты, при взглядѣ ея на сучки церковныхъ стѣнъ. Отъ хлѣба, которымъ мать и отецъ благословятъ невѣсту, она также отрѣзываетъ крошечку и кладётъ ее между грудей, у вѣнца стоитъ съ нею и съ нею же ѣдетъ въ домъ жениха, гдѣ и ѣстъ по немногу, чтобы не скучать, не тосковать по родительскомъ домѣ. Нѣкоторыя же невѣсты полагаютъ въ пазуху еще кромочку хлѣба и, послѣ вѣнчанія, бережно сохраняютъ её въ сундукѣ,—для родовъ будто бы очень годится; сохраняютъ также ту скатерть, въ которую былъ завернутъ благословленный хлѣбъ; ею покрываютъ дѣтей во время припадка родимца...

Наконецъ, одѣтая невѣста приходитъ изъ чулана въ избу. При входѣ въ избу ее встрѣчаютъ ея же родственники съ ухватами, помялами и кочергами въ рукахъ и не позволяютъ ей пройти къ столу, къ жениху... И только водка жениха обезоруживаетъ ихъ... Когда невѣста подойдётъ къ столу, женихъ поднимается со скамьи, беретъ её за руку и и трижды повертываетъ предъ столомъ; цѣль таже, что и у невѣсты при продѣлываніи этого же дѣйствія—имѣть послушную жену. Затѣмъ садятся рядомъ на минутку другую за столъ—и начинаются сборы къ вѣнцу: гости одѣваютъ шубы и шапки, опоясываются кушаками, садятся въ сани и ѣдутъ въ церковь. Весь путь отъ дома невѣсты къ церкви и отъ церкви къ дому жениха обставляется по окраинамъ соломенными снопами. Снопы эти приносятся крестьянами—сосѣдями и ими же зажигаются во время слѣдованія жениха и невѣсты въ церковь, а потомъ и изъ церкви. Испуганные кони, осыпаемые цѣлыми тучами огненныхъ искръ, бросаются изъ стороны въ сторону, поднимаются на дыбы, ржутъ необыкновеннымъ образомъ, забрасываютъ заднія ноги въ сани къ сѣдокамъ... И за все это доставляемое удовольствіе крестьяне, зажегшіе солому, получаютъ на водку отъ жениха или отъ его шаферовъ. Ребятишки также не отстаютъ отъ своихъ родителей въ умѣньѣ получить «свадебнаго»; они строятъ на пути огороду, которую снимаютъ только за деньги; или же—протягиваютъ чрезъ дорогу нитку, натертую медвѣжьимъ саломъ, чего лошади также очень и очень боятся. При входѣ въ церковь одна изъ родственницъ невѣсты поднимаетъ у послѣдней подолы, остерегаясь, чтобы они не коснулись пола и порога церковнаго,—и это съ тою же цѣлію, зачѣмъ полагается въ пазуху копѣйка

или кусочекъ мыла, т. е. чтобы у невѣсты не было чирьевъ. Въ церкви женихъ и невѣста стоятъ, наступивъ ногой (женихъ лѣвой, а невѣста правой) на платокъ или кусочекъ холста. Замѣчаютъ при этомъ—кто первый наступитъ ногой на холстъ? Наступившій первымъ—будетъ господиномъ въ домѣ, старшимъ въ семьѣ... Вѣнчальныя свѣчи иные сохраняютъ, а иные же ломаютъ надъ головами обвѣнчанныхъ (кто-нибудь изъ родственницъ жениха). Обращаютъ также вниманіе на величину свѣчей: чья свѣча длиннѣе, тотъ дольше проживетъ...

По выходѣ изъ церкви, невѣста не должна первая заговорить съ женихомъ, пока тотъ не заговоритъ раньше; дѣлается это для того, чтобы имѣть власть надъ мужемъ. Жениха и невѣсту, возвращающихся отъ вѣнца, встрѣчаетъ мать жениха, одѣтая въ шубу мѣхомъ вверхъ. Она осыпаетъ молодыхъ зёрнами ячменя и пухомъ (чтобы молодые жили богато). Потомъ, отецъ жениха и мать невѣсты (въ прежнемъ же нарядѣ) благословляютъ ихъ.

Погребальные обряды кореляковъ.

Въ Корелѣ, какъ только кто умретъ—мужчина то или женщина—все равно, тотчасъ родственники умершаго со слезами и причитаньями приглашаютъ нѣсколькихъ старухъ для омовенія трупа. Трупъ кладутъ на полъ, на солому и моютъ его водой и мыломъ. Потомъ омытый трупъ поднимаютъ на лавку въ большомъ углу и распростираютъ его головой къ иконамъ. Подъ него подстилаютъ солому. На окно, подлѣ котораго лежитъ трупъ, поставляютъ чашку чаю, а въ иныхъ домахъ и кофе,—блюдо съ пирогами и чашку съ холодной водой. Для чего все это?—Первыя два блюда (чай и пироги) для того, чтобы душа покойника, пока находится на землѣ, могла отвѣдать кушаньевъ въ своемъ родномъ домѣ; а вода полагается для того, чтобы душа, по выходѣ изъ тѣла, могла омыться въ «холодной водушкѣ». Душу кореляки представляютъ или въ видѣ пара, или въ образѣ птички, большею частью ласточки, а иные и въ видѣ чайки. Держатъ трупъ въ домѣ обыкновенно дня 2 или 3. По ночамъ «караулить умершаго»—куоляйдъ вардюойта собирается множество старухъ и стариковъ, которые сказками и различными занимательными разсказами коротаютъ длинную ночь: разсказываютъ о мертвецахъ, о привидѣніяхъ, о лѣшихъ, водянникахъ, домовыхъ и пр...

Гробъ дѣлается самый обыкновенный, изъ досокъ; только младенцы погребаются въ выдолбленныхъ чурбанахъ-гробахъ. Закрытый гробъ младенца ничѣмъ не отличается отъ круглаго полѣна; и такое близкое сходство однажды подало поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ.

Одинъ крестьянинъ принесъ на погостъ трупъ своего ребенка въ гробикѣ-чурбанѣ. Было еще раннее утро, и батюшка крѣпко почивалъ подъ теплымъ одѣяломъ. Чтобы не безпокоить его, крестьянинъ ткнулъ гробикъ въ поповскій костеръ (чтобы собаки не достали), а самъ пошелъ къ знакомымъ крестьянамъ справить кой-какія дѣла. Тѣмъ временемъ проснулась попадья. Ничего не зная о принесенномъ покойникѣ, она первымъ дѣломъ съ утра стала топить печь: сходила на улицу, принесла въ избу дровъ и стала бросать ихъ въ печь; какъ броситъ одно изъ круглыхъ полѣньевъ, и что же?... Оно моментально распалось на двѣ части, и изъ него выпалъ трупъ младенца... Въ домѣ началась тревога, крикъ, шумъ, слезы... И только возвратившійся отъ знакомыхъ крестьянинъ объяснилъ въ чемъ дѣло. «Смотри, впередъ этого у меня не смѣть дѣлать», строго замѣтилъ ему священникъ..., но гробы для младенцевъ до сихъ поръ дѣлаются долбленные.

Съ боку въ гробахъ для взрослыхъ прорѣзывается небольшое отверстіе, въ которое вставляется стекло и дѣлается такимъ образомъ что-то въ родѣ небольшаго окна.

Покойника одѣваютъ въ чистую, вымытую одежду (изрѣдка только шьется новая одежда), и на грудь ему кладутъ небольшую бѣлую холщевую тряпочку. Всякій, кто приходитъ на домъ поклониться праху умершаго, кланяется нѣсколько разъ иконамъ, потомъ подходитъ къ трупу, беретъ въ руки трапочку и машетъ ею поверхъ трупа по направленію отъ головы къ ногамъ и обратно. Въ гробъ въ изголовье покойника полагаютъ вѣничный листъ и мелкіе стружки... Солома, на которой лежалъ трупъ, и щепки отъ гроба—бросаютъ въ воду, и послѣднія (т. е. щепки), по мнѣнію кореляковъ, тотчасъ же тонутъ и никогда не всплываютъ на поверхность воды. Встрѣтиться съ гробомъ покойника, когда его несутъ въ церковь или изъ церкви,—считается за дурное предзнаменованіе. Когда тѣло отпоютъ и гробъ понесутъ вонъ изъ церкви на кладбище, ближайшіе родственники умершаго—женскій полъ, начинаютъ причитывать еще въ самой церкви.

Съ растрёпанными косами, съ сбитыми съ головы платками, онѣ кричатъ во весь духъ, кланяются мѣстнымъ иконамъ и съ причитаньями же идутъ на кладбище. Въ могильную яму, прежде чѣмъ опустить гробъ, бросаютъ копѣйку—откупаютъ мѣсто для умершаго. Гробъ опускаютъ въ могилу на кушакахъ или на холстѣ, который потомъ идетъ въ пользу церковнаго причта.

Послѣ погребенія устраивается для гостей поминальный обѣдъ—«веро». За обѣдомъ поминаютъ умершаго кутьей, которая приготовляется изъ рослой ржи, и вареннымъ горохомъ. По представленіямъ кореляковъ, душа умершаго въ продолженіи сорока дней послѣ смерти находится на землѣ: посѣщаетъ свой домъ, осматриваетъ свое прежнее хозяйство и дѣлаетъ даже распоряженія—сшить такому-то сосѣду рубашку, подарить такому-то его новый кафтанъ, и такія посмертныя распоряженія исполняются вточности.

Въ сороковой день («мустайжетъ»—черинны) совершаются по умершемъ поминки. Заказывается обѣдня и приготовляется для гостей обѣдъ. Священнослужителей, идущихъ изъ церкви на обѣдъ, встрѣчаютъ родственники умершаго съ причитаньями, съ подушкой въ рукахъ или на головѣ. По объясненію кореляковъ, этотъ обрядъ означаетъ то, что вмѣстѣ съ «попами» приходитъ изъ церкви въ домъ душа умершаго, её то и принимаютъ родственники на подушку, несутъ въ домъ и кладутъ на печку. На печку предъ подушкой ставятъ приборъ и накладываютъ цѣлую гору пироговъ—пусть усопшій угощается. Окно въ домѣ, предъ столомъ, открываютъ (а если зимнее время, то, опустивъ полотенце, снова закрываютъ его) и изъ него опускаютъ на улицу конецъ полотенца, другой же конецъ его поднимаютъ на столъ,—этимъ устраивается путь въ домъ для усопшаго.

За столомъ также оставляется одно мѣсто, никѣмъ не занятымъ; на него кладутъ пироги, хлѣбъ и ложку, и никто изъ гостей во время обѣда ими не пользуется; этотъ приборъ также предназначается для умершаго, который, по убѣжденію кореляковъ, невидимо присутствуетъ за обѣдомъ.

Приведу для иллюстраціи одинъ случай посѣщенія мертвымъ своего дома, слышанный мною въ Корелѣ. «Разъ это я на канунѣ «мустай жидъ», разсказывалъ корелякъ, видѣвшій въ сороковой день своего умершаго брата, возвращался вечеромъ домой. Ѣздилъ я на погостъ, въ лавочку—закупить на «веро» постнаго масла да гороховой крупы. Ѣду я тихонько и напѣваю: Господи Сусей Христосъ, Сина Божей,—помилуй насъ, вдругъ гляжу на дорогѣ стоитъ мужчина, подъѣхалъ ближе, гляжу—братъ, умершій 40 дней тому назадъ, стоитъ въ той самой одеждѣ, въ которой былъ погребенъ. Подъѣхалъ я къ нему, слышу говоритъ: «Я, братъ, къ тебѣ ѣду на «веро», подвези, пожалуйста, меня». Я ужъ ни живъ, ни мертвъ—стегнулъ скорѣе лошадь и помчался во весь духъ домой; оглянусь какъ, такъ позади меня сидитъ умершій братъ. Я еще шибче погоняю лошадь... всю дорогу, до самаго дома, видѣлъ покойника, а какъ только подъѣхалъ къ домовому крыльцу—вдругъ скрылся, должно быть въ домъ прошелъ. Подъѣхалъ это я къ крыльцу, соскочилъ вторпяхъ съ саней—недосугъ даже лошади распрягать—спрашиваю у жены: приходилъ кто-нибудь сейчасъ въ избу?—Нѣтъ, говоритъ, никого не было, никто сейчасъ не приходилъ, была сосѣдка—Катти, такъ ужъ часъ

тому назадъ, какъ ушла... Перекрестилъ я на ночь всѣ двери и окна, лёгъ спать, благословясь, и ничего, съ Богомъ, во всю ночь не привидѣлось... И послѣ этого ни разу никогда болѣе не видывалъ мертвецовъ»...

Кромѣ сороковаго дня, поминовеніе умершихъ совершается еще въ такъ называемыя родительскія субботы. Въ эти дни бабы—корелки напекаютъ множество пироговъ, блиновъ, рыбниковъ—и все это на большихъ блюдахъ несутъ въ церковь. Отстоявъ обѣдню и выслушавъ панихиду, богомольцы направляются на кладбище. Положитъ—это баба блюдо съ пирогами на могильный холмикъ, сама подсядетъ рядомъ, подопретъ щеку рукой и давай плакать и причитывать,—и это продолжается полчаса, а иногда и цѣлый часъ... Наплакавшись вдоволь, она потомъ раздаетъ пироги нищимъ, прося ихъ помолиться о упокоеніи души такого то,—и спокойно возвращается домой, исполнивъ долгъ по отношенію къ умершимъ сродникамъ.

Причитанья надъ покойникомъ.

(До омовенія трупа).

Вастаттиhъ-го валгедадъ сӱндӱдъ?
Отэттиhъ-го орхедадъ сӱндӱдъ
Ойгедазъ кядӱйжезъ,
Питкянъ матканъ мяндӱдъ?
Віедиhъ-го виhандилэ нурмуйжилэ,
Вастаттиhъ-го валгединъ туоhуксужидэнъ-керä,
Урой валгедъ-армойжени?
Віедиhъ-го ляммилэ пячійжилэ,
Сорей армойжени?
Пандиhъ-го столайжидэнъ-піähъ,
Питкидэнъ маткайжидэнъ мяндӱй?
Озутэттиhъ-го каллэhитъ армойжидъ,
Аммуй алэннужидъ;

Отэттиhъ-го ӱксиhъ артелійжиhъ,
Тундустэттиhъ-го, сула-армойжени, синудайжъ?.

Встрѣтили-ли тебя бѣлые «сӱндӱдъ»?
Взяли-ли тебя «орхедадъ-сӱндӱдъ»
За правую рученьку,
Дальнюю дорогу прошедшаго?
Свели-ли они тебя на зелёную муравку,
Встрѣтили-ли тебя, «урой-бѣло-милый»,

Съ бѣлыми свѣчами,
Подняли-ли на теплыя печки,
Посадили-ли за столъ тебя,
«Сорей-милый»?
Показали-ли они тебѣ дорогихъ-милыхъ,
Давно опустившихся;
Взяли-ли они тебя въ свои артели (компаніи).

Узнали-ли тебя, очень-милый?

(Послѣ омовенія).

Качо нюгю, урой-каллижъ-армойжени,
Валгедиhъ вакки-собайжиhъ сэлгитэттӱ,
Ойгедилэ пууhуйжилэ ойгендэлту!
Вуота кюзэленъ, кӱлль-армойжени,

Дёго олэдъ суувридэнъ сӱндӱйжидэнъ эдэссъ?
Пандиhъ-го, соредъ-армойжени,
Срочитунъ столанъ тагуйжиhъ,
Куллайжидэнъ кунниvуодэнъ,—тагаксъ?
Кӱллитэлдиhъ-го кӱлляйжексъ
Питкäнъ матканъ мяндэсъ?..

Вотъ теперь, «урой»-дорогой-милый,
Наряженъ ты въ бѣлыя необычныя одежды,
На прямыя деревья (скамьи) расправленъ.
Подожди спрошу я у тебя, «кӱлль»—милый (кӱллялъ—до сыта);
Уже ли ты предсталъ предъ лицо великихъ «сӱндӱдъ»?
Посадили-ли они тебя, «соредъ»—милый,
За строченые (украшеные) столы,—
Столы золоченые царскіе?
Напитали-ли они тебя до сыта,
Длинную дороженьку прошедшаго?..
(Далѣе идутъ вопросы перваго причитанья).

Діятидъ піенидъ лапсуйжидъ	Оставилъ ты послѣ себя маленькихъ дѣтушекъ,
Айгайжиксъ армуойтомайжиксъ,	Безвременныхъ (преждевременныхъ) сиротиночекъ,
Піендаръ-ћейнайжидэнъ шенумаксъ	Какъ трава межи маленькихъ,
Муанъ-ћейнайжидэнъ мадалумаксъ.	Какъ дубровка—низенькихъ...

(Когда въ сараѣ начнутъ дѣлать гробъ).

Опи, кулль-армойжени,	Попробуй, «кулль-милый (до сыта—милый),
Кумменилэ кундуйжилэ кугадэлтаксэћъ,	На десять ноготковъ приподняться,
Аллэннуйжилэ аскелуйжилэ азэтэлдаксэћъ.	Попробуй слабенькіе шажки дѣлать.
Опи-вай, кулдайнэ — армойжени, куондуда...	Попробуй, золотой-милый,
Куондутэлкатъ, кулдай жедъ сундуйжедъ,	Очувствоваться (придти въ себя отъ сна).
Изволикатъ, армаћадъ сундуйжедъ.	Разбудите его, золотые - милые - сундудъ,
Опи-вай каксилэ каткеннуйжилэ дялгайжилэ	Пожалуйста, пробудите!!
Кабахтэлдаксэћъ, опи, урой - каллижъ-армойжени. .	Попробуй на двѣ надломившіяся ножки привскочить,
Синулэ, кулдъ-армазъ—лапсуйжени,	Попробуй, «урой»-дорогой-милый.
Азэтэлтаћъ игяйжедъ кодійжедъ.	Тебѣ, милое-золотое-дитятко,
Ляккя, сула-армойжени, качодъ,	Вѣчные домы строятъ;
Синулэ луадитудъ игяйжедъ кодійжедъ...	Пойдемъ, «сула»-милый,
Луадигаттъ урой-сула-армойженилэ	Посмотришь на нихъ,
Игяйжедъ кодійжедъ!	Для тебя приготовленныхъ.
Кай дё онъ азэтэтту,	Стройте (обращается плакальщица къ плотникамъ) «урой»-«сула»-милому вѣчные домы!
Кай онъ луадитту кравайжедъ...	Уже всё налажено,
Азэтэлкаттъ каллижъ армой женилэ	Уже кровати для него готовы.
Піелузъ - піаћудэдъ піаскуой - линдунъ ћовћенійжизъ,	Набейте ему подушки пухомъ ласточекъ,—
Суувридэнъ сундуйжидэнъ эдэћъ ляхтэдэзъ...	Ему, милому-дорогому,
Дё онъ кай азэтэтту,	Къ великимъ «сунду» уходящему.
Кай онъ луадитту...	Уже все налажено,
	Все приготовлено.

Н. Лѣсковъ.

«Віандуойдъ».

Время отъ кануна Иванова дня (23-го іюня) до Петрова дня (29-го) кореляками считается за время святое—«віандуойдъ». Въ продолженіи всего этого времени всѣ растенія—травы, цвѣты, листья на деревьяхъ и самая роса считаются цѣлебными, годящимися во всякое мѣсто «дёга сіяћъ пятаћъ». Во весь этотъ періодъ не моютъ половъ, не мочатъ вѣниковъ и помялъ, не моютъ бѣлья, не мажутъ дёгтемъ сапоговъ и не ходятъ въ баню... Кстати замѣчу, ходить въ баню для кореляковъ величайшее удовольствіе. Въ лѣтніе дни бани топятся ежедневно; и всѣ, пришедшіе съ работы, «валомъ валятъ» въ нихъ помыть свое грѣшное тѣло и распарить кости. Бани кореляковъ величиною не

болѣе какъ въ квадратную сажень или полторы... Каменка занимаетъ почти половину, по стѣнамъ узкія скамьи, и подлѣ каменки высокій полокъ. И представьте себѣ, что въ этой тѣснотѣ помѣщается человѣкъ 20—30 обоего пола: здѣсь и мужики, и бабы, парни и дѣвушки, и маленькія дѣти; всѣ хлещутъ себя вѣниками, всѣ парятся до полузабытья. Совмѣстное хожденіе въ баню обоихъ половъ не ведетъ однако къ случаямъ прелюбодѣянія. Совершить прелюбодѣяніе въ банѣ, по мнѣнію кореляковъ, одинъ изъ самыхъ страшныхъ грѣховъ и наказывается очень строго. Напарившись до изнеможенія, всѣ бросаются въ озеро или рѣку—остыть въ холодной водѣ; послѣ холодной ванны, снова начинается паренье еще съ большимъ ожесточеніемъ; потомъ опять купанье и снова паренье, и такъ чередуется нѣсколько разъ. Зимой же, послѣ паренья, выбѣгаютъ на улицу, сидятъ на снѣгу, окачиваются холодною водою изъ проруби... Такіе рѣзкіе переходы отъ жару къ холоду и отъ холоду къ жару пріучаютъ кореляковъ безвредно переносить всевозможныя перемѣны температуры и застраховываютъ ихъ отъ заболѣваній простудою...

Возвратимся къ прерванному разсказу о «віандўойдъ». Въ старину, по словамъ стариковъ, во время «віандўойдъ» затыкали даже колокола, привязываемые на шею коровамъ: «за то и хлѣба Богъ давалъ людямъ, когда все точно исполнялось, а теперь, какъ все пошло шиворотъ на выворотъ, то добраго нечего и ждать».. Во время «віандўойдъ» кореляки собираютъ лѣкарственныя травы, ломаютъ вѣтви берёзы для вѣниковъ и приносятъ вересъ и ольху для паренія молочныхъ горшковъ. Изъ лѣкарственныхъ травъ мнѣ удалось узнать:

a) «Урчуой һейнэ»,—употребляется при боли въ желудкѣ; траву эту завариваютъ кипяткомъ и пьютъ по немногу на тощакъ; употребляется она также для излѣчиванія отъ призору: на огонь бросаютъ «урчуой һейнэ» и дымомъ ея окуриваются.

b) «Равдъ Бобайнэ» —эта трава употребляется, какъ кровеостанавливающее средство, при разрѣзахъ; накладывается на рану, и кровь моментально останавливается.

c) «Куувзэнъ лехти» – отъ чесотки; пьютъ въ заваренномъ видѣ въ кипяткѣ и мажутъ больныя мѣста.

d) «Айлазъ-һейнэ»—отъ колотья.

e) «Койранъ-ватюой» (родъ щавеля)– отъ чесотки.

f) «Лутти-һейнэ»,—какъ средство отъ клоповъ.

g) «Збировей»—звѣробой, пьютъ вмѣсто чаю

h) Клеверъ- отъ призора.

i) Цвѣты земляники и малины—завариваютъ и пьютъ, какъ чай.

j) «Туувлэнъ кобрэ»—рука или пясть вѣтра; растетъ на ели и представляетъ изъ себя густой вѣникъ, состоящій изъ весьма укороченныхъ, тѣсно сидящихъ вѣточекъ. Употребляется, какъ средство отъ призора. Дѣтей, заболѣвшихъ отъ призора, обдаютъ нѣсколько разъ водой сквозь «туувлэнъ кобрэ»...

Собранныя послѣ «віандўойдъ» эти же самыя травы теряютъ цѣлебныя свойства и свое значеніе. Особенно время «віандўойдъ» важно для дѣвушекъ... Наканунѣ Иванова дня (23-го іюня) онѣ собираютъ цвѣты и дѣлаютъ изъ нихъ вѣники (это впрочемъ дѣлаютъ и иные молодые парни); этими вѣниками онѣ парятся въ банѣ и потомъ бросаютъ въ воду: у которой дѣвушки вѣникъ утонетъ, той не бывать скоро замужемъ, или она скоро умретъ; а у которой уплыветъ далеко и не затонетъ, — ту скоро возьмутъ замужъ, или она не умретъ въ этотъ годъ. Потомъ: на канунѣ же Иванова дня вечеромъ дѣвушки отправляются въ лѣсъ и полагаютъ въ ржаныя поля, принадлежащія тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ въ домѣ есть молодой парень, — полотенце, кусочекъ мыла и серебряную монету. Эти вещи лежатъ тамъ до самаго кануна Петрова дня. Вся ночь на Петровъ день корельскою молодежью проводится безъ сна; въ эту ночь никто изъ нихъ не смыкаетъ глазъ ни на минуту. Съ вечера на селѣ начинаются танцы и различныя игры; парни шутятъ и заигрываютъ съ дѣвушками, ѣдятъ пряники, грызутъ конфекты, и время незамѣтно проходитъ до полуночи. Въ самую полночь дѣвушки идутъ въ поля и берутъ обратно спрятанныя вещи. Собираютъ также цвѣтъ ржи, который потомъ хранится въ продолженіи цѣлаго года; онъ, по мнѣнію кореляковъ, привлекаетъ

любовь и дѣлаетъ дѣвушку, носящую его,—во всѣхъ отношеніяхъ милою, привлекательною, потому-то молодежь женскаго пола, отправляясь на «бесѣду» или на гулянья, всегда берётъ его съ собой, въ карманъ. «Купаются»—ползаютъ въ росистой ржи и собираютъ въ чашку росу. Однѣ дѣвушки «купаются» въ одеждѣ, а другія совершенно голыми. Собранная ночью роса—на утро разбавляется водой и ею умываются, идя въ церковь къ обѣднѣ или на гулянку, чтобы понравиться молодымъ парнямъ. Мыло, полотенце и серебрянная монета, пролежавшія въ полѣ во все время «віандӯйдъ»—цѣнныя вещи въ рукахъ корелки-дѣвушки. Онѣ служатъ однимъ изъ лучшихъ средствъ пустить о себѣ въ людяхъ хорошую молву—«лемби ностай»—и привлечь вниманіе и любовь молодыхъ людей. При умываніи монета опускается въ воду. Дѣвушка умывается мыломъ и утирается этимъ полотенцемъ и послѣ этого—навѣрняка можетъ разсчитывать, что понравится любому парню.

Наступилъ Петровъ день, ударили въ церковный колоколъ къ утренѣ, и всѣ цѣлебныя свойства росы и травъ сразу же уничтожаются. Та же самая трава, кажется, такая же и роса,—да она ужь болѣе никуда не годится... Потому-то корельскія дѣвушки и дорожатъ такъ временемъ «віандӯйдъ», временемъ, въ которое можно привлечь къ себѣ не одного молодца...

Какъ присушить парня къ дѣвкѣ... Любовь молодаго человѣка къ дѣвушкѣ возникаетъ, по мнѣнію кореляковъ, не естественнымъ чисто путемъ, какъ чувство здороваго человѣка, а непремѣнно происходитъ при помощи наговоровъ и нашептываній. Начинается любовь при помощи колдовствъ и наговоровъ и кончается только при содѣйствіи ихъ. Сама собой она не можетъ ни начаться, ни кончиться... Нѣкоторые изъ наговоровъ, при помощи которыхъ дѣвушка можетъ присушить («пашгуттай»—буквально—припечь) къ себѣ парня, мнѣ удалось узнать, хотя и съ большими усиліями и стараніями. Вотъ они: 1) Дѣвушка кладетъ къ себѣ въ пазуху живую рыбу и держитъ ее тамъ до тѣхъ поръ, пока она не умретъ. Во время держанія она постоянно произноситъ: какъ эта рыба умираетъ, такъ точно и такой-то парень пусть по мнѣ умираетъ (куй тӓмӓ кала куоловъ, муга анда Микко минудъ мӱӧти куоловъ). Потомъ эту издохшую рыбу запекаютъ въ рыбникъ и угощаютъ того парня, котораго хотятъ присушить 2) Дѣвушка отстригаетъ у себя часть волосъ. Эти волосы сожигаетъ на огнѣ со словами: какъ эти волосы горятъ въ огнѣ, такъ точно пусть душа такого-то парня горитъ по мнѣ—что ни день, что ни мѣсяцъ, что ни годъ, а во всю здѣшнюю жизнь (куй нӓммӓ тукадъ палэтаһъ тулэзъ, муга анда Миконъ һенги палагахъ минуһъ, мидӓ пӓйдъ, мидӓ куувдъ, мидӓ вуоттэ, сійтъ илмаштъ нгидъ). Зола отъ сожженныхъ волосъ примѣшивается къ питью или пищѣ и скармливает я извѣстному парню. 3) Дѣвушка идетъ въ баню, берётъ съ собой сковороду, сидя на которой и моется. Мыльная вода, скопившаяся на сковородѣ, нѣсколько разъ вращается около стѣнокъ сковороды со словами: какъ эта вода вращается около сковороды, такъ пусть такой-то парень ходитъ постоянно около меня (куй тӓмӓ вези ӱмбяри ріехтилӓзъ пӱорӱвъ, муга анда Микко ӱмбяри минуэъ кавелевъ). Потомъ эту воду приносятъ домой и на ней пекутъ пироги для присушиваемаго парня. 4) Если парень, котораго хотятъ присушить, ходитъ къ дѣвушкѣ въ домъ и сидитъ иногда на лавкѣ (въ корельскихъ избахъ вдоль стѣнъ прибиваются широкія лавки), то для «присуха» его достаточно отрѣзать ножомъ кусочекъ дерева съ того мѣста, на которомъ онъ сидѣлъ, сжечь въ жараткѣ, и этотъ парень придетъ снова въ домъ къ дѣвушкѣ и полюбитъ её. 5) Дѣвушка беретъ свои регулы и примѣшиваетъ ихъ къ пищѣ или питью того парня, котораго намѣрена присушить. Это средство, хотя и употребляется между кореляками очень часто, но относится къ числу самыхъ «грѣшныхъ»: «кто изъ дѣвокъ только станетъ такъ колдовать, говорила мнѣ разсказчица, та присушитъ—присушитъ парня, но за то «убьетъ судьбу» его—«таппавъ һӓнэнъ озанъ», сдѣлавъ его на вѣкъ несчастнымъ; оттого-то и желудочныя боли у нѣкоторыхъ мужей (въ корелѣ страдающіе желудочными болями встрѣчаются очень часто), параличъ (параличъ кореляками считается самою страшною болѣзнью, бабы, ругаясь между собою, въ спорѣ, въ числѣ всякихъ пожеланій, непремѣнно посулятъ другъ другу параличъ — «һуллайдайжъ каку синудъ») и др. болѣзни». 6) Дѣвушка

съ матерью или другой женщиной, идетъ въ лѣсъ; отыскиваютъ муравейникъ и неподалеку отъ него густой кустъ ивы. Затѣмъ дѣвушка роетъ въ срединѣ муравейника яму; раздѣвается до нага и становится въ вырытое углубленіе. Женщина подаетъ ей воду, и она обливаетъ себя. Между тѣмъ въ кустѣ ивы долженъ быть сдѣланъ ходъ съ тою предосторожностью, чтобы при этомъ не повредить корней и вѣтвей ивы. Облившись водой, дѣвушка должна пролѣзть сквозь кустъ нагая. Потомъ она одѣвается и идетъ домой: «будь хоть столѣтняя дѣвушка, а «крянется» (т. е. выйдетъ замужъ), заключила разсказчица.

Н. Лѣсковъ.

Китаби-Коркудъ.

Борьба богатыря съ ангеломъ смерти.

Настоящая книжка Живой Старины (соединенные 3 и 4 вып.) въ значительной степени посвящена тюркскимъ народностямъ. Въ исполненіе своего давняго желанія и съ разрѣшенія редактора Записокъ Восточнаго Отдѣленія И. Р. Археол. Общ. (т. VIII) считаю умѣстнымъ тутъ же перепечатать (съ выпускомъ тюркскаго текста и нѣкоторыхъ примѣчаній переводчика молодого нашего ученаго г. Бартольда) это прекрасное, высокохудожественное произведеніе тюркской поэзіи. Оно просится въ стихи, и я слышалъ— одинъ изъ нашихъ поэтовъ, уже подарившій нашей литературѣ нѣсколько весьма удачныхъ стихотвореній въ восточномъ духѣ, собирается передать въ стихахъ эту поэму: борьба богатыря съ ангеломъ смерти. *Ред.*

Предлагаемая легенда взята мною изъ турецкой рукописи, хранящейся въ Дрезденской Королевской Библіотекѣ (по каталогу Флейшера № 86); въ Берлинской Библіотекѣ есть копія, сдѣланная Дицемъ (Diez), въ началѣ нашего вѣка (по каталогу Перча № 203). Рукопись не датирована; Флейшеръ и Перчъ совсѣмъ не высказываются относительно ея древности. На одной изъ послѣднихъ страницъ помѣчено: «годъ смерти Османъ-паши—993» (1585 г. по Р. Х.), изъ чего можно заключить, что рукопись написана около этого времени или немногимъ позже. Изъ европейскихъ ученыхъ рукописью впервые воспользовался Дицъ, который въ своихъ «Denkwürdigkeiten von Asien» (II, 399 sq.) издалъ въ текстѣ и переводѣ одну легенду, вполнѣ сходную съ греческимъ миѳомъ о Полифемѣ. Нёльдеке въ 1859 г. переписалъ всю рукопись и перевелъ значительную часть ея, но, не понявъ многихъ мѣстъ, не отдалъ своего труда въ печать. Въ бытность мою въ Страсбургѣ я, благодаря любезности проф. Нёльдеке, могъ пользоваться этой работой. Мнѣ удалось разобрать нѣсколько больше, чѣмъ Нёльдеке, такъ какъ теперь существуютъ лучшія научныя пособія, чѣмъ въ 1859 г.; но и для меня многое до сихъ поръ остается непонятнымъ. Установить текстъ по одной рукописи всегда трудно, особенно когда имѣешь дѣло съ архаическимъ языкомъ, со словами и грамматическими формами, которыхъ, по всей вѣроятности, не понималъ самъ переписчикъ. При изложеніи легенды я буду отмѣчать всѣ мѣста, гдѣ мой переводъ неполонъ и сомнителенъ. Нѣкоторыми цѣнными указаніями я обязанъ академику В. В. Радлову и профессору В. Д. Смирнову.

Заглавіе книги: «Книга о моемъ дѣдѣ Коркудѣ, на языкѣ племени огузовъ». Огузы, какъ извѣстно, были предками нынѣшнихъ туркменовъ; изъ нихъ среды вышли и османы. Книга состоитъ изъ введенія (пословицы, афоризмы и краткія характеристики) и 12 отдѣльныхъ эпическихъ разсказовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться въ единствѣ поэмы; имена богатырей, эпитеты, характерныя выраженія постоянно повторяются; постоянно

дѣлаются намеки на событія, разсказанныя въ другомъ мѣстѣ; слогъ вездѣ одинъ и тотъ-же. Дѣйствіе происходитъ на армянской возвышенности; гяуры, съ которыми приходится имѣть дѣло богатырямъ—трапезунтскіе греки, грузины и абхазы. Верховный властитель всѣхъ огузовъ—Баяндерханъ, который самъ не совершаетъ никакихъ подвиговъ; главный богатырь—его зять Казанъ-бекъ. Изъ 12 разсказовъ въ девяти говорится о войнѣ съ невѣрными (наиболѣе интересенъ и поэтиченъ разсказъ о трапезунтской царевнѣ, для полученія руки которой надо было одолѣть быка, верблюда и льва); два разсказа имѣютъ миѳологическій характеръ (одинъ изданъ Дицемъ, другой предлагается здѣсь) и одинъ, послѣдній посвященъ междоусобной войнѣ среди огузовъ.

О Коркудѣ говорится, что онъ происходилъ изъ племени Баятъ и жилъ около времени пророка (авторъ нисколько не стѣсняется тѣмъ, что и Коркудъ, и его современники являются въ поэмѣ добрыми мусульманами). Онъ не богатырь, а патріархъ, главный выразитель и хранитель народной мудрости; его нравственному авторитету подчиняется весь народъ. Ему приписывается рядъ афоризмовъ и сентенцій также предсказаніе могущества османской династіи: «Въ послѣднія времена ханство снова достанется племени Каjі, и никто не отниметъ его изъ ихъ рукъ» (авторъ поясняетъ, что предсказаніе относится къ роду Османа) Во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ народъ обращается къ нему. Въ концѣ каждаго эпизода является Коркудъ, слагаетъ пѣснь и даетъ ей названіе; отъ него перенимаютъ ее пѣвцы. Соотвѣтствуетъ-ли этому легендарному образу какая-нибудь историческая личность, мы не знаемъ. Только у арабскаго историка Ибн-аль Асира [1]) въ XII в., при султанѣ Санджарѣ, упоминается какой-то Коркудъ-ибн-Абу-ль-Хамидъ, стоявшій во главѣ той-же группы огузскихъ племенъ, къ которой принадлежало племя Баятъ. Имя Коркудъ очень древнее; у Константина Багрянороднаго [2]) его носитъ одинъ печенѣжскій вождь (Κουρκούτας) [3]).

Каждый разсказъ ведется отъ имени пѣвца, который характеризуется слѣдующимъ образомъ: «Съ кобзой въ рукѣ, отъ народа къ народу, отъ бека къ беку пѣвецъ идетъ: кто изъ мужей отваженъ, кто трусъ, пѣвецъ знаетъ». Пѣвецъ вездѣ обращается во второмъ лицѣ къ какому-то хану, котораго нигдѣ не называетъ по имени; пожеланіями хану кончается каждый разсказъ. Слово *узан* такъ объясняется въ турецкомъ словарѣ Ферхенги-Шуури: «классъ людей, играющихъ на гитарѣ, поющихъ лирическія пѣсни и сказывающихъ Огузъ-намэ». Въ нашей поэмѣ «Огузъ-намэ» называется каждая отдѣльная былина.

Время сочиненія поэмы нельзя опредѣлить съ точностью. Предсказаніе Коркуда, если только мы не имѣемъ здѣсь позднѣйшей интерполяціи, показываетъ, что поэма сложилась не раньше полнаго утвержденія османскаго господства въ Малой Азіи, т. е. не раньше султана Баязида I (1389—1402 г.); сюжеты нѣкоторыхъ легендъ, конечно, могутъ быть гораздо древнѣе. Борьба съ трапезунтскими греками и абхазцами (послѣдніе приняли исламъ уже въ половинѣ XV в.) заставляетъ предполагать, что «Коркудъ» написанъ не позже XV в. Первыя слова поэмы, о Коркудѣ и его предсказаніи, буквально повторяются въ Тарихи-Али-Сельджукъ [4]), историческомъ сочиненіи, написанномъ при султанѣ Мурадѣ II (1421—1451 г. г.). Естественнѣе предположить, что историкъ заимствовалъ эти слова у народнаго пѣвца, чѣмъ наоборотъ.

Изъ крупныхъ эпическихъ произведеній османовъ до сихъ поръ было извѣстно только «Жизнеописаніе Сейидъ-Батталя», разбиравшееся нѣсколько разъ. «Коркудъ» носитъ гораздо болѣе народный характеръ, чѣмъ «Батталь». Герои «Батталя» — не

---

[1]) Ed. Tornberg XII, 54.

[2]) De administr. imp. cap. XXXVII.

[3]) Съ нашимъ Коркудомъ можетъ быть тождественъ киргизскій святой Хорхудъ, могила котораго находится на низовьяхъ Сыръ-Дарьи, гдѣ въ X в. была столица огузовъ. Около могилы Хорхуда Лерхъ помѣщаетъ извѣстный городъ Джендъ (Археол. поѣздка въ Турк. край. Спб. 1870, стр. VII).

[4]) Рукоп. Аз. Муз. 590 ba, стр. 27.

національно-тюркскіе, а мусульманскіе герои, борцы за вѣру, и всѣ носятъ мусульманскія имена; имена героевъ «Коркуда» чисто-турецкія. Авторъ съумѣлъ придать чисто-народную окраску даже такимъ безусловно заимствованнымъ сюжетамъ, какъ миѳъ о Полифемѣ, вошедшій также въ составъ «Тысячи и одной ночи» [1]). Въ «Батталѣ» религіозные интересы поглощаютъ всѣ остальные; для бытовыхъ картинъ совсѣмъ не остается мѣста; «Коркудъ» какъ нельзя лучше изображаетъ бытъ кочевниковъ. «Батталъ» постоянно переписывается со своими противниками; герои «Коркуда» едва-ли умѣли писать.

Въ «Батталѣ», какъ во всякомъ богатырскомъ эпосѣ, великодушію и безкорыстію богатыря противополагается коварная, эгоистичная политика его государей [2]). «Коркудъ» не чуждъ этого богатырскаго характера; мы находимъ въ немъ рѣзкіе примѣры своеволія богатырей, недовольныхъ ханомъ или другъ другомъ. Но съ другой стороны мы замѣчаемъ въ авторѣ сочувствіе людямъ изъ низшихъ классовъ народа, передъ которыми иногда пасуютъ богатыри. Турецкимъ Микулой Селяниновичемъ, конечно, могъ быть только пастухъ. Положеніе чобановъ (овечьихъ пастуховъ) въ кочевомъ обществѣ лучше всего видно изъ слѣдующаго раздѣленія народа, приписываемаго Чингизъ-хану [3]): «Тѣхъ, которые были свѣдущими и молодцами, онъ сдѣлалъ беками войска; тѣхъ, которые были проворны и ловки, давъ имъ на руки багажъ, сдѣлалъ табунщиками; несвѣдущихъ, давши имъ небольшую плеть, послалъ въ пастухи [4])». Этимъ «несвѣдущимъ» нашъ авторъ видимо сочувствуетъ; въ одномъ эпизодѣ онъ яркими красками рисуетъ непоколебимую вѣрность такого пастуха своему господину, не смотря на черную неблагодарность послѣдняго. Въ виду общаго интереса, который представляетъ этотъ эпизодъ, я приведу его здѣсь.

Гяуры разграбили домъ Казанъ-бека въ отсутствіи хозяина и хотѣли захватить его 10,000 овецъ; пастухъ, вооруженный только пращей, отразилъ ихъ; оба брата пастуха пали въ этой битвѣ. Встрѣтившись съ пастухомъ и узнавъ отъ него о несчастіи своего дома, Казанъ проклялъ его; пастухъ отвѣтилъ: «Что ты сердишься, бекъ мой, отецъ мой, Казанъ! или въ твоей груди нѣтъ вѣры? 600 гяуровъ пришли на меня; оба мои брата пали; 300 гяуровъ я убилъ и не далъ имъ твоихъ жирныхъ овецъ; въ три мѣста я былъ раненъ; моя черная голова опустилась; я остался одинъ; въ этомъ-ли моя вина? Дай мнѣ твою сѣрую лошадь, дай длинное копье, дай бѣлый щитъ, дай черный булатъ, дай стрѣлы изъ твоего колчана, дай тугой лукъ; я пойду на гяуровъ, убью ихъ, дамъ литься крови изъ своего плеча и чела. Если я умру, я умру за тебя; если Всевышній сохранитъ меня, я избавлю твой домъ». Казанъ разсердился и ушелъ; пастухъ пошелъ за нимъ; Казанъ обернулся и сказалъ: «Сынъ мой, пастухъ! куда ты идешь?»—«Отецъ мой, Казанъ! ты идешь взять свой домъ, я иду отомстить за кровь моихъ братьевъ».—«Сынъ мой, пастухъ! мой желудокъ голоденъ; нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть?—Пастухъ накормилъ бека. Тутъ Казану пришло на мысль: «Если я пойду съ пастухомъ, другіе беки огузовъ будутъ бранить меня и станутъ говорить: безъ пастуха Казанъ не побѣдилъ-бы гяуровъ». Казанъ привязалъ пастуха къ дереву и ушелъ, сказавъ ему: «Вырви это дерево; иначе тебя здѣсь съѣдятъ волки и птицы». Пастухъ сдѣлалъ усиліе, вырвалъ дерево съ землею, взялъ его на спину и догналъ богатыря. Казанъ сказалъ: «Что это за

---

[1]) Третье путешествіе Синдбада.

[2]) Эта характерная черта «Баттала», кажется, еще не была указана. Эпизоды, которые я имѣю въ виду, разсказаны въ третьей книгѣ.

[3]) Труды Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ., ч. XV, стр. 121 (Исторія монголовъ Рашид-эддина, въ переводѣ проф. Березина).

[4]) Еще болѣе рѣзкія выраженія въ татарской передѣлкѣ Рашид-эд-дина: «Несвѣдущихъ онъ ударилъ кнутомъ, ввергнулъ въ униженіе, назначилъ овечьими пастухами, отправилъ пасти овецъ» (Библіотека Восточныхъ Историковъ, изд. И. Березина, т. II, ч. I, стр. 99).

дерево, пастухъ?»—«Отецъ мой, Казанъ! ты разобьешь гяуровъ, твой желудокъ проголодается; я этимъ деревомъ буду (разводить огонь и) варить для тебя пищу».— Казану это слово понравилось; онъ сошелъ съ коня, развязалъ пастуху руки, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: «Если я избавлю свой домъ, я сдѣлаю тебя старшимъ конюшимъ». Послѣ побѣды надъ гяурами Казанъ исполнилъ свое обѣщаніе.

Религіозный фанатизмъ въ «Коркудѣ» выражается далеко не съ такой силой, какъ въ «Батталѣ», не смотря на постоянныя войны съ гяурами. Гораздо сильнѣе, чѣмъ ревность къ исламу, культъ войны для войны. Молодой человѣкъ получаетъ имя только послѣ того, какъ онъ «отрубилъ голову, пролилъ кровь», или какъ нибудь иначе (напр. въ борьбѣ съ разъяренньмъ быкомъ) проявилъ воинскую доблесть [1]). Казанъ-бекъ, на предложеніе гяуровъ перейти на ихъ сторону, ссылается не на свою вѣру, а только на свои обязанности по отношенію къ своему роду и племени. Сынъ, недовольный отцомъ, или бекъ, недовольный ханомъ, грозитъ уйти къ христіанамъ: «Я уйду къ народу абхазовъ, возьму въ руки золотой крестъ, поцѣлую руку носящаго ризу человѣка». Герои воздерживаются отъ свинаго мяса, но всѣ напиваются виноградньмъ виномъ и, какъ мы увидимъ въ настоящей легендѣ, признаются въ этомъ съ наивной откровенностью. Встрѣчаются остатки языческихъ вѣрованій, даже древне-тюркскій культъ волка. Иногда культъ природы какъ-то странно связывается съ культомъ мусульманскихъ святыхъ, напр. въ слѣдующемъ обращеніи Казанъ-бека къ водѣ: «О вода, печаль Хасана и Хусейна! о вода, забота Аиши и Фатимы!»

Еще одна характерная черта поэмы—сравнительно высокое положеніе женщины. Нѣтъ ни малѣйшаго указанія на многоженство; у каждаго богатыря только одна хозяйка. Богатырь Дэрсэ-ханъ сердится на жену за то, что у нихъ нѣтъ дѣтей, и не знаетъ, на его ли или на ея сторонѣ вина; ему совсѣмъ не приходитъ въ голову мысль взять себѣ другую жену. Нѣжное обращеніе мужа къ женѣ, которое мы встрѣтимъ въ настоящей легендѣ, повторяется почти во всѣхъ эпизодахъ. Еще трогательнѣе поступокъ Казанъ-бека, который соглашается оставить въ рукахъ гяуровъ жену, сына и все свое имущество, только-бы они возвратили ему престарѣлую мать.

Такое отношеніе къ женщинѣ и высокій идеализмъ, которымъ, не смотря на грубый реализмъ кочевой жизни [2]), проникнута вся поэма, заставляетъ предполагать европейское вліяніе; особенно вѣроятно вліяніе романтическаго трапезунтскаго двора [3]).

Легко понять, почему это произведеніе, не смотря на свои высокія поэтическія достоинства, сохранилось только въ одной рукописи и теперь по видимому совсѣмъ забыто османами. Съ тѣхъ поръ, какъ слово «тюркъ» даже у османовъ сдѣлалось браннымъ словомъ, синонимомъ грубаго, невѣжественнаго человѣка, поэма, проникнутая духомъ кочевой жизни, должна была утратить свое значеніе. Возможно впрочемъ, что у малоазіатскихъ османовъ и туркменовъ, которыми до сихъ поръ такъ мало занимались, еще найдутся отдѣльныя пѣсни «Коркуда»; хотя даже нравы малоазіатскихъ тюрковъ во многомъ отличаются отъ нравовъ ихъ предковъ XV столѣтія: кумысъ, о которомъ постоянно говорится въ «Коркудѣ» и въ «Тарихи-Али-Сельджукъ», имъ уже неизвѣстенъ. До сихъ поръ обнародованныя разбойническія пѣсни (дэстаны) малоазіатцевъ, всѣ новѣйшаго происхожденія, по поэтическому достоинству и по нравственной чистотѣ, стоятъ несравненно ниже «Коркуда».

---

[1]) Имя дается обыкновенно Коркудомъ.

[2]) Характерно слѣдующее выраженіе, которымъ обозначается высшая степень испуга: «Вошь, находившаяся на его головѣ, упала къ его ногамъ».

[3]) По словамъ Фальмерайера (Fallmerayer, Geschichte des Kaiserthums Trapezunt. München 1827; pp. 190, 313—316) трапезунтскія царевны и дочери вельможъ славились красотой; черкесскіе, грузинскіе, армянскіе и туркменскіе царевичи пріѣзжали въ Трапезунтъ свататься на нихъ. Романтическія приключенія, которымъ они при этомъ подвергались, въ теченіе двухъ столѣтій были предметомъ западныхъ романовъ и восточныхъ сказокъ. Изъ первыхъ особенно извѣстенъ «Calloandro» генуезца Марини, изданный въ 1786 году

Пѣснь объ удаломъ Домрулѣ, сынѣ Духа-коджи.

Ханъ мой! среди огузовъ жилъ мужъ, по имени удалой Домрулъ, сынъ Духа-коджи. Онъ построилъ мостъ черезъ высохшій ручей; кто переходилъ, съ того бралъ 33 монеты; кто не переходилъ, того билъ и бралъ съ него 40 монетъ. Почему онъ такъ дѣлалъ? Онъ говорилъ: «Есть-ли человѣкъ удалѣе меня, сильнѣе меня, который-бы вышелъ на бой со мной? Слава о моей храбрости, моемъ богатырствѣ, моемъ молодечествѣ, моемъ джигитствѣ доходитъ до Рума и Шама (Сиріи)». Однажды у того моста остановилось кочующее семейство; въ немъ заболѣлъ одинъ добрый джигитъ и волею Божьей умеръ. Черная скорбь была въ семействѣ; кто плакалъ по сынѣ, кто по братѣ. Вдругъ прискакалъ удалой Домрулъ: «Негодные! что это за плачь, что за шумъ около моего моста? по комъ ваша скорбь?»—«Ханъ, мы потеряли добраго джигита; по немъ мы плачемъ».—«Кто же убилъ вашего джигита?»—«Увы, бекъ, джигитъ; было повелѣніе Всевышняго; краснокрылый Азраилъ взялъ душу того джигита».—«Что за человѣкъ вашъ Азраилъ, который беретъ душу людей? Боже Всемогущій! ради Твоего единства, ради Твоего существованія, дай мнѣ увидѣть Азраила, чтобы я съ нимъ сразился и вступилъ въ борьбу, чтобы я освободилъ душу добраго джигита, чтобъ онъ впредь не бралъ души добрыхъ джигитовъ». Такъ сказавъ, удалой Домрулъ воротился въ свой домъ. Всевышнему слово Домрула не понравилось: «Смотри, смотри! негодный безумецъ не признаетъ Меня, единаго Бога, не воздаетъ Мнѣ благодарности; пусть онъ испроситъ (у меня) прощенія въ моемъ великомъ чертогѣ». Богъ далъ повелѣніе Азраилу: «Азраилъ! ступай, покажись взорамъ того негоднаго безумца, заставь поблѣднѣть его лицо, заставь хрипѣть его душу и возьми ее».

Когда удалой Домрулъ съ 40 джигитами сидѣлъ за ѣдой и питьемъ, вдругъ явился Азраилъ; его не видали ни сторожъ, ни привратникъ. Взоръ удалаго Домрула затмился, его сильныя руки опустились; міръ для удалаго Домрула покрылся мракомъ. Онъ вскрикнулъ и заговорилъ—посмотримъ, ханъ мой, что онъ говорилъ: «Горе! что ты за страшный старецъ? Привратники тебя не увидали, стража тебя не замѣтила; мои свѣтлые взоры затмились, мои сильныя руки опустились, задрожали, моя душа пришла въ волненіе; моя золотая чаша изъ моей руки упала на землю. Полость моего рта сдѣлалась похожей на ледъ, мои кости—похожими на пыль. О старецъ съ бѣлой бородой! о старецъ съ темными глазами! что ты за страшный старецъ? Повѣдай мнѣ, господинъ мой; пусть тронетъ тебя мое несчастье сегодня». Азраилъ, услышавъ эти слова, пришелъ въ гнѣвъ: «Негодный безумецъ? тебѣ не нравится, что мои глаза темны? я взялъ души многихъ юныхъ красавицъ съ синими глазами. Тебѣ не нравится, что моя борода побѣлѣла? я взялъ души многихъ чернобородыхъ джигитовъ; оттого моя борода побѣлѣла. Негодный безумецъ! ты хвастался и говорилъ: если краснокрылый Азраилъ попадется мнѣ въ руки, я убью его и избавлю изъ его рукъ добраго джигита. Теперь, безумецъ, я пришелъ взять твою душу; отдашь-ли ты ее (добровольно), или сразишься со мной?» Говоритъ удалой Домрулъ: «Ты-ли краснокрылый Азраилъ?»—«Да, я».—«Ты ли берешь души добрыхъ джигитовъ?».—Да, я беру (ихъ)».—«Привратники! заприте ворота! Азраилъ, я желалъ сойтись съ тобой на широкомъ мѣстѣ; неужели ты такъ счастливо попался мнѣ на тѣсномъ мѣстѣ? я убью тебя и освобожу душу добраго джигита». Онъ обнажилъ черный мечъ, взялъ его въ руки и напалъ на Азраила; Азраилъ обратился въ голубя и вылетѣлъ изъ окна. Поражающій мужей удалой Домрулъ хлопнулъ въ ладоши и захохоталъ: «Джигиты мои! я такъ испугалъ взоры Азраила, что онъ оставилъ широкія ворота и бѣжалъ черезъ узкое окно. Онъ обратился въ птицу, подобную голубю, и улетѣлъ; но я его не оставлю, пока не заставлю сокола схватить его». Домрулъ вскочилъ на лошадь, взялъ на руку сокола и погнался за Азраиломъ. Нѣсколько голубей онъ убилъ и вернулся; на пути домой вдругъ передъ его лошадью явился Азраилъ; лошадь испугалась, понесла удалаго Домрула и сбросила его на землю. Его черная голова опустилась; на его бѣлую грудь, сдавивъ ее, сѣлъ Азраилъ. Голосъ Домрула сталъ слабымъ; онъ на-

чалъ хрипѣть и сказалъ: «Пощади, Азраилъ! нѣтъ сомнѣнія въ единствѣ Божіемъ [1]). Я не зналъ, не испыталъ, что ты, какъ тать, похищаешь душу. У насъ есть горы; на тѣхъ горахъ—наши виноградники; въ тѣхъ виноградникахъ—черные грозды; тѣ грозды выжимаютъ; получается красное вино, пьющій то красное вино пьянѣетъ. Я былъ опьяненъ виномъ, не зналъ, что̀ говорилъ; я не былъ въ своемъ умѣ; я не испыталъ тогда твоего молодечества. Не бери моей души, Азраилъ, пощади!» Азраилъ отвѣтилъ: «Негодный безумецъ! что ты меня умоляешь? Молись Богу Всевышнему. Что̀ въ моей власти? я тоже слуга».—«Итакъ дающій душу, берущій душу—Всевышній Богъ?».—«Да, онъ».—«Какой-же ты господинъ? уйди отсюда; я буду говорить со Всевышнимъ».—Тутъ удалой Домрулъ сказалъ—посмотримъ, ханъ мой, что̀ онъ сказалъ: «Ты выше всего высокаго, никто не знаетъ, каковъ ты, свѣтлый Боже! Сколько глупцовъ хотятъ найти Тебя на небѣ, ищутъ на землѣ; Ты—въ сердцѣ вѣрующихъ. Боже, вѣчно сущій властитель! Боже, вѣчный хранитель тайнъ! Если хочешь взять мою душу, возьми ее Ты, не давай взять Азраилу». Тутъ Всевышнему слово удалаго Домрула понравилось; онъ прокричалъ Азраилу: «Такъ какъ негодный безумецъ позналъ Мое единство, воздалъ Мнѣ благодарность, пусть, о Азраилъ, безумный Домрулъ найдетъ душу вмѣсто своей души, а его душа пусть будетъ свободна». Говоритъ Азраилъ: «Безумный Домрулъ, таково повелѣніе Всевышняго: пусть безумный Домрулъ найдетъ душу вмѣсто своей души, а его душа пусть будетъ свободна». Удалой Домрулъ говоритъ: «Какъ мнѣ найти душу? У меня есть старикъ-отецъ, старуха-мать; пойдемъ: можетъ быть кто-нибудь изъ нихъ дастъ свою душу; возьми ее, а мою душу оставь». Удалой Домрулъ пришелъ къ своему отцу, поцѣловалъ его руку и сказалъ—посмотримъ, ханъ мой, что̀ онъ сказалъ: «Бѣлобородый почтенный, душа мой, отецъ! знаешь ли ты, что̀ случилось? Я произнесъ слово невѣрія; Всевышнему это не понравилось; съ синяго неба онъ далъ повелѣніе краснокрылому Азраилу: тотъ прилетѣлъ, сдавилъ мою грудь, сѣлъ на нее, заставилъ меня хрипѣть и хотѣлъ взять мою милую душу. Отецъ! я прошу у тебя души; отдашь ли ты ее, или будешь плакать, приговаривая: сынъ мой, удалой Домрулъ?» Говоритъ отецъ: «Сынъ мой, сынъ! часть моей души, сынъ! сынъ мой, левъ, при рожденіи котораго я убилъ девять верблюдовъ! сынъ мой, опора моего златоверхаго жилища! сынъ мой, цвѣтокъ моей дочери-невѣсты, подобной гусю! Если нужна моя черная гора, лежащая противъ насъ, скажи; пусть она послужитъ Азраилу лѣтнимъ кочевьемъ. Если нужны мои холодные, холодные колодцы, пусть они служатъ ему для питья; если нужны мои табуны быстрыхъ коней, пусть они служатъ ему для ѣзды; если нужны мои ряды верблюдовъ, пусть они служатъ ему для вьюковъ; если нужны мои стада бѣлыхъ овецъ, пусть они служатъ ему для пищи; если нужно мое золото и серебро, пусть оно служитъ ему на расходы. Сладка жизнь, дорога душа; душу не могу отдать, такъ и знай. Есть твоя мать, которая мнѣ милѣе тебя, дороже тебя; сынъ, иди къ своей матери». Удалой Домрулъ ушелъ отъ отца послѣ безуспѣшной просьбы; онъ пришелъ къ своей матери и говоритъ: «Мать! знаешь-ли ты, что̀ случилось? Съ синяго неба прилетѣлъ краснокрылый Азраилъ; онъ сдавилъ мою бѣлую грудь, сѣлъ на нее, заставилъ меня хрипѣть и хотѣлъ взять мою душу. Я попросилъ души у моего отца; онъ не далъ. Я прошу души у тебя, мать; дашь ли ты мнѣ ее, или, приговаривая: сынъ, удалой Домрулъ! будешь плакать, впустишь горькіе ногти въ бѣлое лицо твое, будешь рвать свои черные, какъ воронъ, волосы?» Тутъ мать сказала—посмотримъ, ханъ мой, что̀ она сказала: «Сынъ мой, сынъ! сынъ, котораго я девять мѣсяцевъ носила въ тѣсномъ чревѣ; сынъ, котораго я черезъ десять (лунныхъ) мѣсяцевъ произвела на свѣтъ; сынъ, котораго я щедро кормила своимъ бѣлымъ молокомъ! Былъ бы ты задержанъ въ крѣпости съ бѣлыми башнями! былъ бы плѣнникомъ въ рукахъ гяуровъ нечистой вѣры! я, съ трудомъ собравши золото и серебро, освободила бы тебя. Ты идешь въ дурное мѣсто; не могу идти за тобой; сладка жизнь, дорога душа; душу не могу отдать, такъ и знай». Мать тоже не дала души. Азраилъ пришелъ взять душу

[1]) Стереотипное риемованное выраженіе.

удалаго Домрула; удалой Домрулъ говоритъ: «Пощади, Азраилъ! въ единствѣ Божіемъ нѣтъ сомнѣнія!» Азраилъ говоритъ: «Какой тебѣ еще пощады, негодный безумецъ? Ты пошелъ къ бѣлобородому отцу твоему; онъ не далъ души; ты пошелъ къ сѣдовласой матери твоей, она не дала души; кто же дастъ?» Удалой Домрулъ говоритъ: «У меня есть предметъ заботы; я повидаюсь съ нимъ».—«Кто предметъ твоей заботы, негодный безумецъ?»—«У меня есть жена, дочь чужанина; отъ нея у меня двое сыновей; я передамъ имъ завѣтъ свой; потомъ ты возьми мою душу». Домрулъ пришелъ къ своей женѣ и говоритъ: «Знаешь-ли ты, что случилось? Съ синяго неба прилетѣлъ краснокрылый Азраилъ, сдавилъ мою грудь, сѣлъ на нее, сталъ брать мою милую душу. Я сказалъ моему отцу: дай свою душу; онъ не далъ; я пошелъ къ своей матери; она не дала: сладка жизнь, мила душа, сказали они. Теперь пусть мои высокія, высокія горы служатъ тебѣ лѣтнимъ кочевьемъ, пусть мои холодныя, холодныя воды служатъ тебѣ для питья; пусть табуны моихъ быстрыхъ коней служатъ тебѣ для ѣзды; пусть мое златоверхое жилище даетъ тебѣ тѣнь; пусть ряды моихъ верблюдовъ служатъ тебѣ для вьюковъ; пусть стада моихъ бѣлыхъ овецъ служатъ тебѣ для пищи. Если твой глазъ на комъ остановится, твое сердце кого полюбитъ, выходи за него; не оставляй нашихъ мальчиковъ сиротами». Жена тутъ сказала—посмотримъ, ханъ мой, что она сказала: «Что ты говоришь, что произносишь, мой богатырь-джигитъ, царь-джигитъ, кого я, открывъ глаза, увидѣла, кого я, отдавъ сердце, полюбила; кого я, отдавъ сладкую душу, искала; съ кѣмъ мы лобызались въ сладкія уста, съ кѣмъ цѣловались, лежа на одной подушкѣ! Съ лежащими противъ насъ твоими черными горами послѣ тебя что мнѣ дѣлать? если я на нихъ буду лѣтомъ кочевать, пусть онѣ будутъ моей могилой. Если я буду пить твои холодныя, холодныя воды, пусть онѣ будутъ моей кровью; если я буду тратить твое золото и серебро, пусть оно будетъ моимъ саваномъ; если я буду ѣздить на табунныхъ твоихъ богатырскихъ коняхъ, пусть они будутъ мнѣ гробомъ. Если я послѣ тебя полюблю джигита, выйду за него, лягу съ нимъ, пусть онъ обратится въ пеструю змѣю и укуситъ меня. Какую цѣну твои негодные родители придаютъ своей душѣ, что не могли отдать ее за тебя? Пусть эфиръ будетъ свидѣтелемъ, пусть земля будетъ свидѣтельницей, пусть небо будетъ свидѣтелемъ, пусть Всемогущій Богъ будетъ свидѣтелемъ: моя душа да послужитъ жертвой за твою душу!» Азраилъ хотѣлъ взять душу женщины; поражающій мужей не могъ пожертвовать своей подругой и сталъ молиться Всевышнему—посмотримъ, ханъ мой, какъ онъ молился: «Ты выше всего высокаго; никто не знаетъ, каковъ Ты, свѣтлый Боже! Много глупцовъ хотятъ найти Тебя на небѣ, ищутъ на землѣ; Ты—въ сердцѣ вѣрующихъ. Боже, вѣчный властитель! Я воздвигну страннопріимные дома на большихъ дорогахъ ради Тебя; если увижу голоднаго, накормлю его ради Тебя; если увижу нагого, одѣну его ради Тебя. Хочешь взять,—возьми души насъ обоихъ; а если оставишь, такъ оставь души насъ обоихъ, Многомилостивый, Всемогущій Боже!» Всевышнему слово удалаго Домрула понравилось; онъ далъ повелѣніе Азраилу: «Возьми души отца и матери удалаго Домрула; тѣмъ же обоимъ супругамъ Я далъ 140 лѣтъ жизни». Азраилъ взялъ души отца и матери; удалый Домрулъ еще 140 лѣтъ прожилъ со своей супругой.

Пришелъ мой дѣдъ Коркудъ, сложилъ пѣснь, сказалъ слово: «Эта пѣснь будетъ посвящена удалому Домрулу; послѣ меня пусть переймутъ и разсказываютъ ее пѣвцы, пусть слушаютъ ее герои съ открытымъ челомъ!» Я дамъ предсказаніе, ханъ мой: твои родныя, черныя горы да не упадутъ, твое тѣнистое, толстое дерево да не будетъ срѣзано, твоя свѣтлая рѣка да не изсякнетъ, да не сдѣлаетъ тебя Богъ нуждающимся въ негодныхъ! Мы совершили ради твоего бѣлаго лика молитву изъ пяти словъ; да будетъ она принята, да соединится въ одно, да стоитъ твердо; да будутъ прощены твои грѣхи ради Мухаммеда, имя котораго славно!

В. Бартольдъ.

С.-Петербургъ. Май 1893 г.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами?

Проф. И. П. Филевичъ. Угорская Русь и связанныя съ нею вопросы и задачи русской исторической науки. Варшава. 1894.

«Два капитальныхъ вопроса нашей исторической науки, говоритъ авторъ, связаны съ за-карпатской частью русскаго міра:

1) Какимъ образомъ проникло сюда русское имя, если Угорская Русь, повидимому, не входила въ составъ древне-русской державы?

2) Современное различіе двухъ главныхъ вѣтвей русскаго племени, великорусской и малорусской, не объясняется ли передвиженіемъ населенія съ Карпатъ въ нынѣшнюю юго-западную Русь съ одной и древняго южно-русскаго населенія на сѣверо-востокъ съ другой стороны»?

Авторъ не разрѣшаетъ этихъ вопросовъ. Онъ останавливается лишь на первомъ изъ нихъ, но и тутъ ограничивается указаніемъ на данныя, говорящія, по его мнѣнію, въ пользу глубокой древности русскихъ поселеній въ Карпатахъ и за Карпатами (стр. 23), да утвержденіемъ, что «нынѣшняя Угорская Русь представляетъ лишь незначительный слѣдъ далекаго прошлаго» и что «только на Карпатахъ руская историческая наука можетъ найти твердую почву для объясненія началъ кіевской государственности» (стр. 28). Что до втораго вопроса, то ему авторомъ удѣляется всего нѣсколько словъ.

Мы не придаемъ первому вопросу того значенія, какое ему придаетъ г. Филевичъ, но думаемъ, что онъ далеко не лишенъ интереса. Формулировка его у г. Филевича, по нашему мнѣнію, недостаточно проста, и мы бы его изложили болѣе коротко: какъ давни поселенія Русскихъ въ Карпатахъ и за Карпатами?

Данныя, указываемыя г. Филевичемъ для его рѣшенія, совсѣмъ скудны.

Онъ приводитъ небольшой списокъ карпатскихъ и за-карпатскихъ мѣстныхъ названій, отчасти вообще славянскихъ, отчасти спеціально русскихъ. Это—названія рѣкъ: Бѣлка, Бѣлая Тиса, Бѣлый Черемошъ, Быстрица, названія поселеній: Русь, Руска весь, Руске и т. п.

Взглянемъ на эти данныя.

Изъ нихъ видно лишь одно,—что въ Карпатахъ и за Карпатами Славяне вообще и Русскіе въ частности поселились довольно давно, что они уже успѣли дать

свои названія нѣсколькимъ рѣкамъ (вѣроятно, переведя на свой языкъ болѣе раннія, не-славянскія названія или осмысливъ эти послѣднія), что они основали села съ русскими названіями. И только. Изъ нихъ не видна очень большая древность славянскихъ или именно русскихъ поселеній въ Карпатахъ и за Карпатами [1]).

Но имѣются еще данныя, не принятыя во вниманіе ни г. Филевичемъ, ни другими лицами, ранѣе его касавшимися того же вопроса. Это—данныя карпатскихъ и за-карпатскихъ говоровъ.

Если мы возьмемъ рядъ карпатскихъ и за-карпатскихъ мѣстныхъ названій, звучащихъ не по-славянски (а ихъ много: горы Бескидъ, Минчолъ, Пікуй, Рипа, Грофа, Кукулъ, Воскулъ, Люстонъ, Джемброня; рѣки Ондава Ропа и другія) [2]), то между ними отмѣтимъ нѣсколько съ звукомъ *g*, существующимъ въ малорусскомъ нарѣчіи только въ болѣе или менѣе поздно (едва ли ранѣе второй половины XII вѣка) заимствованныхъ словахъ: [3]) Gорданъ (гора въ серединѣ русскихъ Карпатъ), Жеgестовъ (село въ сѣверо-западномъ углу Галиціи), Gіралтівці (село въ Угорской Руси, недалеко отъ Пряшева).

Точно также между находящимися въ карпатскихъ и за-карпатскихъ говорахъ не славянскими словами (къ нимъ принадлежитъ рядъ терминовъ пастушескаго быта: бербениця посудина для брындзы, бриндзя овечій сыръ, будза сыръ, мериндя особаго рода кушанье и т. п., и названій горныхъ животныхъ, растеній, тропинокъ и проч.: джарапъ можжевельникъ, яфина черника, плай тропинка), мы можемъ отмѣтить нѣсколько съ тѣмъ же звукомъ *g*: кляgъ, клеgъ, gлеgъ (жидкость изъ овечьяго желудка, вливаемая въ молоко, чтобъ оно скислось), gоgоца (брусника?), gотуръ (тетеревъ?), маgура (гора).

Изслѣдованіе этихъ не-славянскихъ мѣстныхъ названій и словъ показало, что значительный процентъ ихъ—румынскаго происхожденія и что они могли перейти къ нынѣшнимъ обитателямъ Карпатъ и Угорской Руси отъ предковъ и родичей нынѣшнихъ Румынъ—Волоховъ, которые въ первыя столѣтія исторической жизни русскаго народа кочевали повидимому по всѣмъ Карпатамъ, начиная отъ сѣверо-западныхъ отроговъ ихъ въ Моравіи и кончая Карпатами Трансильванскими, и которые добровольно или невольно уступили свои горы Русскимъ и Полякамъ (въ Моравіи они ославянились) [4]).

Наконецъ передъ нами звуковыя особенности говоровъ карпатскихъ и за-карпатскихъ.

Говоры Лемковъ принадлежатъ къ числу болѣе или менѣе смѣшанныхъ. Рядомъ съ массою чертъ общихъ имъ съ говорами Галиціи, они имѣютъ такія черты, которыя въ послѣднихъ отсутствуютъ: *у* и *ю* на мѣстѣ древнихъ *о* и *е* въ рядѣ словъ въ родѣ вулъ (=галицкое вілъ), нюсъ (=галицкое нісъ), сочетанія кы, гы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были въ древне-русскомъ языкѣ, *ы* отличное отъ *и* въ рядѣ словъ, такъ что быти звучитъ иначе, чѣмъ бити. Замѣтимъ, что *у* и *ю* образовались изъ *о* и *е* едва ли ранѣе второй половины XII вѣка (они находятся уже въ памятникахъ

---

[1]) Если основываться на небольшомъ количествѣ мѣстныхъ названій (игнорируя остальныя), то легко нашъ сѣверъ съ Бѣлымъ озеромъ, рѣкою Бѣлою, рѣкою Сухоною признать за прародину русскаго народа.

[2]) Мы беремъ названія изъ книжки Заклинскаго, Географія Руси, Львовъ, 1887. Кажется, они здѣсь болѣе точны, чѣмъ у Головацкаго (Пѣсни, т. I).

[3]) Наши «Лекціи по исторіи русскаго языка», 112.

[4]) Небольшіе списки мѣстныхъ названій и словъ румынскаго происхожденія у русскихъ и польскихъ горцевъ см. у Миклошича, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten («Denkschriften» Вѣнской Академіи наукъ, т. 30 й, 1880 года).

Списокъ словъ румынскаго происхожденія у польскихъ горцовъ см. также у Л. Малиновскаго, O niektórych wyrazach ludowych polskich («Rozprawy» Краковской Академіи наукъ, т. 17-й, 1892 года).

Замѣчанія на послѣдній—у Пастрнка въ Slovenskè Pohľady 1893 года №№ 11—12.

малорусскаго нарѣчія XII—XIII вѣковъ) и что сочетанія кы, гы превратились въ ки, ги, приблизительно въ то же время.

Говоры Бойковъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, не имѣютъ словъ съ *у* и *ю* на мѣстѣ древнихъ *о* и *е*, но сохраняютъ сочетанія кы, гы. Повидимому, они не что иное, какъ лемковскіе говоры, только въ нихъ примѣсь позднѣйшихъ чертъ изъ галицкихъ говоровъ болѣе сильна, чѣмъ въ лемковскихъ, хотя и въ послѣднихъ она не слаба.

Говоры Гуцуловъ (въ Галиціи и Буковинѣ) не имѣютъ никакихъ архаизмовъ сравнительно съ сосѣдними говорами жителей долинъ и не отличаются ничѣмъ важнымъ отъ этихъ послѣднихъ [1]).

Говоры угорскихъ Русскихъ болѣе или менѣе близки къ говорамъ Лемковъ и находятся въ тѣсной связи съ ними. Одинъ изъ нихъ, говоръ Русскихъ южной части Марамароша, сосѣдящихъ съ Гуцулами, сохраняетъ, повидимому, гораздо большее число словъ съ *у* и *ю* на мѣстѣ *о* и *е*, чѣмъ даже лемковскіе говоры [2]).

Если мы соединимъ всѣ собранныя данныя вмѣстѣ, то увидимъ, что они не позволяютъ намъ отодвигать первыя поселенія Русскихъ въ Карпатахъ и за Карпатами въ древность далѣе XII вѣка, что гуцульская часть Карпатъ была заселена Русскими позднѣе, чѣмъ лемковская и бойковская и что въ Карпаты изъ Галиціи всегда являлись новые поселенцы (они-то и внесли позднія черты въ карпатскіе говоры).

Въ заключеніе одно замѣчаніе. Русскіе, двинувшись въ нынѣшнюю Угорскую Русь, заняли здѣсь мѣста поселеній Болгаръ [3]). Послѣдніе, кажется, не оставили несомнѣнныхъ слѣдовъ въ угро-русскихъ говорахъ, но Мадьяры сохранили нѣсколько угрорусскихъ мѣстныхъ названій въ болгарской формѣ. Таковы: Munkač (по-русски М у к а ч е в ъ, городъ), Ungvar (по-русски У ж г о р о д ъ, городъ), Ungh (по-русски У г ъ или У ж ъ, рѣка). Сравни сохранившіяся у Румынъ болгарскія мѣстныя названія Седмиградіи: Dumbrava, Lunka, Mundra, Breaza (= Врѣза), Gradistie (=Градиште), Zalatna (= Златна) [4]).

О второмъ вопросѣ г. Филевича намъ нѣтъ надобности распространяться. Мы имѣемъ рядъ памятниковъ малорусскаго нарѣчія, начиная съ половины XII вѣка, и о появленіи малорусскаго племени въ юго-западной Руси лишь въ XIII вѣкѣ не можетъ быть рѣчи. Въ настоящее время вопросъ о Малоруссахъ сводится къ вопросу о восточной границѣ малорусскихъ поселеній за время отъ XII до XV столѣтій.

А. Соболевскій.

О такъ называемой народной этимологіи.

Příspěvky k české etymologii ludové. Sepsal. I. Černý. V Praze, 1894 (Knihovna «Českého Lidu», III).

Вліяніе однихъ словъ на другія, старыхъ на новыя, только что заимствованныя, и общеупотребительныхъ на малоупотребительныя, производитъ въ языкѣ самыя разнородныя звуковыя измѣненія съ цѣлью сообщить языку извѣстное однообразіе звуковыхъ сочетаній. Нѣтъ такой части слова, которая бы была безопасна отъ измѣне-

---

[1]) Въ гуцульской части Карпатъ мѣстныя названія румынскаго происхожденія особенно многочисленны и гуцульскіе говоры особенно богаты румынизмами.

[2]) Данныя съ одной стороны въ нашемъ «Очеркѣ русской діалектологіи», Ж и в а я С т а р и н а 1892 года, съ другой—въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

[3]) т. е. Словѣнъ, въ послѣдствіи болгарскихъ. *Ред*

[4]) Списокъ славянскихъ мѣстныхъ названій Седмиградіи у R ö s s l e r'a Romänische Studien, Leipzig, 1871, стр. 325. О нихъ см. также статью К о ч у б и н с к а г о въ «Трудахъ седьмаго Археологическаго Съѣзда», т. 2-й.—Седмиградскіе Болгары большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей признаются за переселенцевъ съ береговъ Дуная.

ній. То слово измѣняется въ корнѣ; такъ старое русское моровей, подъ вліяніемъ болѣе употребительнаго мурава, превратилось въ муравей, или старое русское вынять, подъ вліяніемъ массы формъ неопредѣленнаго наклоненія на нуть, превратилось въ вынуть (откуда далѣе форма настоящаго времени выну вмѣсто выйму или выму). То слово измѣняется въ префиксѣ; такъ, русское зголовье, образовавшееся черезъ потерю начальнаго в изъ взголовье, подъ вліяніемъ массы словъ съ начальнымъ префиксомъ из-, стало звучать изголовье. То слово измѣняется въ суффиксѣ; такъ, старое русское колодязь, подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на ець, превратилось въ колодецъ, а старое русское ластовка, подъ вліяніемъ массы уменьшительныхъ на очка, стало звучать ласточка. Часто можно указать группу однокоренныхъ словъ, которымъ мы обязаны происшедшимъ въ словѣ измѣненіемъ; но еще чаще виновники измѣненія—болѣе или менѣе многочисленныя слова съ разными корнями, но съ однимъ и тѣмъ же сочетаніемъ звуковъ, или же съ однимъ и тѣмъ же префиксомъ, съ однимъ и тѣмъ же суффиксомъ.

Иногда происшедшее въ словѣ измѣненіе открывается передъ изслѣдователемъ само собою, почти безъ всякаго съ его стороны анализа; но не мало случаевъ, гдѣ надъ нимъ приходится поломать голову; а въ рядѣ случаевъ мы можемъ только удостовѣрить существованіе измѣненія, не будучи въ состояніи опредѣлить, въ чемъ именно оно заключалось (въ слобода—свобода, въ нетопырь и друг.).

Явленія, происходящія вслѣдствіе вліянія сильныхъ словъ на слабыя, массы словъ на слова-одиночки, и извѣстныя въ языковѣдѣніи подъ именемъ явленій народной этимологіи (таково общепринятое, но на нашъ взглядъ не совсѣмъ удачное названіе) и состоящія въ замѣнѣ болѣе или менѣе рѣдкихъ звуковыхъ сочетаній близкими къ нимъ обычными сочетаніями, отмѣчены во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ во всѣ періоды ихъ жизни. Въ виду этого, если лингвистъ вздумаетъ изслѣдовать законы языка, ему необходимо, прежде чѣмъ сдѣлать выводы,—подвергнуть собранныя данныя тщательному разсмотрѣнію и удалить изъ нихъ тѣ, которыя съ достаточною вѣроятностью могутъ быть объяснены путемъ народной этимологіи.

Но столь же остороженъ долженъ быть и лингвистъ, изслѣдующій явленія народной этимологіи. Прежде чѣмъ сказать: такое-то звуковое измѣненіе въ такомъ-то словѣ произошло вслѣдствіе вліянія на это слово такихъ-то и такихъ-то словъ, онъ обязанъ тщательно разсмотрѣть данное слово и 1) опредѣлить его первоначальный видъ и 2) удостовѣриться, что происшедшее въ немъ измѣненіе не могло произойти вслѣдствіе дѣйствія какого-либо звуковаго закона. Иначе говоря, если лингвистъ будетъ имѣть передъ собою великорусское черемуха, то прежде чѣмъ признать измѣненіе въ этомъ словѣ подъ вліяніемъ многочисленныхъ словъ на уха (сравни малорусское черемха, польское trzemcha, чешское střemcha), онъ долженъ сперва опредѣлить его первоначальный видъ въ русскомъ языкѣ, т. е. доказать, что оно въ русскомъ языкѣ первоначально звучало черемъха, а потомъ выяснить, что ъ или происшедшее изъ него неударяемое о не могло перейти въ у. Опредѣленіе первоначальнаго вида слова особенно важно въ томъ случаѣ, когда лингвистъ имѣетъ дѣло съ словомъ заимствованнымъ. Народы рѣдко заимствуютъ другъ у друга слова литературнаго языка (особенно въ старое время, когда литературный языкъ имѣлъ болѣе слабое распространеніе, чѣмъ теперь); обыкновенно мѣняются между собою словами говоры двухъ языковъ. Слѣдовательно, лингвистъ долженъ собрать діалектическія данныя того языка, изъ котораго заимствовано данное слово, и при ихъ помощи опредѣлить первоначальный видъ послѣдняго. Что же до удостовѣренія въ отсутствіи дѣйствія какого-либо звуковаго закона, то оно имѣетъ наибольшее значеніе тогда, когда передъ лингвистомъ исконное слово того языка, который онъ изслѣдуетъ, такъ какъ подобное слово могло испытать особенно много измѣненій.

Нельзя не признать, что изслѣдователи явленій народной этимологіи, русскіе и не русскіе, не отличаются особенною осторожностью. Но о г. Черномъ, авторѣ означенной выше книжки, можно сказать, что изслѣдуя эти явленія, онъ не руководится ни-

чѣмъ, кромѣ простаго звуковаго сходства между словами. Отсюда произвольность объясненій, иногда черезчуръ значительная...

Чешскій языкъ владѣетъ большимъ количествомъ словъ, въ разное время заимствованныхъ имъ изъ нѣмецкаго языка. Конечно, Чехи взяли ихъ не изъ нѣмецкаго литературнаго языка, а изъ нѣмецкихъ говоровъ. Г. Черный приводитъ рядъ этихъ словъ и, сопоставляя ихъ съ соотвѣтствующими нѣмецкими литературными словами, объясняетъ ихъ отличія отъ послѣднихъ дѣйствіемъ народной этимологіи. По его мнѣнію, современное чешское réva, старо-чешское rýva, произошло изъ нѣмецкаг rebe подъ вліяніемъ глагола rýti (57), современныя чешскія lajtnant, kyrysar, dezenter, kasárna—изъ lajtnant (лейтенантъ), kyrasir, dezerter, kasarme (69), современное чешское šum (пѣна)—изъ schaum. При этомъ авторъ ни разу не указываетъ на произношеніе этихъ словъ въ старыхъ и новыхъ нѣмецкихъ говорахъ!

Сверхъ заимствованій изъ нѣмецкаго языка, въ чешскомъ языкѣ имѣются заимствованія и изъ другихъ языковъ. Г. Черный и здѣсь ограничивается сопоставленіемъ чешскихъ словъ съ иноземными оригиналами и указаніемъ на дѣйствіе народной этимологіи. По его мнѣнію, pivoňka (піонъ) произошло изъ латинскаго paeonia, подъ вліяніемъ слова pivo (55), и т. п. Указанія на французское pivon и на нѣмецкія областныя слова автору кажутся излишними!

Въ виду этого въ огромномъ количествѣ приведенныхъ г. Чернымъ словъ присутствіе «чешской народной этимологіи» представляется или мнимымъ, или по крайней мѣрѣ сомнительнымъ. Часть ихъ, повидимому, испытала на себѣ дѣйствіе народной этимологіи, но не въ чешскомъ языкѣ, а въ какомъ-либо другомъ, часть же вовсе не подвергалась дѣйствію народной этимологіи.

Исконныя чешскія слова и старыя заимствованія въ теченіе ряда столѣтій исторической жизни чешскаго языка подвергались дѣйствію разнообразныхъ звуковыхъ законовъ. Г. Черный приводитъ нѣсколько такихъ словъ, но не справляется о томъ, какія въ нихъ могли произойти измѣненія. Такъ, онъ говоритъ о словѣ košile (=русск. кошуля, рубаха), что оно происходитъ отъ латинскаго casula и что въ немъ чувствуется вліяніе глагола šíti (65); тогда какъ въ немъ (какъ и во множествѣ другихъ словъ) *i* образовалось изъ *ю* и во вліяніи глагола шити не было ни малѣйшей надобности.

Та система изложенія, которой держится въ своемъ трудѣ г. Черный, много вредитъ достоинству его книги. Онъ распредѣлилъ свой матеріалъ по рубрикамъ: личныя собственныя имена, мѣстныя собственныя имена, богослужебная терминологія, названія помѣщеній, животныхъ, растеній и т. д., и здѣсь рядомъ съ словами подвергшимися дѣйствію народной этимологіи, помѣстилъ рядъ другихъ, которыя даже въ его глазахъ этого дѣйствія на себѣ не испытали.

Но г. Черный собралъ довольно много матеріала, и новый изслѣдователь явленій чешской народной этимологіи долженъ имъ воспользоваться. Кое-чѣмъ можетъ воспользоваться и изслѣдователь явленій русской народной этимологіи.

Любопытно, что одни и тѣ же слова въ разныхъ славянскихъ языкахъ подверглись дѣйствію народной этимологіи въ разныхъ направленіяхъ. Это изрѣдка исконныя славянскія слова, тѣ, которыя не имѣютъ большаго числа родичей и употребляются мало; гораздо чаще это—слова заимствованныя. Напримѣръ, древнее иноходецъ (конь) измѣнилось у Чеховъ въ mimochodník (51), у насъ (Вятская губ.) въ виноходъ; нѣмецкое papegai превратилось у Чеховъ въ papoušek (51), у насъ въ попугай (сравни пугать); нѣмецкое fürtuch стало звучать у Чеховъ fěrtoch (65), у насъ фартукъ (сравни многочисленныя слова на къ).

А. Соболевскій.

О сравнительной миѳологіи Макса Мюллера.

Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи миѳовъ. Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи архимандрита Бориса. Изданіе второе. Спб. 1893.

Вѣроятно, лишь немногіе помнятъ статью о. Бориса (тогда еще В. Плотникова) о сравнительной миѳологіи Макса Мюллера, напечатанную въ «Филологическихъ Запискахъ» 1879 года и вышедшую тогда же и отдѣльнымъ оттискомъ. Теперь онъ вздумалъ издать ее вторымъ изданіемъ. И въ 1879 году неудобно было говорить о теоріи Макса Мюллера какъ о «новѣйшей», такъ какъ тогда уже дѣйствовалъ Тэйлоръ [1]) съ своими послѣдователями и уже была выставлена антропологическая теорія. Теперь же какъ-то даже странно читать, что Максъ Мюллеръ предложилъ «новый» взглядъ на происхожденіе миѳологіи и что его миѳологическая теорія особенно замѣчательна «по высокой цѣнности результатовъ». Да сверхъ того, видно, что авторъ мало знакомъ съ трудами по миѳологіи. Максъ Мюллеръ какъ миѳологъ кажется ему чѣмъ-то совершенно оригинальнымъ, тогда какъ онъ въ главномъ—такой же послѣдователь Гримма, какъ Кунъ, Маннгардтъ, Шварцъ; для автора нашъ Аѳанасьевъ «исключительно слѣдуетъ методу Макса Мюллера», между тѣмъ какъ Аѳанасьевъ печатаетъ свои первыя статьи по славянской миѳологіи (потомъ вошедшія въ его «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу») раньше, чѣмъ появляется въ свѣтъ «Сравнительная миѳологія» Макса Мюллера (въ 1856 году).

О. Борисъ поражаетъ теорію Макса Мюллера не безъ успѣха, но недостаточно энергично. «Теорія Макса Мюллера о происхожденіи миѳовъ, читаемъ мы у него, только отчасти вѣрна. Она объясняетъ небольшую (сравнительно) часть миѳовъ, но несправедливо претендуетъ на объясненіе всей области миѳологіи; она беретъ для объясненія происхожденія миѳовъ сравнительно маловажную причину и оставляетъ безъ вниманія важнѣйшую. Поэтому, не смотря на прекрасное объясненіе многихъ миѳовъ, она съ полнымъ правомъ можетъ быть названа одностороннею». Авторъ имѣлъ право сказать, что миѳы, которые бы успѣшно объяснила теорія Мюллера,—явленіе рѣдкое, почти исключительное.

А. Соболевскій.

Новыя книги.

Die Rumänische Frage in Siebenbürgen und Ungarn. Eine politische Denkschrift von Eugen Brote Vicepräsid. d. Vorstandes d. rumänischen National-partei in Siebenbürgen u. Ungarn. Mit 51 Beilagen u. einer Karte. Berlin 1895. Puttkammer u. Mühlbrecht in 8°. XI + 432.

Если Китай, Великобританская имперія и Россія—три единственныя государства въ мірѣ съ такимъ величайшимъ этнографическимъ разнообразіемъ, то Австро-Венгрія, этотъ остатокъ священно-римской имперіи нѣмецкаго языка или народа, есть единственная страна въ мірѣ, гдѣ всѣ внутренніе правовые, экономическіе и соціальные вопросы носятъ сильный этнографическій отпечатокъ. Недавно одному русскому дипломату приписывали въ Австріи такое замѣчаніе; «я не признаю въ Австріи Славянъ». Мы не вѣримъ справедливости этой передачи. Этотъ государственный человѣкъ несомнѣнно умный. Отказываться отъ признанія въ Австро-Венгріи Чеховъ, Нѣмцевъ, Словаковъ, Румынъ, Поляковъ, Русскихъ (малоруссовъ), Сербовъ, Хорватовъ, Мадьяръ значитъ совершенно отказываться отъ всякаго пониманія сосѣдняго намъ государства. Не только вся его внутренняя, но отчасти внѣшняя политика (всегда и вездѣ зависимая отъ

---

[1]) Его «Первобытная культура» хорошо извѣстна о. Борису...

внутренней) рѣзко опредѣляется его этнографическимъ составомъ. Оно и понятно: ибо вся Австро-Венгрія состоитъ изъ своего рода Ирландій или изъ нашихъ привислянской и прибалтійской окраинъ.

Обстоятельный трудъ г. Е. Броте о Румынахъ въ Трансильваніи и Венгріи представляетъ очень важное пособіе и для этнографовъ и для политиковъ, желающихъ ближе узнать Австро-Венгрію.

В. Л.

Paul Regnaud. Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et la Grèce. Paris 1894.

Оригинальная во многихъ отношеніяхъ книга г. Реньо представляетъ собою новую попытку найти исходную точку для пониманія первобытныхъ религій, тотъ принципъ, изъ котораго вытекали бы сами собою основныя формы этихъ религій.

Насколько эта задача удалась автору, я постараюсь указать послѣ, теперь же представлю его основныя воззрѣнія. Прежде всего, г. Реньо приглашаетъ насъ стать на «чисто раціональную» (p. 32) точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, «никто не станетъ опровергать, что религія также имѣетъ свое начало, что было время, когда ея не существовало». Первою формою первообытной религіи, по крайней мѣрѣ, у народовъ Индо-Европейской расы—было жертвоприношеніе. Однако какого-нибудь бога, въ честь котораго совершались бы эти жертвоприношенія, мы не находимъ; напротивъ, ихъ характеръ совершенно «атеистическій» (p. 34), ихъ происхожденіе чрезвычайно просто: огонь, высѣканіе котораго представляетъ извѣстныя трудности, долженъ былъ сохраняться въ такомъ видѣ, чтобы отъ него безъ труда можно было бы получать новый; такимъ образомъ, ощущается потребность въ неугасимомъ огнѣ, является огонь «роскоши» или традиціонный огонь, какъ выражается г. Реньо (p. 34). Поддерживаемый изъ рода въ родъ, онъ становится символомъ непрерывности семьи и взаимной независимости родовъ; наконецъ, онъ получаетъ значеніе чего-то торжественнаго, высшаго. Каково-же было и въ чемъ заключалось это первобытное жертвоприношеніе? На это отвѣтить не трудно: оно заключалось въ приношеніи горючихъ веществъ, поддерживающихъ неугасимый огонь, въ подливаніи въ него масла; оно не имѣло, сначала, никакой другой цѣли, кромѣ сохраненія яркаго пламени. Мало по малу это пламя стало богомъ и положило начало всѣмъ религіознымъ и моральнымъ понятіямъ. «Божества очага», какъ говоритъ г. Реньо въ другомъ мѣстѣ (p. 174): «божества очага, которыя являются въ тоже время древнѣйшими божествами индо-европейцевъ, не заключаютъ въ себѣ ничего самостоятельнаго (volontaire), ничего героическаго, даже ничего активнаго—такъ сказать—личнаго. Это—друзья и сосѣди, присутствіе которыхъ связано съ сохраненіемъ семьи, такъ какъ они всегда около нея; изъ этихъ наслѣдственныхъ отношеній возникъ ихъ священный характеръ, явившійся незамѣтно вслѣдъ за отсутствіемъ всякой таинственности, ознаменовавшей начало этой близости между человѣкомъ и домашнимъ огнемъ, явившейся предисловіемъ къ религіи народовъ нашей расы».

Этимологія словъ devas и многихъ другихъ религіозныхъ понятій восходитъ къ корнямъ со значеніемъ свѣта, яркости, горѣнія. Ведійскіе dev'ы, — по корню родственные съ греч. δῖος, латин. divus и—добавимъ—славян. день (изъ *дьв-нь) и литов. dëvas,—первоначально, собственно, огни (или пламя) жертвоприношенія; каждый изъ нихъ: Агни, Индра, Варуна и др. только различное названіе для одного и того-же предмета, и потому каждый изъ нихъ devas (p. 46—47). Если гимны говорятъ, что Агни (=огонь) долженъ привести дев'овъ, это значитъ только, что онъ долженъ вспыхнуть на алтарѣ; если жрецъ сообщаетъ, что Агни явился благодаря своему пламени, съ нимъ и черезъ него, это значитъ, что огонь, дѣйствительно, загорѣлся и что жертвоприношеніе совершилось (p. 48). Однако уже въ Ведахъ слову devas придается какъ будто мистическое значеніе, непонятное при столь реаль-

номъ происхожденіи его. По мнѣнію г. Реньо, мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ на позднѣйшую экзегезу эпитетовъ, прилагавшихся къ слову devas. Прежде всего, выдаются такіе эпитеты, какъ безсмертный (amṛta, ἀθάνατος), небесный и др. Но первое, по мнѣнію г. Реньо, значитъ вовсе не безсмертный, а просто не умершій, тогда какъ mṛta, βροτός значитъ просто умершій; второе-же точно также обязано серьезному и реальному пониманію метафоръ и игрѣ словъ. Дѣло въ томъ, что священное пламя получило значеніе свѣта, дня или неба (p. 54), и свѣтлые боги (т. е. огни — devas) были перемѣщены на небо. Тоже совершилось и въ Греціи: Ὄλυμπος произведено отъ того-же корня, что и λάμπω, αἰθήρ родственно съ αἴθω, наконецъ Οὐρανός (дорійское Ὤρανος) по корню близко къ ὥρα (p. 55). Изъ другихъ священныхъ горъ извѣстны Ида отъ корня ἰδ (briller, voir, connaître), Этна (Αἴτνα вм. Αἴθνα, ср. αἴθω p. 80), Геликонъ, мѣстопребываніе музъ, жертвеннаго пламени, производящаго звукъ, подобный пѣнію, — наконецъ, блестящій и странствующій Делосъ (p. 58). Въ самой Ригъ-Ведѣ и въ древнѣйшихъ гимнахъ Греціи эти эпитеты не болѣе, какъ символы образнаго слога [1]). Брахманическая экзегеза, принимавшая за чистую монету то, что было только символомъ, пошла еще дальше и развила легенду о богѣ Dyôs, которой въ Греціи соотвѣтствуетъ легенда о Зевсѣ: такъ Dyavapṛthivī Ригъ-Веды просто соединеніе широкаго (т. е. возліянія, сомы) съ огнемъ, три брата греческой миѳологіи представляютъ собою основаніе, средину и вершину священнаго пламени (p. 73), борьба Зевса съ Титанами пріобрѣтаетъ особый смыслъ, если мы признаемъ, что «Титаны—пламя жертвоприношенія, которое смѣщаетъ Зевсъ, какъ онъ смѣстилъ своего отца Крона» (p. 79) и т. д.

Такимъ образомъ ясно, что авторы Ведъ предшествовали миѳологіи, потому что для нихъ метафоры оставались метафорами; только въ позднѣйшій періодъ экзегезы эти метафоры слились въ миѳъ. Это сліяніе шло слѣдующими путями (p. 96—106).

1) Неодушевленный предметъ, обозначенный именемъ нарицательнымъ, метафорически представляется одушевленнымъ.

2) Эпитетъ неодушевленнаго предмета, выраженнаго именемъ нарицательнымъ, занимаетъ мѣсто этого имени и сопровождается опредѣленіями, которыя представляютъ данный предметъ одушевленнымъ.

3) Одинъ изъ элементовъ жертвоприношенія сравнивается съ неодушевленнымъ предметомъ, имя котораго подставляется вмѣсто него.

4) Одинъ изъ элементовъ жертвоприношенія сравнивается съ животнымъ или человѣкомъ, имя котораго подставляется вмѣсто него.

5) Эпитетъ этого человѣка или животнаго занимаетъ мѣсто имени.

6) Отрицаніе какого нибудь свойства или отсутствіе предмета метафорически представляется одушевленнымъ и реальнымъ.

7) Комбинація различныхъ, уже указанныхъ, фигуръ, а отсюда странныя миѳическія описанія etc.

8) Ошибочное пониманіе словъ Ведійскаго діалекта.

«Такимъ образомъ», заключаетъ авторъ: «вся индо-европейская миѳологія своимъ источникомъ имѣетъ образный стиль, первою причиною и единственною цѣлью котораго было описаніе и апологія обрядовъ культа огня у Индо-Европейцевъ» (p. 106). На этомъ, въ сущности, и кончается первая часть теоріи г. Реньо: все, что остается, является только развитіемъ этихъ основныхъ идей. Шумъ пламени и шипѣніе сомы—это гимнъ, который поютъ сами боги (=огни), бывшіе, первоначально, и сами

[1]) И дѣйствительно—прибавлю я отъ себя—этотъ образъ вовсе не рѣдокъ въ поэзіи. См. напримѣръ у нѣмецкаго поэта Hamerling'а въ поэмѣ: «Ahasver in Rom» 18 изд. стр. 158.

Die Flammen singen deinen Ruhm und lassen
In Goldglanzlettern leuchten deinen Namen,
Und krönnen dich mit einem Glorienschein,

жрецами. «Гимнъ сталъ молитвой въ устахъ человѣка только изъ подражанія голосу боговъ и вслѣдствіе распредѣленія между людьми и богами ролей, принадлежавшихъ сначала только однимъ богамъ» (p. 176). Когда-же эти роли были распредѣлены, явилась потребность въ посредникахъ — жрецахъ, первоначально, просто подливателяхъ сомы. Адъ — антиподъ неба, свѣта, отрицаніе бытія — на самомъ дѣлѣ, только отсутствіе жертвоприношенія, только отрицаніе тѣхъ свойствъ, какими обладаетъ это послѣднее. Культъ предковъ (культъ отцевъ) имѣетъ въ виду не дѣйствительныхъ отцевъ, но метафорическихъ родителей нашего жертвоприношенія, или тѣ элементы, тѣ огонь и сому, изъ соединенія которыхъ оно является. Идея безсмертія души явилась изъ жертвенныхъ формулъ, по которымъ элементы жертвоприношенія — не живые — становятся живыми или оживаютъ. Нравственность, начала науки, литературы и искусства такъ или иначе вытекаютъ изъ жертвоприношенія. Такова стройная и цѣльная теорія г. Реньо.

Уже изъ изложенія ея, по возможности объективнаго, можетъ быть, до извѣстной степени выяснились ея важнѣйшіе недостатки. Эти недостатки, мнѣ кажется, можно раздѣлить на двѣ группы: одну практическую, другую теоретическую. Что касается недостатковъ перваго рода, то здѣсь прежде всего мы наталкиваемся на цѣлый рядъ совершенно неправильныхъ этимологій, произвольныхъ переводовъ, натяжекъ, неудачныхъ выборовъ гимновъ для сравненія, наконецъ просто фантазій. Чтобы не быть голословнымъ, я разсмотрю сначала нѣсколько этимологій г. Реньо. Переводить ἄμβροτος (amṛta) черезъ неумершій, во всякомъ случаѣ, неправильно: ужъ если автору такъ хотѣлось видѣть здѣсь причастіе, то онъ долженъ былъ-бы припомнить, что на — ta — образуются только страдательныя причастія. Кромѣ того, какъ лингвисту, ему было-бы необходимо такъ или иначе счесться со взглядомъ Бругмана на происхожденіе прилагательныхъ именъ типа βροτός. Именно, этотъ ученый говоритъ: «Часто вмѣсто понятія совершенія или законченности является понятіе способности или возможности, какъ въ гр. λυ-τό-ς «разрѣшимый». Можетъ быть, также праиндогерм. mortos «смертный». Въ виду того обстоятельства, что эта функція въ отдѣльныхъ языкахъ отчасти преимущественно, отчасти исключительно выступаетъ въ именахъ сложныхъ съ отрицательной частицей (цѣлый рядъ примѣровъ) или въ отрицательныхъ выраженіяхъ какого-нибудь иного вида (примѣры), можно предположить, что все употребленіе ея исходитъ изъ отрицательныхъ выраженій» [1]). Что касается слова devas, въ корнѣ котораго, дѣйствительно, лежитъ понятіе свѣта, хотя и не огня, какъ утверждаетъ г. Реньо, — то относительно него сомнительно, чтобы въ Ригъ-Ведѣ еще сохранилось этимологическое пониманіе стараго корня. Иначе трудно было-бы объяснить, чтобы брахманы могли забыть объ этомъ совершенно, тѣмъ болѣе, что они сами понимали связь между словами: divā (днемъ) и deva (богъ), выражая это такъ: «когда былъ день, Праджапати сотворилъ боговъ; это сущность боговъ» [2]). Чтобы показать тѣсную связь жертвоприношенія съ божествомъ, г. Реньо употребляетъ нѣсколько этимологій настолько невѣрныхъ, что я не счелъ ихъ даже значительными при изложеніи теоріи жертвоприношенія. Именно, авторъ соединяетъ слова θεός (изъ θεϝ-ος, изъ ghef-os [3]) и θύω (изъ dhuo—); yaj «приносить жертву» (греч. ἅζομαι. Brugmann. Grundriss. I, 114) считаетъ вѣроятно родственнымъ co syand «течь» и т. д. Изъ другихъ эпитетовъ боговъ, г. Реньо считаетъ особенно важными эпитеты, указывающіе на ихъ небесное, горнее положеніе. Однако и здѣсь онъ во многомъ ошибается: Ὄλυμπος или не подходитъ для сравненія вовсе, если, какъ это

---

[1]). Grundriss der vergleichenden Grammatik der indog. sprachen. II. Strassburg. 1889, стр. 207.

[2]) Leop. v. Schröder. Indiens Literatur und Cultur in historischer Entwickelung. Leipzig. 1887. s. 135—137 (гдѣ приведены и другіе примѣры браманской этимологизаціи).

[3]) Brugmann. Griechische Grammatik. München. 1890. II Band Handbuch'a Iwan von Müller'a, ст. 56 сравниваетъ съ др. инд. ghora и, можетъ быть, готск. guths.

предполагаетъ Преллеръ [1]), Ὄλυμπος не является общегреческимъ названіемъ для божественной горы, а лишь ѳессалійскимъ мѣстнымъ именемъ, или, если Ὄλυμπος издревне-греческое слово, то его нельзя сравнивать съ λάμπω. Дѣло въ томъ, что при той древности культа огня, какую имѣетъ въ виду Реньо, мы можемъ прилагать его этимологическій способъ доказательства только къ словамъ индогерманскимъ или же общегреческимъ, обще-индійскимъ и т. д. Далѣе οὐρανός (изъ *Fορ Fανός uorunno) вполнѣ подходитъ къ др. инд. varuna (Brugmann. Grundriss. II, 154), тогда какъ ὧρος «годъ», ὥρα «время» несомнѣнно родственны съ гот. jēr «годъ», слав. яръ «весна» и т. д. (Brugmann. Grundriss I, 111). Далѣе Αἴτνα изъ Αἴθνα происходить не можетъ, такъ какъ τ и θ безразличны только въ нашемъ произношеніи и имѣютъ совершенно различные коррелятивы въ индо-германскомъ языкѣ. Странно встрѣчать у спеціалиста по лингвистикѣ такія разсужденія (прим. 3 на стр. 74): «очень вѣроятно, что ῥέα вмѣсто σρεϝα, срав. ῥέω варіантъ, что касается корня, слова ἧρα вм. *σηρα». Кажется, г. Реньо никогда не слышалъ о сопоставленіи др. инд. gandharvás съ греч. κένταυρος (по народной этимологіи вмѣсто *κενθαυρος. Brugmann. Grundriss. I, 481): для него gandharva (p. 117) родственно съ др. инд. gātha «пѣсня» и gāthin «пѣвецъ». Объяснять Σειρήνη [2]) черезъ санскритскій корень svar невозможно; это было-бы еще допустимо, если-бы инд. корень звучалъ не svar, но sarv (какъ ἄπειρος: др. инд. parvatas). Можно сказать, что почти всѣ этимологіи г. Реньо неправильны, а, такъ какъ онъ на нихъ-то и основываетъ въ значительной мѣрѣ свою теорію, то уже это подрываетъ ее. Къ числу практическихъ недостатковъ принадлежитъ также черезъ-чуръ произвольный переводъ нѣкоторыхъ текстовъ. Перечислять всѣ эти мѣста я и не въ состояніи, да это заняло-бы и слишкомъ много времени и мѣста. Я ограничусь двумя-тремя указаніями. Вотъ напр.

Rg. V. I, 25, 2 и 3: mā no vadhāya hatnave jihīḷānasya rīradhaḥ mā hṛṇānasya manyave. 2.
Vi mṛḷīkāya te mano rathīr açvaṁ na saṁditaṁ gīrbhir varuṇa sīmahi.

Смыслъ слѣдующій: «О если-бы ты, разгнѣвавшись, не отдалъ насъ смертному оружію, не предалъ насъ, разсердившись, своей ярости. Вслѣдствіе нашихъ славословій открой свой духъ, о Варуна, милости (mṛlikāya), отпряги, о всадникъ, коня незапряженнаго». Г. Реньо (p. 140—141) понимаетъ его иначе: корень mṛl, mṛd онъ какимъ-то образомъ сравниваетъ съ marj «доить» (гр. ἀμέλγω, лат. mulgo) и получаетъ mṛlika со значеніемъ не милость, какъ это видно и изъ контекста, а молоко, т. е. «жертвенную жидкость, приготовленную для жертвоприношенія».

Или Rg. V. I, 124, 12: vahasi bhūri vāmam uṣo devi dāçuṣe martyāya, т. е. «ты приносишь, о богиня заря, много блага почтившему (тебя) смертному». Г. Реньо просто на просто выпускаетъ слово «dāçuṣe» и переводитъ такъ: «о богиня заря, ты даешь много блага мертвому (смертному)».

Съ греческимъ текстомъ авторъ обращается не менѣе свободно. Такъ, на стр. 165 онъ говоритъ: «χαῖρε—первоначальный смыслъ: «sois actif, vif, vivant». Почему это? Др.-инд. hary (принимать съ удовольствіемъ) и другіе родственные корни (Brugmann. Grundriss. I, 238; II, 1054)—всѣ выражаютъ удовольствіе или желаніе. Но г. Реньо, разъ сообщивши намъ первоначальный смыслъ слова, въ другихъ мѣстахъ считаетъ его уже доказаннымъ и напр. гимнъ XI переводитъ такъ: «будь дѣятельна, о богиня, и дарүй намъ успѣхъ и яркій блескъ» (χαῖρε, θέα δὸς δ'ἄμμι τύχην εὐδαιμο-

[1]) Griechische Mythologie. 4 aufl. I. B. Berlin. 1888. s. 122.
[2]) Въ ту-же ошибку (производство Σείριος отъ svar) впалъ и Преллеръ. Op. c. 454, прим. 3.

νίηντε). Сравненія, которыми авторъ доказываетъ первоначальное тожество гомеровскихъ и ведійскихъ гимновъ, иногда просто забавны. Вотъ примѣръ:

Ст. 1. Κλῦθι, θεὰ θνητοῖς φαεσίμβροτον ἦμαρ ἄγουσα

г. Реньо сравниваетъ со слѣдующими мѣстами Ригъ-Веды:

I, 48, 10: «услышь нашъ призывъ» — I, 48, 1: «о богиня» — I, 113, 11: «увидѣли смертные сверкающую зарю»—I, 92, 4: «заря, предсказывающая свѣтъ всякому существу».

Ст. 2. Ἠὼς λαμπρορακής, ἐρυθαινομένη κατὰ κόσμον.

Rg. V. VI, 64, 2: «заря блестящая... сверкнула».—IV, 52, 2: «яркокрасная заря» (вѣдь citrarușî по смыслу одно слово, которое, мнѣ кажется, нельзя переводить черезъ brillante, rouge).

Все сравненіе идетъ такимъ образомъ, хотя при помощи подобной мозаики можно доказать все, что угодно. Этотъ примѣръ взятъ мною не какъ единичный примѣръ: это вообще типъ сравненія, по самому существу дѣла довольно сомнительнаго.

Наконецъ къ числу практическихъ недостатковъ теоріи принадлежитъ, какъ я сказалъ выше, неограниченное увлеченіе своей теоріей, увлеченіе, приводящее автора просто на просто къ фантазіямъ. Какъ извѣстно, натуралистическая школа въ миѳологіи подъ волосами Зевса, которыми онъ потрясаетъ Олимпъ, подразумѣваетъ молніи. Г. Реньо понимаетъ иначе (р. 57): амброзія, напитавшая волосы Зевса, это возліяніе, которое приводитъ въ движеніе пламя. Въ связь съ голосомъ элементовъ жертвоприношенія авторъ ставитъ пѣнье Амфіона, Орфея и др. и прибавляетъ (р, 133): «Стѣны Ѳивъ и Трои выстроены изъ пламени, о чемъ такъ часто упоминается въ Ригъ-Ведѣ: олицетворенія жертвеннаго огня съ шумомъ создаютъ эти стѣны».

Я перехожу теперь къ теоретической части своихъ возраженій. Прежде всего, мнѣ кажется, автору не пришелъ въ голову чрезвычайно важный вопросъ о хронологіи Ведійскихъ гимновъ, хронологіи, до сихъ поръ, если я не ошибаюсь, совершенно неустановленной. Между тѣмъ всѣ разсужденія г. Реньо только тогда получаютъ доказательную силу, только тогда становятся логически обязательными, а не остаются просто дѣломъ вѣры,—если онъ насъ убѣдитъ въ томъ, что тѣ гимны, которые подтверждаютъ его теорію, древнѣе другихъ. Молитва не входитъ въ кругъ древнѣйшей религіи, потому что не кому и не для чего было молиться. Между тѣмъ этому предположенію автора противорѣчатъ всѣ тѣ гимны къ Брихаспатису, къ зарѣ, наконецъ къ оружію, которые заключаютъ несомнѣнную молитву и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ уже не могутъ быть примѣнены къ культу огня. Да и тѣ божества, которыя и мы могли бы, скрѣпя сердце, отнести къ этому культу, представляютъ извѣстныя черты, трудно согласимыя съ нимъ. Пусть г. Реньо докажетъ намъ, что тѣ гимны, которые имъ разобраны, дѣйствительно, самые древніе, иначе—рядомъ съ тѣми воззваніями къ богамъ, которыя подходятъ къ его идеѣ, мы можемъ поставить другія воззванія къ тѣмъ-же богамъ, воззванія, совсѣмъ не подходящія къ ней.

Во вторыхъ, мнѣ кажется, что самъ г. Реньо колеблется въ своемъ пониманіи Ведійскихъ гимновъ. Какъ-то мало согласуются другъ съ другомъ слѣдующія мѣста. Такъ, на стр. 48 онъ говоритъ: «гимны, по существу, исполнены реализма, авторы ихъ говорятъ только о вещахъ, которыя передъ ихъ глазами». Съ этимъ нельзя не согласиться, да это и не ново: уже Тито Виньоли [1]), а, можетъ быть, кто-нибудь и до него, замѣтилъ, что Агни въ Ведахъ олицетворяется не какъ человѣкъ вообще, но что въ олицетвореніе его входятъ представленія о дымѣ, алтарѣ и т. д. Такимъ образомъ, и по г. Реньо, гимны изображаютъ то, что есть на самомъ дѣлѣ, и ихъ реализмъ, если эту мысль довести до конца, какъ-то противорѣчитъ богатому развитію Ведійской символики, которой придаетъ такое значеніе авторъ. На стр. 169 онъ говоритъ: «когда тонкости стиля древнихъ гимнографовъ болѣе уже не понимались и когда

[1]) Mythus und Wissenschaft. Leipzig. 1880, стр. 71—72.

перестали сознавать, что въ обращеніи къ Индрѣ: «устрой намъ то, что имѣетъ коровъ» имѣлось въ виду просто привлечь зажженное возліяніе, олицетворенное согласно обстоятельствамъ, къ содѣйствію дѣлу жертвоприношенія; когда забыли, что коровы, о которыхъ просили такимъ образомъ, были только символическими коровами» etc. Такимъ образомъ мы и здѣсь уже встрѣчаемся и съ олицетвореніями и со всѣмъ багажемъ любой миѳологической школы; реализма, который не выходилъ-бы изъ рамокъ дѣйствительности, тутъ уже нѣтъ. Мнѣ кажется, что г. Реньо какъ-то колеблется: тотъ умственный уровень народа, при которомъ сложились разсматриваемые имъ гимны, онъ представляетъ себѣ то черезъ-чуръ простымъ, то, наоборотъ, черезъ-чуръ сложнымъ и высокимъ.

Въ третьихъ, какъ-то непонятно, почему въ сущности одни и тѣ-же миѳологическія представленія развились у Грековъ и Индійцевъ. Это было бы ясно, если бы здѣсь мы имѣли дѣло съ творчествомъ народныхъ массъ, уравненныхъ и здѣсь и тамъ. Но вѣдь на развитіе миѳологіи повліяла чисто индивидуальная жреческая экзегеза. Если бы даже тѣ 8 формулъ смѣшенія символовъ, которыя были выставлены раньше, были логически обязательны для всякаго экзегета, то все-таки на волю его индивидуальности оставалось бы выбрать тотъ или другой матеріалъ для образованія миѳовъ. Но этого разнообразія нѣтъ, и отсутствіе его словно подтверждаетъ чувство какой-то фальшивости мнѣнія, будто богословское догматическое изученіе можетъ создать народную религію. Наконецъ, въ теоріи г. Реньо мы не можемъ избѣгнуть нѣсколькихъ заколдованныхъ круговъ: такъ, по его мнѣнію, миѳологія не могла развиться изъ антропоморфизаціи небесныхъ явленій (p. 89—90), а между тѣмъ вся экзегеза, которой придается такое значеніе, основана на антропоморфизмѣ, совершенно одинаковомъ у Грековъ и Римлянъ. Какъ понимать иначе слѣдующія слова г. Реньо (p. 121): «μάντις былъ первоначально священный огонь, разсматриваемый, какъ мыслитель, потому что онъ являлся шипящимъ или говорящимъ и потому что слово предполагаетъ существованіе мысли. Боги, коллективное олицетвореніе священнаго огня, суть мыслители» и т. д. Далѣе, если символъ необходимое условіе религіознаго выраженія уже въ первую эпоху религіи, то что можетъ насъ заставить думать, что и огонь и жертвоприношеніе были уже ни болѣе, ни менѣе, какъ символами бога и что всѣ моленія обращались, на самомъ дѣлѣ, не къ огню, а къ богу; а тогда мы избавимся отъ необходимости считать аллегоріей то, что такъ похоже на правду, т. е. простѣйшія молитвы о счастіи, избавленіи отъ враговъ и др. (ср. напр. Rg. V. II, 23). Вообще способъ доказательства у г. Реньо часто очень догматиченъ: «это очевидно» (p. 7), «il a tout simplement mis» (p. 7), «les conditions les plus favorables» (p. 33) etc.

Въ концѣ концевъ невольно приходитъ въ голову вопросъ, почему такъ неудачны почти всѣ дѣлавшіяся попытки миѳологической систематизаціи. Правда, во всѣхъ изъ нихъ есть много остроумныхъ сопоставленій, глубокихъ замѣчаній, наконецъ—такихъ данныхъ, которыя (особенно, у Макса Мюллера и Тито Виньоли) будутъ всегда привлекать къ себѣ вниманіе,—однако цѣльнаго, не поражающаго своею догматичностью до сихъ поръ нѣтъ. Можетъ быть, это происходитъ въ значительной степени отъ того, что миѳологическое творчество народа вырываютъ изъ всей его остальной жизни и разсматриваютъ такъ, будто народъ миѳологизируетъ, но въ тоже время не живетъ духовно и иначе. Такъ, напр., не задумываясь о возможности сновидѣній вообще, сновидѣній именно желаемаго рода, нѣкоторые миѳологи (Свенсоръ и многіе другіе) предполагаютъ вліяніе сновидѣній на развитіе религіозныхъ представленій. Между тѣмъ, если сновидѣніе въ значительной степени сродно съ гипнотическимъ самовнушеніемъ, то возможность того или другого вида сновъ зависитъ отъ того, какого рода представленія можетъ дать это самовнушеніе [1]). Ученіе о другомъ тѣлѣ кровь дѣйствуетъ во время сна элементарнаго тѣла, развилось можетъ быть уже въ оккультизмѣ (см. Kiesewetter Se-

---

[1]) О немъ см. Гиляровъ. Гипнотизмъ по ученію Шарко и психологическо школы. Кіевъ 1894, 177—178; ср. также стр. 209 (пріемъ 2-ой).

schiehtedes neueren Occultisimus. Leipzig 1891, 83). Но, можетъ быть, тутъ есть и болѣе крупный недостатокъ метода. Если мы хотимъ изучить психику какого-нибудь поэта, мы должны изучить въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ не только его сочиненія, но и мельчайшія детали его біографіи; мы должны изучить въ отдѣльности и сравнительно всѣ являвшіеся ему образы, шагъ за шагомъ прослѣдить весь процессъ его роста. Но, изучая индивидуальнаго поэта, мы находимся еще въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что логика отдѣльнаго лица понятна. Положимъ, мы приступаемъ къ такому-же изученію народнаго творчества. Здѣсь условія уже совсѣмъ иныя. Каждое явленіе этого творчества мы должны разложить на составныя логическія его части, мы должны, по возможности, прослѣдить ассоціацію идей и, можетъ быть, мы натолкнемся на случай, гдѣ—въ какой-нибудь глубокой древности—эта ассоціація окажется непознаваемой, потому что ея законы иные, чѣмъ у насъ. Историческая этнографія должна отдать себѣ отчетъ, какого человѣка она можетъ изучать, какія свойства духа лежатъ еще за предѣлами нашего пониманія, т. е. съ какого момента человѣкъ входитъ въ предѣлы нашего изученія. Кромѣ того, мы должны не восходить снизу вверхъ, но спускаться сверху внизъ, потому что наверху, у нашихъ современниковъ, намъ и наиболѣе понятны логическіе законы массоваго творчества, и наиболѣе доступно прослѣдить происхожденіе того или другаго вѣрованія, иногда очень глубоко засѣвшаго. Такъ, литовское вѣрованіе въ происхожденіе kauk'а изъ пѣтушьяго яйца, вѣрованіе, съ которымъ весьма схожи бѣлорусскія и латышскія суевѣрія, объясняется изъ литературнаго источника, именно изъ разсказовъ физіолога о рожденіи базилиска [1]). Такъ, распространенное русское и сербское гаданіе о суженомъ передъ зеркаломъ за столомъ съ двумя приборами проникло изъ ритуала высшей магіи, гдѣ подобныя же средства примѣняются для вызова умершихъ близкихъ лицъ [2]). Но кромѣ того мы только среди современныхъ намъ людей можемъ изучать возможное сліяніе различныхъ познавательныхъ элементовъ у одного и того-же лица. Мы не должны забывать, что человѣкъ все въ одно время и познаетъ и чувствуетъ: если въ данномъ случаѣ онъ равнодушный наблюдатель, то въ другомъ онъ ревностный защитникъ по чувству. Лермина [3]) посвящаетъ длинный панегирикъ научнымъ заслугамъ Вильяма Крукса, но онъ не можетъ, во всякомъ случаѣ, убѣдить насъ, что въ области сверхъ-чувственнаго человѣкъ главнымъ образомъ чувствуетъ, какъ чувствуемъ мы всюду, гдѣ насъ не контролируетъ непрерывно осязаемое и видимое. Тогда и въ области научнаго обобщенія, какъ только мы переходимъ за предѣлы видимаго, мы встрѣчаемся съ процессомъ, весьма близкимъ къ миѳологизаціи. Разобравши теорію «зародышевой плазмы» Вейсмана, Д. Роменсъ [4]) заключаетъ: «и тогда мы можемъ имѣть дѣло съ геммулами, физіологическими единицами, «корнями», мицеллами, пангенами, пластидулами и другими гипотетическими «носителями наслѣдственности», съ которыми мы можемъ обращаться какъ намъ угодно ..» Для окультистовъ наслѣдственность объясняется иначе, а именно при помощи астральнаго свѣта (la lumière astrale) [5]).

Разлагая духовное творчество на процессы аналогіи, символизаціи и т. п. и изучая историческое развитіе каждаго процесса въ отдѣльности и ихъ различныя сочетанія, уничтожая то одинъ, то другой процессъ и разсматривая, какія группы получаются безъ него,—только изучая человѣка какъ существо чувствующее, логически думающее и физическое—мы придемъ къ точному знанію.

А. Погодинъ.

---

[1]) О немъ см. Carl Meyer. Der Aberglaube des Mittelalters und der nächstfolgenden Jahrhunderte. Basel. 1884. стр. 73. Разсказъ о рожденіи базилиска былъ перенесенъ и въ Византіи на другое существо (πετεινάρια). См. Lauchert. Geschichte des Physiologus. Strassburg. 1889. s. 101—102.

[2]) Eliphas Lévi. Dogme et rituel de la Haute Magie. II. Paris 1856, p. 139—142.

[3]) Jules Lermina. Magie pratque. Paris. p. 19—23.

[4]) Д. Роменсъ. Наслѣдственность. Спб. 1894, стр. 76.

[5]) Eliphas Levi. Op. c. I, 113.

Richard Garbe. Die Sâmkhya-Philosophie. Eine Darstellung de indischen Rationalismus. Leipzig. 1894. VIII + 347. 12 мар.

Сочиненіе Гарбе посвящено изслѣдованію одной изъ древнѣйшихъ индійскихъ философскихъ системъ. Система Самкхъя (= чиселъ) тѣмъ болѣе интересна, что съ одной стороны она оказала значительное вліяніе на принципы буддизма, съ другой уже въ VI вѣкѣ повліяла косвеннымъ путемъ на философію Пиѳагора. Г. Гарбе даетъ подробный обзоръ источниковъ для изученія философіи Самкхъя и изложеніе ея принциповъ.

Hermann Oldenberg. Die Religion des Veda. Berlin. 1894. IX + 620. 11 мар.

Авторъ извѣстной книги о Буддѣ настоящее свое сочиненіе посвящаетъ религіи Ведъ, разсматривая миѳологію только постольку, поскольку это необходимо для выясненія религіозныхъ началъ. Вслѣдъ за обзоромъ источниковъ (1—38 стр.), г. Ольденбергъ сообщаетъ о «ведійскихъ богахъ и демонахъ вообще» (39—102 стр.), объ «отдѣльныхъ богахъ и демонахъ» (102—302 стр.), о «культѣ» (302—523 стр.) и «ученіе о душѣ и культѣ умершихъ» (524—597 стр.). Къ книгѣ приложены экскурсъ о «сомѣ и лунѣ» (599—612 стр.) и указатель (613—620 стр.).

Carl Kiesewetter. Die Geheimwissenschaften. Zweiter Theil der Geschichte des neueren Occultismus. Leipzig. 1895. XXVII + 749. 16 мар.

Первая часть этой книги (Leipzig. 1893) была посвящена «системамъ и систематикамъ» оккультизма. Она начиналась съ изложенія ученія Агриппы и кончалась на Дю-Прелѣ. Вышедшая недавно вторая часть заключаетъ въ себѣ подробную и полную исторію оккультной практики и распадается на слѣдующіе отдѣлы: «алхимію» (1—240 стр.), астрологію (243—427 стр.), «волшебство (Hexenwesen) въ его исторіи и явленіяхъ» (431—698 стр.), «бѣлую магію, теургію и некромантію» (701 — 737 стр.) и «сравненіе спиритистическихъ явленій съ оккультными» (737—749 стр.). Этому же автору принадлежатъ слѣдующія важнѣйшія работы: «Faust in der Geschichte und Tradition» (1893 г.), гдѣ доказываются медіумическія свойства Фауста и дается обстоятельное изложеніе средневѣковыхъ волшебныхъ книгъ (Zauberbücher); «Iohn Dee. Ein spiritist des 16 Iahrhunderts» (Leipzig. 1893, 77 стр.), «Franz Anton Mesmer's Leben und Lehre» (Leipzig. 1893. 180 стр.) и др.

Albert Coste. Les phénomènes psychiques occultes. Etat actuel de la question. Paris. 1895, 2 изд., 226. 3 фр. 75 сант.

Въ дополненіе къ вышедшей недавно у насъ книгѣ г. Гилярова о гипнотизмѣ, это сочиненіе могло быть полезно для всѣхъ, желающихъ познакомиться съ современнымъ положеніемъ оккультныхъ явленій. Не смотря на свои недостатки (чрезмѣрное легковѣріе, малокритическое отношеніе къ системамъ и т. п.), эта книга пользуется совершенно заслуженнымъ успѣхомъ. Ея изданіе въ Парижѣ уже распродано, такъ что за требованіями на него нужно обращаться въ Монпелье.

Carl du Prel. Die Entdeckung der Seele durch die Geheimwissenschaften. Leipzig. 1895. Zweiter Band 202 стр. 5 мар.

Рядомъ съ легкомысленнымъ увлеченіемъ чудесами спиритизма, въ нашемъ обществѣ появляются болѣе серьезныя стремленія познакомиться съ наиболѣе видными

представителями мистики въ Европѣ. Недавно вышелъ русскій переводъ книги Дю-Преля: «Философія Мистики» (переводъ М. С. Аксенова. Спб. 1895. Съ предисловіемъ автора къ русскому переводу. XIV + 612 стр. 3 р. 50 к.). Настоящій томъ сочиненія Дю-Преля посвященъ дальновидѣнію и дѣйствію на разстояніе.

Carl Niebuhr. Geschichte des Ebräischen Zeitalters. I Band. Leipzig. 1894. X + 378. 10 мар.

Этотъ томъ оканчивается на Іосифѣ Навинѣ. Авторъ желалъ исчерпать всѣ свѣдѣнія, разработанныя гебраистикой и доставленныя ассирологіей и египтологіей. Точка зрѣнія его совершенно иная. Къ библейскимъ сагамъ онъ относится иначе, чѣмъ Цетелеръ (Stellung der alttestamentlichen Zeifrechnung in der altorichtalischen Geschichte. München. 1893—1894. 6 выпусковъ), который видитъ въ нихъ достовѣрную исторію.

Alidin Schultz. Allgemeine Kunstgeschichte.

Изъ этого огромнаго сочиненія (4 тома въ 30 выпускахъ; по 2 марки за выпускъ) до сихъ поръ появились только 2 выпуска 3-го тома, посвященныя искусству возрожденія. Сочиненіе снабжено прекрасными фототипіями и многими рисунками

Whitley Stokes und Adalbert Bezzenberger. Wortschatz der Keltischen Spracheinheit. Göttingen. 1894. 337 стр. 9 мар.

При той роли, которую кельты играли, вѣроятно, въ восточной Европѣ, указанная книга имѣетъ важное значеніе для слависта и германиста. Многія слова, вѣроятно, были заимствованы славянами и литовцами прямо у кельтовъ; другія слова чрезвычайно интересны въ культурномъ отношеніи (напр. стр. 248—249 *litaviâ*— Küstenland рядомъ съ *Lëtuwà*).

Thalheim. Lehrbuch der griechischen Alterthümer. Rechtsalterthümer. Freiburg und Leipzig. 1895. стр. 183 + VIII.

Книга посвѣщена «правовымъ отношеніямъ домашней и общественной жизни» и снабжена нѣсколькими указателями. Источники приводятся, по большей части, цѣликомъ, что придаетъ книгѣ особенное значеніе.

Albert Post. Grundriss der ethnologischen Iurisprudenz. Erster Band. Allgemeiner Theil. Oldenburg und Leipzig. 1894. 473 стр.

Этотъ томъ посвященъ, по преимуществу, соціальной организаціи народовъ. Книга снабжена многочисленными библіографическими примѣчаніями.

Latwju dainas. Kr. Barona un H. Wissendorfa isdotas. Ielgowâ. 1894. 3 вып.

Первые три выпуска этого образцоваго изданія, которымъ, по справедливости, можетъ гордиться латышская этнографія, посвящены пѣснямъ о пѣніи и обрядовымъ пѣснямъ и обычаямъ, изъ которыхъ пока еще обнародованы только пѣсни, связанныя съ рожденіемъ и крестинами ребенка. Изданіе разсчитано приблизительно на 20 выпусковъ и содержитъ въ себѣ до 160,000 варіантовъ, расположенныхъ по новой

системѣ. Въ первомъ выпускѣ помѣщена статья г. Барона о латышскихъ пѣсняхъ и собраніи ихъ.

Latweejchu lautas teikasun pasakas. V daļa. Auscha Lercha-Puschkaischa *kahrtotas un H. Wissendorffa isdotas.* Jelgawâ. 1894.

Вышедшій недавно 5 выпускъ прекраснаго изданія латышскихъ народныхъ сказокъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно богатый матеріалъ, собраный порвоначально г. Бривземніаксомъ (г. Трейландомъ) и изданный гг. Виссендорфомъ и Лерхисъ-Пушкайшсомъ. На 416 страницахъ этотъ сборникъ содержитъ 219 номеровъ сказокъ, которыя раздѣляются на сказки миѳологическаго содержанія (№№ 1—46, но № 2 посвященъ описанію обрядовъ), чрезвычайно цѣнныя сказки о звѣряхъ (№ 46—84), романическія сказки (№ 85—169) и мѣстныя легенды (№ 170—219). Такимъ образомъ можно сказать, что латышскій народъ обладаетъ чрезвычано богатыми сборниками сказокъ (5 выпусковъ этого изданія и многочисленные рижскіе и митавскіе сборники, изданные комиссіями), пѣсенъ (сборники Биленштейна, Арона Матиса, коммиссій, Latwju dainas etc), пословицъ, поговорокъ и загадокъ. Менѣе всего разработанъ отдѣлъ о народныхъ играхъ, потому что изданные до сихъ поръ «игральники» (Rotalnēki) преслѣдуютъ, по преимуществу, практическую пользу. Недостатокъ свѣдѣній о латышской народной медицинѣ въ недавнее время восполненъ книгой г. Алксниса, отчетъ о которой данъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895. № 4. При этомъ надо замѣтить, что эти сборники быстро расходятся въ народныхъ массахъ и продаются въ приходскихъ магазинахъ. Съ другой стороны, имѣются и издатели, берущіе на себя предпріятія малвыгодныя въ денежномъ отношеніи. Все это дѣлаетъ большую честь латышской интеллигенціи.

Тимоѳей Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. Часть I. Введеніе. Юго-Западные славянскіе языки. Кіевъ. 1895. 526 стр. 3 р.

Лекціи г. Т. Флоринскаго представляютъ обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей трехъ южнославянскихъ языковъ и ихъ діалектовъ съ историческимъ освѣщеніемъ развитія тѣхъ и другихъ. Обзорамъ предшествуютъ обширныя библіографическія указанія. Представляя прекрасное руководство для лицъ, желающихъ изучить въ достаточной подробности славянскіе языки, эти лекціи оставляютъ однако много желать со стороны звукофизіологическаго обоснованія данныхъ (напр. болгарскія *ъ*, *a*, *e* могли-бы быть разсмотрѣны именно съ этой стороны; точно также сродство звуковъ *k* мягкаго и *t* мягкаго и т. д.). Можно пожалѣть также, что къ книгѣ не приложено никакой карты языковъ и діалектовъ. При малодоступности картъ славянскаго населенія, это почти необходимо въ такомъ руководствѣ, какъ лекціи г. Флоринскаго. [1])

Adolf Noreen. Abriss der urgermanischen Lautlehre. Strassburg. 1894. 278 стр.

«Vorgeschichte der altgermanischen Dialecte», которую написалъ Клюге для «Grundriss'a» Пауля, слишкомъ обширна и подробна для неспеціалиста и начинающаго. Поэтому переводъ указанной книги, написанной сначала на шведскомъ языкѣ, чрезвычайно желателенъ. Лекціи Норэна предназначены именно для начинающихъ.

Rudolf Kleinpaul. Das Mittelalter. Bild aus dem Leben und Treiben aller Stände in Europa. Leipzig. I Band. 1894. 412 стр.

Первый томъ этого прекраснаго изданія, снабженнаго многочисленными рисунками и снимками, посвящено средневѣковымъ сословіямъ и состояніямъ, правамъ и обыденной жизни знати, горожанъ и крестьянъ.

---

[1]) Объ этомъ почтенномъ трудѣ проф. Т. Д. Флоринскаго будетъ въ Жив. Ст. особая статья. Ред.

Paul Rieger. Versuch einer Technologie und Terminologie des Handwerke in der Misnâh. Mit zwei Taielu. Berlin. 48 стр. I Theil. Spinnen. Färben. Wehen Walken.

Сочиненіе интересное для изученія ремеслъ въ раннее средневѣковье.

А. Погодинъ.

Мелочи по киргизской и сартской этнографіи за 1894 г.

а) Этнографическіе очерки киргизъ перовскаго и казалинскаго уѣздовъ. Соч. Худабая Кустанаева. Ташкентъ 1894 г.

б) Этнографическіе матеріалы. Сказки, басни, пословицы и примѣты туземнаго населенія Сыръ-Дарьинской области. А. А. Диваева. Ташкентъ 1894 г.

в) Чародѣйство, гаданіе и леченіе сартянокъ въ Самаркандѣ. Л. Симоновой. (Справочная книжка Самаркандской области на 1894 г.).

Упрекъ, сдѣланный нами однажды[1]) туркестанской интеллигенціи за ея равнодушіе къ изученію мѣстной жизни, намъ приходится теперь, къ сожалѣнію, не взять назадъ, а повторить. Существуетъ въ Ташкентѣ Турк. Отд. Общ. естест., антр. и этногр., но оно, находясь въ зависимости отъ ген.-губернатора, собирается въ послѣднее время не чаще раза въ годъ; заговорили въ началѣ прошлаго года объ открытіи въ Ташкентѣ отдѣла Имп. Русск. Географ. Общ., на подобіе Западно и Восточно-Сибирскаго отдѣла, но вотъ ужъ прошло достаточно времени, а предложеніе единичныхъ личностей ни къ чему не привело, должно быть потому, что не было поддержано большинствомъ; особый чиновникъ при главномъ начальникѣ края «по ученой части» ничѣмъ не заявляетъ о своей дѣятельности; остается надежда на мѣстную печать, но и тутъ затишье: число напечатанныхъ въ прошломъ году матеріаловъ по туземной этнографіи крайне не велико и значеніе ихъ, вслѣдствіе случайности, безсистемности собиранія, не особенно высоко; однако же спасибо и этимъ немногимъ труженикамъ за то, что они дали.

Остановимся на выписанныхъ выше работахъ.

«Этнографическіе очерки киргизъ пер. и каз. уѣздовъ» принадлежатъ воспитаннику IV класса Туркестанской учительской семинаріи киргизу Х. Кустанаеву—весьма отрадный фактъ, доказывающій, что дружный примѣръ русскихъ изслѣдователей края нашелъ бы всегда хорошихъ подражателей въ туземцахъ; тѣмъ очевиднѣе необходимость образованія особаго Отд. Геогр. Общ. въ Туркестанѣ и, можетъ быть, здѣсь нужна инціатива самого Имп. Геогр. Общ.: оно должно помочь разрѣшенію вопроса, намѣченнаго еще въ 1870 году при К. П. Кауфманѣ. Такое общеніе туземцевъ и русскихъ, болѣе знакомымъ съ научными пріемами работы, будетъ для туземцевъ весьма полезно: оно придастъ болѣе цѣнности пока малокритическимъ сужденіямъ и не вполнѣ удовлетворительнымъ собираніямъ матеріала туземцевъ-любителей.

Не смотря на отсутствіе научной подготовки автора, «Очерки» его даютъ нѣкоторыя новыя подробности быта киргизъ; такъ см. зимнія развлеченія киргизъ, свадебные обряды, леченіе. Мы не нашли въ этой небольшой брошуркѣ указаній на вліяніе русскихъ обычаевъ, переходъ къ осѣдлости, особенно замѣтный въ предѣлахъ перов. и казал. уѣздовъ, ремесла, киргизскій народный судъ и многія другія стороны жизни киргизъ, тѣмъ болѣе важныя, что съ теченіемъ времени имъ суждено измѣниться.

Абубекръ Ахмеджановичъ Диваевъ, переводчикъ восточныхъ языковъ при военномъ

---

[1]) При разборѣ сартскихъ сказокъ, собр. Н. П. Остроумовымъ. Ж. С. 1893 г., в. II.

губернаторѣ Сыръ-Дарьинской области, владѣетъ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ, какъ мы сами лично убѣдились въ послѣднюю поѣздку въ Ташкентъ, но отчасти служба, отчасти то обстоятельство, что этотъ матеріалъ записанъ по киргизски, мѣшаютъ скорѣйшему изданію этого сокровища: въ печать попадаютъ лишь мелочи. Въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области» за 1891, 1892, 1893 года помѣщено имъ 22 киргизскихъ сказки, записанныхъ преимущественно около Чимкента, какъ мы узнали (объ этомъ г. Диваевъ въ собраніи сказокъ ничего не говоритъ), отъ киргиза уже пожилаго, поэта, остроумнаго импровизатора. Дѣлать какія нибудь заключенія относительно этихъ сказокъ, въ виду скудости напечатаннаго матеріала въ сравненіи съ тѣмъ, что уже собрано г. Диваевымъ и что еще ждетъ собирателей, нельзя: обратимъ вниманіе на одну особенность киргизскихъ сказокъ въ сравненіи съ сартскими: преобладаніе разговора надъ описаніемъ, препираніе загадками, остроумные отвѣты; вѣроятно эта черта стоитъ въ связи съ характеромъ киргиза, всегда подвижнаго, любителя повеселиться, побалагурить. Число напечатанныхъ въ «Сборникѣ» басенъ, пословицъ и примѣтъ очень незначительно; когда ихъ будетъ напечатано больше, можно будетъ сдѣлать любопытныя сравненія съ подобной литературой другихъ народовъ. Пока же пожелаемъ г. Диваеву какъ можно скорѣе издать свои матеріалы и набрать еще больше новаго въ знакомой и родной ему странѣ. Своимъ матеріаломъ г. Диваевъ дѣлится иногда и съ газетами. Такъ въ № 18 газеты «Окраина» за 1894 г. напечатана его замѣтка о чудесной птицѣ «Итъ-Ала-Казъ», изъ яицъ которой, по твердому народному повѣрью, выводится собака Кумай (гончая туркменской породы); въ № 20 той же газеты напечатано имъ о баксахъ» («лекарь, колдунъ), безъ котораго до сихъ поръ не обходится дѣло ни у постели трудно больныхъ, ни на свадебномъ пиру. О баксахъ мы кое-что находимъ въ старой статьѣ Рус. Вѣст. 1878 г., № 9, стр. 56, у Кустанаева 41 стр. и сл. Диваевъ, не входя въ подробности, приводитъ одинъ призывъ духовъ. Изступленный бакса взываетъ къ Создателю создающихъ, Мухаммеду, Сулейману, Арыстанъ-бабу, величайшему изъ 40 тысячъ святыхъ Туркестана, къ прочимъ святымъ востока и запада, пустыни, степей, озеръ съ просьбою о помощи и поддержкѣ; затѣмъ онъ обращается къ главному духу Чара-басу (огромная голова), дневному демону, водяному демону, владѣльцу дня, обладателю ущелій, степей, блеска... Оканчивается призывъ заявленіемъ, что «наконецъ то явился и рыжій жеребенокъ, за нимъ послѣдовали и прочіе духи, всѣ верхами на жеребятахъ». Въ № 7 «Туркестанскихъ вѣдомостей» Диваевъ помѣстилъ «волшебный заговоръ противъ укуса ядовитыхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся». Заговариваніемъ, нашептываніемъ волшебныхъ причитаній для вызова изъ норъ змѣй, фалангъ, скорпіоновъ и кара-куртовъ у киргизъ занимаются особые спеціалисты-арбаучи. Это волшебство заключается въ обращеніи сперва къ пророкамъ Сулейману, Дауду, Ана-діяру, Аша-діяру за помощью, затѣмъ въ приказаніяхъ тому или другому насѣкомому выйти изъ норы, похвалахъ вызываемому, угрозахъ, наконецъ безсмысленныхъ заклинаніяхъ въ родѣ «арысыны, курсыны, муртыны, чуртыны, кырганы, киритканы, чуя, чуя, чига, чига, бара, бара, дава, дава» и т. п.

Всѣ подобныя продѣлки баксовъ, нашептыванія арбаучей, разныя примѣты и суевѣрія не должны насъ удивлять, если мы вспомнимъ, въ какомъ жалкомъ состояніи находится народное образованіе у туземцевъ мусульманъ: главнѣйшій источникъ знанія, коранъ медицинѣ вѣдь не научитъ. Мы говорили до сихъ поръ о киргизахъ, то же явленіе находимъ и у сартовъ.

Въ отдѣлѣ смѣси новаго изданія «Справочная книжка Самаркандской области» помѣщена статья г-жи Л. Симоновой (Хохряковой) о чародѣйствѣ, гаданіи и леченіи сартянокъ въ Самаркандѣ. Авторъ лично посѣтилъ нѣсколькихъ самаркандскихъ ворожей, говорилъ съ ними черезъ посредство особы, знакомой съ сартскимъ языкомъ, даже гадалъ и лечился у нихъ, такъ что его наблюденія цѣнны. Предъ нами чародѣйка Чаръ-чиракъ (собственно «чародѣйка, гадающая на четыре свѣта»), женщина 54 лѣтъ, таджичка, средняго роста, пропорціонально сложеная, въ общемъ красивая и могла бы называться симпатичной, еслибы не лукаво-нахальная улыбка и острый бѣгающій взглядъ, одѣта, какъ

всѣ сартянки; ея сакля отличается отъ прочихъ построекъ подобнаго рода лишь особой завѣшенной нишей, въ которой, по народной молвѣ, и обитаетъ таинственный духъ-пари. Гаданіе заключалось въ доносившихся откуда-то звукахъ (вѣроятно отъ помощниковъ чародѣйки) и разъясненій Чаръ-Чиракъ, не выходившихъ изъ сферы общихъ мѣстъ; такіе же общіе отвѣты давала чародѣйка на основаніи гаданія по книгѣ; о своемъ духѣ она разсказывала безъ малѣйшаго благоговѣнія и очевидныя выдумки; насколько сомнительна убѣжденность гадалки въ существованіи духа, видно изъ того, что за деньги она показала нишу, на палкахъ которой кромѣ куска маты, жестяной коробки изъ-подъ монпасье, нѣсколькихъ глиняныхъ чашекъ ничего не было. Медицинскіе совѣты Чаръ-Чиракъ были также не мудреные: они состояли въ рецептахъ, на которыхъ были начертаны какіе-то кабалистическіе знаки, эти рецепты нужно было или носить въ ладонкѣ, или глотать, или по частямъ сжигать.

Интереснѣе другая гадалка (фольбинъ) Нурбиби, симпатичная старушка лѣтъ 80-ти, научившаяся гадать и лечить отъ своей матери. Передъ гаданіемъ она тряхнула бубномъ, потомъ обратилась за благословеніемъ къ Богу и пророкамъ, за помощью къ добрымъ духамъ; ея слова участились, удары въ бубенъ также. Нурбиби вдохновлялась. «Наконецъ, совсѣмъ внѣ себя Нурбиби съ силою ударила въ бубенъ, какъ-то рванула имъ, мгновенно поставила щитомъ своего лица отъ насъ и закричала: ѣдутъ, ѣдутъ... письма!.. новости!.. радости!.. Шумъ... Суета»... Дальше впрочемъ предсказанія не пошли. Интересно представленіе Нурбиби о духѣ-пари. «Каждый человѣкъ имѣетъ своего пари. Онъ дается ему при самомъ появленіи его на свѣтъ. Иногда неразлучно съ человѣкомъ бываетъ душа предка, родственника или родственницы, иногда же совсѣмъ чужой пари. Это не злой духъ и не исключительно добрый, онъ обладаетъ человѣческими свойствами, т. е. въ немъ сохраняются тѣ же черты характера, тѣ же наклонности, какими отличался обладатель души—человѣкъ во время земной жизни. Пари, приставленный къ человѣку, отчасти управляетъ имъ. Онъ внушаетъ ему мысли и поступки, иногда добрые, иногда печальные и дурные. Случается, что пари проникаетъ сквозь тѣло человѣка до самаго сердца и сливается съ нимъ. Если пари доволенъ человѣкомъ, то онъ оберегаетъ человѣка отъ болѣзней и несчастій и даетъ ему веселое и спокойное направленіе мыслей. Если же не доволенъ, то насылаетъ на человѣка страхъ, мрачное настроеніе духа, отчаяніе, болѣзни и всякія несчастія; въ крайнемъ случаѣ отнимаетъ близкихъ и любимыхъ людей. Чаще же всего пари выражаетъ свое неудовольствіе наведеніемъ страха»... Удовлетворить этого пари можно жертвой. Въ довершеніе, Нурбиби произвела оригинальное заклинаніе духа при помощи кувшина съ водой, иголокъ и мыла: главная суть состояла въ страшныхъ крикахъ на духа (кочь, кочь, кочь-прочь...) и бросаніи иголокъ, раньше воткнутыхъ въ мыло, въ кувшинъ съ водой: этой водой и мыломъ нужно было потомъ больному умываться. Третья гадалка Мухарамой еще бѣднѣе фантазіей и потому сосредоточиваетъ все вниманіе на обрядности, которой однако мы не будемъ здѣсь описывать. Только наивныя сартянки могутъ вѣрить въ чудесную силу своихъ ворожей и благоговѣть передъ ними, какъ передъ избранницами, бесѣдующими съ таинственнымъ міромъ духовъ; можетъ быть такія, какъ Нурбиби, и сами вѣрятъ въ свое призваніе, но большинство, подобно Чиръ-Чиракъ или Мухарамой, вѣроятно смѣются въ душѣ надъ своими паціентками; обращаются къ ворожеямъ и мужчины, но всегда черезъ женщинъ. Къ услугамъ мужчинъ существуютъ особые знахари и лекари; желательно, чтобы кто нибудь далъ о нихъ такой очеркъ, какой дала г-жа Симонова о знахаркахъ.

А. Липовскій.

Zur Geschichte russischer Hochzeitsbräuche von Gregor Krek.

Въ Analecta Graeciensia, сборникѣ, изданномъ по случаю 42 собранія нѣмецкихъ филологовъ и педагоговъ въ Вѣнѣ 1893 г., есть небезъинтересная замѣтка (въ 10 страницъ) г. Крека къ исторіи русской свадьбы. Во 1-хъ, авторъ, на основаніи извѣстнаго лѣтописнаго преданія о брачныхъ обычаяхъ русскихъ славянъ, старается установить въ древнѣйшую уже эпоху различныя формы брака: похищеніе (у древлянъ), куплю (у радимичей, вятичей, сѣверянъ), договоръ (у полянъ). Существованіе послѣдней свободно-договорной формы брака, съ приданымъ со стороны невѣсты, автору приходится защищать противъ мнѣнія Соловьева о невозможности такого обычая среди племенъ, описываемыхъ Несторомъ. Какъ доказательствомъ, авторъ пользуется, между прочимъ, разборомъ этимологіи словъ «вѣно» и «невѣста»; наиболѣе вѣроятнымъ кажется ему принадлежность этихъ словъ періоду общеславянскому. Во 2-хъ, г. Крекъ сопоставляетъ современныя извѣстія Г. Клемма о выборѣ невѣсты на сѣверѣ Россіи (дѣвушки съ приданымъ собираются въ извѣстное время на особомъ мѣстѣ какъ бы для смотринъ) и Божены Нѣмцовой о подобномъ обычаѣ среди угорскихъ русскихъ съ знаменитыми царскими выборами невѣсты въ Россіи XVI и XVII в. Въ результатѣ сравненія должна получиться мысль о независимости этого царскаго обычая отъ такого-же обычая при византійскомъ дворѣ.

А. Л.

Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи. Пѣсни, величанія и причеты. Записаны А. Васнецовымъ въ Вятской губ. М. 1894. Цѣна 1 р. 50 к.

Довольно значительный по объему сборникъ пѣсенъ Вятской губ. представляетъ нѣкоторый интересъ: въ немъ есть нѣкоторые любопытные варіанты пѣсенъ, извѣстныхъ уже ранѣе въ печати, есть и новыя пѣсни («пѣсни на черемисскій ладъ», нѣкоторыя бытовыя, причеты). Собиратель въ небольшомъ предисловіи указываетъ на паденіе творчества народнаго и проводитъ параллель по содержанію и идеямъ пѣсенъ старыхъ и новаго пошиба. Показателемъ послѣдней служитъ уже лексическая сторона, форма стиха, приближающагося къ литературному, съ чередующейся риѳмой. Содержаніе также характеризуетъ новую пѣсню. «Въ пѣсняхъ новаго пошиба сынъ осмѣливается сказать отцу: «я не пахарь, тятька, твой; не рачитель домовой», говоритъ онъ, покидая родителей. Въ другихъ пѣсняхъ воспѣвается любовь красной дѣвицы къ доброму молодцу, «ихъ тайное совыканьицо», «ихъ свиданьицо» въ темную осеннюю ночь. Въ третьихъ слышится жалоба на измѣну милаго про котораго поется, что онъ «разбезсовѣстный мальчишка, шельма сталъ». И безсовѣстность этого мальчишки доходитъ до того, что онъ рѣшается утѣшать покинутую, въ то же время надсмѣхаясь: «не плачь, дѣвка! Когда буду я вѣнчаться, тогда на свадьбу позову».—Всѣ пѣсни распредѣлены на слѣдующіе отдѣлы: бытовая (отдѣлъ самый значительный, въ который вошли пѣсни лирическія, характеризующія жизнь крестьянъ; сюда же вошли и пѣсни разбойничьи), пѣсни на черемисскій ладъ (2 №№, нѣсколько юмористическаго характера), пѣсни хороводныя, которыя исполняются при весеннихъ хороводахъ съ Пасхи до страдной поры; затѣмъ слѣдуютъ пѣсни игровыя: святочныя (друженки), подблюдныя, наконецъ обрядовыя: свадебныя величальныя, свадебные причеты.—Изданъ сборникъ съ внѣшней стороны очень изящно; но имѣетъ крупные недостатки.

При накопившемся въ значительномъ количествѣ матеріалѣ народнопѣсеннаго обихода необходимо новымъ собирателямъ и издателямъ съ одной стороны, быть строгими въ выборѣ и печатаніи, избѣгая помѣщать пѣсни, уже извѣстныя въ печати, съ другой стороны, отмѣчать извѣстные имъ (хотя бы по сборникамъ наиболѣе важнымъ) варіанты. Подобной строгости и библіографическихъ указаній въ разсматриваемомъ сборникѣ нѣтъ. Сборникъ г. Васнецова, притомъ, записанъ безъ соблюденія мѣстнаго говора; за рѣдкими исключеніями, въ немъ выдержано обычное правописаніе, принаровленное къ «общелитературному произношенію». Мы не встрѣтимъ также указаній, гдѣ и когда за-

писаны отдѣльныя пѣсни; въ нѣкоторыхъ случаяхъ желательно было бы знать и отъ кого собиратель слышалъ ту или иную пѣсню (напр,, № 92, на стр. 70: «Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ»). Неизвѣстно даже, гдѣ вообще записаны собранныя г. Васнецовымъ пѣсни. Заглавіе «Пѣсни Сѣверо-Восточной Россіи» крайне неопредѣленно; изъ предисловія же мы узнаемъ, что «предлагаемые памятники народнаго творчества записаны преимущественно въ Вятской губ.».

Арк. Л-нко.

Лѣтопись историко - филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. III. Одесса. 1894.

Настоящій выпускъ изданія Одесскаго филологическаго общества представляетъ значительный интересъ для этнографа. Въ немъ мы находимъ свѣдѣнія о сооруженіи и открытіи памятника В. И. Григоровичу на могилѣ его въ Елисаветградѣ, вызванныя этимъ событіемъ статьи: А. А. Кочубинскаго («В. И. Григоровичъ въ исторіи славяновѣдѣнія»), Ѳ. И. Успенскаго («Памятникъ Григоровичу»), А. И. Кирпичникова («Григоровичъ и его значеніе въ исторіи русской науки»), А. К. Маркевича («Воспоминанія о Григоровичѣ, какъ о преподавателѣ»), В. Н. Ястребова («О значеніи памятника В. И. Григоровича для мѣстнаго общества»), В. И. Ламанскаго («Памяти В. И. Григоровича», перепечатано изъ «Нов. врем.»), М. Попруженко (Памяти Григоровича»—изъ «Новорос. Тел.»); далѣе слѣдуютъ некрологи почившихъ членовъ общества—Н. С. Тихонравова, написанный И. С. Некрасовымъ, и И. С. Ястребова, генеральнаго консула въ Солуни,—составленный Н, Красносельцевымъ. Всѣ эти статьи, вмѣстѣ съ отчетомъ общества до 1890—1893 гг. составляютъ первый отдѣлъ книги.

Во второй отдѣлъ—матеріаловъ—вошли: «Описаніе актовъ, принадлежащихъ гр. М. М. Толстому», А. И. Маркевича и обширные «Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края», В. Н. Ястребова. Акты гр. Толстаго относятся къ началу XVIII в. и касаются помѣстій его предковъ въ Московской и Слободской Украйнѣ. Краткое описаніе части этихъ документовъ было ранѣе напечатано» Маркевичемъ въ «Кіевской Старинѣ» (1889 г., № 2, 3).—Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ В. Н. Ястребова составлялся въ теченіи 10 лѣтъ изъ его собственныхъ записей и записей сотрудниковъ, сельскихъ жителей, въ двухъ сѣверныхъ (Елисаветградскомъ и Александрійскомъ) уѣздахъ Херсонской г. Руководствомъ служила программа, изданная къ Одесскому археологическому съѣзду. Мѣстность, въ которой собирались матеріалы составляла нѣкогда часть Запорожскихъ Вольностей, сдѣлалась потомъ главнымъ пунктомъ колонизаціи сербовъ (Новая Сербія) и другихъ народностей. Сербы исчезли въ настоящее время; совмѣстная же жизнь другихъ народностей способствуетъ выработкѣ новаго типа малорусской народности—новороссійскаго. Записи изданы тщательно, съ возможнымъ соблюденіемъ діалектическихъ особенностей, съ указаніемъ на извѣстные ранѣе варіанты. Содержаніе ихъ распадается на два главные отдѣла. Суевѣрія и обряды, сказки и легенды. Оно можетъ послужить предметомъ для особой обширной статьи; мы же укажемъ только вкратцѣ главнѣйшіе отдѣлы матеріаловъ. Представленія о внѣшнемъ мірѣ характеризуются цѣлымъ рядомъ замѣчаній, разсказовъ о природѣ, землѣ, солнцѣ и т. д., о животныхъ, лѣченіи болѣзней животныхъ, народномъ календарѣ. Представленія о человѣкѣ характеризуются суевѣріями, связанными съ разными внѣшними его дѣйствіями, поступками, взглядомъ на народную медицину, вѣдьмъ и другихъ враговъ человѣка, повѣрьями о беременности, первыхъ дняхъ жизни ребенка, заговорами, наконецъ обрядами при свадьбѣ, похоронахъ, играми дѣтей и т. д. Не менѣе важны легенды объ отношеніяхъ Бога къ чорту, о посѣщеніи Богомъ земли, о женскомъ господствѣ, о концѣ свѣта и т. д., бытовыя сказки, небылицы, прибаутки, разсказы о разныхъ народностяхъ (о жидахъ, цыганахъ, молдаванахъ, литовцахъ). Наконецъ, около 100 преданій о разныхъ мѣстностяхъ и мѣстныхъ объясненій топографическихъ ихъ названій.

Арк. Л-нко.

Свѣдѣнія о литовскихъ рукописяхъ.

(Продолженіе) [1]).

Юцевичъ Людовикъ собиралъ литовскія сказки, затѣмъ переводилъ ихъ съ литовскаго на польскій языкъ, и такимъ образомъ составилъ сборникъ: «Zbiór klechd litewskich». Юцевичъ родился въ 1810 г., умеръ въ 1846 г. въ Лесслѣ. (Karlowicz. Lit. język, рукописи № 6).

Стихотвореніе на литовскомъ языкѣ въ честь Павла Пузыны, написанное крестьяниномъ Ковенской губерніи. Рукопись у г. Меч. Довойна-Сильвестровича.

Довконтъ Симонъ. Pasakojimas apej weikalus Lietuwiu tautos senowie, kuri trumpai apraszia Simonas Daukantas rasztinikas pilozopijos magistras, metuse, 1850, 8°, 730 стр. Повѣствованіе о дѣяніяхъ литовскаго народа кратко написанное. Послѣ предисловія на 8-ой страницѣ написано: «Non est generosorum hominum res alienas quaerere et pati tuas per ignorantiam amitti. Dionysius Halicarnasensis histor. Lib. V». Историческій разсказъ доведенъ до 1285 года и на послѣдней страницѣ написано: «Galas pirmoses dales»—конецъ первой части. Надо полагать, что эта рукопись писана рукою Довконта, такъ какъ тамъ имѣются поправки этимъ-же почеркомъ. Рукопись у В. А. Петтера, уѣзднаго врача въ Устюжнѣ, и свѣдѣнія объ этой рукописи сообщилъ Петтеръ. О другихъ рукописяхъ Довконта было уже сообщено въ обзорѣ трудовъ его, смотри Живая Старина кн. III 1893 стр. 408.

Ивинскій Лаврентій Августовичъ, учитель приходскихъ училищъ, много писалъ на литовскомъ языкѣ, многіе изъ его трудовъ остались не напечатаны. 1) Słownik polsko-litewski «на буквы А. В. С. въ листъ и буква S. 8° составляетъ толстый томъ. Рукопись у г. Петра Креучунаса. Другія буквы этого словаря у князя Огинскаго. Полагаютъ, что и грамматика литовскаго языка Ивинскаго тоже у князя Огинскаго. Свѣдѣнія. сообщилъ П. Креучунасъ.

2) Budas gydymo žmoniu ir giwoliu ligų. Способъ лѣченія болѣзней человѣка и животныхъ. Это сочиненіе окончено и къ печати приготовлено. Извлеченія изъ этой рукописи были печатаны въ календаряхъ Ивинскаго.

3) Milton's. Pragaiszintas rojus. Потерянный рай Мильтона. Трудъ совершенно приготовленный къ печати и съ цензурнымъ пропускомъ 1863 года.

4) Iung Stiling. Nãktis. Ночи Юнга Штилинга. 3-я пѣснь «Sudna diena» страшный судъ, была напечатана въ литовскомъ календарѣ Ивинскаго на 1862 г., стр. 48.

5) Kaip auginti arklius О коневодствѣ.

6) Apie žemetras, suraszas mineralogiszku daliku Žemaitijos. О ископаемыхъ, описаніе минеральныхъ предметовъ Жемойтіи.

7) Nekurie wardai botaniszki. Нѣкоторыя названія растеній. Рукописи Ивинскаго № 1—7 пріобрѣтены Петромъ Креучунасомъ, бывшимъ учителемъ Маріампольской гимназіи.

8) Nomenklatura zoologiszka. Зоологическій словарь.

9) Apraszymas gribu. Описаніе грибовъ, съ изображеніемъ грибовъ. Названія грибовъ на литовскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ. Эта рукопись была выстав-

---

[1]) Начало см. вып. I стр. 98.

лена въ 1876 г. на сельско-хозяйственной выставкѣ въ г. Шавляхъ, но не извѣстно гдѣ она теперь. Черновикъ этой рукописи у г. М. Довойно-Сильвестровича.

10) Naudingi pamokinimai del žmoniu apsejimuose su giwoleîs. Полезныя наставленія, какъ обходиться съ животными. Неизвѣстно гдѣ рукопись.

11) Patarles žemaicziu. Пословицы жемойтовъ. Эта рукопись удостоена серебряной медали Императорскаго Русскаго Геогр. Общ. См. отчетъ общества за 1871 г. стр. 138. Auszra 1883 стр. 82.

Нерлихъ Карлъ Самуиловичъ, пасторъ въ Кейданахъ, умирая въ 1860 г., оставилъ много проповѣдей на литовскомъ языкѣ и грамматику литовскаго языка. Рукописи остались у его супруги въ Кейданахъ, которая затѣмъ вышла за другаго мужа. (Auszra 1883, стр. 215).

Чудло Іосифъ кс. Krótkie pomysły o prawidłach gramatycznych języka žmudzkiego, oraz uwagi nad mitologiją litewską., 4 д. 88 стр. Эта рукопись приготовлена къ печати въ 1855 г. Г. Карловичъ видѣлъ эту рукопись у книгопродавца Завадзкаго въ Вильнѣ, но безъ дополненія «Uwagi nad mitologią litewską». Кромѣ того Чудло оставилъ въ рукописяхъ много оригинальныхъ и переводныхъ съ польскаго стихотвореній на литовскомъ языкѣ. (Karlowicz. O języku lit. № 5 рукоп).

Юшкевичъ, бернардинецъ, написалъ литовскій словарь, но неизвѣстно гдѣ рукопись этого словаря. Объ этой рукописи говоритъ г. Микуцкій въ своемъ отчетѣ Имп. Академіи Наукъ, 1855, II, стр. 9.

Акелевичъ Михаилъ: 1) «Słownik litewsko-polski» 300 писаныхъ листовъ. Этотъ словарь былъ въ продажѣ у г. Зенкевича въ Вильнѣ. (Kraj 1893, № 13, стр. 12).

2) Słownik porównawczy z jezykami: słowianskim, greckim, gockim, łacinskim i sanskrickim. Неизвѣстно гдѣ рукопись этого словаря.

3) Skaitimai szwentadieninej, kurûs surasze lankiszkai kug. K. Antonewicze o į lietuwiszką kalbą iszgulde. M. Akeleicze. Акелевичъ родился въ 1828 г. въ Сувалкской губерніи, умеръ въ 1887 г. въ Парижѣ. Спб. Вѣд. 1883. № 34, Tyg. Illustr. 1888, X, стр. 292, 294, Liet. Raštinikai, Przewod. Bibliogr. 1887, № 11, стр. 222.

Нессельманъ Г. Ф., профессоръ Кенигсбергскаго университета. Litauischer sprachschatz, vermehrt, berichtet und alphabetisch geordnet von G. H. Nesselmann, второе заглавіе: Wörterbuch der litauisches Sprache und alphabetisch geordnet etc. Эта красиво написанная рукопись, состоитъ изъ 53 тетрадей по 4 листа f°, однако словарь неоконченъ, обрывается словомъ «v ë n a s» на 860 стр. Объ этой рукописи смотри ст. «Probe aus Manuskript der neuen Bearbeitung des Nesselmannschen Wörterbuchs въ Mitt. L. L. G. I, p. 278—280).

Уганскій Андрей Онуфрьевичъ профессоръ Импер. Казанскаго университета написалъ литовско - русскій словарь, заключающій въ себѣ до 100,000 литовскихъ словъ. Рукопись осталась у его наслѣдниковъ. Уганскій умеръ въ 1870 г. въ Казани. Liet. Bads 1888.

Менштовичъ, кс. Литовско-латышско-русскій словарь. Рукопись въ библіотекѣ Имп. Русск. Геогр. Общ. см. Отчетъ Общества за 1874 г., стр. 81.

Kalbamokslis lietuviszkos kalbos 1878 ma. sausio 20 dën. Petesrburgos. 4°, 77 стр. Грамматика литовскаго языка. Рукопись начинается предисловіемъ. «Prakalba», изъ которой видно, что грамматика состоитъ изъ 4-хъ частей или раздѣловъ. I. Raszyba. Письмо или ученіе о буквахъ, о произношеніи буквъ и ихъ сочетаніи. II. Žodžugeî. Словообразованіе. III. Lankstimai. Склоненія и спряженія. IV. Sudarymas. Словосочиненіе. Однако грамматика не полная, обрывается спряженіями глаголовъ: слѣдовательно четвертой части недостаетъ, какъ было сказано въ предисловіи. Изъ сего можно заключить, что это списокъ съ другой рукописи полной грамматики, и вѣроятно списанный воспитанниками Ковенской духовной Рим.-католич. семинаріи съ рукописи профессора Кс. Явниса.

Linkmeniszkiu lietuviu paproczei, burtas, gidimo dalikai. Ленкмянскихъ литовцевъ нравы, повѣрія, медицинскія средства и т. д. описаны кс. Гинжевскимъ, см. предварит. Отчетъ Э. А. Вольтера, стр. 9.

Statrašas lietuviškos kalbos. Правописаніе литовскаго языка. Въ семидесятыхъ годахъ нѣсколько списковъ этой рукописи ходило по рукамъ.

Кузнецъ болтунъ. Kalvis melagis, raszytas laikrasztis tarp studentu Petropileje 1877—1878 г. Писанный журналъ студентами С.-Петербургскаго университета въ 1877—78 г. На первой страницѣ съ изображеніемъ кузнеца. (Auszra. 1883, стр. 289).

О домашнихъ и дикихъ овцахъ. Ape namines ir laukines avis išvevsta iš maskoliškos kalbos. Переводъ съ русскаго на литовскій языкъ. Рукопись изъ 22 листовъ.

Ape naudiugus ir bledingus givius kaimiškoi ukei į lietuvišką kolbą išverte S. B. О полезныхъ и вредныхъ животныхъ для сельскаго хозяйства Глогера на литовскій языкъ перевелъ С. Б. Рукопись у князя Огинскаго. Эта рукопись была на сельскохозяйственной выставкѣ въ Ратовѣ Ковенской губ. въ 1881 году, см. Wiekr, 1881, № 236.

Пчела, ея жизнь и главныя правила пчеловодства Бутлерова. Bitis, jos givatas ir pamokslas bitukistes į lietuvišką kolbą išverte. S. B.

Малиновскій Францъ Ксаверій. Написалъ грамматику литовскаго языка на польскомъ языкѣ. «Grammatyka języka litewskiego opracowana podług Schleichera i nainówszych zródeł» и «Słownik języka litewskiego». Рукописи въ Библіотекѣ Общества друзей наукъ въ Познани. (Bibl. Warsz. 1881, I, p. 483—488. Kalend. Warsz. Illustr. 1881, стр. 22).

Градецкій А. І. Литовскія пѣсни, записанныя въ Маріампольскомъ уѣздѣ Сувалкской губерніи. Рукопсь въ библіотекѣ Имп. Русск. Географ. Общ. См. отчетъ Общ. за 1892 г., стр. 47.

Образцы мелодій литовскихъ народныхъ пѣсень Виленской губерніи записаны Э. А. Вольтеромъ. Рукопись въ библіотекѣ Имп. Русск. Географ. Общ.

У Эдуарда Александровича Вольтера есть около двадцати рукописей литовскихъ различнаго содержанія.

Современныя Извѣстія 1884 г. № 98 обнародовали списокъ литовскихъ рукописей, именно:

1) Apibriežimas nusidavimu Didžioses kunigaikštistes Lietuvos. Antanevičes profesoriaus Kievos universiteto, Очеркъ исторіи Великаго Княжества Литовскаго Антоновича, профессора Кіевскаго университета.

2) De-Marki. Don Karlino, pasakoimas iš Jtalijonu givenimo. Де-Марки Донъ Карлино, разсказы изъ итальянской жизни.

3) Erisman. Visũtina gigijena. Эрисманъ, Всеобщая гигіена.

4) Geitler. Lietuva ir Lietuvei, perstatita iš čekiškos kalbos. Гейтлеръ. Литва и Литовцы, переводъ съ чешскаго языка.

5) Gilferding. Lietuva ir Žemaitei, perstatita iš gudiškos kalbos. Гильфердингъ. Литва и Жемойты, переводъ съ русскаго языка.

6) Glogau. Lietuva ir Lietuvei, perstatita iš vokiškos kalbos. Глогауа. Литва и Литовцы, переводъ съ нѣмецкаго.

7) Gogol. Taras Bulba. Perversta iš maskoliškos kalbos iš sutrumpinto išdavimo del tautos. Гоголь. Тарасъ Бульба. Переводъ съ русскаго съ сокращеннаго изданія для народа.

8) Göthe. Reinike Lape. Гёте. Рейнике-Лисъ, переводъ съ нѣмецкаго.

9) Keletas pasakojimu Garšino ir Marko Vovčko. Нѣсколько разсказовъ Гаршина и Марка-Вовчка.

10) Kojalovičе. Skaitimai iš istories Vakarines Moskolijos, iš maskoliškos kalbos. Коаловичъ. Чтенія изъ исторіи Западной Россіи, переводъ съ русскаго.

11) Lietuvos pagira. Perstatimas keleto straipsniu iš gudiškos kalbos. Литовское полѣсіе. Переводъ съ русскаго нѣсколько статей изъ Живописной Россіи, III-го т., части I.

12) Senkievicze. Škicai Anglu ir Jonas muzykontas. Сенкевичъ. Очерки Англичанъ и Ваня скрипачъ.

Въ упомянутомъ спискѣ значится: Kraszewskis—Kunigas. Крашевскій—Кунигасъ, переводъ съ польскаго. Mickievicz. «Konradas Valenrodas ir Gražina», съ польскаго, и Robinzonas Kruze—Робинзонъ Крузе. Эти три послѣднія сочиненія были напечатаны на литовскомъ языкѣ; но неизвѣстно, съ этихъ ли рукописей и переводовъ.

Ziniu nešejes. Rasztas iszeinąs kas nedeldieni. Вѣстникъ новостей. Еженедѣльный рукописный журнальчикъ 1885, 8° листа обыкновенной писчей бумаги № 1—10. Содержаніе № 1: 1) Šžanga. Вступленіе. 2) Unija. Унія, литовская газетка въ Америкѣ. 3) Isz Vilniaus Viestniko. Изъ Виленскаго вѣстника. 4) Apie Ledesmą. О Ледесмѣ или о катехизисѣ, издаваемомъ Академіею Наукъ... № 2: 1) Bobrzynskis apie Lietuvius. Бобржинскій о литовцахъ. 2) Tilžes Kelejvio duma. Мнѣніе Тильзитскаго путника. 3) Krajaus žinios isr Tilžes. Извѣстія изъ Тильзита въ газ. «Kraj». 4) Sugivenimas Lietuviu su Latveis. Сожительство литовцевъ съ латышами. 5) Krajus apie Lietuvius Londone. Kraj о литовцахъ въ Лондонѣ. 6) Paska epie žąsinavicze. Сказка о Жансиновичѣ. 7) Apie lietuviu vakarušką. О вечеринкѣ литовцевъ. Прибавленіе. Apie lankstimą. О склоненіяхъ. Другихъ номеровъ не удалось видѣть. На обложкѣ каждой тетрадки нарисованъ перомъ литвинъ на конѣ верхомъ.

Виштеловскій написалъ поэму на литовскомъ языкѣ «Kastite ir Iurate». «Кастите и Юрате». Изъ литовскихъ преданій. Liet. Balsas 188, p. 218.

Дирикисъ Андрей умеръ въ 1887 г. Онъ написалъ грамматику литовскаго языка. «Leischu gramatika un Leischu-latweschu wardnice». Vienybe Liet. 1892, № 14, 1894, стр. 303.

Спудулисъ Иванъ Ивановичъ врачъ, будучи еще студентомъ въ Имп. Военно-Медиц. Академіи въ С.-Петербургѣ написалъ грамматику литовскаго языка на литовскомъ языкѣ. Рукопись этой грамматики у г. Матулониса.

Дѣвица Урсилія Тамошюнасъ написала много стихотвореній на литовскомъ языкѣ, преимущественно о временахъ года и крестьянскихъ сельскихъ работахъ. Рукопись у г. врача Спудулиса. Одно стихотвореніе изъ этого сборника было напечатано въ «Auszr'ѣ», именно «Žirgakalnis». Тамошюнасъ крестьянская дѣвушка самоучка.

Довойна-Сыльвестровичъ Мечиславъ, членъ-сотрудникъ Имп. Русск. Г. Общ., составилъ сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ окрестностяхъ г. Россіенъ. Рукопись въ Библіотекѣ И. Русск. Г. Общ. см. Отчетъ Общ. за 1891 г.

2) Литовско-русскій ботаническій словарь. 375 литовскихъ названій растеній Ковенской губ. Россіенскаго и Шавельскаго уѣздовъ.

3) Suraszas vardu vietu lietuviszku su nekure statistika. Списокъ названій мѣстностей на литовскомъ языкѣ со статистическими данными.

4) Suraszas lietuviszku pilių, pilekalnių milžinkapiu ir kitų arkeologiškų vietų. Списокъ литовскихъ городищъ, урочищъ, могилъ и другихъ археологическихъ мѣстъ.

5) Lietuviškos pasakos arba teikos. Литовскія сказки и легенды около 600. (Переводъ на польскій языкъ напечатанъ въ Краковѣ въ 1894 г.).

6) Priežodzei lietuviški. Литовскія пословицы.

6) Apraszymas lietuviszkų szokių ir instrument del griežimo. Описаніе литовскихъ народныхъ танцевъ и музыкальныхъ инструментовъ. Рукописи у автора въ Митавѣ.

С. Балтрамайтисъ.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

О происхожденіи названія г. Изборска и древняго населенія его окрестностей.

Приступая къ производству слова Изборскъ, мы прежде всего исходимъ изъ того положенія, что древнѣйшія названія мѣстностей во Псково-Печерскомъ краѣ чудскаго происхожденія, и что слѣдовательно есть основаніе предполагать, что и названіе древнѣйшаго политическаго центра этого края, Изборскъ, также чудскаго происхожденія. Затѣмъ другое основаніе этого предположенія лежитъ въ древнѣйшей исторіи, именно лѣтописи говорятъ, что одинъ изъ призванныхъ Чудью и славянами князей сѣлъ въ Изборскѣ, слѣдовательно, до половины IX в. Изборскъ уже существовалъ, и Труворъ занялъ уже прежде укрѣпленный пунктъ, носившій названіе Изборска.

Оставляя въ сторонѣ разныя производства этого названія изъ русскаго языка, какъ мало обоснованныя и произвольныя (напр. отъ слова «сбираться»), я приступаю прямо къ доказательству его чудскаго происхожденія.

Русское «Изборскъ» произносится нынѣ у мѣстныхъ Эстовъ (полувѣрцевъ) Irboska, Irboski, Irborska, въ нѣмецкихъ хроникахъ Iseburg, Isenburg, Isaborg, Isborg, Isburg. Разсмотримъ прежде всего вторую половину этого названія—borg, burg borska, boska, boski, борскъ. Которое изъ сихъ окончаній должно считать за первоначальное?

Извѣстно, что финскимъ народностямъ трудно произносить слова, оканчивающіяся на двѣ согласныя, изъ которыхъ послѣдняя придыхательная; въ такомъ случаѣ послѣдняя буква выбрасывается, какъ напр. у Эстовъ Peterbor (Петербургъ), turu (торгъ).

Этимъ и объясняется, почему у финновъ нѣтъ словъ, которыя бы оканчивались на h. Что касается окончанія ska, ka, то это ни болѣе ни менѣе, какъ излюбленная у Псковскихъ эстовъ (полувѣрцевъ) приставка, такъ напр. Wõboska (Wõboski), Metkoska, Talatska. Такимъ образомъ остается чистымъ окончаніе «borg», «burg», сохранившееся у ливонскихъ хроникеровъ и писателей. Окончаніе это готскаго происхожденія и означаетъ «замокъ». Это не единственное слово готскаго или шведскаго происхожденія у Балтійскаго побережья. Еще въ XIII в., до завоеванія германскими выходцами Ливоніи, на берегу были замки, получившіе по всей вѣроятности начало отъ Готовъ или скандинавовъ. Таковы именно Ашераденъ,—по русски «рядъ ясеней», и Кокенгузенъ—«варильный домъ», Леневарденъ—«тихое убѣжище», Гольмъ—«островъ», Аа—«рѣка» и т. п.

Первая половина слова—Is, Ise, Isa, должна на общемъ основаніи способа происхожденія названій замковъ въ сосѣднихъ областяхъ, принадлежать той мѣстности, на которой замокъ находится. Какъ на примѣръ общаго закона наименованія замковъ можно указать на Aldeigiaborg (замокъ при Ладогѣ), Dünaburg (замокъ при Двинѣ). Точно также и въ словѣ Isborg, Isaborg, первая половина должна быть названіемъ рѣки, озера и т. п. Дѣйствительно, рѣка Бдехъ, берущая начала у Изборска, въ древности носила названіе Isa (см. карту Лотера), что значитъ на нарѣчіяхъ западныхъ финновъ отецъ. Такъ называлась слѣдовательно эта небольшая рѣчка сравнительно съ «Imafõgi, Suur Ima» = матерью—рѣкою (р. Великая). Замѣчательно, что одинъ притокъ р. Великой также носитъ названіе Иса (отецъ). Такимъ образомъ первоначальная форма слова Изборскъ должна была быть Isaborg т. е. замокъ при р. Иза. Названія мѣстностей, начинающіяся съ Isa, встрѣчаются также въ Эстляндіи.

А вопросъ, почему русскіе называютъ его Изборскомъ, а не Изабургомъ, какъ слѣдовало бы, объясняется по моему тѣмъ, что они заимствовали названіе это отъ населявшей прежде эту мѣстность чудской народности. Что первоначальная форма Изаборгъ столь сильно исковеркана въ устахъ нынѣшнихъ обитателей этой мѣстности, полуобрусѣвшихъ Эстовъ, это не должно давать повода къ сомнѣнію въ правильности нашего объясненія производства этого слова, ибо въ устахъ тамошнихъ Эстовъ заимствованныя собственныя имена поразительно искажены. Такъ напр. русскія личныя имена измѣнились къ устахъ полувѣрцевъ до неузнаваемости.

Есть еще побочныя данныя, говорящія скорѣе за чудское происхожденіе слова Изборскъ, чѣмъ за русское: это окрестныя названія мѣстностей. Гора, на которой построенъ Изборскъ, наз. жеравія (упом. въ лѣтописи въ 1330 г.) ср. Жеравецъ, журавль—журавль; а въ Эстляндіи пустынныя песчаныя горы нерѣдко наз. Журавлиною горою (Kure māgi). Этотъ доводъ впрочемъ не вѣскій. Но за то подобныя названія какъ «Славяницкое поле», (урочище близь Изборска, на немъ древнія могилы), и «Славянскіе ключи» (вытекающіе изъ горы и настолько сильные, что приводятъ въ движеніе мельницу) рѣшительно подтверждаютъ за Изборскомъ и его окрестностями чудской характеръ. Въ противномъ случаѣ было бы довольно странно, почему ключи и поле при этой крѣпости названы славянскими. При изученіи географическихъ наименованій порубежныхъ земель, населенныхъ финскими народностями и русскими, подобныя названія мѣстностей, указывающія прямо на извѣстную народность, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ смѣшаннаго населенія. Затѣмъ названіе озера близь самаго Изборска Городищенскимъ даетъ понять, что нѣкогда здѣсь до сооруженія Изборска былъ замокъ или укрѣпленіе съ другимъ названіемъ. Можетъ быть это самое древнее укрѣпленіе называлось Чудскимъ Городищемъ, какъ нѣкоторыя другія городища Псково-Печерскаго края.

Едва-ли когда нибудь возможно будетъ опредѣлить, кѣмъ построенъ Изборскъ, который Труворъ, братъ Рюрика, избралъ своей столицей. Однако, признавая его готское происхожденіе, можно думать, что онъ сооруженъ въ IV в. Готами, король которыхъ Германарихъ покорилъ себѣ и Чудь. Вѣроятнѣе всего разумѣть подъ Чудью, которая была подвластна Германарихху, именно юго-западную вѣтвь финскихъ племенъ, т. е. Эстовъ, которые въ то время занимали еще страны за Пейпусомъ и за Великой.

На основаніи сопоставленія мѣстныхъ названій въ окрестностяхъ Изборска съ такими же названіями въ болѣе отдаленныхъ предѣлахъ Балтійскаго побережья, я пришелъ къ тому заключенію, что населеніе юго-западнаго побережья Чудскаго озера должно было въ доисторическое время сплошною массою выселиться отсюда къ сѣверу. Если эта смѣлая гипотеза справедлива, то остается, какъ дальнѣйшая посылка къ ней, думать, что причиною этого массоваго выселенія могли быть великія событія, каковыми въ древности служили большею частью пораженія однихъ племенъ другими. Въ данномъ случаѣ поводомъ къ таковому выселенію могла именно служить побѣда Германариха надъ Пейпусскою Чудью.

Въ Вироніи, Эстляндской губ., по южному побережью Финскаго залива, мы находимъ названія тожественныя съ названіями древней Изборской области. Къ таковымъ названіямъ можно отнести Isen (нынѣ у нѣмцевъ Isenhof, Alt und Neu, у Эстовъ Purtse).

Isen есть ничто иное какъ родит. падежъ отъ финскаго isa—отецъ (ср. въ Гарріи названія дер. Isenkande въ 1412 г., нынѣ Isakônno). Изенгофъ находится также при рѣкѣ, которая однако носитъ нынѣ имя отъ деревни—Purtse. Какъ она называлась въ древности, мы не беремся здѣсь рѣшать. Вотъ еще слѣдующія параллели.

Псковская область.	Виронія.
Мала (Малы), дер. Изб. волости.	Malla.
Вастицы (Васцы), дер. Изб. волости. Вастцы, 2 дер. Остан. волости.	Waskethe (въ XIII в. нынѣ нѣм. Waschel, эст. Wasta).
Бадалово, дер. Изб. волости. Бадаловское озеро Изб. волости.	Padaga (Pada).
Солодовъ, дер. Вид. волости. Солтаново, дер. Изб. волости.	Soldino.
Выдоръ, дер. Логаз. вол. Выдоръ (Выдра), дер. Сидор. вол.	Udria (Udriase).
Лакно (Локно), пог. Палк. вол.	Lagena.
Выголово, сел. Вид. вол.	Wihula.
Лапинъ Конецъ, дер. Логоз. вол.	Lapiotsa.
Умковичи (Унковичи), дер. Печерс. вол. Анохово, дер. Логоз. вол. Анохново, пуст. Изб. вол. Анохново (Ветлицы), пог. Слоб. вол. Таилово, дер. Печерск. вол.	Ontika. Unukse. Toila.
Пыжово, дер. Изб. вол. Пушкинъ боръ, пуст. Печерск. вол. Пухово, дер. Забор. вол. Пыры (Пырица), Слоб. и Жук. вол.	Pühs (Püss). Puhkowa. Peeri (древн. Pyari).
Родкино, пуст. Остен. вол.	Rotka (въ XIII в. Rodike).
Варагоново, пуст. Палк. вол.	Warangu, въ XIII в. Warangole.
Варгушино, дер. Мелех. вол.	Warudi, въ XIII в. Waradas.
Толкуши (Мельникъ), пуст. Жук. вол.	Tolsi, нѣм. Tolks, др. Tolkas
Будовежъ (ичи), дер. Слоб. вол.	нѣм. Podawes (Podwes, Podes).
Кальвино, дер. и пуст. Паник. Вол.	эст. Kalwi (нѣм. Podowes).
Тюршино (Курвичи), дер. Изб. вол.	Türsel (эст. Türsewa, Türsalo).
Тюрпалово, пуст. Ост. вол.	Türpfal (эст. Jârwa).
Кошеляха, рѣчка, Изб. вол. Кошели—Изб. вол. Кошелки, дер. Изб. вол.	дер. и рѣка Kohala. дер. Kohtla, или Kohtel.
Авдашево. дер. Изб. вол. Авдаши, дер. Остен. вол.	Awanduse, древн. Awendays.
Кокорино, 2 дер. Мелех. вол.	Kukruse (Kukers).
Обижка, рѣка, впад. въ Псковск. оз. Обижа, дер. Ост. вол.	Obja дер. и имѣніе, въ XIII в. Ubias).

По нѣкоторымъ названіямъ можно судить вообще о движеніи населенія съ южнаго побережья Пейпуса на сѣверъ. Представляютъ ли эти названія слѣды движенія

независимо отъ предполагаемаго впереди массоваго движенія, или же находятся съ ними въ связи, трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ они указываютъ на однородность населенія въ этихъ мѣстностяхъ. Таковы:

Логозовичи, пог. и дер. у южн. побережья Пейпуса.	Lohosu, дер. на сѣверо-западн. берегу Пейпуса.
Ховани, дер. Гдовск. уѣз.	Uando, дер. и мыза въ Вироніи.
Вороній остр. при Лисьѣ.	Варныя дер., Вороній камень, близь устья Омовжи съ сѣвера.
Выбовка (Лыбовка, Эст. Wobs) при р. Воо въ Лифляндіи на западн. берегу Пейпуса	дер. Выбсъ при р. Наровѣ.
Wasknarwa (по Моллеру деревня у устья Пивжи?)	Wasknarwa (русск. Сыренецъ, въ устьѣ Наровы).
Воо, рѣка, впадаетъ при Выбовкѣ въ Чудск. оз.	Wow названіе деревни при церкви св. Іакова въ XIII в.
Кусва, пог. и дер. Логоз. вол. Кухва, притокъ р. Великой.	Кохова, дер. Слободск. вол.

При сравненіи этихъ географическихъ названій не должно смущаться несходствомъ большей части окончаній, такъ какъ названія Псковской области измѣнены по соотвѣтствующимъ фонетическимъ законамъ русскаго языка и съ другой стороны тѣ же названія въ Эстляндской губ. также должны были съ теченіемъ времени измѣняться соотвѣтственно съ развитіемъ рѣчи.

Замѣчательное и трудно объяснимое явленіе представляетъ между прочимъ то обстоятельство, что нѣкоторые обширные по количеству обработанной земли центры въ Вироніи носятъ двойное названіе, одно эстонское народное, другое нѣмецкое литературное; напр. эстл. Kalwi, нѣм. Podes, эст. Purtse, нѣм. Alt-Isenhof, эст. Püssi, нѣм. Neu-Isenhof, эст. Kahala—нѣм. Tolks, эст. Järwa—нѣм. Tupsal. Названія эстонскія нужно считать древнѣе нѣмецкихъ, такъ какъ только первыя встрѣчаются въ датской Писцовой книгѣ около половины XIII в., т. наз. Liber Census Daniae, хотя въ ней они значительно искажены (Kwalae=Kalwi, Purdus, Purdis, Jerwius, Kokel). Можно полагать, что въ упомянутой Писцовой книгѣ записаны болѣе обширныя по обработанности мѣстности и названы ихъ общеупотребительными именами, такъ что напр. названіе деревни Kalwi могло обнимать и менѣе обработанное поселеніе Podewes. Это предположеніе основывается на томъ фактѣ, что нѣмецкіе рыцари, овладѣвъ землею въ XIII в. постепенно отнимали отъ туземныхъ владѣтелей землю и заводили на ней аллодіи. Отсюда и понятно, почему напр. имѣніе Isenhof впервые появляется въ актахъ какъ дворъ (Hof) при деревни Purtse. Могло быть конечно о такъ, что переселенцы Псковской области, двигаясь къ сѣверу по Чудскому озеру и р. Наровѣ, завладѣли по мѣстамъ уже культивированною землею, которой и давали названіе той мѣстности, на которой прежде жили. Но такъ какъ эмигранты не поглотили вполнѣ коренныхъ обитателей и не могли изгнать ихъ, то старое названіе мѣстности продолжало сохраняться въ устахъ коренныхъ обитателей по прежнему. Въ одной повидимому древней военной пѣсни Верроскихъ Эстовъ, сосѣдей Псковскихъ полувѣрцевъ, по всей вѣроятности сохранилось воспоминаніе о родствѣ ихъ съ жителями Вироніи. Это сознаніе выражается надеждою, что на помощь имъ изъ Суоміи придутъ союзники (дружинники), братья изъ Вироніи, родные дядья изъ Оанди.

Въ данномъ мѣстѣ справедливѣе разумѣть подъ нимъ по параллелизму мысли отдаленную мѣстность въ Вироніи, а не родную страну пѣвца, древнюю Угаунію, какъ нѣкоторые думаютъ. Что дѣйствительно въ области Вироніи есть слѣды двойственности населенія, это я попытаюсь обосновать въ другомъ мѣстѣ. Теперь же укажу только

на одинъ доводъ, а именно: въ Писцовой книгѣ Ижорской земли мы находимъ деревню Калвіево; отбросивъ русское окончаніе ево, мы получаемъ Калви, что можетъ представлять родит. падежъ отъ личнаго имени Kalew или именит. падежъ, на подобіе другихъ именъ обитателей Ижорской земли (Alui, Lembui, Jlui, деревня Албіево и т. п.).

Какъ этотъ, такъ и другіе подобные примѣры показываютъ, что часть Вироніи заселялась съ востока. Лингвистика и этнографія вѣроятно также дадутъ подтвержденія этого мнѣнія.

Менѣе вѣроятное предположеніе можно дѣлать относительно той чудской народности, которая нѣкогда заселяла Псковскую область и которая слѣдовательно имѣла дѣло съ Готами. Говорю менѣе правдоподобное потому, что при обосновываніи его приходится также прибѣгать къ рискованному вообще толкованію значенія географическихъ названій. Въ географическихъ названіяхъ есть данныя, указывающія повидимому на доисторическое существованіе Ливовъ въ Псковской области. Сопоставимъ сперва одинаковыя названія мѣстностей, указывающія на однородность населенія. Изъ извѣстныхъ въ XIII в. названій Ливскихъ деревень въ Ливоніи, нѣкоторыя встрѣчаются въ Псковской области.

Ливонія.	Псковская область.
Kubesile . .	Кувшелы (Кувтелы), дер. Паник. вол.
	Выдоръ, дер. Логоз. вол.
Vidersile . .	Выдоръ, (Выдра), дер. Сидор. вол.
Morikas	Мариха, дер. Видел. вол.
	Мариха, пуст. Славк. вол.
Vitesile . . .	Виделибы, пог. и дер. при р. Черехѣ.
Pabasile. . .	Бабино, 4 дер. въ Слоб., Палк., Сидор. и Мелех. вол.
Nundrisile. [1]	Нутрецовъ, дер, Палк. вол.
Olikenkule	Ольгина Роща, пуст. Паник. вол.
	Ольгино поле, дер. Остр. вол.
	Ольха (Ольхи), 5 дер. Логез. Остен., Мелех. вол.
Salats . . .	Жолчаны. дер. Паник. вол.
Rumbula . .	Рюмолово, сельцо Паник. вол.

Нѣкоторыя изъ географическихъ названій въ Псковской области могутъ быть объяснены изъ Ливскаго языка, напр. Обижа—лив. obös (abös)—осина (ср. Осиновичи, 2 деревни Видел. и Палк! волости). Деревня Осиновичи Докат. вол. носитъ другое названіе, Куродымы—лив. kuordim—верхній (ср. Верхній мостъ, дер. и пог. Дакат. вол. при р. Черехѣ; Верхнее Устье, пог. близь Псковскаго озера; Верхнія Галковичи, дер. Торопецк. вол.; пог. Верховины и многія другія названія). Выдоръ—лив. viidōr—вымпелъ, флюгеръ. Бабино—лив. bāb, bōb — старая женщина. Падоръ, дер. Сидор. вол.—лив. pator—молитва, Ансово, 2 дер. Докат. и Пруд. вол.—лив. Asso (имя старшины XIII в.). Ведчи, пуст. Забор. вол.—лив. Vietzo (имя старшины въ XIII в.). Жолчаны—лив. и латышск. sala—островъ (ср. Кирхгольмъ, у русскихъ Салочъ). Чирски, пог. при р. Многѣ—лив. tsur—жаворонокъ [2]) (ср. дер. Жаворонково, Забер. волости). Самулино, дер. Палк. вол.—лив Samli – эзелецъ, можетъ быть прежде Финнъ. Корлы, погостъ Логаз. вол.—лив. o=a, напр., Korl—русск. Карлъ; отсюда названіе этой мѣст-

---

[1]) Ливское окончаніе sile значитъ «въ» «внутрь»; слѣд. и у Ливовъ мѣстныя названія употреблялись обыкновенно на вопросъ: куда?

[2]) Загадочное названіе птицы въ эстонскомъ эпосѣ Kalewi paeg. fiuru lind, очевидно, означаетъ жаворонка.

ности, Карельская губа: Виделибье—лив. Liibe, Liib, какъ себя именовали Ливы. Будовежъ, дер. Слоб. вол.—лив. pudas vēž—чистая вода. Псковъ, древнее Piskawa—смоляная вода. Кромъ, Кремъ, древнее названіе того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ каѳедральный соборъ во Псковѣ—лив. Kruum—кустарникъ. Казалось бы на основаніи выше сказаннаго, что Ливы нѣкогда населяли сѣверную часть системы р. Великой. Но если Ливскіе элементы сохранились въ этой области, то они должны были бы сохраниться и въ восточной части Лифляндской губ., черезъ которую они должны были переселяться къ Балтійскому поморью. Изъ здѣшнихъ слѣдовъ я укажу на названіе бывшаго въ Верроскомъ уѣздѣ замка Kirumpe, эст kirepä. Вставочная буква «т» есть знакъ родит. падежа предъ согласною p, взамѣнъ n, обычный въ географическихъ названіяхъ XIII в. въ Эстоніи. Въ Ливскомъ языкѣ kiru—топоръ, kirepä—обухъ. Русскіе лѣтописцы называютъ этотъ замокъ Киреиецкимъ, Кирепеге (на вопросъ: куда)? Нынѣшніе эсты называютъ его Kirepä, т. е. оба близко къ ливскому происхожденію. Затѣмъ названіе страны въ верховьяхъ Лифляндскаго Аа—руск. Очела (нѣм. Adsel)—лив. ohdse, латышское odza—змѣя.

Что заставило Ливовъ подвинуться на западъ, и находится ли это движеніе въ связи съ постройкой Изборска—это должно остаться во мракѣ неизвѣстности. Можно только предполагать, что русскіе заимствовали названіе Изборска отъ смежныхъ съ ними эстовъ (setu), ибо ливы могутъ легко произносить окончаніе rg (напр. лив. torg, turg—рынокъ). Въ противномъ случаѣ это окончаніе у русскихъ не измѣнилось бы въ-рскъ. По географическому расположенію русскихъ, эстовъ и ливовъ можно бы предположить, что послѣдніе были вытѣснены Псковскими эстами; но древнѣйшая исторія края въ XIII в. не знаетъ вражды между ними; лишь Эзельцы явились непримиримыми врагами Псковскихъ Эстовъ. Если держаться того мнѣнія, что не только русскіе лѣтописцы, но и западный писатель Іорнандъ дѣлалъ различіе между чудью и ливами, то приходится думать, что Ливы переселились къ Балтійскому поморью еще до покоренія Готами Чуди, и что замокъ Изборгъ служилъ оплотомъ набѣговъ Эзельцевъ, Куроиъ и Ливовъ на Псковскую Чудь.

Ю. Трусманъ.

Оглавленіе 16 выпусковъ «Живой Старины» за четыре года.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II. Стр.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Отдѣлъ I.

Выпускъ IV.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III. Стр.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II. Стр.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV. Стр.

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стран.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 3 р.

Б. 4